

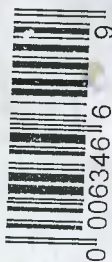
Н.А.ХАЛФИН. Е.Ф.РАССАДИНА

Н.В.ХАНЫКОВ-

*востоковед
и дипломат*

УДК 94(075.8) 94(075.8) 94(075.8)

0 006346 6 9

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н.А.ХАЛФИН, Е.Ф.РАССАДИНА

Н.В.ХАНЫКОВ—
востоковед
и дипломат

ЦНБ ХНУ
Дата повернения:

U 6 АФК 2000

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф.

X 17 Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1977.

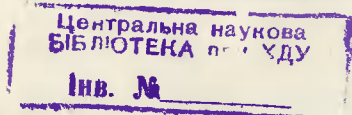
278 с. с ил. («Русские путешественники и востоковеды»).

В книге живо и образно рассказывается о жизни крупного русско-
го ориенталиста Н. В. Ханькова, о его экспедициях в Бухару, Курди-
стан, Хорасан, о политико-дипломатической деятельности ученого, его
научной работе в Париже и участии в трудах многих мировых центров
востоковедения.

X 10601-151 — 132-77
013(02)-77

9

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

В октябре 1878 г. в местечке Рамбуйе, под Пари-
жем, тяжело заболел русский ученый. Он не был эми-
грантом, но почти два последних десятилетия своей
жизни провел во Франции.

Об этой болезни узнал его друг — выдающийся
русский писатель, также находившийся в то время во
французской столице и поспешивший навестить боль-
ного товарища. Состояние, в котором он его застал,
было безнадежным. Через несколько дней ученый
скончался. Тяжело переживая кончину друга, писа-
тель организовал сбор средств на сооружение памят-
ника, автором которого избрал знаменитого скульпто-
ра, тоже выходца из России, М. М. Антокольского.
Летом 1879 г. на парижском кладбище Пер-Лашез
состоялось торжественное открытие памятника, на
каменной плите которого — книги и карта Персии...

Имя писателя — Иван Сергеевич Тургенев.

Имя ученого — Николай Владимирович Ханьков.

ВВЕДЕНИЕ

Востоковедению в нашей стране издавна уделялось большое внимание. И это не случайно. Россия, раскинувшаяся не только на Европейском, но и на Азиатском континенте, граничила со многими странами Востока, поддерживая с ними оживленные торговые связи, развивая политические отношения, осуществляя весьма интенсивный (в отдельные периоды) обмен посольствами и миссиями...

Подобные контакты с восточными соседями могли быть успешными лишь при наличии специально подготовленных людей, хорошо знавших языки народов Азии, их быт и нравы, историю, экономику, природные условия этих мест и т. п. По мере расширения связей России со странами Востока усиливался практический интерес к ним, что, в свою очередь, активизировало стремление знать об этих государствах как можно больше. Сведения о них накапливались, создавая предпосылки для их обобщения, теоретического осмысления собранных материалов. Так возникло и начало развиваться отечественное востоковедение. Обилие крупных и ярких имен вывело его на одно из первых мест в мире.

Среди множества выдающихся востоковедов трудно найти человека, который так много сделал бы для своей любимой науки и был бы столь незаслуженно забыт, как Николай Владимирович Ханыков. Быть может, подобный упрек слишком категоричен. На Н. В. Ханыкова ссылались, его авторитет признавали в целом ряде вопросов (и опровергнуть его было нелегко), его богатое научное наследие было хорошо знакомо востоковедам всего мира. В России же многие труды этого талантливейшего и трудолюбивейшего исследователя до сего времени даже не были переведены на русский язык. (Большинство работ Н. В. Ханыкова было написано по-французски.)

В нашей литературе не предпринималось попыток осмыслить творческий путь ученого, длительное время являвшегося гордостью мировой ориенталистики. Немало солидных научных обществ Европы и Северной Америки избрали Н. В. Ханыкова своим почетным членом. И лишь императорская Российская Академия наук «не сочла возможным» избрать его в академики.

Недостаток внимания к этому скромному труженику проявился даже в мелочах: с легкой руки коллеги Ханыкова

Н. И. Веселовского в энциклопедическом словаре проявился не соответствующий действительности год рождения ученого — 1822-й вместо правильного — 1819-го, что вовлекло в заблуждение и других специалистов. Такая оплошность тем более непонятна, что именно Н. И. Веселовский настойчиво собирал сведения о Н. В. Ханыкове¹, рассчитывая, быть может, со временем написать о нем книгу.

Как бы то ни было, мы не располагаем монографической работой, в которой освещалась бы жизнь Н. В. Ханыкова — яркая и насыщенная напряженным трудом, путешествиями по неизведанным районам Азии, участием в дипломатических миссиях, собиранием и изучением восточных рукописей и надписей, контактами с передовыми деятелями русской и зарубежной культуры и общественной мысли².

Хотя в предлагаемой вниманию читателей книге использованы материалы, собранные в результате более или менее тщательных розысков в архивах и библиотеках ряда городов СССР, она не может претендовать на исчерпывающую полноту. Ведь треть своей жизни и почти половину ее творческого периода ученый провел за пределами родины, во Франции. К сожалению, документы, в которых этот период нашел отражение, нам не были доступны. Кроме того, Н. В. Ханыков, широко и охотно делившийся в письмах друзьям и специалистам-востоковедам результатами научных изысканий, рассказывавший о своих экспедициях и служебной деятельности, крайне скупое излагал политические взгляды, обходил молчанием отдельные стороны своей личной и общественной жизни.

Разумеется, все это не могло не отразиться на характеристике тех или иных моментов, связанных с научной деятельностью и общим обликом ученого. Здесь, как, впрочем, и при исследовании любой другой темы, имеется благодарное поле для всех, кто заинтересуется дальнейшей разработкой сюжета. «Человек — это мир», — сказал один из классиков. Когда речь идет о людях типа Николая Владимировича Ханыкова, можно добавить: «...мир богатый, яркий и многогранный».

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ. ПЕТЕРБУРГ, 1819—1838

Ханыков... Как-то не установилось единой точки зрения, на какой из гласных делать ударение в этой фамилии. Но как бы ее ни произносить, в ней звучит что-то восточное, «ханское»... Случайно ли это? Углубимся в родословную семьи Ханыковых и попытаемся найти ответ на этот вопрос.

Документы Герольдии Правительствующего сената, как и дворянские гербовники, свидетельствуют единодушно: «Фамилия Ханыковых происходит от выехавшего в Рязань к великому князю Олегу Рязанскому из Большой Орды мужа честна именем Салахмира, а по крещении названного Иваном. Великий князь выдал за него в супружество сестру свою родную — княжну Настасью и пожаловал ему вотчину. У сего Ивана был правнук Тимофей Константинов, прозванный Ханых, коего потомки — Ханыковы, российскому престолу служили стольниками и в иных чинах, жалованы были от государей в 7114/1606 и других годах поместьями и чинами»¹.

Можно было бы высказать предположение, что непостижимые гены обусловили легкость, с какой Николай Владимирович Ханыков постигал тайны восточных языков и словесности, знатком которых он обоснованно слыл, если бы не одно обстоятельство. Корни родословной ведут его к тюрко-монгольским народам, тогда как круг его научных интересов был связан прежде всего с памятниками персидской письменности. И тем не менее немаловажную роль сыграла и родословная. Какую же?

В те времена судьбы людей во многом определялись, если не решались, их происхождением, принадлежностью к тем или иным социальным слоям. Дети дворян Ханыковых не составили исключения: они получили воспитание и образование соответственно своему положению. Но сначала несколько слов об отце Николая — В. Я. Ханыкове (1791—1863). Он был, видимо, самым неудачливым из сыновей секунд-майора Якова Николаевича Ханыкова. Два других его брата дослужились до высоких чинов и званий: Василий — тайного советника и камергера, Николай — статского советника.

Владимир Яковлевич обучался в Морском кадетском корпусе, где в 1805 г. был произведен в гардемарины. В то время

учебную часть вел инспектор классов Платон Яковлевич Гамалея, страстно увлекавшийся математикой и прививавший любовь к ней своим воспитанникам. Он собрал лучшие математические труды, какие имелись в России, Англии, Франции, и «составил ряд руководств, составивших полный превосходный морской курс, какого не было ни на одном языке», — отмечает историк Морского кадетского корпуса Ф. Веселаго². Возглавлял корпус П. К. Карцов, «время» которого «образовало множество твердых, практических людей, полезных во всякой службе...»³.

В январе 1807 г. Владимир Яковлевич завершил учебу, был «выпущен в мичманы» и служил на Балтике. В 1811 г. Владимир Яковлевич был «по высочайшему повелению по прошению за болезнями уволен от службы»⁴. В тот период он еще значится холостым и крестьян не имеющим (сведения об этом обязательно содержатся в формулярном списке). Через несколько лет Владимир Яковлевич женился «на дочери коллежского советника Михайлова — девице Анне». Пошли дети — Яков, Николай, Василий, Михаил и Александр. Вероятно, Василий и Михаил не выжили, ибо в дальнейших документах фигурируют лишь Яков, Николай и Александр.

После смерти секунд-майора Якова Николаевича и раздела в 1822 г. Лихвинским уездным судом Калужской губернии родового имущества Владимиру Яковлевичу досталось 325 «крестьян и дворовых» в 5 деревеньках Тульской и Калужской губерний⁵. Видимо, раздел этот не обеспечил необходимого достатка быстро растущему семейству, и в 1824 г. Владимир Яковлевич возвращается на службу, теперь уже по гражданскому ведомству. Он стал чиновником по особым поручениям калужского генерал-губернатора кн. Хованского⁶, а в дальнейшем (в 1828—1831 гг.), переехав с семьей в Петербург, — библиотекарем Департамента народного просвещения.

В Российской империи, где военная служба считалась наиболее привилегированным и почетным родом деятельности, не часто лейтенанты флота переходили на должность библиотекарей. Между тем Владимир Яковлевич исполнял свои обязанности, что называется, «с душой». Об этом свидетельствует похвальная характеристика, с какой отозвался директор Департамента народного просвещения Д. И. Языков «относительно поведения его в Департаменте и исправления должности»⁷.

У нас сейчас нет возможности восстановить духовную атмосферу, какая царила в доме В. Я. Ханыкова, но, судя по образованию, полученному его сыновьями, образу мыслей и их положению в обществе, она заслуживает всяческих похвал.

Местом рождения детей, по крайней мере старших, было родовое имение в Лихвинском уезде Калужской губернии. Николай появился на свет 24 октября 1819 г. и был крещен 29 октября «Лихвинского уезда села Георгиевского, что на Черепети, священником Яковом Кучиным»⁸ — эта деталь приводится для

окончательного опровержения утверждения Н. И. Веселовского, датировавшего рождение Н. В. Ханыкова 1822 г.

Хотя сыновья Владимира Яковлевича интересовались преимущественно гуманитарными науками, нет сомнения в том, что он привил им любовь и к математике. Яков Владимирович в зрелые годы уделял много внимания статистике. Не чужд ей был и Николай Владимирович, который к тому же серьезно занимался и математическими исследованиями.

Владимир Яковлевич приложил все усилия, чтобы его дети получили надлежащее образование — по существу и по «форме», т. е. в соответствующем их социальному положению учебном заведении. По настойчивому ходатайству В. Я. Ханыкова Яков, а затем и Николай были приняты в Благородный пансион, существовавший с 1817 по 1830 г. Задачи и цели этого заведения очень точно характеризует Д. Н. Соловьев: «При учреждении Пансиона не столько имелись в виду научные цели, сколько удовлетворение практических и вместе сословных интересов, т. е. главная забота состояла в том, чтобы, приготовляя чиновников, тем самым дать детям привилегированных классов населения столицы возможность получать соответственное их положению образование и право на движение по государственной службе».

Эта исключительная заботливость об интересах родовитых слоев, продолжает автор, наглядно проявилась в 1819 г., когда «тотчас по открытии Санкт-Петербургского университета дети всех чиновников, хотя и достигших чина VIII класса, но не родовых дворян, начальством Благородного пансиона были выделены и перемещены в университет, так что здесь осталась без всякой примеси чисто сословная корпорация, которая в этом составе тщательно поддерживалась во все остальное время существования Благородного пансиона»⁹.

Российская аристократия старалась определять своих детей в Царскосельский лицей и пансион при нем либо в Благородный пансион при университете (оба пансиона были равноправны). Востоковед В. В. Григорьев оценивал сложившуюся в этих учебных заведениях обстановку еще более откровенно: «Дворянство и чиновничество, пропитанные аристократической и служебной спесью, отвращались от университетов, где дети их должны были сидеть в аудиториях рядом с детьми разночинцев и даже черни»¹⁰.

В списках воспитанников Благородного пансиона мы встречаем имена людей, сыгравших немаловажную роль в государственной и общественно-политической жизни России XIX в., — будущих министров А. В. Головинина и Н. К. Гирса, видных сановников, ученых, литераторов и др. — И. Панаева, Н. Чебышева, князей Мещерских, Н. Капцевича, А. и П. Краевских, Н. Деларю, К. Веселовского и т. д. Н. В. Ханыкову и в дальнейшем приходилось поддерживать с представителями кругов,

получивших в более поздние годы наименование «элита», то-варищеские и деловые отношения, начало которым было положено в детстве и юности. Это, разумеется, не могло не сказаться на формировании его мировоззрения, жизненных взглядов. Однако, забегая вперед, отметим, что он не проникся духом «аристократической и служебной спеси», о котором писал В. В. Григорьев и который, кстати говоря, был присущ ему самому.

Курс наук делился в пансионе на младший (V, IV и III классы) и старший (II и I классы). На младшем изучалась грамматика русского, французского, немецкого, греческого и латинского языков, краткий катехизис и священная история, на старшем — философия, право, богословие, теория словесности, естественные и военные науки, фехтование; на обоих курсах преподавались история и математика. Обучение планировалось на 4 года, но этот срок, как правило, не выдерживался.

В 1830 г. Благородный пансион был преобразован в гимназию, действовавшую на основе гимназического устава. Столичные гимназии также имели сословное деление: в Первую принимались лишь дети потомственных дворян, во Вторую — разночинцев и купцов, а «Третья назначена была для детей всех сословий, не исключая и податного»¹¹. Все три сына В. Я. Ханькова оказались в Первой гимназии. Здесь было уже 7 классов, в которых изучались математика, физика, российская словесность, история, география, закон божий, греческий, латинский, французский и немецкий языки (английский — факультативно), статистика и др.

Первая гимназия унаследовала от Благородного пансиона право определять 25 выпускников каждого курса в Царский лицей. В 1833 г. в Лицей был определен Яков Ханьков, а в 1832-м — Николай Гирс, будущий академик Константин Веселовский, Николай Ханьков и еще тринадцать человек. Наступила лицейская пора...

В «Постановлении о Царском лицее», утвержденном Александром I 12 августа 1810 г., его цель определялась «в образовании юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». В Лицей принимались «отличнейшие воспитанники дворянского происхождения», обучавшиеся там предметам, «приличным важным частям государственной службы и необходимо нужным для благовоспитанного юноши». Это учреждение, как известно, находилось под царским покровительством, в непосредственном ведении министерства народного просвещения, и во всех «правах и преимуществах» приравнивалось к университетам.

Программа, рассчитанная на шесть лет, предусматривала изучение тех же предметов, что и в Благородном пансионе, но на более высоком уровне. Кроме того, преподавались «первоначальные основания изящных письмен: избранные места из

лучших писателей, с разбором оных, и правила риторики; изящные искусства», а на окончательном курсе, если позволяло время, — «понятие о гражданской архитектуре и перспективе как об искусствах, в общежитии необходимых»¹². Преподаватели Лицея были самой высокой квалификации, что способствовало надлежащей подготовке лицейцев, если они серьезно относились к учебе. А Николай Ханьков — и в этом его отличительная черта — ко всему относился чрезвычайно серьезно и ответственно. Лицей привил ему обстоятельные познания в области классических наук, заложил существенные основы богатейшей эрудиции, которой Николай Владимирович в дальнейшем поражал всех, кто с ним соприкасался.

В программе Лицея не было предметов, которые в дальнейшем чрезвычайно заинтересовали Н. В. Ханькова. Не было языков народов Востока, их литературы и культуры, истории, этнографии. Он будет знакомиться со всем этим во многом самостоятельно. Он станет «автодидактом», по выражению В. В. Бартольда, т. е. самоучкой.

В 1836 г. состоялся восьмой выпуск воспитанников Царского лицея. Среди них находился и Николай Владимирович Ханьков. Ему еще не исполнилось и семнадцати лет, но он был выпущен с чином X класса¹³. Коллежский секретарь, или поручик, если бы он стал военным, или мичман на морской службе, как когда-то отец. Но отец преодолел лишь одну ступеньку табели о рангах. Сын пошел гораздо дальше. Его заслуги и труды удивляли царских чиновников, и подчас он продвигался вверх в нарушение установившихся на протяжении многих десятилетий норм и обычаев. Впрочем, его самого это мало занимало.

Полученные знания казались недостаточными пылкому молодому человеку. Он исходатайствовал разрешение в течение двух лет слушать лекции в Петербургском университете «для усовершенствования себя в науках», как писал могущественный военный министр А. И. Чернышев министру иностранных дел К. В. Нессельроде¹⁴. В круг интересов Николая Владимировича властно вторгся Восток во всем его многообразии, и в стенах университета он вольнослушателем «занимался восточными языками во времена Сенковского»¹⁵.

О. И. Сенковский был яркой и многогранной личностью. Будучи в 1822—1847 гг. профессором арабистики Петербургского университета, он серьезно занимался также персидской и турецкой филологией, знакомил читателей журналов с бытом и нравами стран Ближнего Востока, в которых побывал в 1819—1821 гг. В глазах передовых деятелей того времени О. И. Сенковского компрометировали консервативное мировоззрение и близость к Ф. Булгарину и Н. Гречу, но несомненный литературный талант, энергичная популяризаторская и творческая деятельность позволяют считать его одним из основателей

отечественного востоковедения, приложившим немало усилий для его развития.

Судя по дальнейшим научным шагам Н. В. Ханыкова, он уделял основное внимание персидской филологии, в которой впоследствии стал величиной мирового масштаба. Но и арабская филология была ему хорошо знакома, и в ней он прославил свое имя. Это, однако, придет в будущем. А пока надо обеспечить свое «настоящее». Необходимо в связи с этим вернуться к уже цитированному письму Чернышева Нессельроде. «Ныне коллежский секретарь Ханыков,— гласит оно,— объясняя, что он по этой причине (т. е. «стремлению совершенствовать себя в науках». — *Авт.*) не причислен ни к какому месту и не получает следующего ему по чину жалования, просит об определении его в действительную службу министерства иностранных дел во французское отделение»¹⁶. 7 февраля 1838 г. Нессельроде сообщил о своем согласии, и с 22 февраля 1838 г. Н. В. Ханыков был определен в департамент внутренних сношений министерства «впредь до открытия вакансии». Ждать, впрочем, пришлось недолго: уже 4 марта он был назначен на должность третьего переводчика этого департамента. Как и полагалось, это сопровождалось соответствующим документом: «Присяга и обязательство. Я, нижеподписавшийся, сам объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу, и обязываюсь впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь. Коллежский секретарь Николай Ханыков. 4 марта 1838 года»¹⁷.

Этим был завершен своеобразный «обряд посвящения» Ханыкова в состав российского чиновничества. Отныне и до конца своих дней он полностью находится в «самостоятельном плаваньи», и среди его биографических материалов не встречается почти никаких сведений о его связях с родителями.

После кратковременного пребывания в роли третьего переводчика Н. В. Ханыков 15 ноября 1838 г. был переведен чиновником особых поручений к генерал-губернатору черниговскому, полтавскому и харьковскому.

А Восток продолжал манить, привлекать... Возможно, в результате настойчивых ходатайств самого чиновника особых поручений, полагавшего, что он принесет больше пользы не на Украине, а на восточных рубежах империи, а может быть, и не по его инициативе (данных для твердых суждений на сей счет нет) 17 марта 1839 г. он был «перемещен к таковой же должности к оренбургскому военному губернатору»¹⁸. С этого времени ориенталистика научная и, если можно так выразиться, практическая становится делом его жизни до последних дней.

ГЛАВА II

ОРЕНБУРГ, КАЗАХСТАН, БУХАРА, 1839—1842

Каковы бы ни были догадки о внутренних пружинах «перемещения» Николая Владимировича Ханыкова на далекую азиатскую окраину, не приходится сомневаться, что в этом переводе нашли отражение не только личные интересы, но и государственные.

Со времени своего основания в 30—40-х годах XVIII в. и до 60-х годов XIX в. Оренбург являлся военно-административным, политическим и экономическим форпостом Российской империи на Востоке. Он утратил это свое значение лишь после создания Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. В ведение оренбургских властей входило административное руководство казахскими жузами (или «ордами», по терминологии тех лет); через Оренбург осуществлялись дипломатические связи со среднеазиатскими ханствами. Царское министерство иностранных дел имело для этих целей своеобразный «филиал» — Оренбургскую пограничную комиссию, в которой служили, как правило, опытные чиновники — знатоки местных политических хитросплетений, владевшие языками народов Востока. Характерным примером может служить Григорий Федорович Генс, долголетний председатель Пограничной комиссии.

Сосредоточение в Оренбурге большого количества лиц, занимавшихся изучением соседних стран и практическим осуществлением царской политики в Азии, обусловило превращение города в один из центров отечественной ориенталистики.

Оренбург играл существенную роль и в развитии торговых отношений с азиатскими странами. Эти отношения были взаимовыгодны и чрезвычайно перспективны, поскольку производивший обмен товарами имел немалое значение для всех участвовавших в нем сторон и достигал, несмотря на некоторые специфические трудности¹, существенных размеров. Оренбургская таможня не случайно была одним из крупнейших учреждений подобного рода в России, а на местном Меновом дворе бывали представители не только Казахстана или соседних ханств Средней Азии, но и далеких государств — Афганистана, Персии, Китая и др.

Важность Оренбурга как опорного пункта внешнеполитической деятельности и торговли Российской империи в Азии стала

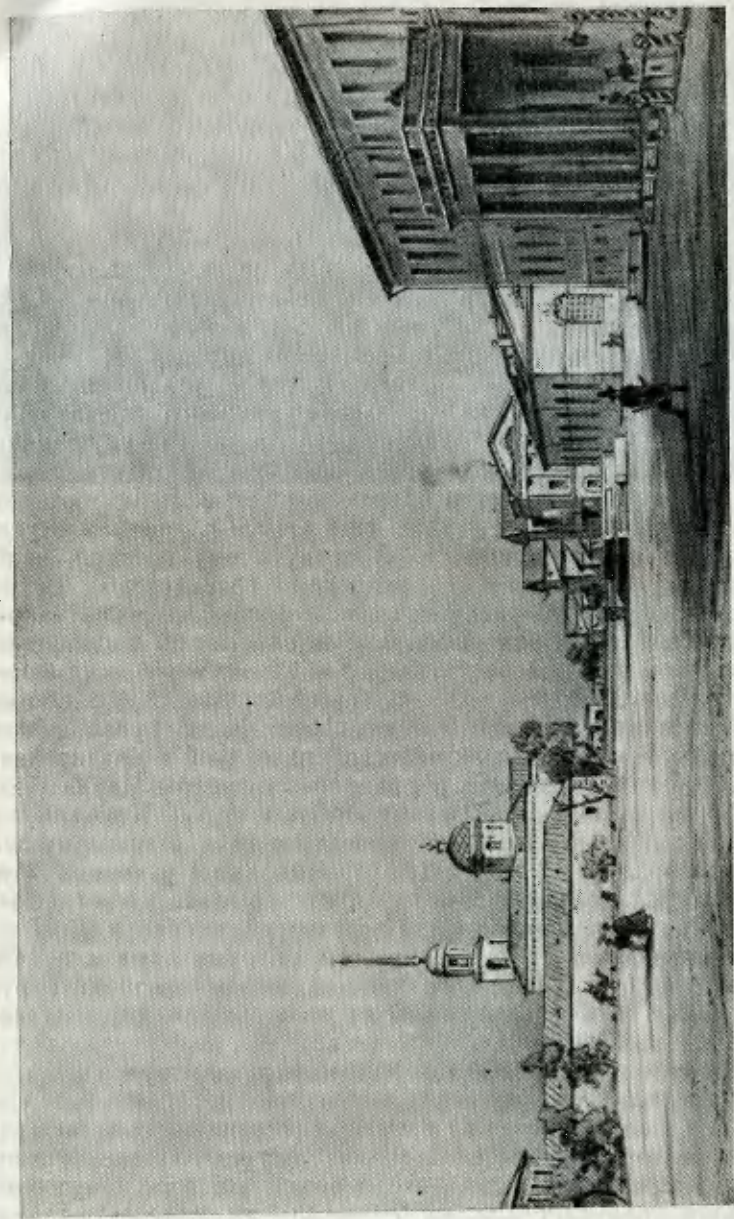
особенно возрастать в первой половине XIX в. в связи с активизацией английской экспансии в Северной Индии и соседних с ней странах. Среднеазиатские ханства стали объектом внимательного изучения со стороны британских военно-политических кругов. На их рынки хлынул поток товаров из Англии, заметно потеснивших изделия более слабой и менее развитой промышленности России².

Складывавшаяся обстановка диктовала царскому правительству необходимость принятия энергичных мер, чтобы помешать успехам опасного и настойчивого соперника. На ответственный пост оренбургского военного губернатора был назначен Василий Алексеевич Перовский.

Относительно молодой (он родился 9 февраля 1795 г.) генерал-майор и флигель-адъютант, В. А. Перовский был приближенным, доверенным лицом Николая I и практически являлся полновластным хозяином на азиатской окраине. Укрепление положения России в этой части Азии — такова была основная задача, к осуществлению которой Перовский и приступил с присущей ему целеустремленностью. Суровый и жесткий (а порой и жестокий) администратор, он вместе с тем был очень образованным человеком и находился в дружеских отношениях со многими видными политическими и культурными деятелями своей эпохи, в частности с поэтом В. А. Жуковским. Перовский содействовал известной поездке А. С. Пушкина по Оренбургской губернии (1833 г.) для сбора материалов по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. Он любил играть роль мецената и окружал себя талантливыми людьми. Среди них можно назвать знаменитого в будущем лексикографа В. И. Даля, дипломата и писателя Е. П. Ковалевского, ученого и путешественника П. А. Чихачева, композитора А. А. Алябьева и др. Чиновником особых поручений при Перовском был Яков Владимирович Ханыков, которого губернатор очень уважал и высоко ценил³.

В этой среде начал практическую и научную деятельность на Востоке младший брат Якова — Николай Ханыков. Он попал в Оренбург, когда там царила очень напряженная обстановка. На протяжении почти всей первой трети XIX в. попыткам России расширить торговые связи со Средней Азией противодействовали правящие круги Хивы. Хивинские ханы (особенно властный и волевой Сеид Мухаммед Рахим-хан) стремились контролировать русско-среднеазиатскую торговлю, взимали незаконную грабительскую пошлину с караванов с товарами, следовавших из Оренбурга в Бухару и из Бухары в Оренбург. Часто эти караваны подвергались нападению и расхищению.

Кроме того, Хива претендовала на господство среди казахских племен, принявших российское подданство. Ее действия наносили серьезный ущерб экономическим связям, товарообмену между казахами и российским населением восточных областей.

Оренбург 40-х годов XIX в. Худ. А. Чернышев

Последнее обстоятельство таило в себе серьезную угрозу для жителей Оренбургской и соседних губерний, которые получали из Казахстана не только продукты питания, но и сырье для своих промыслов. К тому же хивинские власти отказывались освободить невольников — русских подданных.

Поэтому еще в 1834 г. В. А. Перовский представил в Петербург проект оказания давления на Хиву, чтобы заставить ее отказаться от враждебных действий. К документу была приложена «Записка о сношениях России с Хивинским ханством и о противных народным правам поступках ханов Хивинских относительно России»⁴.

Проект реализован не был. Тогда Перовский преодолел при поддержке Николая I сопротивление Азиатского комитета — высшего органа, координировавшего действия империи в Средней Азии и соседних землях, и в июне 1836 г. добился правительственного постановления о временном аресте находившихся в России хивинских купцов и конфискации их товаров⁵. Однако на хана Хивы эта мера не произвела никакого впечатления. Отношения между двумя государствами нисколько не улучшились.

Сложность политической обстановки усугублялась вторжением в 1838 г. в Афганистан британских войск. В их обозе следовал изгнанный из этой страны еще в 1809 г. экс-шах Шуджа-уль-Мульк. Лондон решил силой вернуть ему престол, чтобы полностью утвердиться в афганском государстве. Весной 1839 г. англичане овладели старой столицей Афганистана — Кандагаром, где Шуджа-уль-Мульк торжественно короновался, а осенью того же года они заняли Кабул, откуда бежал законный эмир Дост Мухаммед-хан. В Герате с июля 1839 г. обосновался британский капитан Эллиот д'Арси Тодд, руководивший военно-политической и экономической разведкой в среднеазиатских ханствах, куда вскоре отправились офицеры Чарлз Стодарт, Ричмонд Шекспир, Джеймс Аббот и Артур Конолли.

В этой ситуации Петербург решил перейти к прямому воздействию на Хиву. 12 марта 1839 г. Николай I утвердил Журнал (т. е. протокол заседания) особого комитета в составе министра иностранных дел К. В. Нессельроде, военного министра А. И. Чернышева и В. А. Перовского, которые наметили военный поход против Хивинского ханства, чтобы освободить русских пленников и обеспечить свободу продвижения торговых караванов.

В середине ноября 1839 г. военный отряд двинулся в поход. Его возглавлял сам Перовский. В качестве чиновника, которому надлежало вести записи обо всем происходящем, т. е. быть, по существу, историографом экспедиции, выступал двадцатилетний Николай Ханыков. Это было его первое самостоятельное и ответственное поручение. Оно не принесло Ханыкову славы. И не по его вине... Поход огромного для тех мест и по тем масштабам четырехтысячного отряда пехоты с двенадцатью пушками и

В Хивинской экспедиции 1839 г. Худ. В. Штернберг

десятитысячным верблюжьим обозом зимой, практически по бездорожью, при отсутствии хорошо подготовленных промежуточных пунктов, запаса продовольствия, фуража, топлива был обречен на провал с самого начала. Несмотря на самые крутые меры, какие предпринимал военный губернатор для поддержания дисциплины и продвижения вперед, отряд свыше месяца добирался до Эмбенского укрепления. Еще 40 дней понадобилось, чтобы достичь Ак-Булака, или Чушка-куль.

Но и за эти весьма относительные успехи Перовский заплатил дорогой ценой. Большинство участников экспедиции было обморожено, немало погибло; к этому времени пало до 7 тыс. верблюдов, основной тягловой силы. В пору было поворачивать обратно, тем более что в дальнейшем надлежало преодолеть плато Устюрт, занесенное глубоким снегом, а до Хивинского ханства предстояло еще идти и идти. Учитывая все это, оренбургский военный губернатор приказал возвращаться домой. В середине февраля 1840 г. поредевшее войско снова оказалось в Эмбенском укреплении, откуда весной направилось в Оренбург, прибыв туда в июне 1840 г.

У нас нет подробных сведений о том, как вел себя в тяжелом походе молодой Ханыков. Этот период его жизни не нашел более или менее подробного отражения в материалах, с которыми мы ознакомились. Сохранились лишь два рисунка периода Хивинской экспедиции. Нельзя утверждать, однако, что

участие в экспедиции было для Николая Владимировича бесцельной потерей времени. В тяжелейших условиях он проверил и закалил свой характер, тем более что впереди предстояло немало испытаний — и физических и моральных. Он сразу окунулся в «восточную» среду, тесных связей с которой не прерывал в течение всей последующей жизни. Близкое соприкосновение с казахами, их языком, бытом и нравами в дальнейшем будет дополняться детальным знакомством с другими народами Азии — узбеками, таджиками, персами, афганцами, индийцами, жителями Кавказа и Закавказья.

Не меньшее значение имело, естественно, и сближение со многими выдающимися представителями отечественной науки и культуры, находившимися в это время в Оренбурге. Дружба с некоторыми из них, в частности с В. И. Далем, продолжалась в течение долгих лет после хивинского похода.

Почти до последних дней своей жизни Ханыков вспоминал самые различные перипетии этого похода, перед его глазами возникали отдельные эпизоды, тягостные картины. Так, в письме 1868 г. к В. И. Далю Н. В. Ханыков называет себя Далевым «со-кочевником», отмечая, что «много воды утекло» с тех пор, как они мерзли «в одной юламе» (т. е. кибитке, палатке)⁶. А еще через десять лет, за два месяца до кончины, 1 сентября 1878 г., он поведаль издателю журнала «Русский архив» П. И. Бартеневу трагическую историю о солдате-«зырянине». Забитый и темный, этот солдат с перепугу ночью бежал с поста, был предан «в назидание» военному суду, приговорен к расстрелу и похоронен чуть ли не заживо⁷. С тех пор прошло сорок лет, а впечатление от первой серьезной экспедиции все еще вызывало у Ханыкова живые и глубокие воспоминания.

Участие в Хивинском походе имело немаловажное значение для служебной биографии Н. В. Ханыкова: он был «замечен» всесильным В. А. Перовским, который настойчиво выдвигал способных людей, порой не считаясь с мнением Петербурга. В данном случае это очень скоро проявилось на деле.

...Хотя военный отряд оренбургского губернатора и не достиг Хивы, поход отнюдь не оказался бесполезным с точки зрения царской политики в Средней Азии. Напуганные возможным вторжением, ханские власти освободили многих русских пленников и обещали содействовать безопасному движению караванов, тем более что разрыв торговых связей с северным соседом тяжело отражался на экономике Хивы. Перовский, в свою очередь, сообщил, что не видит оснований для задержки хивинских купцов.

Все это создало благоприятные предпосылки для отправки в среднеазиатские государства дипломатических миссий. Посольство в Хивинское ханство П. Никифорова, которого сменил после его смерти Г. Данилевский, не связано с нашей темой, но миссия в Бухарское ханство во главе с горным инже-

нером Константином Федоровичем Бутеневым имеет к ней непосредственное отношение.

Поездка К. Ф. Бутенева в Бухару была вызвана приездом 3 августа 1840 г. в Оренбург знатного придворного Мукимбака Мухаммед Сеидова с большой свитой. По словам беседовавшего с Сеидовым председателя Оренбургской пограничной комиссии, эмир Насрулла поручил посланнику: «1. Ходатайствовать о защите Бухарии от англичан, грозящих ей завоеванием. 2. Просить содействия для обуздания хивинцев, которые постоянно грабят караваны и ныне, войдя в сношения с англичанами, начинают явно враждовать противу Бухарии. 3. В случае невозможности для России наказать хивинцев вооруженной рукой — дозволить эмиру быть посредником для размена пленных и утверждения дружественных сношений, которые бы обеспечили торговлю, могущую иначе прийти в совершенный упадок»⁸.

18 октября 1840 г. представители эмира Насруллы прибыли в Петербург. Их принимали руководители министерства иностранных дел и сам царь, что придавало особое значение этой миссии. Продолжение переговоров входило в функции К. Ф. Бутенева и его сотрудников. Назначение горного инженера руководителем посольства соответствовало пожеланию эмира о содействии в поисках драгоценных металлов. Кроме того, члены миссии должны были собрать сведения о ханстве и добиться заключения договора о дружественных отношениях между Бухарой и Россией⁹.

Вместе с Бутеневым отправлялись натуралист А. А. Леман, горный офицер Богословский, топографы Яковлев, Чалпанов и Петров, знакомый с восточными языками зауряд-хорунжий Петров, а также препараторы, штейгеры и горнорабочие с золотустовских заводов¹⁰.

Таким был состав посольства. Оренбургскому правителю он показался не совсем удовлетворительным. 21 апреля 1841 г. Перовский написал Нессельроде, что узнал об изменении статуса Бутенева. Поскольку тот «отправляется в Бохару уже не в качестве горного инженера, — указывал губернатор, — но как признанный дипломатический агент России, я счел необходимым придать ему в помощники чиновника, близко знакомого с характером бохарцев и с выгодами и потребностями России в Средней Азии»¹¹.

Таким «знатоком местных племен» Перовский считал Николая Ханыкова. Напомним, что между откомандированием Ханыкова в Оренбург и подобной аттестацией прошло всего два года. Правда, за это время будущий востоковед прошел тяжелейшее испытание — Хивинский поход. Высоко оценивая способности своего подчиненного и настаивая на его включении в состав посольства, губернатор подчеркивал: «Продолжительное занятие последним предметом (т. е. „выгодами и потреб-

ностями России в Средней Азии". — Авт.) и, сверх того, практическое знание персидского языка содействуют состоящего в Азиатском департаменте министерства иностранных дел титулярного советника¹² Ханыкова наиболее способным к исполнению вышесказанной обязанности, почему, предписав ему готовиться к отправлению, я имею честь испрашивать на это разрешения вашего сиятельства».

Перовский добавлял, что средства на поездку Ханыкова могут быть заимствованы из экстраординарной суммы, ассигнованной на отправку дипломатических представителей в Бухарское и Хивинское ханства¹³.

На следующий день губернатор отправил письмо непосредственному начальнику Н. В. Ханыкова — директору Азиатского департамента Л. Г. Сеньявину, — в котором еще более категорически сообщал о своем решении расширить состав отъезжающей в Бухару миссии. Он подчеркнул, что считает участие в ней Ханыкова «совершенно необходимым», поскольку Бутенев «мало знаком и с географией Средней Азии, и с характером жителей ее, в особенности бухарцев», и не успеет пополнить свои знания из-за краткости срока, оставшегося до выступления в путь. И далее следовала знаменательная фраза: «Надеясь не встретить в этом случае препятствия со стороны министерства, я решился отправить Ханыкова даже до получения из Петербурга ответа, если последний по какому-либо случаю не придет до отхода миссий»¹⁴.

Перовский разъяснял Сеньявину и способ покрытия непредусмотренных расходов: «Без сомнения, что весьма полезно было бы хотя часть содержания, определенного Ханыкову, ассигновать из Государственного казначейства, но если на это представится затруднение, то можно будет покрыть издержки из сумм, уже назначенных для снаряжения миссий...»¹⁵.

«Затруднений» финансового порядка не «представилось», как не возникли трудности и какого-нибудь иного плана: авторитет генерал-адъютанта В. А. Перовского был достаточно высок, и министерство приняло все предложения относительно находящегося в его штате своего чиновника. Так Николай Ханыков, которому в период этой переписки не исполнилось еще и двадцати двух лет, стал вторым лицом в посольстве, помощником его руководителя (в наши дни сказали бы — заместителем).

3 мая 1841 г. К. Ф. Бутенев со своими спутниками двинулся из Оренбурга на юг. Первая часть пути была проделана совместно с миссией П. Никифорова, направлявшейся в Хиву. Оба посольства находились под охраной специального конвойного отряда под командованием подполковника И. Ф. Бларамберга. 12 июля дипломаты переправились через Сырдарью, 15 июля оказались перед Кувандарьей, где их пути разошлись.

К началу августа группа Бутенева добралась до Бухарского

ханства и почти сразу же, 5 августа, была принята эмиром Насруллой. Такое начало, лишенное всевозможных споров по церемониальным вопросам, которые обычно отнимали немало времени у предшествовавших миссий, внушало надежды на достижение быстрого успеха в переговорах. Николай Ханыков в силу сложившихся обстоятельств выдвинулся на передний план во всех действиях посольства: по распоряжению Перовского К. Ф. Бутеневу разрешалось вступать в контакт с бухарцами, кроме самого эмира, лишь при посредстве Ханыкова. Это должно было поднять престиж посла. К тому же он не владел восточными языками и не склонен был доверять эмирским толмам. Бухарские власти, в свою очередь, не очень доверяли чужеземным дипломатам.

6 августа Бутенев отправил Ханыкова к главному визирю для вручения писем и подарков. Поскольку важной целью экспедиции являлись поиски полезных ископаемых, Насрулла, как сообщал Перовский Нессельроде 14 октября 1841 г., «прислал своего медика для совещания о начале золотых разведок. По предварительному условию их предположено было начать с горы Нукат, лежащей к северо-востоку от Бухары, но впоследствии эмир приказал отправить гг. Лемана и Богословского для розысканий прямо в Самарканд и Карши, что и исполнено 25 августа»¹⁶.

Но Леман и Богословский направились в эти интереснейшие города ханства не одни. Ссылаясь на необходимость «поднесения подарков» местным правителям, их сопровождал Ханыков; с большим вниманием и старательностью он собирал материал о всем виденном и слышанном во время поездок по городам и селениям.

Положение в ханстве было не из простых. В силу самых различных (и далеко не всегда необоснованных) предположений бухарцы опасались проявлений излишнего внимания более мощных держав к их стране. Как раз во время посещения Бухары русской миссией там находились под арестом по обвинению в шпионаже британские офицеры Стодарт и Конолли. По просьбе Лондона царское правительство дало специальное указание К. Ф. Бутеневу ходатайствовать об их освобождении. Забегая вперед, отметим, что его ходатайство было отклонено и, когда посольство из России покинуло ханство, Стодарт и Конолли были казнены.

Насрулла с достаточной осторожностью относился и к исследователям, приглашенным им самим. Ханыкова и его коллег постоянно сопровождал в поездке юзбаша, или сотник, Рамазан, который всячески старался препятствовать сбору материалов и проведению необходимых измерений. Между тем В. А. Перовский ожидал больших результатов от отправленной экспедиции. «Восточная часть Бухары не рассмотрена еще ни одним европейцем, — писал он, — а совокупные наблюдения гг. Лемана, Бо-

гословского и Ханыкова дадут, вероятно, средства хорошо узнать ее»¹⁷.

Все названные Перовским специалисты полностью оправдали возлагавшиеся на них надежды: каждый из них поведал миру новые сведения о столь слабо изученных к тому времени землях. Богословский опубликовал обширнейшую «Записку о долине Зеравшана и горах, ее окружающих»¹⁸; Леман вскоре после возвращения из поездки скончался, но собранные им геологические, этнографические и ботанико-зоологические материалы, написанные на немецком языке, через десять лет были изданы его коллегами¹⁹.

Труды Богословского и Лемана внесли несомненный вклад в имевшиеся крайне скудные представления о Бухарском ханстве. И все же хочется отметить первостепенное значение заслуг Ханыкова в освещении характерных черт и особенностей этого среднеазиатского государства. Он глубоко вник в сущность проблем бухарского феодализма, проявил большой интерес к важнейшим социально-экономическим процессам, протекавшим в ханстве, собирая о них сведения по крупицам, в сложной обстановке. В течение почти пяти месяцев — с начала октября 1841 г. по конец февраля 1842 г. — Ханыков регулярно пять раз в день производил метеорологические наблюдения. Он проявлял максимальную изобретательность и настойчивость в исследованиях. В частности, именно Ханыков придумал предлог для поездки в восточные бекства — доставку подношений их правителям. Его несомненным преимуществом перед коллегами было знание восточных языков, что позволяло ему вступать в непосредственный контакт с местными жителями. С узбеками Николай Владимирович беседовал по-узбекски, с таджиками — по-таджикски, и ничто так не способствовало открытости, как подобное прямое общение. Его интересовали самые различные стороны прошлого и настоящего Бухары, ее экономика, административное устройство, духовная жизнь. Это не было проявлением праздного любопытства: молодой исследователь накапливал материал для будущей книги. Впрочем о ней мы будем говорить более подробно. А сейчас необходимо вернуться к миссии Бутенева.

Вскоре после первой встречи с эмиром Насруллой последний отправился на очередную войну с Кокандским ханством. На это время переговоры, по существу, были прерваны. Осенью 1841 г. Насрулла добился победы, посадил на престол в Коканде своего ставленника и возвратился в Бухару. Его новая встреча с К. Ф. Бутеневым состоялась лишь 8 ноября 1841 г. Находясь под воздействием успехов, связанных с распространением бухарского влияния в Средней Азии, эмир не захотел подписать предложенный ему особый акт: отпустить русских пленных, снизить таможенные пошлины на товары из России и допустить ее постоянного представителя в ханство. Он не от-

казывался от дальнейших контактов с Российской империей, заявляя, что отправит туда своего представителя, снизит пошлины, если это сделает и другая сторона, а при определенных условиях освободит пленников.

К сожалению, миссия Бутенева не была успешной. Констатируя на пути домой данное обстоятельство, Н. В. Ханыков писал 14 апреля 1842 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу: «Таким образом, кончилась наша поездка ничем, кроме того, что мы привезем нашему правительству все, что необходимо для верного обсуждения настоящего положения Бухарского ханства». Он подчеркивал необходимость тщательного наблюдения за ситуацией в этом государстве, объясняя, что Бухара может стать «несомненной добычей англичан, которые не упустят ее из рук», хотя бы для того, чтобы возместить морально-политический и экономический урон, понесенный ими в связи с провалом их планов порабощения народов Афганистана²⁰. Ханыков отмечал, что эмир Насрулла «себя считает выше всех повелителей мира»; поэтому нет смысла рассчитывать на договоренность с Бухарой, пока он сидит на троне²¹.

8 апреля 1842 г. К. Ф. Бутенев со своими спутниками покинул ханство. 9 июня того же года посольство вернулось в Оренбург. Таким образом, это путешествие продолжалось тринадцать месяцев. Ханыков привез не только материалы для подготовки книги о Бухарском ханстве. Он доставил в Петербург, а затем передал в дар Азиатскому музею бухарские, хивинские и кокандские монеты — важный источник для изучения истории и экономики среднеазиатских государств²². В дальнейшем пополнение коллекций этого крупнейшего востоковедного учреждения Российской империи стало предметом неизменной заботы и внимания ученого. Где бы он ни находился — в Тифлисе, Тавризе, Мешхеде, Герате, в самых различных областях и краях, — он помнил об интересах отечественной ориенталистики, пополняя ее материальную базу.

«В награду примерно-ревностной службы и отличного исполнения возложенного на него поручения» 15 августа 1842 г. Н. В. Ханыков был произведен в коллежские асессоры. Кроме того, «во внимание к особенным трудам» еще через два дня ему было «пожаловано... в единовременное награждение» четыреста червонцев²³. Следовательно, Петербург высоко оценил участие начинающего востоковеда в дипломатической миссии. Сам Ханыков, однако, полагал, что выполнил лишь часть своей задачи. Теперь надлежало осмыслить все виденное и слышанное, поведать об этом тем, кому не довелось провести свыше года в полузакрытой стране.

ПЕТЕРБУРГ, 1842—1845

Хотя в Оренбурге имелись книги по истории и экономике Востока, все же в столице Российской империи было гораздо легче подготовить научный труд с максимальным использованием материалов по различным проблемам прошлого и настоящего Бухарского ханства и соседних государств. А Ханыков — и это надо отметить сразу же как характернейшую особенность его исследовательского метода — делал все возможное, чтобы не упустить ни одного мало-мальски ценного источника, ни одной любопытной публикации. В данном случае ему помогло то обстоятельство, что царское правительство, отметив заслуги Николая Владимировича, сделало соответствующие административные выводы. 17 августа 1842 г. он был переведен в Петербург и назначен переводчиком VIII класса при Азиатском департаменте. Одновременно ему было поручено управлять Первым столом II Отделения департамента.

Столоначальник, которому не исполнилось и двадцати трех лет! В своей служебной деятельности и научных трудах Н. В. Ханыков настолько идет «с опережением графика», обычного для карьеры царского чиновника или рядового ученого, что постоянно хочется напоминать о его возрасте. Руководимый им «стол» занимался делами «кочевых народов Кавказской, Астраханской и частью Саратовской губерний, а также киргиз-кайсаков всех орд»¹.

Ханыков напряженно трудился над рукописью о Бухаре. Этому исследованию придается государственное значение. В августе 1842 г. Нессельроде обращается непосредственно к царю за санкцией, «чтобы составленное коллежским асессором Ханыковым описание Бухарского ханства было напечатано в числе 600 экземпляров на счет сумм, в заведовании Азиатского департамента состоящих»².

15 августа такое разрешение было получено, и 16 ноября министр дал указание департаменту распорядиться об издании книги³. В июне 1843 г. автор представил «50 экземпляров „Описания Бухарского ханства“»⁴.

Напомним ленинское положение об оценке заслуг исторического лица по сравнению с тем вкладом, какой был сделан его предшественниками. Попробуем с этих позиций рассмотреть

значение публикации Н. В. Ханыкова. Прежде всего стоит выяснить, что было известно миру о Бухаре.

О многих восточных источниках в ту пору не были осведомлены европейские специалисты. Ханство посещали преимущественно представители двух государств — относительной, хотя и не очень близкой соседки Бухары — России, а также обосновавшейся в Индии Англии.

Начнем с России. В 1721 г. великий преобразователь земли русской Петр I отправил в Среднюю Азию секретаря своей ориентальной коллегии Флорио Беневени. В ходе длительного путешествия (1721—1725) Ф. Беневени посетил и Бухару, собрав любопытные данные об экономическом, внутривнутриполитическом и международном положении ханства. Однако его донесения и отчеты, оказавшиеся, естественно, в государственных архивохранилищах, были введены в научный оборот лишь через десять лет после выхода книги Ханыкова⁵.

В конце XVIII в. в Бухаре оказался захваченный в плен в казахских степях унтер-офицер Филипп Сергеевич Ефремов. Волею судеб он находился за пределами родины с 1774 по 1782 г., а вернувшись, описал свои приключения в Азии⁶. Впечатления Ф. С. Ефремова заинтересовали современников и на протяжении короткого срока дважды переиздавались — в 1794 и 1811 гг.⁷.

Не желая ни в малейшей степени дискредитировать эту содержательную публикацию, все же отметим несколько ограниченный кругозор унтер-офицера, некоторый (впрочем, вполне понятный) акцент в его произведении на военных проблемах за счет проблем социально-экономических, политических и др.

Первое издание книги Ф. С. Ефремова совпало с посещением Бухары горными чиновниками Т. С. Бурнашевым и А. С. Безносиковым. Они были отправлены царскими властями в Ташкент по просьбе местного правителя, но эмир, претендовавший на господство в Ташкентском оазисе, воспрепятствовал их дальнейшей поездке. Т. С. Бурнашев детально описал свои странствия, осветив некоторые стороны жизни главного города ханства и его окрестностей⁸. Его наблюдения, безусловно интересные по существу, тем не менее носят в основном характер беглых заметок.

Наконец, за двадцать лет до К. Ф. Бутенева и его коллег, в 1820 г., была послана в Бухару дипломатическая миссия А. Ф. Негри. Ее члены существенно дополнили представления об этом государстве: появились крупные труды натуралиста Э. Эверсмана⁹ и офицера Е. Мейендорфа¹⁰.

Хотя книга Э. Эверсмана вышла в Берлине, а Е. Мейендорфа — в Париже (в том же году она была переиздана на немецком языке в Йене), их читали и русские специалисты, тем более что списки членов Академии наук тех лет пестрели не-

мецкими фамилиями. Оба указанных автора были серьезными и вдумчивыми наблюдателями. Они отразили особенности жизни Бухары, быта и нравов ее населения, но сделали это с профессиональным уклоном: Эверсман — в так называемую «натуральную историю», Мейендорф — в географию, топографию, военное дело.

Что касается западноевропейской науки, то едва ли не одним из первых обогатил ее рассказом о среднеазиатском государстве британский купец, путешественник и дипломат второй половины XVI — начала XVII в. Энтони Дженкинсон, посетивший Персию и Среднюю Азию в 1558—1559 и 1562—1564 гг.¹¹. Однако его отрывочные сведения к середине XIX в. в значительной степени утратили практический смысл.

Более результативным оказалось знаменитое путешествие молодого английского лейтенанта Ост-Индийской компанейской службы Александра Бёрнса по странам Центральной Азии в 1831—1833 гг. Его книга об этой поездке выдержала несколько изданий, была переведена на французский, немецкий, а в 1848—1849 гг. — и на русский языки¹². Автор выполнял разведывательные задания и прямо заявлял, что предаст гласности далеко не все собранные им данные о Бухарском ханстве. Написанное живо и занимательно, его сочинение, по существу, носит характер несколько поверхностного рассказа.

Таким образом, к моменту появления труда Н. В. Ханыкова Бухара отнюдь не являлась белым пятном в научной литературе. И тем не менее ученому удалось не только сказать о ней свое слово, но и заслужить восторженные отзывы всех знатоков вопроса как в те далекие годы, так и впоследствии, вплоть до сегодняшнего дня. В 1886 г., например, крупнейший специалист по Средней Азии, геолог и историк науки И. В. Мушкетов именовал исследование Ханыкова «чрезвычайно обстоятельным и до сих пор уважаемым», содержащим «всю сумму новейших для того времени сведений о Бухаре...»¹³.

Ориенталист с мировым именем академик В. В. Бартольд спустя несколько десятилетий констатировал, что после выхода этой работы «многие русские исследователи имели возможность посетить Бухарское ханство при еще более благоприятных условиях, чем Ханыков; тем не менее его книга остается и до сих пор лучшим описанием ханства»¹⁴.

Советский этнограф О. А. Сухарева уже в 1966 г. охарактеризовала «Описание Бухарского ханства» как труд, «безусловно наиболее ценный из всего, что касается изучения Бухары на основании личного знакомства с городом не только в первой половине XIX в., но и за весь дореволюционный период»¹⁵.

Что определило эти восторженные — иначе не скажешь — отзывы? Прежде всего, разумеется, исследовательский талант Николая Владимировича, его поразительное трудолюбие, которое проявилось впервые, но в дальнейшем демонстрировалось

вновь и вновь. И еще одна черта — стремление тщательно отшлифовывать свои публикации, привлекать максимальный круг различных источников. Большую роль сыграли знание языков, непосредственное общение с местными жителями и относительно длительный срок пребывания в Бухаре.

В «Описании Бухарского ханства» рассматриваются следующие вопросы: территория, топография, орография и гидрография, климат этой страны, ее «племена и народонаселение», промышленность, сельское хозяйство и торговля, административное устройство Бухары и ее культурное развитие; заключение посвящено утверждению на престоле эмира Насруллы и его кокандским войнам 1840—1842 гг. Книга снабжена великолепной картой этого государства, а также планами городов Бухары и Самарканда.

Перед нами, таким образом, довольно большая (на 279 стр.) энциклопедия ханства. Хотя это первый печатный труд молодого автора, в нем тем не менее смело и решительно анализируются принципы подхода к изучению той или иной страны. «Материалы, из коих путешественник составляет описание посещаемого им государства, — пишет он, — вообще, трех родов: собственные наблюдения, расспросы и письменные документы, как официальные, так и частные; от большей или меньшей легкости пользоваться ими зависит степень верности взгляда его на страну и, следовательно, верность изображения оной...»

Ханыков призывает к внимательности и критическому подходу к собственному опыту при посещении чужих земель: «... собственные замечания сопряжены со многими трудностями, особенно в стране, совершенно отличной по нравам, вере и образованию ее жителей от того, к чему европеец присмотрелся смолodu; ему трудно понимать вещи так, как они есть, многое кажется ему странным, темным и даже непонятным, хотя оно ясно, естественно и есть непринужденное следствие существующего порядка вещей, ему совершенно или почти совершенно чуждого»¹⁶.

Учитывая это, Николай Владимирович старался дополнять складывавшиеся у него впечатления представлениями других ученых и путешественников (тем более что «третий род» названных им источников — официальные и «частные» документы, как он пишет, — оказался для него недоступным либо малозначительным). Достаточно сказать, что в работе использованы материалы о Бухаре на русском, французском, английском, немецком, латинском, персидско-таджикском и узбекском языках!

Нас в этом труде привлекают, понятно, не физико-географические сведения (как бы точны и систематичны они ни были), а историко-политические и социально-экономические данные. С этой точки зрения особенно интересны страницы, посвященные формам землевладения и землеобложения (с. 115—120), особенностям внутренней и внешней торговли (с. 160—179). Ав-

тор справедливо указывает на роль Бухары в товарообмене соседних с ней государств, на большое значение русско-бухарских торговых связей; он подробно останавливается на структуре и технической организации товарообмена.

Как правило, Н. В. Ханыков был чрезвычайно скуп на политические оценки общего характера. Среди его огромного письменного наследия — книг, статей, личной корреспонденции — нелегко найти четкие и определенные высказывания, раскрывающие мировоззрение востоковеда. Мрачная эпоха Николая Палкина, начавшаяся кровавой расправой с декабристами, не способствовала откровенному обмену мнениями. Но отдельные крупинки, по которым можно составить какое-то представление о политическом лице Николая Владимировича (мы будем акцентировать на них внимание читателя), позволяют сделать вывод, что он не сочувствовал деспотическому режиму, установленному царским самодержавием в России. В разделе, посвященном «администрации Бухарского ханства», Ханыков отмечает: «Глава ханства есть эмир. Право жизни и смерти суть неотъемлемое достоинство его одного, он вполне располагает: городами, селами и народами, находящимися в ханстве, будучи ограничен только каноническим мусульманским правом...» (с. 179). Далее Ханыков высказывает резко критическое отношение к «фанатизму и невежеству», базирующимся на непрерываемом авторитете мусульманского духовенства — ишанов и мулл. Фанатизм и невежество, считает он, особенно опасны в Бухаре, ибо «к таковым тунейдцам имеют всеобщее уважение, и даже настоящий (эмир. — Авт.), который не очень любит слушаться чужих советов, ездит к знаменитейшим ишанам для совещаний» (с. 200—201). В книге скептически оцениваются «ограниченный способ воззрения на судопроизводство», основанное всецело на Коране и его толкованиях, а также «стеснительность законов» (с. 202—203).

Ханыков крайне отрицательно относится и к постановке образования в ханстве. Его выводы в данном отношении проистекают из подробного рассмотрения всей системы просвещения, связанной с механическим зазубриванием (под угрозой побоев) Корана и некоторых других книг. При этом Николай Владимирович продемонстрировал обширнейшие познания в области мусульманской теологии, произвел классификацию свыше ста религиозных книг. Он пришел к неутешительному заключению: «Итак, мы видим, что курс наук, проходимых в Бухаре, не мал, потому что он состоит более чем из 137 книг, но зато однообразность также велика, кроме того, он почти совсем не исправляет недостатков первоначального воспитания, потому что ум, закованный там в цепи учением наизусть, ничего не понимая, изоощряется здесь только относительно вопросов веры. Ничто не может поддерживать более силы фанатизма, как такое воспитание...» (с. 222—223).

Нельзя не указать также на любопытные зарисовки нравов бухарцев, на детальные списки узбекских племен и родов, описание городов ханства, особенно столицы и Самарканда.

Полностью присоединяясь к уже приведенным высоким оценкам труда Ханыкова, отметим и некоторые его недостатки. Одним из них является неизбежный, по-видимому, для автора тех лет идеалистический подход к трактовке исторических событий. Так, он объясняет «гением Тимура» успехи походов войск этого завоевателя против других земель (с. 2). И так далее.

В работе проскальзывает европоцентристский, несколько высокомерный по отношению к среднеазиатскому государству душок. Подчеркивается, что «удобства» использования реки Амударьи в качестве торгового пути «остаются непонятными и неупотребленными, и это, вероятно, будет дотоле, пока какая-нибудь европейская держава не привьет силой догадливости и деятельности усыпленным жителям ее берегов» (с. 21).

Наконец, вызывают возражения попытки Ханыкова на основании не очень всесторонних и глубоких наблюдений отразить национальный характер населяющих ханство отдельных народов. Эти довольно поверхностные этнографические зарисовки не учитывают условий формирования отдельных черт такого характера, обстоятельств, в каких проживали в Бухаре их носители, и пр.

Наша ремарка о мертвящем воздействии николаевского режима на возможность свободно высказывать свои мысли в общем тривиальна и отнюдь не призвана открывать давно известные истины. Напоминание об обстановке, в какой трудился Н. В. Ханыков, имеет, однако, отнюдь не чисто «теоретический» смысл. Хотя у него лично не было поводов сетовать на «продвижение по службе», в котором он подчас существенно опережал некоторых сверстников, специфика политической ситуации едва не отразилась на нем самым трагическим образом.

...Это было в самый разгар работы по завершению «Описания Бухарского ханства». После неудачного Хивинского похода В. А. Перовский отправился за границу отдыхать и лечиться. Он взял с собой старшего брата Николая — Якова Владимировича, к которому чрезвычайно благоволил. Пост оренбургского военного губернатора занял генерал В. А. Обручев. Разбираясь в делах, новый правитель Оренбурга неожиданно обнаружил, что может приобрести дополнительную известность и лавры ревностного службиста, разоблачив готовящуюся государственную измену. Суть дела хорошо обрисована в отношении, направленном военным министром А. И. Чернышевым своему коллеге во внешнеполитическом ведомстве К. В. Несельроде 11 декабря 1842 г. Оренбургский военный губернатор уведомил, гласило это послание, что, узнав об отправлении унтер-офицером линейного 3-го батальона Агеевым в конце ок-

тября 1842 г. в Петербург, служащему в Азиатском департаменте коллежскому асессору Ханыкову «отличной карты Турана в масштабе 50 верст в дюйме», он распорядился немедленно «отобрать на квартире Агеева все карты и бумаги». Между ними найдена еще не отосланная карта «также Турана», но в меньшем масштабе — 100 верст в дюйме.

Из захваченных документов и допроса Агеева выяснилось, что он составил и многие другие карты, «представляя» их на дворному советнику (т. е. Якову Владимировичу) и коллежскому асессору (Николаю Владимировичу) Ханыковым. По справке, наведенной в штабе Оренбургского корпуса, оказалось, что Перовский поручил Я. В. Ханыкову, «служащему также при министерстве иностранных дел», составление статистики Оренбургского края, разрешив пользоваться необходимыми архивными материалами и прикомандировав к нему разжалованного из топографов унтер-офицера Агеева. Вроде бы участие авторитетнейшего В. А. Перовского в этих делах должно было успокоить ретивого Обручева. Но суть заключалась в том, что до него «дошли слухи», будто Я. В. Ханыков, «находящийся ныне за границей, намерен напечатать в Лондоне или Париже карту Турана... направленную к нему Агеевым».

Кроме того, военно-топографический отдел сообщил, что из всех карт, «показанных в списке отправленными к господам Ханыковым, имеются... только одна карта Бухарского ханства и два плана городов Бухары и Самарканда (напомним, что именно они давались в приложении к „Описанию Бухарского ханства“. — Авт.), но и эти планы и карта были представлены генерал-лейтенантом Обручевым в августе 1842 г. в Петербург, а потому полагать должно, что показанные в списке отправленными к Ханыковым составляют другой экземпляр».

И грозный Чернышев потребовал от Нессельроде «отобрать от господ Ханыковых все рукописные карты, планы и мемуары, какие у них находятся, под строжайшей ответственностью как за утайку какого-либо предмета, так и за выпуск оного в свет». Военный министр многозначительно предупредил, что ждет информации о «сделанных распоряжениях»¹⁷.

Трудно сказать «отобрали» ли сразу руководители министерства иностранных дел у Николая Ханыкова все материалы, которыми он располагал и которые были ему так необходимы на окончательной стадии подготовки рукописи; министерская верхушка с величайшим негодованием относилась к малейшим нарушениям николаевских правил и законов. Во всяком случае, Н. В. Ханыков был вынужден срочно давать объяснения директору Азиатского департамента Л. Г. Сеньявину. Дело было не шуточным: предстояло опровергнуть слух о своем намерении напечатать карту «в Лондоне или Париже»! Грозил разжалование, Сибирь... Следовало мобилизовать все доводы, привлечь любые оправдательные документы.

Итак, рапортом от 13 декабря 1842 г. (отметим, что между обвинительным посланием Чернышева, которое еще должно было дойти до Нессельроде, а от него — до Сеньявина, и объяснениями Ханыкова лежал один-единственный день: оправдываться действительно нужно было срочно!) Николай Владимирович докладывал, что В. А. Перовский «предписанием от 22 ноября 1841 года» поручил ему участвовать в подготовке карты Средней Азии при штабе Оренбургского корпуса и разрешил пользоваться данными подведомственных военному губернатору архивов. Но руководитель этой работы генерал-майор Жемчужников вскоре был переведен в Сибирский корпус, и карта так и не была составлена. «Я же, — продолжал Ханыков, — имея все потребные к тому материалы (в копии) в сборе, один составил карту Средней Азии и представил ее Перовскому, который пожелал, чтобы я и брат мой, состоявший тоже при нем в откомандировке, дополнили ее материалами, вытребованными по сношению его с военным министерством из Отдельного Сибирского корпуса; скорый отъезд мой помощником при агенте нашем в Бухару не позволил мне принять участие в сем последнем поручении, которое и было исполнено братом моим в течение осени и зимы 1841 и 1842 годов».

К отъезду Перовского в Петербург, а оттуда за границу, объяснял далее Ханыков, карта еще не была вычерчена. Поэтому уходящий со своего поста военный губернатор 7 мая 1842 г. распорядился, «чтобы по возврате моем в Оренбург (из Бухары. — Авт.) унтер-офицер Агеев передал мне все имеющиеся у него планы и карты, равно как и следующие к ним материалы... Канцелярия оренбургского военного губернатора немедленно привела в исполнение таковое предписание и по приезде моем из Бухары уведомила меня о том повесткой от 11 июня № 67». (Заметьте, с какой тщательностью востоковед датирует полученные указания, приводя порой даже номера документов, — он понимает, чем ему угрожают «слухи»!)

В связи с таким распоряжением, уезжая в Петербург, он взял у Агеева планы Бухары и Самарканда, карты Бухарского ханства и Средней Азии, а карту Турана оставил для окончательной отделки, попросив начальника штаба Оренбургского корпуса генерал-майора Рокасовского и правителя канцелярии оренбургского военного губернатора полковника Середу переслать ему после завершения отделки. Это и было сделано 31 октября 1842 г. Планы Бухары и Самарканда и карту Бухарского ханства он представил в Азиатский департамент немедленно по приезде в столицу «при записке, составленной мной о ханстве... карту же Турана, полученную мною около 20 ноября, я немедленно отдал в переплет, затем, никому ее не показывая и не сообщая, представил ее в Азиатский департамент, где она и теперь находится». Та же карта в карандаше и карта Средней Азии представляются «с сим вместе в Департамент»,

а карта Хивинского ханства, вычерченная унтер-офицером Агеевым, «представлена была мною немедленно по составлении ее в декабре 1840 года г-ну командиру Отдельного Оренбургского корпуса (т. е. В. А. Перовскому.— Авт.) и составлена была не из письменных каких-нибудь документов, имеющих в штабе, а по словесным рассказам возвратившихся из Хивы пленников в 1840 году. За тем у меня никаких планов и мемуаров не имеется, о чем имею честь почтительнейше донести Вашему превосходительству», — заключал свою оправдательную докладную изрядно, видимо, встревоженный Н. В. Ханыков¹⁸.

Вслед за ним аналогичный документ, свидетельствующий о полной необоснованности поступивших на них доносов и наветов, прислал и Яков Владимирович. Трудно, однако, сказать, насколько им удалось убедить своих сановных следователей в отсутствии каких-либо криминальных намерений, в частности стремлений публиковать материалы «в Лондоне или Париже».

Дело решило вмешательство генерал-адъютанта В. А. Перовского. Положение было столь серьезным, что он счел нужным информировать Л. Г. Сенявина из Рима. «Вашему превосходительству уже известно, — сообщал он 2/14 февраля 1843 г., — что согласно с желанием г-на вице-канцлера (Нессельроде.— Авт.) я поручил в ноябре 1840 года находившемуся при мне министерства иностранных дел титулярному советнику Ханыкову заняться составлением карты северной половины Средней Азии как из съемок, в степи произведенных, так и из материалов, самим Ханыковым собранных.

Ныне сказанный чиновник рапортом от 8 декабря 1842 г. донес мне, что карта окончена и представлена в Азиатский департамент, но что большая часть материалов, служивших ей основой, задержана в Оренбурге генерал-лейтенантом Обручевым».

Далее следовало не очень замаскированное поручительство: «Так как мне известно, что материалы эти действительно были собраны самим Ханыковым и могут быть нужны для пояснения представленной им карты, но я вместе с сим обратился к военному министру с просьбой о предписании ген.-лейтенанту Обручеву возвратить удержанные документы в Азиатский департамент, о чем и считаю долгом вас, милостивый государь, уведомить»¹⁹.

Сенявин не ответил на это послание. Да, собственно говоря, отвечать было нечего и незачем. Инцидент, грозивший Ханыковым суровыми последствиями, был исчерпан. Письмо Перовского явилось последним документом, подшитым в папку с достаточно зловещим заголовком: «О доставлении в военное министерство показаний, по его запросу, отобранных от коллежского асессора Николая Ханыкова, брата его надворного советника Якова Ханыкова и унтер-офицера Агеева, принимавших участие в составлении Николаем Ханыковым карты Сред-

ней Азии, по подозрению в намерении Ханыковых издать в Лондоне и Париже карту Турана, мемуары и другие материалы, собранные при составлении карты».

Можно было спокойно перевести дух и продолжать обрабатывать сведения, накопленные в Оренбурге и во время путешествия по Казахстану и в Бухарское ханство. Вышедшая книга становилась пройденным этапом. Впереди было много других книг и статей.

Пожалуй, следует констатировать, что ревностный столоничник из Н. В. Ханыкова не получился. Во всяком случае, он долго не удержался на этом посту. И если годы, отделявшие жизнь в Петербурге от пребывания в другом городе на Востоке, куда он вскоре был назначен, и оказались в какой-то мере интересными, то это — публикацией двух научных материалов в «Журнале министерства внутренних дел»: «Городское управление в Средней Азии»²⁰ и «О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою Ордами»²¹.

Первая из них основывалась в качестве примера на рассмотрении системы управления городом Бухарой и перекликалась с монографией о Бухарском ханстве, в незначительной степени даже дублируя отдельные ее положения. Автор проявил себя в ней как сторонник признания решающего влияния географической среды на развитие человеческого общества.

Приведем начало этой статьи, характерное для исходных позиций Н. В. Ханыкова и в других работах на аналогичные темы. «Орографический характер и человеческие свойства огромной впадины Земного Шара, называемой Средней Азией, — констатировал он, — ограниченной Общим Сыртом, Уралом, Кашгарскими горами, Гиндукушем, Паропамизом и Кавказом, были и постоянно останутся существенными препятствиями полному развитию гражданских обществ, существовавших и существующих в означенных пределах. Обширные равнины этой части Азиатского материка постоянно овеиваются сухими массами воздуха, которые во времена доисторические втеснили воды Океана в несколько более или менее обширных озерах, а ныне, с жадностью высасывая влагу из глубочайших недр геологически юных бассейнов Урала, Аму- и Сырдарьи, вытесняют из них человека и постоянством противодействия разрушают все его попытки остановить эти пустынные завоевания...»

Нарисовав эту картину, Ханыков перебрасывает мостик к человеческому обществу, выбирая достаточно яркие эпизоды его истории: «Чингисхан, Тимурленг и Надир-хан кровавыми подвигами преодолевали эти природные препятствия; но создания их скоро разрушались, и политические общества, слитые ими в одно целое, уединялись снова в прежние свои границы».

Далее автор подчеркивает застойный характер развития «гражданственности на Востоке», что, по его мнению, наглядно проявляется «в постоянстве географии» стран этого района.

Эти теоретические построения, к которым чрезвычайно тяготел Н. В. Ханыков, вряд ли могут претендовать на большую оригинальность, ибо и задолго до него было подмечено, что в условиях засушливого климата жизнь человека развивается у берегов рек, которые дают воду для орошения посевов. Такие построения необходимы, однако, нашему ученому для постулата о том, что «печальная недвижимость (людских поселений.— Авт.), приближая прошлое к настоящему, облегчает некоторым образом изучение гражданственности, но она же служит верным ручательством незначительности развития всех ветвей ее». Это изучение, по мнению Николая Владимировича, важно «для истории обществ человеческого»; оно особенно важно для России, которая долго находилась «исключительно под влиянием Востока и по необходимости перенимала у него самые несовершенства гражданского быта».

В статье рассматривается деятельность по управлению ханской столицей визиря, или кушбеги, рейса, миршаба и мираба, ведавших различными отраслями городской администрации. Автор считает, что «надзирателей много, а надзора нет». Приведя множество примеров отсутствия должного порядка в городе, беззакония властей, антисанитарии и т. п., он приходит к печальному выводу: «Мусульманство, введя в управление свое фанатическое духовенство, мало коснулось коренного порядка, существовавшего прежде, а только окаменяющим своим влиянием закрыло ему всякую возможность усовершенствоваться».

Не приходится доказывать, что Ханыков достаточно неодобрительно оценивал виденное им в Бухаре. И попытки хотя бы в форме отдаленного намека связать местные нарушения юридических норм и др. с чем-то аналогичным в России, перенявшей эти «несовершенства» на Востоке, необходимо учесть. Ибо, как уже указывалось, Николай Владимирович, занимая скорее относительно демократические позиции (ближе к центристским), чем господствовавшие в те годы крайне реакционные, избегал определять свои политические позиции. Да еще в открытой печати, да еще в таком издании, как «Журнал министерства внутренних дел»!

Вторая упомянутая статья убедительно свидетельствует о тяготении молодого ориенталиста к математике, философии, к широким обобщениям. Он поглощает горы литературы по различным областям знаний, умело привлекая ее к разработке интересующих его сюжетов. Так, небольшую работу, посвященную относительно узкому вопросу — населению одной из частей Казахстана, он начинает следующим образом: «Из всех статистических вопросов, может быть, ни один не был так многообразно и глубоко исследован, как вопрос о народонаселении: геометры и философы попеременно делали его предметом своих изысканий; и в богатой его литературе славные имена Даниэля Бернулли, д'Аламберта, Эйлера и Лапласа встречаются

наряду с не менее знаменитыми именами Смита, Мальтуса, Дюпеня, Меккюллоха и Кетле»²².

Являясь человеком своего времени и своей среды, бывший лицеист Н. В. Ханыков, отдавая дань господствовавшим представлениям, высказывает ошибочное мнение, будто общие законы развития человеческого общества неприменимы к «племенам диким». Правда, в дальнейшем, отступая от высказанного принципа, он находит, что «народонаселение всякой значительной части земной поверхности зависит исключительно от двух элементов: „материального“, т. е. содействия почвы и климата к доставлению жителям средств существования, и „социального“, т. е. содействия правительства и гражданского развития народа к доставлению жителям возможности пользоваться означенными средствами»²³.

Автор исследует «влияние промышленности земледельческой на ход народонаселения» и, хотя находит, что выведенные на базе наблюдения за этим влиянием законы «весьма далеки от совершенной точности и повсюдной общеприменимости», тем не менее четко формулирует «три коренные закона». Они призваны помочь «расположить свои наблюдения таким образом, чтобы из них можно было извлечь наибольшее число последствий и чтобы из настоящего состояния населения можно было делать вероятные заключения о неизвестном прошедшем и будущем», — пишет исследователь.

Каковы же эти законы? 1. «Народонаселение стремится увеличиваться в прогрессии геометрической». 2. «Средства существования при самых благоприятных обстоятельствах возрастают в прогрессии арифметической». 3. «Совокупность препятствий к развитию народонаселения пропорциональна квадрату скорости, с которой она стремится увеличиваться»²⁴.

Далее Ханыков, следуя намеченному плану, определяет «препятствия и способы к существованию» казахского населения «Внутренней Орды» и Малого Жуза, т. е. географические условия их существования, чтобы затем перейти к социальным проблемам. Для решения первой задачи он очень подробно исследует орографию, почву и климат соответствующих районов Казахстана.

Нельзя отрицать до некоторой степени верноподданныческий подход востоковеда к характеристике «необузданного самовластья», которое проявлялось кокандскими и хивинскими ханами по отношению к казахам по сравнению с действиями царского правительства, приносившими им, с его точки зрения, лишь «спокойствие и внешнюю безопасность»²⁵. В основном же он достоверно описывает нелегкую жизнь кочевников-скотоводов, которым одна тяжелая, бесснежная зима грозила голодной смертью, хотя проскальзывающие в статье мальтузианские нотки ослабляют ее научное значение.

К сожалению, Н. В. Ханыков не опубликовал второй части

своей работы, где собирался рассмотреть социальные аспекты проблемы. Но и напечатанное было чрезвычайно важно: оно привлекало внимание современников к очень сложным проблемам существования подданных Российской империи, занимавших обширную территорию на восточных рубежах государства.

Редакция «Журнала министерства внутренних дел» надеялась на завершение востоковедом начатого труда, который получил положительные отклики и за рубежом. О том и другом свидетельствует редакционная сноска к сугубо географической публикации Я. В. Ханыкова в этом журнале под заглавием «Карта земель киргизов Внутренней и Малой Орд»²⁶. Эта сноска гласила: «Н. В. Ханыков, которого прекрасная статья „О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малой Ордами“, помещена в „Журнале министерства внутренних дел“... приготовил для нее карту, которая при сем прилагается. Объяснение этой карты доставлено нам братом автора — Я. В. Ханыковым (в выдержке) из письма его к барону Гумбольдту от 27 марта — 8 апреля текущего, 1845 г., при котором препроводил он к знаменитому ученому и карту, и статью, возбуждавшую уже внимание иностранцев в переводе, сделанном из нашего журнала в периодических изданиях Германии.

Автор статьи, в настоящее время оставивший Петербург, обещал нам в скором времени ее продолжение»²⁷.

Обещание это — увы! — оказалось невыполненным. У Николая Владимировича, находившегося уже далеко от северной столицы, на новом месте сразу же появилось множество разнообразнейших дел и занятий. Среднеазиатские темы и сюжеты отходили на задний план, хотя периодически и всплывали, но теперь как материал для широких обобщений, связанных с мусульманским миром.

Впрочем, в «Журнале министерства народного просвещения», с которым в дальнейшем Ханыков активно сотрудничал, находясь вдали от России, появилась несколько загадочная безымянная заметка, посвященная судьбе протока Сырдарьи — Тангидарьи. «В заседании Лондонского географического общества 11 ноября (видимо, 1844 г. — Авт.) читана записка г. Ханыкова, объясняющая причину исчезновения с Земли за несколько лет пред сим Танги-Дарьи, одного из рукавов Сыр-Дарьи... Первая весть об исчезновении Танги-Дарьи принесена в Европу бар. Мейендорфом и проф. Эверсманом, пытавшимися объяснить это явление испарением воды, — гласил текст. — Г-н Ханыков не только доказывает, что это невозможно, но и разрешает задачу сообщением следующего простого факта. Дальше следовало разъяснение, что в 1815 г. кокандские власти узнали о намерении хивинцев создать поселения на берегах этого рукава Сырдарьи. Опасаясь такого беспокойного соседства, кокандцы соорудили плотину в месте отделения протоки от реки,

а когда вода стекла в Аральское море, посадили в 1820 г. на осушенном русле множество деревьев.

«Г-н Ханыков слышал от погибшего в Бухаре капитана Конолли, что он сам видел означенную плотину и осматривал ее во всех подробностях. Последний европейский путешественник, видевший еще Танги-Дарью большою рекою, был переводчик Оренбургской пограничной комиссии, переезжавший этот рукав в 1809 и потом в 1810 годах»²⁸.

Упомянутая записка Н. Ханыкова примечательна в разных аспектах. Она констатирует еще один факт выхода русского востоковеда на мировую научную арену, а в научном плане разъясняет некоторые причины изменений в орографии Казахстана.

По всей вероятности, ее доставил в Англию Я. В. Ханыков, который в ту пору путешествовал по Европе и свел близкое знакомство с президентом Лондонского географического общества Родериком Мурчисоном.

Но не только в связи с запиской о Тангидарье Н. В. Ханыков стал известен британским ученым: в 1845 г. в Лондоне появилось в переводе на английский язык «Описание Бухарского ханства»²⁹. Его имя становится известным и французским ориенталистам: в том же году крупнейший парижский востоковедческий орган «Журналь азиатик» упомянул о нем как об «авторе описания Бухары»³⁰.

В мировое востоковедение уверенно вошел энергичный и оригинальный исследователь, работы которого в течение 35 лет — с 1843 по 1878 г. — обогащали различные отрасли этой науки.

ТИФЛИС, 1845—1853

По своему политическому значению Тифлис первой половины XIX в. можно сравнить с Оренбургом. Тот и другой были крупными административными центрами Российской империи. Тот и другой являлись форпостами на восточных рубежах страны: Оренбург — в отношении Средней Азии, Афганистана и Индии, Тифлис — Персии и Османской империи. Тифлис к тому же приобретал все большее значение как крупный культурный и востоковедный центр России.

Но государства, противостоявшие России в районе Кавказа, были более опасными противниками, чем среднеазиатские ханства. К тому же Тифлис был ближе к жизненно важным районам империи, а кавказские проблемы, в том числе вооруженная борьба горцев, больше беспокоили ее правителей, чем раздоры в казахских племенах и родах. Не случайно поэтому на пост наместника кавказского назначались, как правило, высшие и авторитетные сановники и даже члены императорской фамилии.

Петербург был чрезвычайно заинтересован в стабилизации обстановки в Дагестане и Чечне. Требовалось также усилить военно-политические и экономические позиции на Кавказе и в Закавказье ввиду резко активизировавшейся экспансии Британской империи в соседние страны Азии. Решение многосложных задач было по плечу лишь опытному государственному деятелю.

Выбор Николая I пал на шестидесятидвухлетнего графа М. С. Воронцова. Опытный администратор и царедворец, Воронцов был незаурядной личностью. В молодости ему не были чужды относительно либеральные идеи: в 1820 г. в содружестве с Н. И. Тургеневым он даже намеревался сформировать общество дворян, которое занялось бы поэтапным освобождением крестьян от крепостной зависимости.

М. С. Воронцов отнюдь не был праздным баринком. Наоборот, в нем отчетливо проступали черты крупного предпринимателя полупомещичьего, полубуржуазного типа. В его обширнейших поместьях и на многочисленных предприятиях крепостническая эксплуатация сочеталась с наемным трудом.

В рассматриваемое время Воронцов занимал должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и немало сделал для торгово-промышленного развития Новороссийского края (особенно портового города Одессы). 17 ноября 1844 г. царь запросил, нет ли у него возражений против назначения его по совместительству еще наместником кавказским и главным командующим Отдельным Кавказским корпусом. Собственно, подобный «запрос» носил, по существу, формальный характер: назначение было принято, и в декабре 1844 г. Воронцов отправился из Одессы в столицу для обсуждения наиболее важных проблем подведомственных ему теперь земель. Среди них немалое значение имела задача пополнения местной администрации кадрами опытных и умелых чиновников.

В Одессу он вернулся через Москву, где несколько дней беседовал с бывшим «проконсулом Кавказа» А. П. Ермоловым (проявление несомненной смелости, если учесть, что Николай I не любил Ермолова, подозревая его в связях с декабристами), а в марте 1845 г. отплыл из Одессы на Кавказ, посетив по пути Крым. Первоначально царь заявлял, что совмещение старого поста с новым должно продлиться хотя бы «все три года». Фактически оно затянулось на десять лет — до 1854 г.¹

Мы намеренно так сравнительно подробно остановились на личности М. С. Воронцова и некоторых датах его административной деятельности, ибо это имело отношение к жизни Н. В. Ханыкова. У нас нет сведений, был ли представлен в Петербурге высокопоставленному графу, входившему в первую десятку сановников империи, скромный столоначальник одного из министерских департаментов. Возможно, Воронцов слышал о молодом талантливом востоковеде, который очень хорошо рекомендовал себя в Оренбурге и будет ему полезен в аппарате наместничества. Ведь среди разноликого населения Кавказа и Закавказья немало мусульманских народов! А с их нравами и обычаями, запросами и нуждами графу еще не приходилось иметь дела.

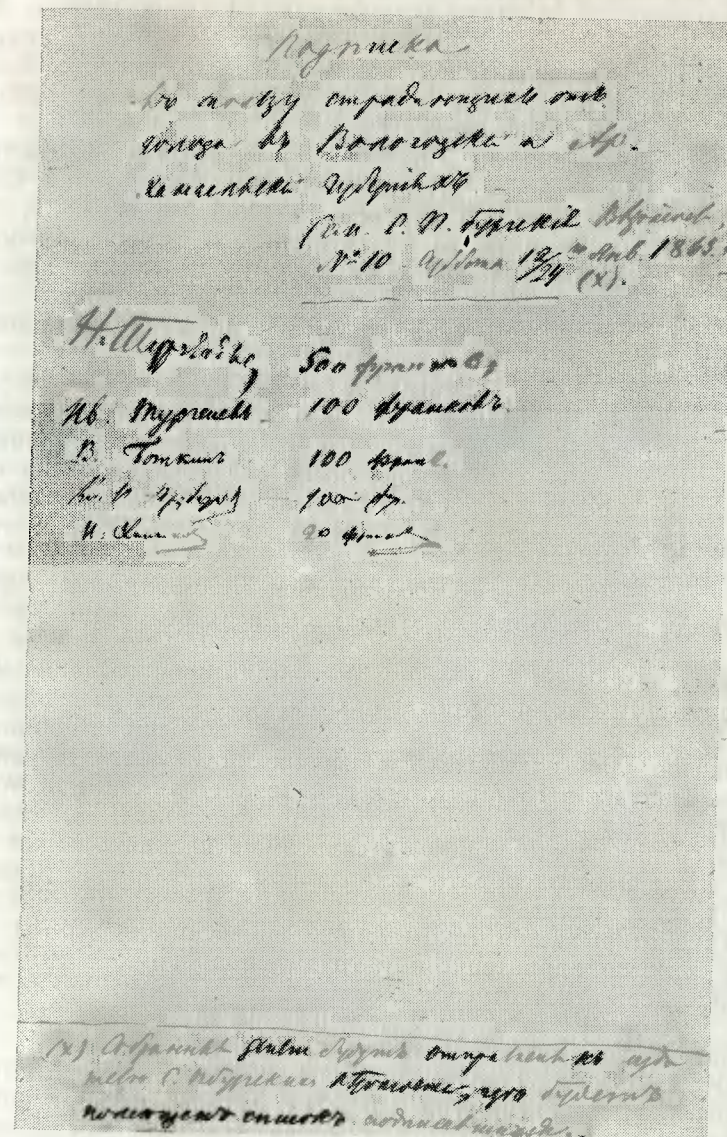
Как бы то ни было, 31 января 1845 г. К. В. Нессельроде информировал еще находившегося в столице М. С. Воронцова: «Во исполнение лично изъявленного мне Вашим сиятельством желания об откомандировании служащего в Азиатском департаменте коллежского ассессора Николая Ханыкова в Дипломатическую канцелярию Главного управления в Закавказье я приказал сделать надлежащее распоряжение»². Действительно, 10 февраля 1845 г. царь утвердил доклад о прикомандировании Ханыкова к Дипломатической канцелярии в Тифлисе³, а еще через четыре дня — дело двигалось в данном случае достаточно быстро — директор Азиатского департамента Л. Г. Сенявин затребовал у петербургского губернатора для него подорожную до Одессы на три лошади⁴.

Н. В. Ханыков покинул столицу. Отныне уже практически навсегда. В течение последующих лет он будет посещать ее крайне редко и на очень короткие сроки. 6 сентября 1845 г. управляющий Дипломатической канцелярией наместника кавказского К. Ф. Лелли сообщил Сенявину, что Ханыков «прибыл на днях в Тифлис» и приступил к обязанностям⁵.

Не исключено, однако, что управляющий Дипломатической канцелярией ошибся, и Ханыков приехал в столицу наместничества гораздо раньше. Скорее всего вместе с М. С. Воронцовым. Ибо, в противовес официальному заверению К. Ф. Лелли, сам наместник еще 24 мая 1845 г. информировал российского посланника в Иране Медема о том, что, прибыв в Тифлис, он отправил к правителю Персидского Азербайджана Бехмен-мирзе в Тебриз своего адъютанта полковника Гагарина и Ханыкова с подарками и письмом о своем вступлении на пост, а «теперь» посылает их вместе с сыном Семеном Михайловичем Воронцовым с той же целью в Тегеран — к Мухаммед-шаху, премьер-министру Хаджи-мирзе Агаси и министру иностранных дел Мирзе Абул Хасан-хану⁶.

Нет сомнений, что последнее сообщение более достоверно и «потерявшиеся месяцы» Николай Владимирович провел частично в поездках в новое для него государство Востока. Он не подозревал тогда, что именно с Персией будут в дальнейшем связаны его многие труды и дни и немало энергии будет затрачено на изучение этой страны — ее истории, этнографии, культуры.

Но пока на его долю выпала практическая деятельность по укреплению влияния и авторитета царского правительства среди мусульманского населения Кавказа и Закавказья. По всей вероятности, ему помогал разобраться в сущности местных проблем сослуживец по Дипломатической канцелярии, переводчик с персидского и «татарского» (т. е. азербайджанского. — Авт.) языков прапорщик (он вскоре получил чин подпоручика) Мирза Фатали Ахундов, ставший впоследствии известным азербайджанским философом-материалистом и просветителем-демократом. Но перед тем как Ханыков с присущей ему обстоятельностью, целеустремленностью и последовательностью окунулся в гущу порученных дел, из Петербурга пришли приятные вести. В столице было создано Географическое общество, сплотившее в своих рядах многих специалистов различных отраслей знания, социального положения и политических взглядов. Крупнейший отечественный географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал в «Истории полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845—1895»: «Мысль об основании такого Общества с целью собрать и направить лучшие молодые силы России на всестороннее изучение родной земли нашла себе живое сочувствие в четырех кружках, близко принимавших к сердцу интересы науки и отечества»⁷.

6 августа 1845 г. был утвержден временный устав Императорского Русского географического общества. 19 сентября 1845 г. его члены-учредители собрались на квартире одного из своих коллег — В. И. Даля. Они избрали 51 члена; помощником председателя Общества стал знаменитый мореплаватель Ф. П. Литке (председателем, как тогда часто практиковалось, был член императорского дома, в данном случае — великий князь Константин Николаевич).

Еще через три недели, 7 октября, на церемонии официального начала деятельности этой организации был выбран Совет Общества и созданы его отделения — Общей географии, Географии России, Этнографии и Статистики. В отличие от Академии наук, разрабатывавшей в ту пору теоретические аспекты преимущественно гуманитарных и естественных проблем, новое учреждение сразу же начало работать на нужды экономики страны.

28 ноября 1845 г. члены-учредители Русского географического общества В. И. Даль и Г. П. Гельмерсен рекомендовали в его действительные члены Н. В. и Я. В. Ханыховых⁸. Они вошли в состав Общества вскоре после его возникновения и по инициативе его создателей, что само по себе свидетельствовало о признании крупных заслуг братьев Ханыховых перед отечественной наукой.

В дальнейшем многие исследования Николая Владимировича (как и Якова Владимировича) были тесно связаны с Русским географическим обществом и печатались в различных его изданиях, а сам он был одним из инициаторов создания и руководителем Кавказского отдела Общества. Одна из первых работ Н. В. Ханыхова на новом месте была посвящена проблемам географии. Она называлась «Тифлисский климат» и увидела свет в Тифлисе в 1847 г. Книга привлекает внимание не только обилием обработанных с высоким профессиональным мастерством специальных данных (можно лишь удивляться, как удалось даже просто собрать их за такой относительно короткий срок!), но и подходом автора к поставленной перед собой задаче. Труд открывается таким лирико-эпическим песенным зачином — другую характеристику трудно подобрать, — что невозможно удержаться от соблазна и не познакомиться с ним читателя, тем более что автор в дальнейшем делал из своего лирического подхода вполне практический вывод.

«На широком раздолье Русского царства, — писал Н. В. Ханыхов, — от мыса Таймура до устья Астары, есть некоторые урочища, которые прихотливая молва наделила, бог знает почему, убийственным воздухом и преувеличенными описаниями особенностей их атмосферы, отличающих их от большинства русских городов и селений, укоренила к ним какое-то странное опасение в умах домоседов, довольствующихся своими уездными видами и восхваляющих свои уездные климаты. К числу та-

ких местностей бесспорно принадлежит и Тифлис, страшные жары его, которые болтливый говор толпы меряет небывалыми градусами, прохладные ветры, прилетающие, по словам его (говора толпы. — *Авт.*), прямо с снеговых вершин Кавказа на берега Куры, чтобы принести с собой горячки и лихорадки, и ужасно холодные ночи после палящего дня невольно бросают в дрожь русского человека, привыкшего летом ходить нараспашку, а зимой в шубе или за двойными рамами и около накаливающей печи мало заботиться о том, что делается в воздухе, и измерять все изменения температуры, давления и сырости его (т. е. воздуха. — *Авт.*) своими личными, не подлежащими мере и весу впечатлениями».

Далее автор продолжает: «Мнение это так распространено и так сильно действует на убеждения, что многие решающиеся, вопреки своим безотчетным опасениям, приехать из России на Кавказ не могут отказаться от этого предрассудка и убедиться, что ясное небо Грузии, горный воздух, тень чинары и ореховых деревьев гораздо здоровее и приятнее, чем цвет небес зелено-бледный, мшистые болота, тщедушные елки и березки большей части русских губерний. Впрочем, мнение это, лишенное всякой основательности, любители возгласов и осуждений (! — *Авт.*) подкрепляют фактически-печальным доказательством, указывая на тесное население тифлисских кладбищ, на которых заключилась более или менее полезная деятельность стольких чиновников нашего отечества; это, по их словам, лучший довод в их пользу, — по-нашему же, это единственное данное, сколько-нибудь приближающееся к точности, без которой никогда нельзя будет прийти к убедительному результату, и для того мы позволили себе опровергнуть его, не приступая еще к более подробной характеристике тифлисского климата, основанной на наблюдениях»⁹.

Затем приводится «подробная характеристика», базирующаяся на огромном статистическом материале, личных и чужих наблюдениях, со сравнительными сведениями по различным городам земного шара, напечатанная почти на ста страницах убористым, плотным шрифтом без абзацев. Здесь мы находим и краткую историческую справку о Тифлисе и производившихся в нем метеорологических наблюдениях, сведения о географическом и орографическом положении города, его температурах, «весе и давлении воздуха», «упругости паров и сырости воздуха», силе и направлении ветра. Практическая цель исследования состояла, видимо, в привлечении на службу в Кавказское наместничество чиновников из России, опасавшихся местного «губительного климата». Эти опасения и рассеивал Ханыхов. Нас, однако, больше интересует научная ценность его работы.

Редчайшее трудолюбие в сочетании с огромной целеустремленностью и энергией при разрешении научных и «служебно-

практических» вопросов делало Ханыкова незаменимым человеком для различных сановных вельмож типа В. А. Перовского или М. С. Воронцова. Типичные администраторы николаевской эпохи, они отличались от многих своих коллег довольно широким кругозором, пониманием поставленных перед ними государственных, социальных и классовых задач. Они ценили подчиненных, помогавших им в достижении этих целей. Н. В. Ханыков пользовался в Тифлисе таким же расположением наместника, какое ему оказывал военный губернатор в Оренбурге. Об этом свидетельствует, в частности, просьба Воронцова перед управляющим министерством иностранных дел И. И. Воронцовым-Дашковым (письмо наместника от 23 января 1846 г.) о присвоении Николаю Владимировичу в связи с выслугой положенного трехлетнего срока следующего чина — надворного советника. «Просьба» М. С. Воронцова могла рассматриваться почти как приказание. 23 сентября Нессельроде информировал его, что правительствующий сенат произвел Ханыкова в надворные советники¹⁰.

Царские власти считали, что какие-то уступки мусульманским деятелям будут способствовать стабилизации обстановки на Кавказе и в Закавказье. До этого Николай Владимирович специально не занимался детальным изучением ислама и различных аспектов мусульманской идеологии. Теперь он погрузился в тщательное исследование положения мусульман на Кавказе, особенно духовенства. Его интересуют догмы ислама, в частности связанные с идеями «священной войны» против «неверных» — газавата, или джихада. Это свидетельствует о прямой практической сущности теоретических изысканий Ханыкова: лозунги газавата использовались, чтобы поднимать горские народные массы для противодействия наступающим войскам Российской империи. Проследив действия Ханыкова, можно почти ощутимо наблюдать, как ученый борется в нем с чиновником. И, как правило, побеждает ученый (любопытно, что это заметили некоторые его сослуживцы, о чем будет сказано ниже). Разработав привлечший его внимание сюжет, Н. В. Ханыков часто облекал результаты своей деятельности не в бюрократические рапорты и докладные записки, а публиковал их в печати. В тифлисской газете «Кавказ» появились его обширные статьи «Перевод мусульманских постановлений о войне»¹¹ и «О мюридах и мюридизме»¹².

Но перед тем как остановиться на них подробно, отметим, что как раз в это время министерство иностранных дел собирало сведения об имениях своих чиновников. Ответ Ханыкова (от 29 сентября 1847 г.) характеризует его социальное положение: «за отцом» в Калужской губернии в родовом имении — «187 душ», в Тульской губернии — «189 душ»; у матери — в Калужской губернии (Лихвинский уезд) — «161 душа», всего у родителей — «537 душ» (т. е. помещики весьма среднего до-

статка). У него самого ни родовых, ни «благоприобретенных» имений нет¹³.

Итак, «Перевод мусульманских постановлений о войне»... Эта публикация в двух номерах (№ 20 и 21 от 18 и 25 мая 1846 г.) «Кавказа» — наглядное свидетельство того, что Н. В. Ханыков столкнулся с необходимостью срочно ознакомиться с некоторыми аспектами мусульманской идеологии. Самой актуальной проблемой было разоблачение воинствующего ислама, лозунга непримиримой борьбы с «неверными», под которым выступали наиболее фанатичные идеологи мусульманства.

В дальнейшем Николай Владимирович более глубоко разберется в тонкостях складывавшейся в некоторых районах Кавказа обстановки, найдет убедительные, логичные доводы, разоблачающие социальную сущность отдельных явлений, в частности мюридизма. Он будет писать о том, что подчас религиозные деятели используют веру и убеждения своей «паствы» для личной выгоды, в целях своего возвышения и обогащения.

Пока же он подходит к рассматриваемому вопросу с ненаучных, идеалистических позиций и пишет об «извечной вражде» «миролюбивого» христианства и «воинствующего» мусульманства, в которой повинны исключительно идеологи ислама. «Кому не известно, — утверждает он в небольшом вступлении к работе, — что одною из главнейших причин быстрого распространения и укрепления мусульманства была энергичная настойчивость, с которой последователи Мухаммеда мечом распространяли учение своего учителя; энергии этой история человечества обязана многими кровавыми страницами; история же христианства — многими славными битвами, коими отстаивало оно во время свое существование, обязана реакцией, производящей крестовые походы, и горькими страданиями бесчисленного множества членов паствы Христовой, оставшихся в середине земель, завоеванных мусульманами, и нередко жизнью, чтобы поклониться месту рождения, страданий, смерти и славы искупителя рода человеческого».

Н. В. Ханыков в данном случае положительно относится к колониальной политике капиталистических держав, рассматривая ее также с позиций религиозного противоборства: «...теперь уже мусульманский фанатизм погасает: с севера и юга христианство под знаменами Англии, России и Франции все более и более успокаивает его порывы, так что в настоящее время Алжир и Кавказ представляют две единственные точки земной поверхности, на коих проливается кровь во имя и во славу мединского пророка».

Тем не менее, продолжал он, «уничтожение неверных» все еще составляет один из главных догматов Мухаммедова учения, пользуясь которым «неблагонамеренные мусульмане» поднимают на войну своих единоверцев. Это вызывает надобность ознакомиться с трактовкой подобного догмата у исламских юри-

стов, и Ханыков публикует конспективное изложение перевода подготовленной в конце первой четверти XVII в. Мухаммедом Омили и его учеником Низамом Ибни Хуссейном Савеи по поручению иранского шаха Аббаса I (1571—1629) книги «Джами Аббас».

Разъяснив некоторые особенности мусульманского законодательства, он передает содержание разделов «О заслуге пред богом чрез джихад» (т. е. войну с «неверными»), «Правила джихада», «О том, с кем вести религиозную войну», «О способах ее ведения», «О помиловании неверных», «О мире с ними»¹⁴.

Как по подходу к теме, так и по характеру ее разработки эта публикация — не самая удачная — представляла собой фактически своеобразную «пробу сил» молодого востоковеда в области идеологии ислама, чему в дальнейшем он уделял немало важное место в своем научном творчестве.

С «Переводом мусульманских постановлений о войне» переключалась другая работа Н. В. Ханыкова — «О мюридах и мюридизме» (1847). Она тоже, разумеется, преследовала практические цели, но не потеряла своей научной значимости и в наши дни. Хотя это исследование оказалось довольно объемистым (в «Сборнике газеты „Кавказ“» оно заняло 30 стр.), автор оговаривался, что ограничивается лишь «изложением основных идей последователей тариката, учения, передаваемого мюршидами, т. е. указующими путь, — желающим или мюридам, система коего составляет то, что у нас называют мюридизмом»¹⁵.

В очерке прослеживается исторический путь возникновения и развития тариката — сначала на родине ислама, в Аравии, а затем — в одном из оплотов ислама — Бухоро-и-Шериф («Благородной Бухаре»), а также его распространение в Дагестане. Ханыков рассматривает пять степеней «нравственного воспитания» мюрида, детально описывая формы и методы «совершенствования» его и приводя ссылки на большое количество всевозможных молитв.

Нечего пояснять, что Николай Владимирович публикацией этой статьи преследовал вполне определенные задачи, прямо или косвенно выдвинутые перед ним царской администрацией на Кавказе, крайне заинтересованной в быстрейшем подавлении очага сопротивления среди дагестанских горцев, в дискредитации идей борьбы против войск Российской империи. Интересна, однако, применяемая Ханыковым аргументация. Она лишена какого-либо примитивизма, стремления унижить, высмеять противника. Ее направленность обращена против едва ли не самого уязвимого места мюридизма — разжигания религиозного фанатизма, травли людей на почве религиозной нетерпимости.

Вот как, например, ярко и красочно характеризуется деятельность духовных наставников — мюршидов: «...с Кораном в

руке и с возгласами о притеснении веры врагами ее он (мюршид.— *Авт.*) соединяет вокруг себя многочисленных последователей и требует от них на основании правил тариката не только бессмысленного повиновения, но и легко может подвигнуть их на кровавые подвиги борьбы с христианскими властями, основываясь на том, что всякий мюрид, прежде чем предается учению тариката, должен исполнить во всей строгости требования закона, одним из догматов коего, как мы уже видели¹⁶, есть джихад, или война с неверными».

Ханыков подчеркивает, что при этом зачастую на первом плане стоят собственные интересы того или иного из религиозных руководителей: «Раз поставив себя на этом направлении, мюршиду уже легко будет придать законность незаконному стремлению своему пользоваться влиянием на мюридов для достижения личных своих выгод, вовсе не исполняя или исполняя редко трудную обязанность поучения, которая бы должна быть основой его деятельности»¹⁷.

Громадная несопоставимость между «суетными» целями религиозных лидеров и ценой, какой оплачивается их достижение, вызывает в полном смысле слова негодование ученого. Его отношение к этому проникнуто гневом и гражданским пафосом: «Под видом защиты веры и сохранения исламизма тысячи гибнут в неравном споре, не замечая того, что они защищают не Коран, а жертвуют своим счастьем и спокойствием своей родины для поддержания властолюбивых замыслов учителя, пользующегося неведением и легкомыслием их, чтобы дорогою ценою человеческой крови купить себе преходящую и суетную известность и ничтожный почет пред своими единоплеменниками... Указанные нами заблуждения мюридов, — делает практическое обобщение Н. В. Ханыков, — весьма похожи на действия соименников их в непокорной еще русскому правительству части Дагестана»¹⁸. А в конце этой публикации — и это нельзя не отметить — снова проявление непрерывно, видимо, идущей в его душе борьбы между чиновником и ученым: «Примечание». В нем приводится обширный (более двенадцати) перечень некоторых молитв мюридов¹⁹. Ясно, что для тех задач, какие ставились перед статьей, этот перечень был не так уж необходим. Но Николай Владимирович собрал и перевел интересные мусульманские молитвы, и не поделиться результатами своего труда с другими он уже не мог...

Ханыков постепенно становился одним из крупнейших исламоведов страны. Его специализация в этом направлении с каждым днем, проведенным в гуще мусульманского населения, приобретала все более широкий и глубокий характер. Вскоре эти познания весьма пригодились. Царские власти на Кавказе уделяли немало внимания общей ситуации, в какой оказалось местное мусульманское духовенство. Н. В. Ханыков превратился в своего рода эксперта при М. С. Воронцове в вопросах поли-

тики по отношению к мусульманскому населению и духовенству. В Центральном государственном историческом архиве Грузии хранится «Устав Тифлисского мусульманского училища Алиева учения» (т. е. шиитского). Его подписали самые высокопоставленные сановники — члены Кавказского комитета: князь А. Чернышев, князь А. Орлов, граф П. Киселев, Ф. Вронченко, Л. Перовский, барон М. Корф, граф В. Панин. 18 апреля 1847 г. Николай I «начертал» на этом документе: «Считать утвержденным в виде опыта на два года»²⁰.

Прямых свидетельств того, что устав подготовил Николай Владимирович, в нашем распоряжении нет, но косвенные данные, в том числе письма современников, подтверждают его авторство. Подобное обстоятельство обязывает нас хотя бы вкратце остановиться на задачах открывавшегося учебного заведения. Они заключались «в предоставлении детям закавказских мусульман Алиева учения средств приобрести познания по законам их веры и изучить русский язык в объеме, потребном для них в общежитии».

Кавказскому наместнику, в «главном» ведении которого находилось это учреждение, предоставлялось право «назначать для ближайшего надзора за ним особого попечителя из числа чиновников, служащих в Тифлисе». Длительное время таким попечителем был, видимо, Ханыков. Кроме того, «для содействия к успешнейшему ходу заведения» наместник избирал почетного смотрителя училища «из почетнейших дворян магометанского исповедания Алиевой секты».

Непосредственное руководство учебным заведением возлагалось на ахунда тифлисской мечети Алиева учения. Впрочем, гораздо больший интерес, чем детали организации училища, вызывает его программа. Как выясняется, она отнюдь не была ограничена «русским языком в объеме, потребном... в общежитии». Наряду с ним изучались законы Российской империи, арифметика, география и другие прикладные науки, а также арабский, персидский и «татарский» языки²¹.

Иными словами, воспитанники получали широкий круг «светских» познаний, хотя это училище и именовалось «мусульманским» и было призвано обучать «по законам их веры». Создание подобного учреждения являлось несомненным шагом вперед в области просвещения мусульманского населения Закавказья.

С позиций М. С. Воронцова и его окружения, однако, большее значение должно было иметь введение обширного и важного «Положения», определявшего и регулировавшего статус исламского духовенства, права и обязанности религиозных деятелей и, конечно, их взаимоотношения с властями.

Серьезная попытка подготовить такое положение связана с именем Н. В. Ханыкова. По специальному указанию Воронцова он разработал и 15 февраля 1848 г. представил правителю кан-

целярии наместника С. В. Сафонову «Записку о предполагаемом устройстве мусульманского духовенства за Кавказом». Как формулировал Сафонов, основные идеи этого документа состояли в том, что «по несовершенству четырех проектов положений о мусульманском духовенстве, составленных при прежних управлениях, и по неполноте сведений, имеющих у правительства о положении и потребностях этого духовенства, необходимо подвергнуть вопрос этот новому исследованию посылкой одного или нескольких лиц в места, населенные мусульманами». Собранные этими людьми сведения должны были лечь в основу нового «Положения».

Воронцов одобрил основные предложения «Записки», сделав некоторые замечания, переданные Сафоновым Ханыкову. «Получив от него 21 ответ на них», правитель канцелярии, выступавший в качестве своеобразного посредника, информировал наместника, и тот возложил на Николая Владимировича всю дальнейшую судьбу проекта. 30 апреля 1848 г. Ханыков получил подробную инструкцию (подготовленную, по-видимому, им самим, как это практиковалось тогда). Ею предписывалось «собрать обстоятельные статистические сведения о положении мусульманского духовенства», о состоянии управления им в соседних мусульманских государствах, «о средствах обеспечить содержание духовенства и о средствах узаконить существование шариатных судов»²².

Намеченному мероприятию придавалось важное значение. Кавказские власти старались тщательно подготовить выполнение Ханыковым задания. 20 апреля 1848 г. Воронцов писал тифлисскому военному губернатору, что поручил Н. В. Ханыкову объехать летом населенные мусульманами провинции Закавказья для сбора сведений «как о мусульманском населении вообще, так в особенности о мусульманском духовенстве» для выработки «Положения».

Успех задуманного, подчеркивал наместник, будет зависеть от степени оказанного в этом содействия, «потому что при всем рвении с его (т. е. Н. В. Ханыкова. — Авт.) стороны он будет не в состоянии лично собрать всех данных, потребных для полного и основательного составления положения о мусульманском духовенстве, которое должно быть главным результатом его поездки».

Дабы облегчить Ханыкову разъезды и помочь ему в «сближении с значительнейшими лицами мусульманского духовенства, дворянства и купечества», надлежало распорядиться, чтобы все подведомственные военному губернатору уездные начальники старательно выполняли циркулярное указание Гражданской канцелярии наместника. Воронцов призывал «не отказывать и в личных сообщениях и советах ваших г-ну Ханыкову», которые могут быть для него «лучшим дополнением выданных ему здесь инструкций»²³.

Циркуляр от 21 апреля 1848 г. доводил до сведения всех уездных начальников, что Ханыков отправляется в «разные части Закавказья» с целью «ближайшего обзора на местах состояния мусульманского населения», особенно духовенства, чтобы составить «проект Положения о правах и обязанностях» этого сословия. Предписывалось немедленно заняться «тщательным пересмотром всех сведений», имеющихся в уездных канцеляриях о различных сторонах жизни мусульман, в том числе об отбываемых ими земских повинностях, связанных с ними следственно-уголовных делах, числящихся за ними недоимках и т. п.

Циркуляр обращал особое внимание на то, чтобы сбор этих материалов не вызвал беспокойства среди населения, а также на необходимость в этих сведениях «разделять мусульман по двум главным сектам исламизма», т. е. на суннитов и шиитов²⁴.

Перед отъездом из Тифлиса Н. В. Ханыков составил утвержденные Воронцовым проекты таблиц, по разделам которых ему должны были доставлять материалы местные начальники. Основное содержание таблиц он перевел на персидский и арабский языки, чтобы сами мусульманские духовные лица сообщили, «что они считают необходимым и полезным для упрочения их благосостояния, единственного ручательства их преданности правительству».

Н. В. Ханыков приступил к выполнению задания с присущей ему скрупулезностью. Он провел в поездках по Закавказью (прежде всего по Азербайджану) восемь месяцев, вернувшись в Тифлис 22 декабря 1848 г. Попутно он посетил Иран, собирая там сравнительные данные, и прислал из Тебриза подробную «Записку» о состоянии местного духовного управления.

Из этих поездок, свидетельствует цитировавшийся «Доклад по проекту Положения об управлении мусульманским духовенством» (1850), Ханыков «привез... полное собрание статистических данных о нашем мусульманском духовенстве и письменные отзывы духовных лиц о различных потребностях их сословия».

По указанию Воронцова он подготовил и представил 17 января 1849 г. еще одну детальную «Записку» — о принципах проектируемого «Положения». В основе его лежала идея о разделе суннитского и шиитского мусульманского населения на духовные округа, не зависящие от деления на губернии, причем суннитские округа должны подчиняться муфтиям, а шиитские — муджтехидам. В каждом округе планировалось создать духовные суды трех разрядов: окружные, уездные и магальные (т. е. квартальные). Этим судам надлежало дать исключительное право разбирательства «некоторых видов гражданских дел, происходящих из особенностей мусульманского быта». Выбирать судей всех степеней (кроме главной) следовало по проекту мусульманскому населению, после чего их должно было утвердить «начальство». Избранным и утвержденным правительством на

их постах «служащим членам духовенства» причиталось ежегодное казенное жалованье.

Последняя и едва ли не самая главная идея, заложенная в предложениях Н. В. Ханыкова, состояла в том, чтобы «признать гласно и официально свободу отправления мусульманской религии за Кавказом и в пределах империи (! — Авт.), с тем чтобы отнять возможность недоброжелательствующим нам людям распространять вредное для нас мнение, что мы хотим искоренить исламизм».

В условиях николаевского режима нужно было обладать гражданской смелостью (а может быть, и некоторой долей наивности), чтобы проектировать существенное расширение прав мусульманского духовенства, принятие его содержания на государственный счет и признание свободы исповедания ислама не только «за Кавказом», где это могло диктоваться конъюнктурными соображениями, но и повсеместно «в пределах империи».

Следующие разделы «Записки» посвящались довольно сложной проблеме: как увязать предлагавшееся «внутреннее домашнее управление» служителями мусульманского культа с «общим государственным управлением». Для этого выдвигались два способа. Во-первых, подчинить духовенство в административном, юридическом и «полицейском» отношениях губернскому начальству; во-вторых, образовать особое центральное управление на Кавказе, которое служило бы связующим звеном между мусульманским духовенством и главной администрацией края.

Чему отдавал предпочтение Ханыков? Читатель, по всей вероятности, предположит, что второму, более либеральному решению. И не ошибется. «И так как первое решение подчиняло бы успех дела разности взгляда разных лиц на один предмет,— читаем мы в „Докладе по проекту Положения об управлении мусульманским духовенством“ — увеличивало бы занятия губернских правлений, не прибавляя им способов производить дела, а главное — производило бы некоторый беспорядок по несогласию деления на духовные округа с делением края на губернии, то в записке отдано было преимущество второму решению этого вопроса, и она оканчивалась изложением состава центрального управления».

Любопытны некоторые доводы автора проекта в пользу предоставления мусульманскому населению определенного самоуправления. Намек на «разность взглядов разных лиц», в общем мало разбивавшихся в нуждах и потребностях местного населения, и чуть ли не ироническая «озабоченность» по поводу возможной «перегрузки» чиновников губернских правлений — эти доказательства, с точки зрения царского службиста, звучат не очень убедительно, тогда как «главный» довод выглядит особенно оригинально в свете того, что именно Ханыков предложил принцип «несогласия деления на духовные округа с делением края на губернии»!

В «Записке» явно читается между строк желание автора в какой-то степени вывести мусульманских жителей из-под управления царской администрации. Но отдавал ли он в этом плане предпочтение исламскому духовенству?

Н. В. Ханыков не был вольнодумцем — для такого вывода нет оснований. Он не был открытым, решительным и активным борцом ни с самодержавием, ни с религиозными предрассудками. Но это был высококультурный, гуманный человек, который, видимо, полагал (правильно или нет — другой вопрос), что контроль над духовной жизнью мусульман со стороны их духовенства будет менее обременительным, чем со стороны царских властей.

21 января 1849 г. проект Ханыкова рассматривал Воронцов вместе со своими ближайшими помощниками — Сафоновым, Бебутовым и Аргутинским. Они высказали несколько общих замечаний, и наместник предложил автору «Записки» составить «Положение», основанное на изложенных им принципах. На это ушло почти три месяца. 12 апреля 1849 г. Воронцову вручили доработанный проект. Он состоял из шести глав: об отправлении обрядов ислама, о правах и обязанностях шиитского духовенства, об управлении им, о должностных лицах этого духовенства и порядке их избрания, «о поступлении в духовное сословие» и, наконец, «о законных способах содержания должностных лиц этого сословия».

Наместник отложил вопрос об устройстве особого центрального мусульманского управления «до будущих соображений», предложив Совету Главного управления Закавказским краем обсудить основные части проекта. Пока члены Совета изучали материалы «Положения», Воронцов отправился в поездку по подведомственным ему землям. Он велел сопровождавшему его Н. В. Ханыкову «сообщить в татарском переводе главные отдели этого положения влиятельнейшим членам мусульманского духовенства в Нухе, Елизаветполе, Шуше и Шемахе с тем, что если они найдут в нем что-либо не соответствующее их пользам, то чтобы они могли лично ходатайствовать об изменении того...». Каких-либо пожеланий в этом плане, однако, не поступило.

Затем проект «Положения» рассматривал Совет Главного управления Закавказским краем, на котором присутствовал и его автор. Особых изменений внесено не было. Члены Совета лишь подчеркнули необходимость «установления такого учреждения, где бы сосредоточивались предметы, подлежащие неизбежному обсуждению высшей власти в крае по делам магометанского духовенства, высший надзор над направлением дел по шариатам и отчетность по «ним», т. е. восстановления исключенных М. С. Воронцовым острых в политическом отношении пунктов о центральном управлении, хотя эту проблему участники заседания предоставили «благоусмотрению его сиятельства» (наместника).

В середине июля 1849 г. Ханыков повез журнал (т. е. протокол заседания) Совета вместе со своей объяснительной запиской в Петербург, где в это время находился Воронцов, который передал эти материалы вместе с «Положением» на обсуждение высшего правительственного органа по делам Кавказа и Закавказья — Кавказского комитета. Его члены — главноуправляющий II Отделением собственной его императорского величества канцелярии (в ее компетенцию входила, в частности, кодификационная деятельность) Д. Н. Блудов, министр внутренних дел Л. А. Перовский и министр юстиции В. Н. Панин — прислали свои соображения по поводу проекта.

Общее значение этих соображений хорошо характеризуется в уже приводимом «Докладе...». Его составитель констатирует: «Не входя в подробный разбор, я передавал эти три мнения на рассмотрение г-на Ханыкова, который ограничился только замечанием, что все они, изменяя проект в некоторых незначительных подробностях, оставляют незывлемыми коренные основания его»²⁵.

В самом деле, высказанные петербургскими сановниками пожелания касались преимущественно частных предложений Ханыкова, да и возражения одних по поводу того или иного пункта перекрывались одобрительными оценками других в связи с тем же пунктом. В общем же главноуправляющий и министры одобрительно отзывались о его труде.

Д. Н. Блудов, например, писал: «Мысль проекта о учреждении (третейских.— Авт.) судов мусульманских и подчиненных... строгому контролю главного начальства края я... нахожу весьма полезною; она... согласна и с высшей целью правительства, и с навыками, религиозными идеями и нравами мусульманских жителей края; хотя подчинение сих судебных мусульманских мест исключительно надзору главного начальника с отстранением от того всех второстепенных властей, надзору, коего порядок подробно указан в проекте и может встретить некоторые и многие затруднения в исполнении, но оно представляет ту важную выгоду, что посредством такого однообразного и, следовательно, всегда согласного с высшими правительственными видами действия можно будет предупредить частные злоупотребления, распространить и утвердить общее к правительству доверие»²⁶.

На этом небольшом примере видно, что Н. В. Ханыков стремился в какой-то степени облегчить жизнь местного населения, в данном случае мусульманского, ослабив воздействие на него продажности, взяточничества, вымогательства по крайней мере всевозможных промежуточных инстанций царского административного аппарата — уездных, губернских и т. п.

Члены Кавказского комитета не высказали принципиальных критических замечаний. Это отнюдь не означало, что они горели желанием немедленно ввести разработанное «Положение»

в силу. Уж слишком много было в нем новых и смелых идей. Понимал это и сам М. С. Воронцов, предлагавший принять его сначала «в виде опыта» на три года. Но Панин в качестве предварительного условия такого решения внес предложение, чтобы шиитское духовенство, о котором преимущественно шла речь в проекте, сообщило свое мнение о готовящемся нововведении²⁷.

В советское время эти труды ученого были опубликованы. В окончательном виде они составили «Проект положения о мусульманском духовенстве Алиева учения», который предусматривал учреждение в Закавказье шариатских судов и определял права и обязанности шиитских духовных лиц²⁸. Большую познавательную ценность представляет «Объяснительная записка к проекту». В нее включены «Исторический обзор действий правительства по устройству мусульманского духовенства за Кавказом» (в том числе содержательные данные о его «составе и особенностях») и «Основания представляемого положения» о руководящих деятелях закавказского мусульманства, в котором излагаются ведущие мотивы и линии законопроекта²⁹.

Несмотря на одобрительные отзывы о новом «Положении» на всех уровнях царского административного аппарата, где он обсуждался, проект так и не был введен в действие. Он был слишком необычен для николаевской эпохи. Не случайно Л. А. Перовский отмечал, что проект предоставляет исключительные права шариатским судам, тогда как «такую власть опасно давать духовенству»³⁰. Он вполне мог бы добавить: «особенно» или «тем более мусульманскому» в «православной» империи.

Возникает вопрос: стоило ли столько места и внимания уделять неосуществившемуся мероприятию? Как нам думается, безусловно, стоило. Работа над подготовкой «Положения», на которую Ханыков затратил несколько лет, была важной вехой в его биографии. Он объездил весь Азербайджан и часть Северного Ирана, изучил местную обстановку, детально ознакомился с нормами мусульманского права, еще раз подтвердив свои качества вдумчивого наблюдателя и исследователя.

Н. В. Ханыков «находится в Закавказском крае пятый год,— писал М. С. Воронцов 20 июля/1 августа 1849 г. председателю Кавказского комитета военному министру А. И. Чернышеву, направляя „Проект положения о мусульманском духовенстве...“— хорошо знает восточные языки и поэтому имел возможность войти в подробные изыскания о мусульманском духовенстве, необходимые для безошибочного составления такого важного и обширного труда»³¹.

Тщательность и глубина разработки Ханыковым чрезвычайно сложной темы — не только о шиитском духовенстве, но и мюридах и мюридизме, о различных толкованиях Корана, о газавате и других вопросах, связанных с исламской религией,— таковы, что многие собранные им данные и выводы не потеряли

актуальности и поныне. Об этом, к примеру, свидетельствует видный советский историк и исламовед Н. А. Смирнов. Он отмечает, что точка зрения Ханыкова по поводу мюридизма и некоторых других проблем, связанных с исламской идеологией и практикой на Кавказе в этот период, в общих чертах перекликается со взглядами современных ученых³².

Напряженная работа над «Положением» о мусульманском духовенстве отняла у востоковеда около двух лет — с начала 1848 до конца 1849 г. Но его кипучая натура вовсе не ограничивалась даже в указанное время рамками одного дела. В своих разъездах ученый старается не упустить ни малейшей возможности исследовать окружающий его мир под самыми различными углами зрения. Он собирает и отправляет в Петербург редкие монеты — и это легко понять: нумизматика помогает разъяснить многие исторические сюжеты. Он разыскивает и коллекционирует восточные рукописи — драгоценный источник для освещения темных сторон прошлого народов Востока, — и это вполне объяснимо. Он срисовывает — порой с колоссальным напряжением сил, в труднейших условиях и с риском для жизни — куфические надписи на минаретах и мечетях, различные письмена на древних сооружениях, гибнущих в неизвестности; впоследствии он составит из некоторых надписей целый альбом, представляющий немалую научную ценность; но и сейчас уже он щедро делится находками с коллегами в Тифлисе, а особенно в столице, в Академии наук, в Азиатском музее. Разумеется, и это лежит в русле прямых интересов Николая Владимировича Ханыкова, как и его занятия этнографией, историей деятельности отдельных современников (обо всех этих сюжетах мы еще будем говорить более подробно).

Он проявляет себя и как геолог, и как гидролог, кропотливо изучающий специфику Каспийского моря в прошлом и настоящем. Он продолжает вести плодотворные климатические наблюдения, и упоминавшаяся работа о тифлисском климате свидетельствовала о компетентности Ханыкова в этой области, лежавшей в стороне от основного направления его деятельности. Ханыков занимается и топографией (впрочем, он успел зарекомендовать себя отличным картографом еще в Оренбурге) и выступает в качестве умелого организатора научных изысканий.

Но прежде чем перейти к более обстоятельному рассмотрению его многогранной деятельности, необходимо подчеркнуть одну ее существенную особенность: чем бы ни занимался Ханыков, он все делал как профессионал, который старательнейшим образом изучал привлекавшую его внимание тему. У него уже выработались особые, свои методы научного исследования. Изучив какой-либо вопрос, он не спешит сразу полностью изложить полученные результаты. Вначале набрасывается краткое, конспективное изложение, своего рода расширенное резюме, предпочтительно в виде письма коллеге, который занимается

аналогичными проблемами. Первая информация, первый обмен мыслями. Чаще всего такое послание в дальнейшем публикуется, а реакция на него со стороны ученого мира используется для доработки отдельных частностей, для учета слабых, уязвимых мест. Такой прием прослеживается на протяжении всей научной деятельности Н. В. Ханыкова. Он часто по истечении многих лет возвращался к старым темам, углублял и расширял их разработку, отшлифовывал выводы, стремясь сделать их более убедительными и обоснованными.

Одной из отраслей истории, которой он интересовался и в которой стал в конечном итоге специалистом мирового класса, была эпиграфика — историческая дисциплина, изучающая надписи на твердых материалах. Насколько позволяли время и служебные занятия, Н. В. Ханыков погрузился в мир мусульманских и иных надписей на строениях в Грузии, Армении и Азербайджане, а когда представлялась возможность, не упускал случая ознакомиться и с соответствующими памятниками соседнего Ирана. С этой точки зрения внимание Н. В. Ханыкова привлекли развалины Ани — города и крепости в Армении, столицы Анийского феодального государства (60-е годы IX в. — 1045), основанного Багратидами. Он примкнул к академику Петербургской Академии наук Марию Ивановичу Броссе (1802—1880), «следовавшему по высочайшему повелению из Санкт-Петербурга в Грузию для производства ученых исследований»³³.

Древняя армянская столица вызывала большой интерес не только в России, но и далеко за ее пределами. Обосновавшаяся в начале XVIII в. в Венеции конгрегация армянских католических церковников-мхитаристов уже направляла одного из священников в Ани для копирования местных армянских, грузинских и мусульманских надписей в связи с подготовкой описания столицы государства Багратидов. Движимые патриотическими побуждениями, М. И. Броссе и Н. В. Ханыков полагали, что приоритет в обнаружении материалов Ани должен принадлежать отечественным ученым.

В декабре 1848 г. при морозе, достигавшем 24° по Реомюру, Ханыков копировал анийские надписи. Предварительные результаты своих наблюдений он сообщил в письме Броссе от 23 марта 1849 г., опубликованном в академическом издании «*Mélanges Asiatiques*»³⁴. Одна из надписей позволила выявить неизвестного члена влиятельной феодальной семьи Бени-Шеддад, другая свидетельствовала, что построенная посреди города мечеть относится ко временам Абусаида Бахадур-хана Хулагиды и сооружена из материалов, вывезенных этим ханом из Индии. Н. В. Ханыков сообщал далее — и в тоне его письма чувствуется ликование, — что персидские исторические труды, использованные им для справок, не содержат ни малейших упоминаний ни о походе Абусаида в Индию, ни даже о владении им Ани.

Последнее обстоятельство Ханыков объясняет тем, что Ани оказался под контролем Абусаида во время его похода на Геокчай. Более подробно Ханыков описал итоги исследований в специальном труде «Поездка в Ани в 1848 г.», который М. И. Броссе включил особым разделом в свой фундаментальный отчет «Об археологической поездке в Грузию и Армению в 1847—1848 гг.»³⁵. Ханыков подчеркивает в этой работе, что стремился не к общему исследованию руин столицы Анийского царства, а к «установлению характера и точного количества мусульманских надписей на памятниках Ани», о чем крайне мало сообщали научному миру его предшественники в данном районе — Кер-Портер, Тексье, автор книги «Грузия и Армения» А. Н. Муравьев, Г. В. Абих и др. Он констатирует, что дополняет и уточняет сведения, добытые этими путешественниками, а также приводит и комментирует мусульманские надписи, не попавшие в поле их зрения.

Подобное утверждение было, по сути, проявлением скромности ученого. Его деятельность в Ани в начале зимы 1848 г. во многом расширила имевшиеся в те годы представления о различных сторонах прошлого армянской столицы (да и не только ее) и немало способствовала общему успеху экспедиции М. И. Броссе. Впрочем, сам академик пишет об этом вкладе значительно подробнее. Он отмечает, что Ханыков сопровождал его на отдельных этапах поездки по Кавказу, копировал вместе с ним различные надписи, а о некоторых из них информировал его³⁶.

Николай Владимирович, по выражению М. И. Броссе, передал ему «чудесный подарок — несколько восточных монет в дар Академии. В их числе — прекрасный и четкий экземпляр одной из первых грузинских монет». Собственно говоря, монетами дело не ограничивалось; они вообще поступали от него в Азиатский музей большими коллекциями. Протоколы историко-филологического отделения Академии наук за вторую половину 40-х — начало 50-х годов XIX в., т. е. в период пребывания Ханыкова в Тифлисе, пестрят записями о передаче им различных предметов, рисунков, копий исторических надписей, рукописей и т. п.

Вот несколько примеров, взятых на выбор: 21 февраля 1851 г. он прислал копию истории Гиляна, принадлежавшую Абд аль-Фаттаху Фумини; 16 апреля 1852 г. — орден, которым Шамиль награждал своих сторонников, 21 апреля 1854 г. — арабскую рукопись и пр. В феврале 1853 г. Ханыков отправил в дар Азиатскому музею саблю и портрет Хаджи Мурата³⁷.

Именно Н. В. Ханыков содействовал изготовлению и передаче тому же музею интереснейших копий надписей на руинах зданий в Ани³⁸. Некоторые из них он сделал объектом специального исследования. Кроме того, ученый открыл среди развалин Ани две куфические надписи времен Бени-Шеддадов, которые

еще не были опубликованы, а содержание их не было известно; между тем они проливают свет на детали исторического развития этого региона в мусульманскую эпоху³⁹.

Обобщая результаты научных исследований посещенных им местностей и роль, сыгранную в этом Н. В. Ханыковым, М. И. Броссе указывал: «Кавказская и закавказская археология с 1848 года обогатилась значительным количеством надписей, большая часть которых куфическая и одна пехлевийская; надписи были найдены в результате трудов достопочтенного г. Ханыкова, служившего в Дипломатической канцелярии Кавказского наместничества, и г. Бартоломея, известного своими работами о сасанидских монетах. Не входя в детали по поводу этих удачных находок, сделанных в основном в Южном Дагестане и в Дербенте, в Нахичевани и в окрестностях, я ограничусь лишь упоминанием № 52, 53, 76 и других газеты „Кавказ“ за 1850 г., где эти памятники со знанием дела описаны г-ном Ханыковым»⁴⁰.

Эпиграфические интересы прослеживаются на протяжении всей жизни Н. В. Ханыкова. «Письма» научного характера по поводу отдельных памятников, как мы видели, разрастались в более объемистые исследования; последнее — и самое обширное — увидело свет уже в период пребывания ученого во Франции; о нем, как и об общем значении работ востоковеда над надписями, нам еще предстоит говорить.

А пока... Пока же он неутомимо разыскивал и изучал исторические надписи, уточнял их содержание, датировку, трактовку. Характерны в этом отношении два письма Н. В. Ханыкова Б. А. Дорну из Тифлиса — от 7(19) июня 1849 г. и 2(14) февраля 1850 г. В первом из них востоковед сообщал об обнаружении им куфической надписи на стенах деревенской мечети Риджа в ханстве Казикумух (Южный Дагестан). Он приводил ее текст и французский перевод, указывая, что она дополняет сведения, которыми располагали русские историки, в частности Н. М. Карамзин, о деятельности монгольского хана Батые между его первым и вторым походами на Европу. Далее Ханыков оспаривал некоторые выводы, к которым пришел Дорн, исследуя надпись «Гумбези Атабеки» из Нахичевани. Он воздавал должное таланту зодчего, который воздвиг эту усыпальницу («гумбез»), указывая, что ему подражали более поздние зодчие, приводя в качестве примера три памятника эпохи Сефевидов. Любопытно, что к этой части письма Б. А. Дорн сделал приписку: «Привожу надписи и их точный перевод, как он дан Ханыковым, хотя и не всегда согласен с мнением scrupuleзного исследователя».

Во втором письме Ханыкова содержались копия и французский перевод надписи IV в. хиджры, начертанной на надгробной плите в Карабахе (близ развалин города Мил в местности Деште Пейхамбарлу), на берегу высохшего канала, который, по

преданию, был прорыт зимой 803 г. хиджры по приказу Тимура, когда этот завоеватель проходил через Мугань. Затем востоковед рассказывал о надписи на другой стороне камня, которую он скопировал в 1849 г., но, к сожалению, от здания, упомянутого в надписи, ничего не осталось. Камень же помещен в часовне более поздней постройки. «Каменная пыль считается целебной против болезней скота, и окрестные пастухи скоро его уничтожат», — сетовал он. Между тем этот памятник представляет особую ценность как свидетель событий, давно минувших, а именно — похода русских в Карабах и взятия Барды, что датируется арабским историком Абу-ль-Хасаном аль-Масуди приблизительно 300 г. хиджры.

Ханыков подчеркивал, что эта надпись, по существу, самая древняя из куфических писем на Кавказе, которых весьма немного: дешифрованный Х. Д. Френом документ на знаменитой железной двери монастыря Гелати 455 г. хиджры (1063 г. н. э.), надпись на мечети в Баку 471 г. хиджры (1078 г. н. э.), две куфические надписи в Ани, о которых Ханыков сообщил М. И. Броссе, — 465 и 570 гг. хиджры (1072 и 1174 гг. н. э.), скопированная Кестнером еще одна надпись в Ани 557 г. хиджры (1161 г. н. э.), прочитанный Х. Д. Френом источник на башне Атабеков в Нахичевани 582 г. хиджры (1186 г. н. э.) и, наконец, скопированная Ханыковым надпись в Риджа (Южный Дагестан) 638 г. хиджры (1240 г. н. э.).

Именно поэтому Николай Владимирович придавал особое значение надписи в Карабахе и отмечал, что намерен посвятить ей специальную статью в газете «Кавказ»⁴¹.

Продолжая уделять значительное внимание эпиграфике, Николай Владимирович не менее впечатляющих успехов добился в географии Востока. К рассмотрению его трудов в этой области мы и перейдем.

Но перед этим необходимо хотя бы вкратце коснуться пережитой Н. В. Ханыковым тяжелой драмы, имевшей не только личный, но и общественный характер, драмы, которая была связана с важными внутривосточными событиями и в конечном итоге привела к гибели близкого ему и горячо любимого человека.

...В одном из советских архивохранилищ имеется копия весьма любопытного документа — предписания всеильного главы III Отделения А. Ф. Орлова от 30 апреля 1849 г. за № 804 И. А. Набокову: «Вследствие отношения в. в. пр-ва от 30 апреля № 2, я с сим вместе предписал полковнику корпуса жандармов Станкевичу немедленно открыть местопребывание Ханыкова, арестовать его, вместе со всеми его бумагами и книгами, и представить его, с этими бумагами и книгами, прямо к в. в. пр-ву для заключения его в Санкт-Петербургскую крепость...»⁴².

23 апреля 1849 г. в результате доноса провокатора нача-

лись аресты молодых людей, собиравшихся у второго переводчика департамента внутренних сношений дипломатического ведомства М. В. Буташевича-Петрашевского. Одним из арестованных был Александр Ханыков, брат Николая Владимировича. Он был вольнослушателем (с 1843 г.) восточного факультета Петербургского университета и в начале 1847 г. был изгнан из университета за «неблагонадежное» поведение.

А. В. Ханыков принадлежал к числу самых активных и образованных членов «возмутительного кружка». Он «прекрасно знал Фурье, с которым, между прочим, познакомил своего товарища по университету Н. Г. Чернышевского»⁴³. На собраниях у М. В. Петрашевского и других его единомышленников он энергично выступал за разрешение крестьянского вопроса. Именно А. В. Ханыков приводится в качестве примера, когда речь идет об иллюстрации положительного отношения петрашевцев к социализму. «С развитием промышленности петрашевцы связывали утверждение в будущем социалистического общества,— отмечает В. Е. Иллерицкий.— А. В. Ханыков полагал, что „из взаимного проникновения разума и индустрии и выйдет то новое вождевленное начало, на котором построятся будущая жизнь человечества“». Вместе с тем петрашевцы понимали, что промышленное развитие в условиях капитализма сопровождается и отрицательными последствиями»⁴⁴.

Не приходится сомневаться, что и Яков Владимирович, и Николай Владимирович прилагали все усилия, чтобы помочь попавшему в беду брату. На каком-то этапе казалось, что их усилия увенчаются хотя бы частичным успехом. Военно-судная комиссия, председателем которой был симпатизировавший старшим братьям В. А. Перовский, вынесла Александру сравнительно «мягкий» приговор — четыре года каторги. Однако генерал-аудиторiat выказал иное суждение: расстрел, хотя и ходатайствовал о замене такого приговора десятью годами каторги. По конфирмации А. В. Ханыков был сослан рядовым в оренбургские батальоны, попал в 1-й линейный батальон, расположенный в самой отдаленной Орской крепости, где вскоре (30 июня 1853 г.) умер от холеры⁴⁵.

Дикая расправа над теми, кто оказался повинен, по сути, лишь в том, что в обстановке революционного подъема 1848 г. в Европе стремился осмыслить российскую действительность и найти пути выхода своей родины из тупика, интересовался политическими вопросами и робко пропагандировал социал-утопические взгляды Фурье, и гибель брата глубоко потрясли Николая Ханыкова.

Был еще один аспект «дела петрашевцев»⁴⁶, который не мог не касаться его весьма близко. Подавляющее большинство ведущих членов этого кружка служили в министерстве иностранных дел. И не просто в министерстве, как сам М. В. Буташевич-Петрашевский, а непосредственно в «родном» Азиатском де-

партаменте: Д. Д. Ахшарумов, братья К. М. и И. М. Дебу, Н. С. Кашкин, Э. Г. Ващенко, Е. С. Есаков. Кроме того, М. В. Петрашевский и Н. А. Спешнев обучались в Царскосельском (впоследствии Александровском) лицее. Иными словами, все это были близкие, хорошо знакомые люди.

Николаю Владимировичу Ханыкову вовсе не нужно было обладать чрезвычайно развитым воображением, чтобы представить воцарившийся в Азиатском департаменте переполох: допросы, обыски, настойчивые поиски «крамолы» и ретивые меры по ее искоренению. Он, понятно, не был знаком с письмом управляющего III Отделением Л. В. Дубельта председателю следственной комиссии И. А. Набокову о том, что директор департамента и временный глава внешнеполитического ведомства Л. Г. Сеньявин велел обыскать столы всех своих подчиненных — участников «заговора». У одного из братьев Дебу была обнаружена и доставлена в III Отделение «частная бумага противозаконного содержания и несколько книг»⁴⁷. Но Ханыков понимал, что честь и совесть обязали бы его быть среди сторонников Петрашевского, а не рядом с Дубельтом, Сеньявиным и другими душителями малейшего проявления свободомыслия.

В вышедшем за шесть лет до того «Описании Бухарского ханства» Н. В. Ханыков с явным неодобрением характеризовал азиатский деспотизм. И если он не был открытым и решительным борцом с царским самодержавием, то его нельзя причислить и к тем, кто горячо симпатизировал полуазиатскому-полуевропейскому деспотизму и жестокости сановного Петербурга. Его положение можно сравнить с ситуацией, в какой оказался старший коллега Ханыкова по министерству иностранных дел А. С. Грибоедов, отъезд которого в «теплую Сибирь» — на Кавказ — спас его от осуждения по делу декабристов. Не исключено, что пребывание Н. В. Ханыкова в столице в период «дела петрашевцев» как-то сказалось бы на его дальнейшей судьбе⁴⁸. Но Ханыков, как в свое время Грибоедов, также находился в Тифлисе, и мы возвращаемся к описанию его деятельности на Кавказе, возвращаемся к географии.

...В середине XIX в. в географической науке России был осуществлен ряд важных организационных мероприятий. Одно из них имело политический характер. Речь идет о борьбе в конце 1840-х годов против засилья «немецкой группы» в руководстве Географического общества. «Состав председателей отделений Общества был в то время блестящим,— повествует о развернувшихся событиях один из крупнейших отечественных географов — П. П. Семенов (в будущем — Тянь-Шанский).— В отделении математической географии председательствовал знаменитейший в России астроном XIX века В. Я. Струве, в отделении общей географии... лучший в то время в России геолог Г. П. Гельмерсен, в отделении статистики — трудолюбивый и обладавший большой эрудицией академик П. И. Кеппен, в от-

делении этнографии — величайший из русских натуралистов и антропологов XIX века К. М. Бэр. Но на всех этих корифеев науки быстро развивавшееся юное Русское географическое общество, уже сильное притоком собственных свежих сил, смотрело как на сонм немецких учителей, державших его в слишком тесных и несколько чуждых его духу иноземных пеленах».

Как пишет далее П. П. Семенов, в Обществе «образовалась сильная русская партия», во главе которой «стояло в то время немало высокоталантливых людей, как, например, три брата Милютиных (Дмитрий, Николай и Владимир), два брата Ханыковых (Яков и Николай), два брата Заблочких-Десятовских (Андрей и Михаил), И. П. Арапетов, Н. И. Надеждин, В. В. Григорьев, К. А. Неволлин, Изм. Ив. Срезневский, К. Д. Кавелин, А. Д. Озерский, В. С. Порошин и много других»⁴⁹.

Недовольство этой группы вызывал и вице-председатель Общества (т. е. его фактический глава) Ф. П. Литке, который «скептически относился к народным стремлениям и симпатиям сравнительно молодых избранников Общества»⁵⁰. В итоге 22 февраля 1850 г. вместо Ф. П. Литке вице-председателем Общества был избран управлявший Межевым корпусом сенатор М. Н. Муравьев, а затем сменились и почти все председатели отделений.

Нельзя сказать, что новый выбор был удачным. Правда, М. Н. Муравьев обладал незаурядной энергией, но это был закоренелый реакционер, мракобес и самодур. Собственно, даже сторонники Муравьева не обольщались относительно его натуры и уже на следующий день после избрания распространили четверостишие о нем:

«И нами избранный ярыга
Сегодня всех нас принимал
И говорил нам, будто книга
Ему милей, чем капитал»⁵¹.

Приводящий это стихотворение П. П. Семенов пишет далее: «Зима 1850—1851 гг. прошла для меня довольно быстро: с одной стороны, я был занят окончанием и печатанием моей диссертации и ее защитой, а с другой — я усердно работал в Географическом обществе совместно с В. В. Григорьевым, известным ориенталистом, с Н. В. Ханыковым, бывшим начальником Хорасанской экспедиции»⁵².

Думается, что патриарху географической науки здесь изменила память (видимо, доживший почти до 90-летнего возраста П. П. Семенов-Тянь-Шанский при подготовке воспоминаний не сверялся с соответствующими материалами). Н. В. Ханыков все это время почти безвыездно провел за Кавказским хребтом и не мог принимать непосредственного участия в открытых и закулисных столкновениях, которые развернулись в Петербурге.

Да и указание о совместной работе в Обществе скорее относится к Якову Ханыкову, бывшему с марта по декабрь 1851 г. его ученым секретарем.

И тем не менее нельзя было не привести высказываний П. П. Семенова-Тянь-Шанского: они важны, несмотря на хронологические неточности, ибо характеризуют то, о чем мы имеем наименьшие сведения, — политические взгляды и позиции Н. В. Ханыкова. Он был патриотом своего отечества, хотя оно в тот период и не всегда по достоинству оценивало его заслуги. Эти высказывания интересны и определением его места среди ведущих представителей науки, в данном случае географической, которой Николай Владимирович, по существу, специально не занимался: еще одно подтверждение нашего тезиса о высоком профессионализме Ханыкова во всем, за что бы он ни брался. Наконец, немаловажное значение имеет и перечень имен его коллег и единомышленников. Все это были во многих отношениях незаурядные люди, игравшие важную роль в политической, экономической или культурной жизни страны. Тесное знакомство, а иногда и дружбу с некоторыми из них (например, с Н. А. Милютиным) Н. В. Ханыков поддерживал долгие годы.

Ну а чем же в действительности занимался в тот период Николай Владимирович? Созданием Кавказского отдела Географического общества. Инициативу в этом направлении проявил еще до ухода с поста вице-председателя Общества Ф. П. Литке. 27 декабря 1848 г. в письме к М. С. Воронцову он констатировал: «Некоторые члены Русского географического общества и многие другие образованные и ученые лица, служа на Кавказе... занимаются учеными трудами с целью изучения того края... Труды этих лиц появляются по временам в периодических изданиях, но большая часть оных остается в портфелях или архивах».

От имени Географического общества Ф. П. Литке высказывал пожелание, «чтобы столь полезная деятельность была более известна как соотечественникам нашим, так и за границей, чтобы она получила одно общее направление и чтобы взаимное содействие трудящихся облегчило по возможности работу каждого».

Исходя из этих сообщений, он запрашивал: не найдет ли полезным Воронцов объединение находящихся на Кавказе членов Общества в «Кавказском отделении для географического, статистического и этнографического изучения края и нельзя ли будет принять в это отделение и других полезных членов?»⁵³.

Переписка между Петербургом и Тифлисом продолжалась довольно долго: наместник ссылался на финансовые трудности. Наконец, 27 июля 1850 г. царь утвердил «Положение» о Кавказском отделе Русского географического общества, призванном изучать край «в отношениях собственно географическом, этнографическом и статистическом»⁵⁴. Почти девять месяцев

спустя, 10 марта 1851 г., «в доме почетного члена Общества и покровителя открывающегося Отдела наместника кавказского кн. М. С. Воронцова» состоялось его первое заседание. На нем была определена программа деятельности открывающегося филиала объединения отечественных географов: «во-первых, отыскивать и приводить в известность собранные уже сведения о Кавказском крае» в местных архивах и у частных лиц, а также делать их достоянием научной общественности и всех интересующихся; «во-вторых, производить ученые исследования на местах» для сбора новых сведений или проверки имеющихся; в-третьих, содействовать российским и иностранным путешественникам, посещающим Кавказ в ученых целях; в-четвертых, создать специальное хранилище собранных материалов: краеведческую библиотеку, депо различных местных географических и топографических карт, а кроме того, статистический архив и этнографический музей⁵⁵.

В состав нового отдела Общества вошли его действительные члены: Г. К. Багратион-Мухранский, И. А. Бартоломей, Г. Г. Гагарин, А. П. Максимович, А. П. Николаи, В. Н. Семенов, В. А. Соллогуб, А. А. Уманец, П. К. Услар, Н. В. Ханыков и О. И. Ходзько (иногда Осипа Ивановича Ходзько именуют Иосифом Ивановичем). Ссылаясь на частые разъезды, «покровитель» Отдела М. С. Воронцов тут же назначил себе помощника — начальника Гражданского управления Закавказского края В. О. Бебутова. Председательствующим стал один из руководителей штаба Кавказской армии Н. И. Вольф. В. О. Бебутова и Н. И. Вольфа на том заседании выбрали в члены Отдела и возбудили ходатайство об избрании их действительными членами Общества. Правителем дел был избран А. А. Уманец, а помощником председательствующего — Н. В. Ханыков. Поскольку должность «председательствующего», как и «покровителя», носила преимущественно почетный, представительский характер, ведущая роль в Кавказском отделе, по существу, принадлежала Николаю Владимировичу. Это избрание явилось общественным признанием его научных заслуг. Дело в том, что Ханыков все эти годы отнюдь не был всецело и полностью поглощен служебной деятельностью, подготовкой различных административных проектов и «положений». Ему удавалось выкраивать время и для написания различных работ и публикаций. И даже для участия в практических исследованиях и путешествиях. Так, в феврале 1850 г. Н. В. Ханыков в письме своему знакомому по Царскосельскому лицей А. В. Головнину, бывшему в 1846—1848 гг. секретарем Русского географического общества и ставившемуся все более важным сановником, описал «Триангуляционную съемку и другие ученые работы по Кавказскому краю»⁵⁶. Это был восторженный гимн начальнику триангуляций Закавказского края полковнику О. И. Ходзько и его сотрудникам. Он сообщал и о других картографических работах,

которые облегчали подготовку климатической карты края, о геологических и геогностических изысканиях академика Г. В. Абиха в районе Эльбруса, а также о метеорологических наблюдениях Абиха, проведенных «им с редким старанием в Ленкорани, Баку, Дербенте, Шемахе, Шуше, Эриване, Александрополе, Кутаисе, Редут-Кале, Владикавказе и Пятигорске, так что, присоединяя к ним тифлиские наблюдения, мы имеем теперь данные для верной и драгоценной для науки подробной монографии здешнего климата. Одни названия исчисленных мест наблюдений дают меру богатства результатов, коих можно ожидать от них»⁵⁷.

Но Н. В. Ханыков не только знакомил специалистов с результатами чужих наблюдений и изысканий. Он пользовался любой возможностью, чтобы самому участвовать в различных исследованиях и путешествиях. В начале июля 1850 г. он выхлопотал для себя у М. С. Воронцова разрешение примкнуть к отряду полковника Ходзько, совершавшему восхождение на Арарат, район которого входил в состав Российской империи. Хотя библейская гора Арарат (у армян — Масис, у турок — Агрыдаг) высотой 5165 м пользовалась широкой известностью, вплоть до конца первой четверти XIX в. она не являлась объектом всесторонних научных исследований⁵⁸. Впервые ее вершины достиг 27 сентября 1829 г. в научных целях естествоиспытатель и медик, член-корреспондент Российской Академии наук И.-Ф. Паррот (1791—1841) со своими спутниками, среди которых находился выдающийся деятель армянской культуры, писатель и просветитель Хачатур Абовян (1805—1848). Впоследствии Паррот издал двухтомное описание этого восхождения и произведенных метеорологических и магнитных наблюдений⁵⁹.

5 августа 1834 г. достижение И.-Ф. Паррота «повторили» служивший в Кавказском крае К. Ф. Спасский-Автономов⁶⁰, в 1835 г. — немецкий колонист на Кавказе К. Берендс, а 29 июля 1845 г. — российский академик Г. В. Абих (1806—1886). Естествоиспытатель и путешественник, минералог и почвовед, Абих подчеркивал, что пробыл на вершине очень недолго, и выразил пожелание, «чтобы в скором времени кто-нибудь предпринял еще восхождение на эту гору и чтобы ему удалось провести на вершине еще 24 часа, в течение коих он мог бы произвести продолжительный ряд барометрических и психрометрических наблюдений»⁶¹.

Наконец, в сентябре 1846 г. на Арарате снова побывал Хачатур Абовян совместно с английским путешественником Генри Денби Сеймуром⁶².

Экспедиция О. И. Ходзько была описана Ханыковым столь красочно, что его статья вполне заслуживает хотя бы сжатого пересказа⁶³.

Группа выступила из селения Архалык и с 19 по 29 июля 1850 г. находилась в лагере между Большим и Малым Арара-

том, «на ключе, разработанном бывшим эриванским сардаром Хуссейн-ханом, почему ключ этот и называется Сардар-Булаком». 25 июля члены отряда восходили на Малый Арарат и провели там метеорологические и геодезические наблюдения, которые, по мнению Ханыкова, должны были «в значительной степени разъяснить сведения, имевшиеся доселе о климате и наружном образовании этого замечательного перевала, связывающего две значительнейшие горы Закавказского края». 29 июля лагерь передвинулся на семь верст от Сардар-Булака и оказался почти под самой снеговой линией Большого Арарата, «спустившейся нынешним годом необыкновенно низко».

1 августа отряд выступил на штурм горы. «Утро этого дня было прекрасно; потому, навьючив катеров (мулов) инструментами, а лошадей отряда — пожитками принимавших участие в восхождении, выступили из лагеря в 6 часов поутру. Сначала вьючный скот двигался по снегу довольно удобно, но скоро покатоности сделались так велики, что лошади стали скользить и опрокидывались со вьюками, надо было отказаться вести их далее». Вещи переложили на заготовленные ранее сани, «и тяжесть эту весело потянули вперед солдаты, поощряя себя разными шутками и прибаутками и насмехаясь над теми из товарищей, которые скользили и падали». Под вечер участники восхождения разбили лагерь «под самой Таш-Килисой, огромной скалой, составляющей как бы первую ступень вершины... Отряд разместился кое-как, нетерпеливо ожидая рассвета. Ожиданию этому немало содействовало и то, что тучи, собравшиеся около вершины и острых шпилей Таш-Килисы, часто прерывали ночной покой раскатами грома и блеском молний».

После беспокойного ночлега, утром 2 августа началось дальнейшее продвижение — на скалистый гребень левого берега Таш-Килисского оврага. Ясное поутру небо заволокли тучи, сильный западный ветер осыпал все «замороженной крупой»; это усиливало чувство холода. Отряд сделал привал у «северовосточной оконечности гряды скал, которая мелкой каменной россыпью, прорезанной кое-где снегом и обледенелым настом, тянется к подножью последнего скалистого обрыва вершины». Надежда на быстрое прекращение начавшейся бури оказалась тщетной. «Увидев, что ветер разыгрывается все более и более и что густой сырой туман все гуще и гуще стремится к вершине, мы решились идти вперед, чтобы по крайней мере между скалами обрыва найти приют от грозы. Но, взобравшись до половины скалистого обрыва, нашли, что далее в этот день двигаться нельзя: люди утомились, промерзли; снег сек им лицо и глаза, а порывистый ветер делал еще утомительнее трудную обязанность тащить сани с инструментами, из коих в одних было до 7, а в других — до 5 пудов веса. Словом, положено было остановиться. Но — где? Обрывистые скалы нигде не расступались настолько, чтобы можно было поставить палатку.

Поэтому Ходзько отпустил солдат в Таш-Килисский лагерь, а сам с Ханыковым и четырьмя сопровождающими заночевал на узкой площадке — три шага на полтора. «Свернувшись все кое-как в один плотный клубок, — описывает эту ночь Николай Владимирович, — мы прикрывшись с грехом пополам небольшим ковром и кожей, которой завертывается большой универсальный инструмент в дождливую погоду, и решились ожидать в этом положении наступления утра. Между тем ветер усиливался и, разрывая по временам густые облака, обложившие нас со всех сторон, показывал нам при слабом свете месяца то клочок Аракской долины, то Малый Арарат, вершина которого была далеко под нами, то, наконец, пропасти, черневшие с трех сторон опасного ложа нашего, находившегося на высоте, гораздо большей Монблана. К дополнению этих неудобств, около 10 часов началась сильная гроза; по яркости молний и силе громовых раскатов мы не могли сомневаться, что находимся в самом грозном облаке; каждая вспышка электричества освещала воздух не зигзагом, как это обыкновенно бывает, а распространялась в нем, как бы наполняя все его пространство с ослепительной яркостью и различными отблесками зеленого, красного и белого цветов; гром следовал почти непосредственно за светом, и каждый раз эхо многочисленных оврагов, окружавших нас, долго и явственно повторяло могущественные его раскаты. К 12 часам гроза утихла, но снег продолжал сыпаться по-прежнему, так что те из нас, которые не двигались, были покрыты слоем его толщиной от 2 до 4 английских дюймов».

Некоторые детали этого яркого описания кажутся живо перекликающимися с лучшими образцами художественной литературы, в частности с манерой письма Н. В. Гоголя (помните: «Открылась даль!..»).

А Ханыков продолжал: «Наконец наступило желанное утро. Но и оно принесло мало утешения. Вершина Большого Арарата была, правда, чиста; зато внизу, выше Малого Арарата, все пространство, доступное глазу, было покрыто густой пеленой облаков, казавшихся сверху каким-то взволнованным и застывшим морем, из коего по мере восхождения солнца над горизонтом отделялись пары, сначала в виде легкой дымки, потом все гуще и гуще; и все это по направлению к нам, так что скоро мы опять охвачены были густым туманом и западный ветер с новой силой стал осыпая нас обильным снегом. К 3 часам пополудни небо несколько разъяснилось, ветер же не терял силы. Положение наше было так непривлекательно, что, несмотря на это неудобство, мы решились подыматься выше; нас уверяли притом, что за скалами начинается чистое место, идущее вплоть до вершины, на котором можно будет разбить палатку».

Действительно, поднявшись вверх, восходители увидели относительно ровное место, покрытое пиритами, «издававшими нестерпимый серный запах»; справа тянулся к Таш-Килисе об-

рывистый овраг, слева находился не менее крутой овраг, соединявшийся с Макинским ледником. Добравшись до середины этой покатости, Ходзько, Ханыков и их спутники были вынуждены остановиться под самой вершиной (впоследствии выяснилось, что до нее осталось лишь двести шагов): «порывистость ветра и усталость людей делали невозможным дальнейшее продвижение». В установленных там палатках они провели 3—5 августа 1850 г. Почти все это время сильный ветер осыпал их снегом, градом или «крупой». Но грозы не было, что их и спасло, ибо «твердость замерзшего грунта не позволяла утвердить имевшегося у нас громоотвода, тогда как отсутствие высоких скал делало нас на этом месте совершенно беззащитными от грозных ударов».

К утру 6 августа буря наконец прекратилась, ветер стих, «все овраги Большого и Малого Арарата были чисты, и только небольшая гряда кучевых облаков лежала на далеких вершинах Карабага и на широких террасах Савалана, явственно рисовавшихся на восточном горизонте». Через пятнадцать минут ходу Ходзько, а за ним Ханыков и другие оказались на вершине, представлявшей собой обширную площадь (1132 шага в длину по измерениям Николая Владимировича) с тремя дополнительными вершинами. «Первая из этих вершин,—отмечает путешественник,—была пройдена нами скоро, а затем взойшли мы на вторую, которая в 1845 г. посещена была г. Абихом; но каково же было наше удивление, когда, взобравшись на самый верх ее, увидели мы перед собой третью вершину, гораздо вышею, чем обе первые, и которая казалась нам целой горой, отделенной от них глубокой впадиной, сход в которую был довольно затруднителен, потому что начинался крутым обрывом сажени в полторы высотой». С помощью подросших солдат было преодолено и это препятствие, и ликующий Ханыков пишет: «... 10 часов до полудня... мы стояли уже на высшем холме вершины Арарата, попранной доселе только Парротом и Спасским, да и то не с этой стороны».

Вплоть до 8 августа (а Ходзько до 12 августа) Ханыков вел различные наблюдения на Большом Арарате, а с 9 по 11 августа — в нижнем лагере, после чего вернулся в Архалык, выехав оттуда в Тифлис.

Общее значение этой экспедиции кратко, но выразительно подчеркнул П. П. Семенов: «... неутомимый О. И. Ходзько, незадолго до открытия Отдела (Кавказского.— Авт.) совершивший вместе с Н. В. Ханыковым свой замечательный по своим научным результатам географический подвиг, а именно первое восхождение на Арарат (6 августа 1850 г.), определил географическое положение 86 мест Кавказа и Закавказья...»⁶⁴. Можно не сомневаться, что Ханыков внес достойный вклад в успех восхождения на Арарат и, уж во всяком случае, именно он поведал о нем миру.

В том же, 1850 г. в Тифлисе выходит «Очерк служебной деятельности генерала Альбранда», принадлежавший перу Николая Владимировича. Сам генерал был второстепенным царским служакой, участвовал в кавказских войнах, «вывел» из Ирана батальон так называемых русских «дезертиров» и умер в декабре 1849 г., принимая должность эриванского военного губернатора. Личность ничем особенным не примечательная, и не совсем ясно, что явилось подлинной причиной, породившей это жизнеописание.

Однако совершенно пройти мимо этого небольшого (38 стр.), но эмоционально окрашенного очерка нельзя. В нем отчетливо проявилось представление Н. В. Ханыкова о решающем влиянии географической среды на формирование характера и мировоззрения человека. Приведем для примера лишь начало названной работы, тем более что оно освещает личность не только (а может быть, и не столько) Л. Л. Альбранда, но и автора.

Отмечая его происхождение из бедных дворян Херсонской губернии и занятие отца — разведение табунов и торговлю лошадами, Ханыков пишет, что Альбранд «смолоду привык к полю и коню, и если книжное воспитание его страдало от этого рода жизни, зато оно развивало в нем другие качества, более согласовавшиеся с его последующим направлением. Раздольный вид новороссийских степей, чудные явления неба и воздуха, тесно связанные с беспредельностью степного горизонта, яркий свет дня, льющийся там с голубого неба на бесконечную зеленую равнину, гул жизни бесчисленных насекомых, обитателей этого травянистого океана, торжественность молчания степи под роскошным влиянием ночи, бурные порывы огромных масс воздуха, свободно несущихся из края в край ее, дрожание марева над раскаленной землею и тяжко-грустное чувство беспредельности снегового савана, охватывающего эти равнины зимою,—действуют глубоко на всех, даже подвергающихся влиянию их в зрелом возрасте, а тем более они не могли не оставить следа на впечатлительной душе молодого Альбранда»⁶⁵.

Заметим в связи с этим отрывком, что сам Ханыков если и бывал в новороссийских степях, то лишь проездом, с Альбрандом он познакомился, когда тот был уже в зрелых годах, и какой «впечатлительной» была душа генерала в молодости, не мог знать с большой достоверностью... Приведенная цитата — явное свидетельство тяготения востоковеда к литературному, художественному осмыслению окружающего мира.

И не только «мира» в широком смысле слова, но и человеческого общества, особенно его прошлого. Он глубоко интересуется перспективами археологического изучения Кавказа. Собственно, не всего Кавказа. Археологией Грузии и Армении в это время серьезно занимается академик М. Броссе. Научная щепетильность не позволяет Н. В. Ханыкову вторгаться в «чужие сферы», тем более что находится место, где вполне могут

развернуться и его исследовательские таланты. Это «мусульманские общества Кавказа», по его выражению, т. е. в данном случае Азербайджан и Дагестан, которые в плане их археологической разработки «представляют богатую жатву для всякого, кто только даст себе труд взяться за серп»⁶⁶. Так пишет в ноябре 1850 г. Ханыков своему знакомому в Петербурге П. С. Савельеву. Впрочем, Павел Степанович Савельев (1814—1859) был не просто «знакомым», а крупным востоковедом и нумизматом, одним из «членов-основателей» Русского археологического общества и секретарем его Отделения восточной археологии. Статут этого Общества был утвержден 15 мая 1846 г., а с 3 октября 1850 г. Н. В. Ханыков избирается его членом-корреспондентом⁶⁷.

Положение обязывает. И вскоре ученый в неизменной форме «письма» сообщает «Об археологических исследованиях на Кавказе», как озаглавлены выдержки из его посланий Савельеву от 27 ноября и 10 декабря 1850 г. из Тифлиса⁶⁸. Он указывает, что местные районы, населенные мусульманами, всегда составляли окраины мусульманского мира. «Поэтому историки Востока, писавшие большею частью при дворах главнейших представителей исламской власти, только по временам упоминали о житье-бытье здешних мусульман и оставили нам, поздним потомкам, трудную обязанность составлять себе картину былого мусульманского Закавказья по отрывочным сведениям, внесенным ими в летописи».

Н. В. Ханыков считал, что больших открытий по этому вопросу в восточной исторической литературе ожидать нельзя как по обширности предмета, так и потому, что местное население пребывало «большею частью в тревоге и волнении» и ему было не до обогащения этой литературы. (Тезис, на наш взгляд, отнюдь не безупречный!) Поэтому изучение археологических памятников приобретает особенно актуальный характер, что доказали труды Б. Дорна и Ш. Дефремери.

С точки зрения археологии исследователь делил указанную им территорию на три группы: 1) армянскую, сохранившую следы династий Бени-Шеддадов и Хулагидов; 2) ширванскую, от «самых отдаленных эпох, современных походу Руссов на Бердаа... до времен первых Сефевидов»; 3) дагестанскую, тянущуюся от доисламских времен «до конца владычества Сефевидов». Локализуя «мусульманские» археологические памятники, он особо выделял Ани и его окрестности, «бакинский полуостров» (точнее, видимо, Апшеронский), Кубинский уезд, Самурский округ и населенные ущелья Южного Дагестана.

Ханыков чрезвычайно уважительно, крайне бережно относился к остаткам материальной культуры кавказских народов, энергично и настойчиво стремился обеспечить их сохранность, изучение, публикацию материалов, которые бы их увековечили. «Многое уже сделано для спасения этих памятников от забве-

ния, в каком они доселе находились; многие из них уже находятся у меня или в Азиатском Музее (Академии Наук) в прекрасных оттисках; другие, как, например, памятники бакинского полуострова, описаны мною и тамошними муллами, но также должны быть оттиснуты»; один из руководителей штаба Кавказской армии, генерал Вольф, «обещал мне» поручить занимающимся съемкой топографам снимать копии и делать оттиски с надписей, встречающихся на памятниках; больше того, сам наместник М. С. Воронцов «по просьбе моей» велел дербентскому военному губернатору генерал-майору Минквицу распорядиться о подробном и всестороннем осмотре дербентской стены и пробитых в ней ворот, а также о копировании и оттиске «всех камней с надписями, вделанных в нее».

Думается, что Общества по охране памятников Азербайджана, Армении и Дагестана с полным основанием могли бы отметить эту благородную деятельность дореволюционного специалиста, приложившего немало усилий, чтобы сберечь драгоценные свидетельства прошлых веков!

«Искреннее желание мое — собрать все это в одно целое и с объяснительным текстом представить на благоусмотрение Общества, — признавался Н. В. Ханыков, — но беда наша здесь состоит в недостатке литературных средств». Ориенталисту к тому моменту лишь недавно минуло 30 лет. Он находился в расцвете сил и готов был «сдвинуть горы» в любимом деле. Но «беда» состояла не только в отсутствии под руками необходимых трудов и справочных материалов. Она заключалась еще и в том, что «г-ну статскому советнику, чиновнику Дипломатической канцелярии наместничества» весьма и весьма не хватало времени для глубокой разработки накопленных богатств. Пройдет почти полтора десятка лет, пока он сможет в иной, более спокойной обстановке подготовить и выпустить ценное исследование «Кавказские надписи».

Далее Ханыков информировал Савельева об уже полученных им снимках и оттисках надписей. Две из них — XIV и XVII вв. — с мечетей Ордубада. Из древнего Ани прислали альбом надписей, составлявшийся Кестнером в 1850 г. и расцененный нашим ориенталистом как «одно из важнейших археологических приобретений, которые когда-либо были деланы». Этот альбом состоял из 20 больших «и отлично исполненных рисунков», а также 51 листа надписей. В основном эти надписи были известны Ханыкову и изданы в его работе об Ани, но они дали ему возможность разобрать самую длинную, подтвердившую уже высказанное им соображение, «что опустение Ани произошло не вследствие землетрясения 1319 года, которому это обыкновенно приписывают, а вследствие беспорядков управления этими окраинами (т. е. окраинами. — Авт.) гулагидского царства»; кроме того, прочитанная надпись дает представление о «канцелярских формах и налогах монгольской династии Пер-

сии». Ученый выражал надежду на быстрое издание альбома и готовность «написать к нему текст».

В заключение он сообщил о присылке из Карабаха «сажен десять надписей из Бердаа» начала XIV в., о доставке из Кубы куфической надписи, срисованной со стен заброшенной крепости Чирах-Кале, а также списка с большой куфической надписи на третьих южных воротах Дербента и с надписи на гробнице «некого Меймуна» (XI в.). Последняя из них привлекла его особое внимание, учитывая недостаточность сведений в «Дербент-наме» об этом периоде. «Все это теперь разрабатываю и не замедлю сообщить Вам по окончании», — завершал письмо Ханыков.

Действительно, он тщательно изучал полученные документы и периодически публиковал свои наблюдения и выводы в различных изданиях, обращая особое внимание не на династические проблемы, как многие его коллеги, а на вопросы хронологии, социального устройства, налогового обложения народов Востока.

...Но вернемся к географии и к организации Кавказского отдела РГО. Прямой контакт Н. В. Ханыкова с петербургскими деятелями этого Общества, публикация им материалов о краеведческих исследованиях, участие в научных экспедициях и другие личные данные делали его самым подходящим кандидатом на занятие руководящего поста помощника председателя в создавшемся в Тифлисе филиале объединения местных географов. Вероятно, так оно и намечалось с самого начала. Ибо в протоколе первого же заседания Кавказского отдела от 10 марта 1851 г., излагающем все организационные шаги, далее без всякого перехода приводится выступление Ханыкова, в котором перед собравшимися выдвигались определенные задачи. «Действительный член Н. В. Ханыков доложил Отделу, — говорится здесь, — что к числу главных предметов, которыми Отдел мог бы заняться, принадлежит, без сомнения, исследование Каспийского моря; что трудами Морского ведомства, начавшимися еще при Петре Великом, приведен в известность, так сказать, только первый элемент этих исследований, т. е. очертание берегов этого моря, но что все остальное, как, например, промеры глубины его, исследование свойства дна, направления течений на разных глубинах, склонение магнитной стрелки в разных частях его, свойство воды у разных берегов и на разных глубинах, температура его на разных же глубинах и т. п. остались еще или вовсе нетронутыми или малообработанными».

Докладчик отмечал особую ценность этих сведений как для науки, так и для практического судоходства, ибо их отсутствие вынуждало пароходы двигаться «лишь в виду берегов», что увеличивало опасность плавания, издержки и продолжительность рейсов. «Для науки же разрешение вопроса о температуре Каспийского моря особенно драгоценно потому, что он (т. е.

вопрос. — Авт.), без сомнения, составляет ключ к разгадке всех термических особенностей здешнего края, на всем протяжении его — от берегов моря и до Сурамского перевала, составляющего климатическую границу между Азией и Европой».

Ханыков уже продумал всю техническую сторону исследования Каспия и выступал во всеоружии представлений о средствах, имеющихся для этого в мировой науке. Он указывал, что ранее такое исследование слабо развивалось из-за необходимости крупных материальных затрат. Теперь ситуация изменилась. По положению местная Метеорологическая магнитная обсерватория призвана определить «магнетические элементы» края, а изобретенный г. Фаем «новый зонд (т. е. зонд. — Авт.), определяющий весьма просто: 1) глубину в вертикальном направлении; 2) температуру воды на дне моря и на разных глубинах; 3) скорость и направление течения при известности этих данных для поверхности моря и, наконец, 4) тем же самым инструментом зачерпывается вода на разных глубинах для исследования свойств, — делает все эти исследования гораздо доступнее». Поэтому Н. В. Ханыков предложил просить директора Тифлисской магнитной обсерватории А. Ф. Морица, лично знакомого с изобретателем, «выписать несколько таковых зондов для производства этих исследований».

Участники заседания признали важность намеченных исследований, но, поскольку полковник Ходзько заметил, что изобретатель сам еще испытывает свой аппарат, постановили «просить г-на Морица сначала письменно снести с г-ном Фаем»⁶⁹.

На следующем собрании, состоявшемся через три недели, 3 апреля 1851 г., именно Н. В. Ханыкову и В. А. Соллогубу была передана «для пересмотра и, если надобность укажет, пополнения» программа сбора статистических сведений о городах и уездах края⁷⁰. Из этого обстоятельства явствовало, что данные лица должны были координировать статистические исследования в Закавказье. На этом же заседании Н. В. Ханыков выступает при обсуждении статьи Н. А. Энгельгардта «Описание города Нахичевана», предлагая расшифровку надписей на двух нахичеванских башнях⁷¹.

18 мая 1851 г. в той же аудитории он делает доклад по общей орографии Дагестана⁷², а 7 ноября рецензирует представленные Кавказскому отделу Географического общества рукописи и материалы: И. И. Евлахова «Тифлиские караван-сарай» и А. С. Санковского — о дорожном строительстве в Закавказье⁷³.

С точки зрения «чистого востоковедения» особенно интересно сообщение, сделанное Н. В. Ханыковым 8 марта 1852 г., когда он «прочел записку о неизданном и известном под заглавием „Сад путешествий“ географическом труде персидского путешественника XIX столетия Хаджи Зейн эль-Абеддина», уроженца азербайджанского города Шемахи. Как гласят протоколы

заседания, «по прочтении этой любопытной и возбуждавшей общее внимание записки» «покровитель» Отдела М. С. Воронцов поручил Ханыкову обратиться от его имени к посланнику в Персии Д. И. Долгорукову с просьбой собрать сведения о Зейн эль-Абеддине, который в 1821 г. поселился в местечке Курмуши Ширазского округа, и постараться отыскать и прислать в Тифлис остальные три части его труда. Кроме того, Воронцов распорядился перевести наиболее интересные места этого сочинения, «в особенности о Закавказском крае, для определения меры добросовестности и верности описания стран, виденных этим путешественником»⁷⁴.

Архивные документы свидетельствуют: сотрудники российского посольства в Тегеране выяснили, что книга Хаджи Зейн эль-Абеддина Искандероглы «Рияз эс-Сияхат» существует в единственном экземпляре и принадлежит принцу Мухаммед Реза-мирзе, который разрешил ее скопировать. Это обошлось в немалую для тех времен сумму — 70 голландских червонцев (счет на эту сумму был передан Н. В. Ханыкову), но Россия обогатилась рукописью этого уникального произведения⁷⁵.

В дальнейшем Ханыкову было поручено собранием его коллег составить «список всех известных сочинений о Кавказе, русских и иностранных брошюр»⁷⁶. Он играл важную роль в комплектовании библиотеки Кавказского отдела РГО литературой, продолжал рецензировать поступавшие сообщения, в частности К. Ф. Спасского-Автономова «О подводных зданиях на Бакинском рейде», давал консультации о ценности тех или иных грузинских и армянских рукописей, обнаруженных в Тебризе, на предмет их приобретения⁷⁷.

Инициативе Ханыкова местные географы обязаны постановкой интересных в научном и практическом отношении проблем. Вот один из примеров. 25 апреля 1853 г. он заявил на заседании Комитета Отдела, «что разнообразие племен, живущих на Кавказе и в Закавказском крае, составляет нашему Отделу одной из главных обязанностей тщательно заняться разъяснением запутанной этнографии края». Этому, по Ханыкову, должно было способствовать «ближайшее знакомство с сохранившимися здесь многочисленными языками и наречиями чрез составление параллельных грамматик и словарей их». Поскольку, однако, для такого труда необходимы глубокие специальные филологические познания, Комитет Отдела по предложению Н. В. Ханыкова обратился к кавказскому наместнику М. С. Воронцову с просьбой «войти по сему предмету в непосредственное сношение с Имп. Академией наук»⁷⁸.

Но деятельная натура ученого отнюдь не ограничивалась «постановкой проблем» и рецензированием чужих работ. Он активно и энергично, несмотря на большую загруженность канцелярскими обязанностями, проводит и собственные исследования. Для этого используется каждая возможность, и прежде

всего командировки по служебным надобностям. Посещая незнакомые места, Н. В. Ханыков внимательно знакомится с местными достопримечательностями, проявляя особенный интерес к древним надписям на различных строениях, к этнографии, историческим рассказам и легендам. Он старательно собирает сведения о прошлом и настоящем народов Востока, чтобы тут же сообщить наиболее любопытные из них всему миру в форме публикации письма кому-либо из своих коллег.

«В то время как вы странствовали по местам, пережившим свое просвещение, я мыкался по самым диким частям персидского Курдистана и древней, великой Мидии»⁷⁹ — так начинается письмо Ханыкова от 8(20) октября 1852 г. из Тифлиса А. В. Головнину, в котором он информирует лицейского друга, только что вернувшегося из поездки по Европе, о посещении в мае — июле 1852 г. курдских районов Персии. Николай Владимирович рассказывает о предшествовавших этому выездам в Тебриз, в ходе которых он занимался археологическими и эпиграфическими изысканиями.

Он делится своими открытиями не только со специалистами. В числе его многочисленных корреспондентов — друзья, лицейские товарищи, государственные деятели. В одном из писем к А. В. Головнину мы читаем: «Воспользовавшись не зависевшей от меня остановкой в Нахичевани, я съездил 28 апреля на развалины Гиляна, расположенные у деревни Нижние Азы; это — седьмой исчезнувший город, находящийся в пределах Закавказья; первые шесть, как вы знаете, — Ани, Вагаршагад, Берди, Билякан, Джульфа и Кабала; но развалины эти совершенно немые; в огромной груде рассыпанных тут камней с большим трудом отыскал я одну только надпись на необделанной плите песчаника, из которого были выстроены все городские здания; она гласит: Алиша, сын Дилькума, помолился и ушел в 712 г. хиджры».

И Ханыков приходит к заключению: «До сих пор я не мог найти нигде следов существования этого города; но, принимая в соображение, что до нашествия монголов на Персию, т. е. до 652 г. хиджры, было когда-то значительное переселение из Гиляна в Азербейджан, где до сих пор в окрестностях Маранда сохранилось несколько деревень, жители которых говорят наречием гилянского Талыша, я полагаю, что развалины, мною посещенные, составляли один из главных центров населения этих эмигрантов; во всяком случае, можно с вероятностью предположить, что в 712 году хиджры города уже не существовало; вышеприведенная мною надпись, очевидно, выцарапана была каким-нибудь богомольным дервишем на камне, взятом с развалин; а так как начало VIII столетия хиджры было эпохой частых вторжений монголов в эти места, то я думаю, что эти же вторжения содействовали главным образом разрушению города»⁸⁰.

Пытливый ум исследователя не дает ему покоя в течение всех странствий по Курдистану. Он находит себе занятия в самых сложных условиях, в самых труднодоступных уголках горной страны. Так, на западном берегу оз. Урмия (ныне Резайе) Н. В. Ханыков посетил «знаменитую Гугерчинькале», развалины крепости на отвесной скале «футов в 250», связанной с берегом узкой песчаной полосой. Ханыков нашел, что скала эта была образована «окаймляющими источниками... которые составляют, по моему мнению, самую замечательную особенность Южного Азербейджана и Южного Курдистана».

Предание гласило, что в крепости хранил награбленные сокровища внук Чингисхана — знаменитый Хулагу-хан (1217—1265), основатель государства и династии Хулагидов. Нечего и говорить, что равнодушно проехать мимо этого исключительного по своему историческому интересу места Н. В. Ханыков не мог. «Узкая дорожка, высеченная по малонаклонному цилиндру, ведет на ее вершину, и дорожка эта имеет два перерыва, через которые перекинута мосты; об этих мостах мне и теперь страшно подумать, когда вспомню, как они ходили и плясали подо мною над вертикальным обрывом в 150 футов, под которым плескалось озеро».

Что же обнаружил ученый в итоге опасного для жизни караванья на гору? «Тут я нашел только одну надпись, без означения года; но по почерку можно думать, что она принадлежит к эпохе первых Хулагидов; она немногосложна и содержит только следующие слова: „Правитель Абу Насер Хуссейн Бахадур-хан“; кто был этот Абу Насер, я еще пока сказать не умею; не сомневаюсь, что отыщу его следы»⁸¹, — с уверенностью утверждает Ханыков, получив новую пищу для своих изысканий и размышлений.

Далее мы видим ученого-путешественника в г. Урмии, где он посетил обосновавшихся там американских миссионеров, обследовал башню Сегумбяд с куфической надписью и городскую соборную мечеть с великолепными арабесками, ознакомился с историческими достопримечательностями, климатическими и этнографическими особенностями селений и областей Курдистана: Ушну, Сулдуза, Лахиджана, Соуджбулака, Сенне и др. Не менее интенсивно вел свои исследования Николай Владимирович и за пределами Курдистана. «20 июля, — замечает он, — был для меня трудный день, потому что с утра до вечера был я на ногах, осматривая достопримечательности Хамадана, и все же не обозрел их всех»⁸². Еще бы: в квартале Джавадан надо было посмотреть мечеть, затем — отправиться к гробнице Имамзаде Шахзаде Хусейна, воздвигнутой в первой половине XIV в., потом — к ложной могиле Александра Македонского, оттуда — в квартал Хаджиан, к могильному камню с кладбища Атабеков, надпись на котором относилась к 1167 г. («и это самый старый могильный камень с годом, виденный мною в Хамадане», — ука-

зывает Ханыков). «Проезжая оттуда к знаменитому каменному льву, охранявшему когда-то Хамадан от непогоды, — продолжает автор, — я заметил и списал один странный камень, украшенный надписью куфической вязи, и другой — почерка рук'га... [который был] вмазан в стену часовни, называемой гробом хаджи Хавиза».

Затем последовал осмотр развалин крепости в районе Мусаллах, «башни жертв» Бурджи Курбан, гробницы великого энциклопедиста древности Абу Али ибн-Сины (Авиценны), святого талисмана хамаданцев «сянгибада» («камя ветра») и — «перед самым закатом солнца» — возвращение в квартал Мухтаран для ознакомления с «лечебной» плитой «чишмеи хяфт-пистан» («источник семи сосцов»), исцелявшей якобы кормящих женщин, у которых пропадало молоко.

Более чем насыщенная программа!..

Осмотры и поездки продолжались столь же интенсивно и в последующие дни. В ущелье Альвенда Ханыков с трудом отыскал надгробный камень с надписью XII в. и совершил восхождение на вершину Альвенда — скалу, «на которой Дарий и Ксеркс приказали начертать огромную гвоздеобразную (т. е. клинописную. — Авт.) надпись, известную под именем „Инджъ-наме“»⁸³.

Попутно Н. В. Ханыков производил барометрические и другие наблюдения. В его памяти отчетливо всплывали прежние описания, приводимые учеными собратьями, но не в обычае ориенталиста было воспринимать все на веру. Впрочем, предоставим слово ему самому: «Осмотрев, тотчас же по прибытии, скалу и надписи Генджъ-наме (так у Ханыкова. — Авт.), я убедился в двух вещах: 1) Морьер не прав, полагая, что выше высшей надписи можно видеть следы других надписей: их нет и не было; выше же ее есть расселина, издали похожая на рамку надписей; но при тщательном обзоре она оказалась расселиной. 2) Кер-Портер не прав, полагая, что Генджъ-наме начертана на скале красного гранита: гранита этого нет в целом Альвенде; тот же, на котором вырезана Генджъ-наме, совершенно сер, без малейшего красного оттенка, как и все скалы северо-востока, востока и юго-востока Альвенда».

Утро 23 июля Ханыков посвятил «опытам снятия оттисков с надписей на бумаге и на коленкоре (последнее удалось лучше), и таким образом оттиснуты были вполне как Дариева, так и Ксерксова надписи. Оттиски эти удались весьма хорошо, и я послал их в Багдад, к г. Ролинсону для сличения с теми, которые этот знаменитый исследователь восточных древностей добыл сам»⁸⁴.

Сообщая своему корреспонденту и о других материалах, собранных на обратном пути — в городах Сиркане и Нехавенде, Ханыков обещал Головнину рассказать о некоторых из них в другом письме. «Впрочем, — добавлял он, — я бог знает когда

буду иметь досуг написать Вам, так как в воскресенье я еду в Дербент, Ленкоран etc.»⁸⁵. Это дополнение оказалось справедливым. Возможно, Ханыков за недостатком времени так и не смог посвятить Головнина в круг размышлений о новых находках и наблюдениях, либо второе письмо не попало в печать, но обнаружить его публикацию в «Вестнике Русского географического общества» или иных изданиях не удалось.

Впрочем, и первое послание ярко иллюстрирует крайне напряженный ритм жизни востоковеда. Возвращаясь в Тифлис на очень короткий срок, он почти немедленно отправлялся в новое путешествие. В поездках он собирал всевозможные этнографические, нумизматические, эпиграфические, картографические, исторические материалы, зачастую не имея возможности их изучить и осмыслить, откладывая это на более благоприятное время. Но когда, через десять лет, условия для этого появились, Н. В. Ханыков ими блистательно воспользовался.

А пока... Пока — разъезды, беседы с любопытными людьми, копирование надписей, приобретение ценнейших восточных рукописей, разнообразнейшие служебные задания и поручения, которым надо было подчинять собственные интересы и замыслы. Жизненный круговорот, в котором находился Ханыков, хорошо характеризует его переписка с руководством Географического общества, убедительно свидетельствующая о том, что он был уже широко признанным в стране ученым.

13 мая 1850 г. вице-председатель Общества М. Н. Муравьев обратился к Ханыкову с предложением — подготовить краткий географический очерк Кавказа и Закавказья, который должен был войти в «карманную книжку для любителей землеведения на текущий год». Муравьев подчеркивал, что подобный труд такого специалиста «без сомнения послужит украшением предполагаемого издания»⁸⁶.

Н. В. Ханыков заявил о принятии «с величайшею охотою» сделанного предложения. Он указал, однако, что сможет осуществить его не ранее октября 1850 г. «как потому, что у меня уже есть теперь довольно обширный труд, коим я занимаюсь по поручению здешнего Общества сельского хозяйства, так и потому, что я думаю отправиться в Эривань для принятия участия в попытке полк. Ходзько взойти на Арарат, что также отвлечет меня на две или три недели»⁸⁷. Этот ответ был датирован 9 июня 1850 г. В октябре 1851 г. редактор запланированного издания и секретарь Русского географического общества, брат Николая Владимировича Яков Владимирович Ханыков напомнил, что Общество ждет обещанный «Физический очерк Кавказа и Закавказья»⁸⁸. Что ответил Николай Якову — неизвестно, но до нас дошел ответ Н. В. Ханыкова новому секретарю В. А. Милютину, обратившемуся к нему еще с одним напоминанием. Это письмо, наглядно рисующее обстановку, в какой находился востоковед, заслуживает воспроизведения.

«Вы, вероятно, считаете меня чукчем или готтентотом, видя, что я не отвечаю Вам на обязательное письмо Ваше от 19 апреля (1852 г.—*Авт.*), и действительно я заслуживал бы быть причисленным к одной из этих образованных наций, если бы мне можно было тогда же отвечать Вам,— скрывал за шутовством тона некоторую неловкость Н. В. Ханыков,— но я получил письмо Ваше в Урмии, в отчизне Зороастра, для которой изобретение почт еще не существует; конечно, я мог бы через посредство находящихся там американских миссионеров переслать Вам весьма кружную дорогою мой ответ, но я тогда торопился выехать в Курдистан и решил отложить до более удобного случая удовольствие побеседовать с Вами».

Он с готовностью признавал свою вину, но подчеркивал, что одним из ее источников являлось стремление выполнить поручение как можно лучше. «Вы мне пишете, что за мною есть недоимка по Географическому обществу; знаю и помню всегда этот долг, но... с тех пор, как я обещал Географическому обществу написать очерк Кавказа, я не имел четырех месяцев покоя, где бы я мог с толком, чувством и расстановкой приступить за эту работу, написать же этот очерк в один или два присеста можно, но что в том за польза, и потому я убедительнейше прошу Вас предложить Обществу снять благосклонно эту недоимку со счетов. Я сам не забуду этого обязательства и при первой возможности исполню его».

Словно стремясь в какой-то степени реабилитировать себя перед секретарем объединения отечественных географов, Ханыков обращался к В. А. Милютину с просьбой, мотивируя ее своей крайней загруженностью: «С этой почтой посылаю я А. В. Головнину длинное письмо о первой половине моей поездки от Тавриза до Нехавенда и прошу его сообщить из него кое-что Географическому обществу, Вас же я прошу принять на себя благосклонный труд погладить эту статью, если она будет печататься; я ее писал второпях, так как послезавтра я снова еду в Дербент, Баку, Сальян, Ленкорань, Шемаху, Шушу, Елизаветполь и Нуху, и в шестимесячное мое отсутствие из Тифлиса у меня накопилось пропасть дела...»⁸⁹.

Нелегко понять, как Н. В. Ханыкову вообще удавалось что-либо исследовать и подготавливать публикации в непродолжительных промежутках между странствиями, занимавшими долгие недели и месяцы. А между тем в различных изданиях появлялись статьи и рецензии, принадлежащие его перу, и просто заметки — часто в излюбленной им форме «писем», которые рассказывали о его «трудах и днях». Вот, к примеру, специальный востоковедческий журнал Академии наук «*Mélanges Asiatiques*». Только в 1852 г. на его страницах появилось четыре ханыковских «материала», занявших 35 страниц (два из них были ранее напечатаны в более общем академическом «*Bulletin Historico-Philologique*»). Один из них был связан с просьбой

директора Азиатского музея Б. А. Дорна уточнить некоторые вопросы истории закавказских областей «мусульманской эпохи» по рукописи, освещавшей, в частности, биографию видного религиозно-политического деятеля тех лет — шейха Сефизады. В России было всего два экземпляра этой рукописи — в Имп. Публичной библиотеке в Петербурге и у Н. В. Ханькова. Он приводит ее текст, дает перевод на французский язык и приходит к выводу, что эти сведения позволяют достаточно точно установить отдельные факты прошлого Ширвана, в частности время правления ширваншаха Ахистана (современника Аргуна Хулагиды) — 683—700 гг. хиджры, его резиденцию и центр Ширвана — Гештасиф, находившийся на р. Аракс.

Ханьков рассматривает данные восточных источников о шейхе Сефизаде, родившемся в 650 г. хиджры, об авторе его биографии и о Зейн эль-Абеддине Ширвани, современнике этого автора. Зейн эль-Абеддин, родившийся в 1780 г. н. э., много путешествовал по странам Востока. Он привлек особое внимание ученого, посвятившего Дорна в свои планы — опубликовать в дальнейшем подробную работу о странствиях Ширвани. Пока же Ханьков воспользовался сообщениями путешественника о местонахождении Гештасифа и взял на заметку указания Зейн эль-Абеддина о распространении мюридизма среди шиитов.

С особым восторгом сообщал Николай Владимирович в Петербург о том, что еще в двух биографиях шейха Сефизады он обнаружил обильные сведения о дворе Аргуна и Абусаиды Хулагидов, о жизни некоего эмира Чубана, о путешествии одного перса к истокам Нила в XIII в., о значительных колебаниях уровня Каспийского моря в 1305 г., о вторжении грузин в Азербайджан в 600 г. хиджры и др. «Все это дает мне возможность полагать, — заключал Ханьков, — что „Тезкирети аулия“ — источник, довольно отдаленный от наших времен, сможет привести нас к весьма интересным выводам, и я поспешил написать своим друзьям в Персию с просьбой выслать как можно быстрее эти биографии для внимательного изучения»⁹⁰.

Но еще большим ликованием было проникнуто следующее письмо из Тифлиса, адресованное М. И. Броссе. Востоковед обнаружил «почти всю третью часть» знаменитого исторического труда Фазлаллаха ибн Абу-ль-Хайр Хамадани Рашид ад-дина! Это была находка... В «Истории» Рашид ад-дина освещалось происхождение монголов, содержались интереснейшие материалы по истории евреев, франков, Китая и Индии, большая биография основателя буддизма Шакья-Муни.

«Я уже перевел на французский язык историю Европы, в которую включен отрывок из мировой истории, приведенный Рашид ад-дином, чтобы протянуть нить между франками и первым человеком, — гласило послание Ханькова, — затем дано географическое описание Армении и Ференгистана», которым почти полностью воспользовался арабский историк XV в. Бинакети, а

затем Мураджа д'Оссон включил его в 36-й раздел своего «Путешествия Абул Касима».

После этого Николай Владимирович переходил к тому, что особенно интересовало Броссе, — введению в научный оборот результатов раскопок в древнем армянском городе-царстве Ани, а также старых местных надписей. Он писал: «Я также намерен перевести по копии, представленной Кестнером, длинную персидскую надпись об Абусаиде, единственную, какую мне не удалось прочесть из мусульманских надписей этого города. Надеюсь, Академия не откажет поместить ее в своем бюллетене»⁹¹.

Он мог не сомневаться: в публикации его работ, являвшихся, как правило, новой страницей в ориенталистике, Российская Академия наук всегда была заинтересована. Результаты исследований Н. В. Ханькова вызвали самую высокую научную оценку его коллег. Вот, к примеру, комментарий М. И. Броссе по поводу изложенного сообщения Ханькова из Тифлиса: «Важное открытие, сделанное г. Ханьковым, является вторым в этой области, осуществленным в России за последнее время, — после открытия г. Готвальдом в одной из рукописей Имп. Публичной библиотеки продолжения большого исторического труда Абу-ль-Фида, опубликованного на французском языке в ноябре 1846 г. в парижском „Журнале Азиатик“».

Броссе не обходил молчанием и поднятой востоковедом темы об арийских источниках: «Что касается персидской надписи Ани, Ханькова вполне можно извинить в том, что из-за жестоких холодов в 1848 г. он не смог ее скопировать. Теперь же, благодаря его настойчивости и усердию, мы будем обладать всеми мусульманскими памятниками Ани, столь уникальными для освещения истории этого города в эпоху Бени-Шеддадов и монголов»⁹².

В этом же томе «*Mélanges Asiatiques*» нашел еще одно отражение своеобразный «дуэт» Ханькова и Броссе. Последний считал необходимым предпослать краткое введение к новому научному сообщению Н. В. Ханькова⁹³. Он говорил о трех интересных надписях, одну из которых — куфическую — копировал и комментировал Николай Владимирович. Собственно, это было сообщение Ханькова от 7 (19) марта 1852 г. из Тифлиса о ярлыке, по которому всем подданным хана Абусаиды обеспечивалась помощь и защита против каких-либо притеснений и налоговых злоупотреблений. Ярлык был выполнен в виде куфической надписи, выложенной камнями по верху западной стены большой мечети в Ани. Публикуя и анализируя перевод этого документа, ученый приходил к заключению: ярлык неопровержимо свидетельствует, что окончательное запустение этого города ни в коей мере не следует связывать с землетрясением 1319 г.; оно вызвано преследованием его жителей персидскими властями и плохой охраной окраин монгольской империи в конце правления Хулагидов. Н. В. Ханьков напоминал о своей констатации

в газете «Кавказ»⁹⁴ в связи с отрывком из рукописи «Тарихи гузида», что Абусайд Хулагид принял титул «Бахадур» лишь в месяце рабби аль-Ахир 719 г. хиджры (т. е. в конце мая — начале июня 1319 г. н. э.), проявив храбрость в бою близ Султани с войсками Гурмукхи (Qougmouchi) и диарбекирских вождей, союзников мятежного эмира. Это определяло, по его мнению, датировку фирмана, или ярлыка, — не ранее середины 1319 г. н. э.⁹⁵

И хотя на первый взгляд затрагиваемые востоковедом вопросы нельзя было причислить к разряду первостепенных, кардинальных проблем исторической науки, их освещение и разрешение имело существенное значение для изучения многих темных страниц прошлого стран и народов Востока, уточняло датировку различных важных событий, позволяло лучше уяснить социально-экономическую структуру местных государств, их торговые и политические отношения, духовную жизнь и т. д.

Видимо, учитывая эти большие заслуги Н. В. Ханькова, Академия наук в 1852 г. избрала его своим членом-корреспондентом.

Постепенно Ханьков становился широко признанным знатоком быта и нравов кавказских и соседних народов, их языков, истории, этнографических особенностей. Он охотно, с готовностью приходил на помощь друзьям и знакомым, делаясь накопленными сведениями. На этой почве зародилась продолжавшаяся долгие годы дружба между ним и молодым тогда поэтом Я. П. Полонским, широко известным впоследствии в русской литературе. В июне 1846 г. Полонский приехал в Кавказское наместничество, где в течение пяти лет служил помощником редактора тифлисской газеты «Закавказский вестник». Ханьков был одним из первых, кому он отправил для ознакомления историческую драму «Дареджана». Внимательно прочитав рукопись, тот откликнулся обстоятельным письмом, в котором указывал на фактические неточности и литературно-стилистические погрешности⁹⁶. Поэт воспринял нелестное суждение со стороны друга с искренней признательностью. «От чистого сердца благодарю Вас за Ваши замечания и, поверьте, даю им больше цены, чем всем тем похвалам, которые удавалось слышать мне, — писал он Ханькову. — Мне лестно Ваше мнение. Дорожу судом Вашим»⁹⁷.

Это уважительное отношение к своему сослуживцу Я. П. Полонский высказывал неоднократно. В начале 1851 г. он сообщал Г. П. Данилевскому: «Благодарю Вас от души за все лестное в письме Вашем и все-таки скажу Вам — жаль, что „Качка в бурю“ напечатана! Будь она хороша, не досталось бы мне за нее от Ханькова и других моих тифлиских приятелей. Просто бранят меня, что печатаю стихи до того не отделанные, не обработанные!»⁹⁸.

Теплые чувства к Н. В. Ханькову нашли конкретное про-

явление у Я. П. Полонского, когда они встретились за рубежом через два десятка лет. Но об этом — далее.

...Географическому обществу Ханьков, видимо, так и не выплатил «недоимку». Тем не менее Общество продолжало относиться весьма уважительно к его авторитету, стараясь вовлечь в сферу своей деятельности. В феврале 1853 г. Совет Общества попросил Н. В. Ханькова взяться за составление карты Северной Персии (точнее, Южного Азербайджана). «Благоклонное и просвещенное участие, которое Вы всегда принимали в занятиях Общества, — гласило полученное им из Петербурга послание, — дает... право надеяться, что Вы и в настоящем случае не откажете Обществу в Вашем полезном и необходимом для него содействии»⁹⁹.

По всей вероятности, Ханьков согласился (его официального ответа нет в нашем распоряжении). Однако быстро выполнить поручение помешала накаленная предвоенная обстановка, а затем и начавшаяся Крымская война; кроме того, вскоре ориенталист стал «исполнять должность» российского генерального консула в Тебризе. Но он трудился над соответствующими материалами, о чем свидетельствует А. В. Головин. 1 июня 1855 г. он информировал М. Н. Муравьева: «В. пр.-во за два года пред сим изволили пригласить Н. В. Ханькова составить карту Азербейджана. Ныне он пишет мне из Тавриза, прося доложить Вам частным образом, что он начал составление этой карты, воспользовавшись своими и чужими маршрутами, определениями Лема и закавказскою триангуляцией. Проекцию он выбрал Гаусовскую, потому что для мало растянutoй формы Азербейджана она действительно лучше всех»¹⁰⁰.

Увы, и эта работа затянулась надолго. Завершить ее и издать карту Азербейджана Ханькову удалось лишь в 1862 г. Но он далеко не всегда превращался в «неоплатного должника», подготавливая «заделы» для будущего. Много интересного выходило в свет. Так, посещения Баку и других прилегающих к Каспийскому морю районов, населенных в основном мусульманами, во время подготовки положения о мусульманском духовенстве оказались как нельзя более кстати для Н. В. Ханькова, который чрезвычайно заинтересовался изменениями уровня этого моря. С обычной для него целеустремленностью он погружается в изучение трудов самых различных западных и восточных авторов, упоминавших об этом явлении, проводит много часов на морском берегу, делая зарубки на прибрежных скалах. Постепенно накапливался огромный материал, позволявший сделать определенные выводы...

30 марта 1853 г. Ханьков завершает письмо в Петербург своему другу Ю. А. Гагемейстеру, видному экономисту и статистике, географу и путешественнику, ряд лет служившему на Кавказе. Это обширное письмо было вскоре напечатано в «Вестнике Императорского Русского географического общества» под

заглавием «Исследования Н. В. Ханькова об изменении уровня Каспийского моря»¹⁰¹. В нем говорится, что после выхода в 1833 г. труда академика Э. Х. Ленца по этой проблеме было опубликовано немало работ, но все они «ничего не внесли в науку, кроме вариаций на ту же тему, гипотез более или менее остроумных, не обогатив предмета никакой цифрой, никаким измерением, которые одни лишь могли бы содействовать настоящим образом к разрешению этого интересного вопроса...». Между тем изменились к лучшему условия его изучения: «...метеорология и ориентализм в России сделали громадные успехи. Первая дала нам средства основать на цифрах климатическую оценку всей огромной полосы земной поверхности, которая отделяет Петербург и даже Митаву от Ситхи, а восточные изыскания открыли много любопытных фактов о былом времени всех стран, лежащих вокруг бассейна Каспийского моря...»

Удивительная добросовестность исследователя, присущая Николаю Владимировичу, исключает наличие какого-то источника, в котором содержались бы данные по интересовавшему его сюжету и который не был бы им упомянут. Уже в цитируемом письме мы находим ссылки на свидетельства и книги Страбона и Аппиана Александрийского, Масуди и Мирхонда, Приска и писателя IX в. Ахмеда эль-Катиба, А. Жобера и А. Гумбольдта, П. С. Палласа и Г. В. Абиha, А. Олеария и Э. Гиббона, Идриса, Якута и Абу-ль-Фида, Оммер де Хелла и т. д. Ученый пересматривает предложенную А. Жобером датировку потопления бакинских караван-сараев, относя ее не к периоду между XIII и XVI вв., а к IX—XII столетиям. Он приходит к выводу, что причины различных колебаний уровня Каспия следует искать лишь «в метеорологических условиях стран, по которым проходит самый большой приток Каспийского моря — Волга», в частности в уровне дождей в ее бассейне.

Это послание явилось своего рода конспективным изложением вскоре появившегося в печати большого исследования Н. В. Ханькова «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря»¹⁰².

Здесь еще более развернут круг привлеченных источников и материалов и поражает обилие всевозможных статистических данных и фактов, в том числе эпиграфических, археологических, фольклорных, климатических и т. п., а также карт и чертежей.

Детальное рассмотрение этого труда не входит в наши задачи; он носит специальный физико-географический характер, и мы можем адресовать всех интересующихся к первоисточнику¹⁰³. Нас же он занимает как определенный этап в деятельности ученого, раскрывающий диапазон его интересов, методы и приемы работы. Интересует он нас, разумеется, и с точки зрения оценки современников. На многие поставленные в подобном плане вопросы лучший ответ дает статья одного из крупнейших го-

сударственных деятелей России середины XIX в., большого знатока истории, статистики, географии (особенно Кавказа) и других смежных дисциплин — Д. А. Милютин. Рецензируя вторую книгу «Записок Кавказского отдела Имп. Русского географического общества», он почти все внимание уделил «самой обширной... и бесспорно самой замечательной» среди напечатанных там материалов «статье известного нашего сочлена Н. В. Ханькова»¹⁰⁴. Д. А. Милютин отмечает, что для изучения «весьма загадочного» и «столь сложного вопроса трудолюбивый автор умел приложить к делу разнообразные, почти энциклопедические свои познания: как ориенталист, он черпает данные из старых восточных летописей и легенд; как ученый-путешественник, сам нивелирует местность и производит физические наблюдения. Эта разнообразная ученость дает автору возможность сближать факты самые разнородные и выводить заключения совершенно неожиданные»¹⁰⁵.

Строгий и придирчивый критик, Д. А. Милютин считает, что и с обнародованием исследования «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря» тема не может считаться «закрытой»; не все доказательства его автора он принимает. «...Скажем откровенно, — пишет маститый рецензент, — что новые изыскания г. Ханькова, по мнению нашему, все еще не доставляют довольно данных для окончательного разрешения вопроса столь сложного и темного. Несмотря на то, отдаем полную справедливость этому ученому труду, в котором почтенный автор выказал все разнообразие своей учености и всю способность свою к сближению соображений, по-видимому, самых отдаленных и разнообразных. Он показал, как может быть важно для решения вопросов физических пособие истории и литературы. Кроме того, он оказал услугу и будущим исследователям и наблюдателям, установив новые знаки для измерения высоты каспийского уровня, именно: один — на скале, в 3 верстах к северу от поста Апшеронского, а другой — к северу от деревни Бузовни...»

Работа Н. В. Ханькова — «самая любопытная, можно сказать, основная часть изданной ныне книжки „Записок Кавказского отдела“», — подводил итог своим заметкам Д. А. Милютин¹⁰⁶. Следует признать, что таким отзывом весьма скупого на похвалы знатока вполне можно было гордиться, несмотря на его критические замечания.

Рассматривая наиболее крупные материалы «Записок» кавказских географов, Д. А. Милютин не остановился на опубликованной там заметке «Восхождение на гору Демавенд»¹⁰⁷. Она тоже принадлежит перу Н. В. Ханькова и лишней (который!) раз свидетельствует о широте его интересов. Он рассказывал в ней о донесении «г. Чарнотта, австрийского инженера, находящегося на службе шаха (Персии. — Авт.), написанном по-немецки и заключающем в себе подробности необычайно утомительного восхождения его до самой вершины Демавенда и герой-

ского, можно сказать, пребывания на ней и в пещере, находящейся под вершиною...

Николай Владимирович напоминает, что Демавенд — высший пик хребта, идущего от Мазендеранских гор к Тегерану, и хотя Чарнотта в силу сложившихся обстоятельств не смог собрать во время экспедиции какие-либо существенные научные сведения, «извлечение из его донесения, в котором сокращены только рассказы о личных похождениях автора, заслужит внимание любителей географии и геологии»¹⁰⁸. Ханыков самым добросовестным и старательным образом выбирает из этого донесения все кажущееся ему мало-мальски интересным; чувствуется, что многие содержащиеся там утверждения вызывают у Н. В. Ханыкова недоверие или по крайней мере значительное сомнение, но он тем не менее подчеркивает, что «не позволяет себе ни сколько сомневаться в точности наблюдений, сделанных господином Чарнотта». Ему хотелось донести до читателей, быть может, скудные, но все же хоть какие-то фактические данные о Демавенде. Популяризаторскую деятельность этот подлинный ученый ставил отнюдь не ниже научно-исследовательской.

Такой подход был органически присущ Н. В. Ханыкову и отчетливо прослеживается в течение всей его творческой жизни. Об этом убедительно свидетельствуют, например, его многочисленные и разнообразные публикации в газете «Кавказ», рассчитанные на самого широкого читателя. Вот далеко не полный перечень напечатанных им статей во взятом наудачу 1850 г.: «Новейшие открытия г. Ролинсона (по части ассирийских древностей)» (№ 17), о тифлисской выставке ремесленных и других изделий (№ 20, 24, 26), о служебной деятельности генерала Л. Л. Альбранда (№ 27, 28, 31), «Еще археологическое известие (Башия Гумбязи-ата-бека и надписи на ней, в Нахичевани)» (№ 76, 85, 86, 87), рецензия на «Кавказский календарь» на 1851 г. (№ 102) и т. д.

Или следующий, 1851 г.: «Очерк ученой деятельности на Кавказе в 1850 г. Исследования по части археологии» (№ 25—29), «Извлечение из письма г. Абиha барону А. Гумбольдту о климате Закавказья в переводе Н. В. Ханыкова (№ 5, 6), «О солнечном затмении, виденном в Коджорах 18 июля 1851 г.» (№ 55), «Ориенталист Френ и его труды на Кавказе» (№ 72), «Об археологических исследованиях на Кавказе» (из письма к Савельеву) (№ 92), «Нумизматическое известие (монеты, найденные в Дербенте и пожертвованные в Тифлисский кабинет древностей)» (№ 96) и т. д.

Как видим, не так уж много номеров «Кавказа» выходило без статей Н. В. Ханыкова, обращая внимание на которые мы снова не можем не напомнить и о его занятости по служебной линии, и о крупных изысканиях в самых разных научных областях, и об организаторской деятельности в Географическом об-

щине. Но ведь и за самой маленькой газетной заметкой стоял труд. И немалый. Вот, к примеру, «Нумизматическое известие» (газета «Кавказ», № 96 за 1851 г.). Перед тем как ее написать, ученый детально исследовал найденный в Дербенте, этом старом торговом центре, клад древних медных монет, более пуда весом. Он установил, что это в основном монеты азербайджанских атабеков, «властвовавших в Арране и Азербейджане с 555 по 622 г. гиджры», т. е. в 1060—1125 гг.

То же самое можно сказать и о всех других публикациях. Многие из них, однако, требовали не только научных знаний и трудолюбия, но и остроты, эмоциональности восприятия, душевного богатства. Что ж, и этими качествами Николай Владимирович обладал в достаточной степени. Вот перед нами отрывки из его воспоминаний об ориенталисте академике Х. Д. Френе (1782—1851), основателе и первом директоре Азиатского музея, который нашел в России вторую родину.

«Я познакомился с Френом, когда уже слабость зрения мешала ему непосредственно двигать науку вперед,— пишет Ханыков,— в том периоде жизни, где он уже чувствовал, что он уступает место другому, более сильному силами тела поколению,— и это он сознавал без горести и горечи, а тщательно озираясь и изыскивая, кому передать бы неоконченное и с кем бы поделиться огромными запасами своей неутомимой любознательности. От этого все, кто только прибегал к нашему маститому ориенталисту за советами, всегда были встречаемы с любовью и могли располагать его опытностью и знанием, как своим благоприобретенным; в особенности же его ученая услужливость проявлялась, когда кто-либо из принимавших участие в восточной литературе отправлялся на Восток или на сопредельные ему, далекие от Петербурга границы нашего отечества. Тут Френ находил огонь первых лет, чтобы приглашать отъезжающих к деятельным поискам сокровищ восточной литературы: он охотно наделял их отдельными оттисками своих глубоких исследований о разных частях Востока, охотно открывал им свои карты — истинные продолжения Эрбелотовой „Библиотек Ориенталь“¹⁰⁹, но гораздо полнейшие и основательнейшие,— словом, не упускал ничего, чтобы расшевелить в них желание содействовать своими посильными трудами общему успеху восточных изысканий в России...»

Бесспорно, сам Ханыков принадлежал к числу представителей «более сильного силами тела поколения», когда посетил Френа перед тем, как погрузиться в «мир Востока». Отдавая дань наставнику, он продолжал: «Я никогда не забуду последнего нашего свидания, в 1849 году. Приехав проститься к нему вечером, перед отъездом сюда (в Тифлис) в октябре месяце, я застал его одного в обширном его кабинете, тускло освещенном двумя свечами. Не знаю, петербургская ли осенняя погода, внутреннее ли предчувствие, что это будет последнее наше сви-

дание, или что другое, но я не мог подавить в себе тяжкого чувства, когда, отворив дверь, я увидел его в полумраке одного, с поникшею головою над книгою, лицо его было очень бледно, так что, подошед к нему, я не мог удержаться от вопроса: что с ним и здоров ли он? — и он с печальною улыбкою сказал мне: „Здоров, но устал жить“. Трудно передать эффект этих простых слов, вырвавшихся из сердца; но они снова живо и болезненно звучат в моей душе»¹¹⁰.

...Кавказский период, несомненно, был очень плодотворным в жизни Николая Владимировича. Он еще более «вырос» в научном отношении, расширился его кругозор, окреп авторитет среди коллег — как в России, так и за рубежом. Назревало время, когда можно было ожидать от него все новых и новых исследований на все более интересные и значительные сюжеты. К сожалению, как ни трудно было сочетать обязанности чиновника Кавказского наместничества с плодотворной деятельностью востоковеда, историка и географа, вскоре условия для этого еще более ухудшились: надвигалась война. Тяжелейшая для Российской империи Крымская война... Знания, опыт, дипломатические способности Н. В. Ханыкова понадобилось использовать на другом поприще — на ответственном заграничном посту. Ему пришлось покинуть гостеприимный Тифлис, лишиться поддержки всесильного «сиятельного» М. С. Воронцова, который привлек его в свой штат и, безусловно, немало не раскисался в этом.

Но перед тем как перейти к новому немаловажному этапу на жизненном пути Николая Владимировича, нельзя не привести оценку его действий на Кавказе. Не нашу — она была высказана выше, а «чиновничью» во всех смыслах этого слова — и широком, переносном, и узком, конкретном. Она принадлежит А. А. Харитонову. В конце 40-х годов XIX в. он был председателем Тифлисской казенной палаты, т. е. занимал довольно высокий пост в иерархии наместничества, и, конечно, часто встречался с ответственным сотрудником Дипломатической канцелярии и приближенным Воронцова.

А. А. Харитонов пишет, что у него бывал «замечательный гость Н. В. Ханыков», однако весьма своеобразно характеризует черты его «замечательности». Харитонов констатирует, что Ханыков «пользовался известностью как ориенталист и путешественник в Бухару», но вспоминает о нем «только как о великом спорщике, который не оставлял никакого замечания без внимания». В связи с этим он рассказывает об их совместной поездке в Коджоры, которые «начинали в 1847 г. устраиваться как ближайшее местопребывание для дачной жизни тифлисцев, отличаясь прохладным климатом по своему возвышенному положению (4000 футов над уровнем моря). А между тем в городе была холера, и Ханыков из страха перед нею был очень строг в диете и сильно кутался».

«Я раз его и спрашиваю, — продолжал председатель казенной палаты, — вот Вы, Николай Владимирович, так бережетесь и другим советуете беречься, а сами рискуете при частых переездах в Коджоры и обратно простудиться, подвергая себя резким переходам от тепла к холоду. Он, минуту подумав, отвечал: „Отчего же? Вот, например, из Персии отправляют в разные места, в том числе и прохладные, вместо почты, посланцев, но между ними особой смертности не замечено“. Мы так и разразились общим хохотом».

Мы привели эти строки, несмотря на их не очень большую содержательность, потому, что они добавляют какие-то человеческие черточки к нашему представлению о личности востоковеда, известного преимущественно по научным занятиям. Мемуары А. А. Харитонova более интересны, когда он предпринимает попытку с позиций собственного умственного и культурного развития (не очень высокого, скажем прямо, но отражавшего взгляды определенных кругов) осветить общие итоги пребывания Николая Владимировича в Тифлисе. «Что касается деятельности Ханыкова на Кавказе, то об ней ничего особенного сказать нельзя. Он часто ездил то в Персию, то в Петербург, писал ученые статьи в кавказском календаре и в географических записках, измерял вместе с Ходзько высоты барометрическим способом, сочинял какие-то проекты о мусульманских училищах, но настоящим делом в практическом или чиновничьем (! — Авт.), если хотите, смысле, он не занимался и был в Тифлисе скорее наблюдателем, чем действующим лицом. Вот кому бы вести дневник или составлять записки об эпохе воронцовского наместничества, но он их, кажется, не оставил и умер в Париже, занимаясь роскошным изданием трудов ученой экспедиции в Хорасан, в которой он участвовал чуть ли не в качестве председателя»¹¹¹.

Типичное суждение самодовольного помпадурa, ярко иллюстрирующее среду, в которой приходилось жить и работать Н. В. Ханыкову, ограниченность и косность которой волей или неволей ему приходилось преодолевать... Харитоновым, по существу, не было никакого дела до «каких-то ученых статей» или «трудов ученой экспедиции», изданных, кстати говоря, весьма скромно и за счет Парижского географического общества.

Впрочем, вскоре Н. В. Ханыков выехал за пределы империи, получив дипломатическое назначение, и все остальные годы провел фактически вне ее.

Были, однако, и другие отзывы о личности Н. В. Ханыкова и его деятельности на Кавказе, которые принадлежали людям более тонкого интеллекта. В частности, сослуживец Николай Владимировича тех лет В. А. Соллогуб, автор нашумевшей в свое время повести «Тарантас», категорически утверждал: «Из людей, окружавших Воронцова, самым замечательным был Николай Владимирович Ханыков. Человек ума самого обширного

го и самого светлого, первоклассный ориенталист и ученый, он принес своими исследованиями большую пользу нарождающему краю и впоследствии приобрел своими трудами европейскую известность».

Отметим попутно, что В. А. Соллогуб приводит некоторые детали внешнего и внутреннего облика ориенталиста: «Несмотря на свою огромную, несколько слонообразную толщину, Ханьков был одним из приятнейших собеседников, каких я встречал; он обладал также редким даром рассказывать самые смешные вещи, сохраняя при этом самый серьезный, почти суровый вид»¹¹².

Заслуги Ханькова на поприще географическом были косвенно отмечены председательствовавшим в Кавказском отделе Русского географического общества в 1861—1869 гг. А. П. Карцовым: «По-видимому, самым блестящим временем существования Кавказского отдела были первые три года его деятельности... Положительным результатом существования Отдела в первые три года были две первые книжки его „Записок“...»¹¹³.

Но как раз в эти годы Н. В. Ханьков и являлся помощником председательствующего — реальным организатором многих действий кавказских специалистов и любителей географии.

Из материалов этой главы читатель может сделать вполне обоснованный вывод: деятельность востоковеда в области археологии и эпиграфики на Кавказе также заслуживает самой высокой оценки. В напряженные недели и месяцы весны 1853 г., в предгрозовую обстановку, которая вот-вот должна была разразиться войной, занятый по горло в Дипломатической канцелярии и загружаемый не связанными с прямыми обязанностями поручениями, Н. В. Ханьков находит возможность, чтобы отправить в Археологическое общество две интересные научные работы.

Одна из них — «О некоторых арабских надписях в Дербенте и Баку»¹¹⁴ — анализирует исторические события, связанные с так называемой дербентской «гробницей Джум-Джюмы» и начертаниями на надгробном памятнике, а также с куфической надписью на знаменитой бакинской Девичей башне; исследование последней приводит его к заключению, что «только одни иранские Сельджукиды, потомки Алп Арслана, могут быть подозреваемы в постройке этой башни».

Другая работа — «Древности, найденные на Кавказе»¹¹⁵ — является своего рода «препроводительной» к точным копиям 25 изделий из бронзы и меди, обнаруженных в 1849 и 1850 гг. в Большой Кабарде и Малой Чечне, у подножия северного склона Кавказского хребта. Ханьков считал эти изделия скифскими. Его друг и соавтор статьи П. С. Савельев полагал, что их «следует отнести к менее отдаленной древности», хотя и ссылаясь на невозможность «с точностью определить эпохи и народы, которым принадлежат эти вещи».

Нас в данном случае интересует не правота той или иной стороны в этой дискуссии, давно потерявшей актуальность, а нечто другое. Отправляя Обществу найденные предметы, Ханьков, как и положено уважающему себя и коллег специалисту, прислал географическую «карточку» с указанием мест находок. «Случайно на ней, — писал он, — нанесены границы пространства, покрытого новейшими морскими осадками, и мне пришло в мысль, что если б можно было доказать, что в этом пространстве никогда не были находимы изделия рук человеческих, рассеянные в земле в большом изобилии на севере и на юге от него, то это послужило бы важным подтверждением предположения, что Каспийское море соединялось с Черным еще во времена исторические, и во всяком случае это применение археологии к геологии было бы оригинально»¹¹⁶. Совершенно неожиданный поворот мысли!.. Теоретические умы, открывшие где-то в середине XX в. серьезную плодотворность использования методов и достижений одной отрасли науки для развития другой и торжественно провозгласившие перспективность творческих поисков «на стыках» различных научных отраслей, имели предшественника, который утверждал это гораздо раньше — на сто лет.

Самому Николаю Владимировичу не пришлось на практике «применить археологию к геологии», как, впрочем, и продолжать географические, эпиграфические, археологические и прочие исследования непосредственно на Кавказе. В условиях все более явно надвигавшейся войны — ее впоследствии назовут Крымской или Восточной — его знания, опыт, приобретенное незаметно дипломатическое мастерство, энергия вступившего в зрелые годы человека и многие иные качества понадобились в другом месте и на другом посту.

Ханьков покидает Тифлис. Семьи у него нет. Багаж его невелик. Невелик, но специфичен и очень дорог ему. Это преимущественно книги, восточные рукописи, записки и заметки самого разнообразного характера и проблематики. Особенно же дорожит он небольшого формата альбомом в зеленом бархатном переплете, украшенном золотым узором. Впрочем, ценит его ученый, конечно, не за богатый узор: на 56 страницах — 76 изображений надписей арабским шрифтом на арабском (их значительно больше) и персидском языках, а также 14 акварельных рисунков.

Дань глубокому увлечению эпиграфикой, изучению исторических надписей. «Как раз в пятидесятых годах (XIX в. — Авт.), — констатирует один из крупнейших советских специалистов в этой области науки В. А. Крачковская, — на Кавказе развернулась работа по регистрации архитектурных памятников и собиранию надписей. М. Ф. Броссе в области грузинской эпиграфики, И. А. Бартоломей и Н. В. Ханьков в области мусульманской эпиграфики — вот „три кита“, которым принадлежала

главная инициатива... Как эпиграфист-исламовед, Ханыков — достойнейший современник Броссе».

В. А. Крачковская напоминает, что перед отъездом Ханыкова на Кавказ «Френ советовал ему заняться надписями» и что в 1847—1848 гг. Николай Владимирович изучал в архиве наместничества «дело» под заглавием «Сведения о местах, почитаемых мусульманами Кавказа, куда они странствуют на поклонение», содержавшее список всех мечетей, мавзолеев и кладбищ. После этого, продолжает она, Ханыков «совершил полугодовое путешествие по Кавказу, проверяя на местах точность списка, и открыл лично немало надписей. Кроме того, ему были доставлены точные факсимиле со всех более интересных надписей»¹¹⁷.

Эпиграфический альбом долгие годы верой и правдой служил ориенталисту. Оказавшись за пределами своей страны и располагая временем, свободным от «служебных занятий», он использует материалы этой коллекции для подготовки в изданиях Азиатского общества в Париже интереснейшей публикации о кавказских мусульманских надписях, а также многих других разработок. Однако ценность собранных Ханыковым сведений этим далеко не исчерпывается, о чем хорошо пишет В. А. Крачковская: «Неопубликованные эпиграфические материалы альбома, несмотря на явные искажения в рисунках, весьма важны; быть может, следы многих оригиналов уже исчезли, по рисункам альбома все же создается общее представление: об эволюции арабского шрифта и письменности на Кавказе начиная со второго века хиджры. Но в альбоме есть также и редкие по содержанию надписи, о существовании которых до сих пор никто не подозревал. Это позволит при переиздании надписей Кавказа исходить из новых документов и снабдить следующее издание невоспроизводившимися иллюстрациями. Между эпиграфическим содержанием и архитектурными сюжетами альбома существует теснейшая связь. То и другое переплетается с исследованиями Н. В. Ханыкова»¹¹⁸.

Итак «альбом Ханыкова» имеет не только научное, но и существенное практическое значение. Впрочем, этот альбом был анонимен. Его принадлежность ориенталисту прекрасно доказала В. А. Крачковская, которая обнаружила его в Архиве Всесоюзного географического общества. Каким образом и когда он туда попал, пока неизвестно.

...Ханыков покидает Тифлис. С этим городом, как и с пребыванием на Кавказе и в Закавказье вообще, где он провел десять лет, связаны напряженный труд и большая, полезная научная деятельность. Она еще долго будет давать плоды.

ГЛАВА V

ТЕБРИЗ, 1853—1857

Чтобы должным образом осветить деятельность Н. В. Ханыкова в тяжелые годы Крымской войны, необходимо, хотя бы вкратце, обрисовать общую обстановку на ее Кавказском театре, и на Кавказе вообще.

Несмотря на весь апломб Николая I, страна не была готова к войне, а тем более к затяжной борьбе с коалицией мощных государств, в том числе с Британской империей и Францией. Эта слабость особенно сказывалась в Азии, где возможное включение Персии в лагерь врагов России представило бы серьезную опасность.

В Главном штабе кавказских войск в Тифлисе была подготовлена докладная записка «по предмету военных действий против Турции» от 28 сентября 1853 г., которую начальник штаба генерал-майор Н. И. Вольф отправил в Петербург. В частности, в ней анализировалась позиция соседней Персии. Авторы записки приходили к выводу, что она может быть союзником России, сохранять нейтралитет или перейти на сторону Турции. Самым выгодным был, разумеется, первый вариант, в основе которого лежали персидско-турецкая политическая и религиозная вражда, а также территориальные споры по поводу Котурского округа. Но в Тифлисе не исключали и возникновения турецко-персидского союза («если к тому побудят их взаимные выгоды или влияние и происки Англии»). «Нет надобности объяснять,— говорится в этом документе,— что подобное обстоятельство поставило бы нас в весьма критическое положение на Кавказе, где средства далеко не достаточны, чтобы вести одновременно две войны».

Всего вероятнее казался нейтралитет Персии. Тем не менее, учитывая возможное стремление этой страны взять реванш за поражения в прошлом, Вольф и его помощники полагали целесообразным создать на всякий случай близ персидской границы «надежный резерв из России» («наблюдательный отряд»), который к тому же был бы и «заслоном» против горцев¹.

4 октября 1853 г. военный министр В. А. Долгоруков запросил главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом М. С. Воронцова о потребностях в резервах для «подкрепления кордонной линии на персидской границе»². Тот отвечал, что, ес-

ли Персия тоже выступит против России, «мы здесь решительно не можем располагать ни одним батальоном без пагубного ослабления главного нашего действующего отряда и без ослабления с крайнею и неминуемою опасностью гурийской границы, на которую... как мы слышим со всех сторон, турки имеют решительные намерения и приготовили уже в Батуме до 30 000 человек». Воронцов заявил о полной невозможности снять «что-нибудь с турецкой границы для защиты персидской» и просил о присылке «не меньше одной бригады регулярной кавалерии» и одной пехотной дивизии³.

Вскоре Долгоруков известил наместника, что еще до получения его ответа на Кавказ были «назначены к отправлению» 18-я пехотная дивизия и Свободная драгунская бригада, после чего «нет решительно никакой возможности отделить более войск из России на Кавказ»⁴. Последняя фраза в письме военного министра была выделена жирной чертой.

Уже эта переписка убедительно свидетельствует о чрезвычайной напряженности военно-политической обстановки на Кавказе и опасениях местных властей (да и столичных сановников, разумеется) по поводу возможной позиции Персии.

Есть основания констатировать, что в исключительно сложные для России годы Крымской войны Н. В. Ханыков сыграл очень важную роль, ослабив опасения Петербурга в отношении положения на Кавказе, что позволило усилить царские войска в более угрожаемых районах. У читателя может возникнуть справедливое недоумение: почему столь существенные и ответственные утверждения делаются в подобной условной и «полупредположительной» форме? Для этого имеются некоторые причины. Но рассмотрим сначала суть дела.

Биограф видного деятеля царизма на Кавказе середины XIX в. А. И. Барятинского — А. Л. Зиссерман отмечает, что к началу Крымской войны там не хватало войск. В связи с этим заменивший уехавшего Воронцова генерал Н. А. Ред предположил вывести всех солдат из Дагестана, лишь бы удержать Лезгинскую линию и Военно-Грузинскую дорогу. 29 марта 1854 г. военный министр В. А. Долгоруков по поручению Николая I отклонил предложения Реда как необоснованные. Тогда генерал сообщил, что имел в виду их осуществление лишь «в случае разрыва с Персией и неприсылки резерва из России (о возможности высадки англо-французов на Кавказе при этом вовсе не упоминалось. — *Авт.*)»⁵.

Описание данного эпизода А. Л. Зиссерман сопровождает сноской, представляющей для нас прямой интерес: «Предположение о возможности разрыва с Персией тоже не имело серьезных оснований. Уже в начале декабря 1853 г. наш генеральный консул в Персии Николай Владимирович Ханыков, известный своим образованием и отличным знанием Востока, вел деятельную переписку с кн. Барятинским и в семнадцати весьма

подробных письмах сообщал о положении дел в Персии, о настроении его правительства, о слухах и сведениях, получаемых из Европы, о движениях персидских войск и т. п.».

Более того, можно было рассчитывать, продолжает автор, «что ничего враждебного против России ожидать нельзя, невзирая на происки Англии; что, напротив, персияне не прочь воспользоваться положением Турции и свести с нею счеты по пограничным спорам и что у Персии не хватает только сил, решимости, а главное — у них не было государственного человека, воодушевленного патриотизмом... Само же правительство персидское было жертвой беспрестанных интриг иностранных агентов, действовавших большей частью посредством подкупа влиятельных лиц. Затем известия о наших победах в Азиатской Турции производили сильное впечатление на персиян в нашу пользу. Такие же сведения имелись в Петербурге»⁶.

Запомним констатацию — очень конкретную — о семнадцати донесениях Н. В. Ханыкова А. И. Барятинскому обнадеживающего и оптимистического характера. Тем не менее вскоре произошел следующий эпизод.

Весной 1854 г. по совету Воронцова царь назначил Барятинского помощником старого и больного В. О. Бебутова, который командовал действующим корпусом на турецкой границе. 7 июля 1854 г. генерал Ред направил Долгорукову копию с рапорта Бебутова, в котором проявлялись довольно панические настроения по поводу военно-политических перспектив на Кавказском фронте. Как утверждает тот же А. Л. Зиссерман, на этом документе Николай I, «недовольный предшествовавшими преувеличенными страхами и предположениями тифлисского штаба, начертал собственноручно: „Скверно! Писал это, вероятно, не князь Бебутов, а князь Барятинский. Боюсь, что никакого толка не будет“». В то же время было получено в Петербурге донесение Ханыкова из Персии совершенно успокоительного свойства, и государь на нем написал: «Если эти сведения справедливы, то еще менее понятно и извинительно бездействие Бебутова». Последнему указали на то, что Ханыков сообщает о распространении в турецкой армии болезней и смертности, о побегах солдат и упадке духа, а также о необходимости наступательных, а не оборонительных действий. Вскоре выяснилось, что Барятинский не причастен к пессимистическому рапорту Бебутова⁷, тем не менее «мрачная картина, в коей кавказское начальство представляло состояние дел на южной границе нашей и настоятельные требования присылки туда войск» привели к тому, что Николай I срочно направил в Тифлис нового наместника и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом — генерала Н. Н. Муравьева⁸.

Нас, однако, во всем этом интересует другое: снова материалы Н. В. Ханыкова оказывают немаловажное влияние на определение действий правительства Российской империи в трудный

момент ее истории. «Условная» форма, в которой выше признается данное обстоятельство, вызвана тем, что, несмотря на все усилия, нам не удалось разыскать указанные семнадцать писем Ханыкова Барятинскому, а также донесение Николая Владимировича с царской резолюцией. Это вовсе не дает оснований обвинять А. Л. Зиссермана в каком-либо искажении событий: он тщательно готовил свой обстоятельный труд на базе семейного архива князей Барятинских. Архив этот, хранящийся ныне в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, по свидетельству руководства этого отдела, дошел до нас не полностью. Возможно, среди затерявшихся и исчезнувших материалов находились и эти «весьма подробные письма». Значительно больше шансов на сохранность бумаги Ханыкова с пометкой Николая I, но и ее, к сожалению, не удалось обнаружить.

А. Л. Зиссерман не датирует послания Н. В. Ханыкова Барятинскому. Это лишает нас возможности уточнить многое: ведь «в начале декабря 1853 г.» Николай Владимирович еще не был консулом в Тебризе; только 20 марта 1854 г. он был «назначен ко временному исполнению должности генерального консула в Тавризе». Когда он успел глубоко и всесторонне изучить ситуацию, сложившуюся в Персии, и собрать данные для своих почти двух десятков «весьма подробных писем»?!

Вот на этот вопрос вполне можно дать обоснованный ответ. Позиция, которую займет правительство Персии в конфликте на Ближнем Востоке, перераставшем в открытую войну, глубоко беспокоила и царских дипломатов в этой стране. Вплоть до начала военных действий и полномочный министр Российской империи «при шахском дворе» Д. И. Долгоруков, и генеральный консул в Тебризе Н. А. Аничков старательно выясняли настроения и «веяния» в персидских кругах, стремились воздействовать на них в определенном направлении, чтобы отвлечь часть турецких сил от борьбы с царскими войсками. Положение несколько определилось к концу октября 1853 г. 29 октября Долгоруков направил Аничкову предписание, в котором информировал о том, что Наср эд-дин-шах готов «содействовать нам в войне против турок», для чего приказал собрать и отправить на турецкую границу 60 тыс. солдат⁹.

Это известие вызвало соответствующую практическую реакцию в Петербурге и Тифлисе. Уже 14 ноября 1853 г. Воронцов сообщил Долгорукову, что в связи с предложением шаха «содействовать нам в настоящую войну с Турцией содействуется нужным командировать некоторых опытных офицеров здешнего корпуса для руководства в стратегических операциях персидского отряда, стягивающегося на границе Турции и Персии...». Для этой цели кавказский наместник выделил инженер-генерал-майора А. С. Санковского, гвардии полковника И. А. Бартоломея и генштаба подполковника П. К. Услара «и сверх того,—

подчеркивал Воронцов,— для облегчения ген. Санковскому сношения с местными властями я с ним же командировал ведомства министерства иностранных дел г. статского советника Ханыкова, известного мне по знанию края и языков»¹⁰.

Полученное Санковским предписание главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом М. С. Воронцова от 8 ноября 1853 г. не только конкретизировало поставленную перед ним задачу, но и содержало лестную характеристику Н. В. Ханыкова. Инженер-генерал-майору поручалось посредничество между действующим российским корпусом, которым командовал генерал-лейтенант В. О. Бебутов, и отрядом персидских войск. «Для сношений ваших с персидским правительством,— добавлял наместник,— командировается статский советник Ханыков, который отличным познанием своим края, без сомнения, весьма много облегчит для вас исполнение предстоящих вам обязанностей»¹¹.

Сборы были недолги, и вскоре Санковский с остальными членами своей миссии двинулся в путь. Казалось бы, надлежало расстаться с опасениями по поводу места южного соседа в конфликте России с Османской империей. Однако вскоре выяснилось, что подобный вывод был бы слишком поспешным. Тегеран отнюдь не торопился двинуть войска и начать решительные действия против турок. Наср эд-дин-шах и его первый министр (садр азам) тянули время, пытались оговорить участие в войне различными уступками со стороны Российской империи. Еще 30 июля 1853 г. Аничков доносил Долгорукову из Тебриза, что, вопреки утверждению садр азама о готовности персидской армии отразить турецкое вторжение, «полки Адербейджанские (т. е. Персидского Азербайджана.— Авт.) вовсе не на границе» и очень плохо укомплектованы, а некоторые вообще распущены по домам¹².

В течение августа, сентября и октября от Аничкова поступали тревожные вести о сосредоточении до 40 тыс. турецких войск близ русских границ и объявлении в Турции джихада, т. е. «священной войны», против России¹³, об издании в Стамбуле официального манифеста о войне с Россией¹⁴, но о каких-либо положительных сдвигах в действиях Тегерана он сообщить не мог.

Такая неопределенность продолжалась очень долго. Ее хорошо отражает письмо генерального консула в Тебризе российскому полномочному министру в Тегеран от 14 ноября 1853 г., в котором говорится, что сбор войск в Персидском Азербайджане уже начат и он, Аничков, хлопочет о его ускорении, тем более что турки уже открыли военные действия. Создается отряд во главе с Азиз-ханом, который, «как слышно, выступил из Тегерана 5 ноября». Санковский, Бартоломей, Услар, Ханыков и их спутники к 16 ноября ожидалось на пограничной реке Аракс. Но при всем этом персидское правительство

еще не «изъявило готовности действовать против турок заодно с нами», и Санковский с коллегами будут допущены к формирующемуся отряду, лишь если Тегеран «хотя бы секретно» сообщит своему главному представителю в Тебризе Хамзе Мирзе «о нашем союзе» и предложит Азиз-хану «не чуждаться нас официально и не скрывать военных распоряжений своих»¹⁵.

На следующий день, 15 ноября, в силу сложившихся обстоятельств Аничков оказался перед необходимостью принять ответственное и симптоматичное решение. Узнав из сообщения Долгорукова, «что шах не сдержал своего слова и без исполнения нашим Двором некоторых условий, на кои вовсе не известно последует ли высочайшее соизволение, отказывает нам в материальном содействии», генеральный консул посоветовал Санковскому задержаться на некоторое время на российской территории¹⁶. Распоряжение Н. А. Аничкова было одобрено М. С. Воронцовым. Ханыкову же, по распоряжению наместника, следовало отправиться в Тебриз «для личных объяснений, — как писал генеральный консул, — и дабы вести деятельную переписку с генералом Санковским по предстоящему вопросу»¹⁷. Так Николай Владимирович оказался на самой передовой позиции — если не в военном, то, во всяком случае, в политическом, дипломатическом и разведывательном отношении (а это при тогдашних обстоятельствах было гораздо существеннее).

Некоторые опасения царских представителей в Персии продолжали оправдываться. Хотя 7 декабря 1853 г. сардар Куль Азиз-хан все же прибыл с отрядом в Тебриз, но с ним было всего 2 тыс. человек пехоты, 300 всадников и 20 орудий, а отнюдь не многотысячное войско. К тому же сардар немедленно распустил своих пехотинцев «по домам, говоря, что это только „отпуск“ на несколько дней и что солдаты соберутся к нему на дорогу, когда он отправится в Хой (т. е. к турецкой границе. — Авт.)»¹⁸.

В войну с Турцией Персия в конечном итоге так и не вступила. Однако не исключалось, что отряд сардара Куль Азиз-хана вместе с другими войсками будет двинут против России. Это вызывало тем большую тревогу, что Отдельный Кавказский корпус был крайне малочисленным. Здесь, видимо, и сыграли свою роль «подробные письма» Н. В. Ханыкова в Тифлис, доходившие до самого Николая I и вселявшие уверенность в нейтралитете Персии. Поступавшая от него информация позволяла царскому командованию более решительно маневрировать резервами, не поддаваться паническим настроениям отдельных военачальников, малыми силами (во всяком случае, на Кавказском театре) добиваться значительных результатов¹⁹.

Известно между тем, что именно успешные боевые действия на Кавказе, особенно взятие Карса, чрезвычайно помогли российской дипломатии добиться облегчения условий навязанного России мира после проигранной войны. К. Маркс писал: «Па-

дение Карса является поворотным пунктом в истории... войны против России. Без падения Карса не было бы ни пяти пунктов (т. е. требований Австрии, послуживших базой для переговоров о прекращении войны. — Авт.), ни конференций, ни Парижского договора, одним словом, не было бы... мира»²⁰.

Таким образом, деятельность Н. В. Ханыкова в тяжелые для родины годы оказалась в высшей степени полезной, но, к сожалению, до конца не оцененной.

Однако, как выяснилось, в Тебризе Ханыкову довелось изрядно задержаться. И не на месяцы, а на годы. Уже в разгар войны в России стала намечаться своего рода «смена поколений» в государственном аппарате, ставшая особенно заметной после ее окончания. В частности, на смену николаевским дипломатам, которых олицетворял до предела угодничавший перед грозным самодержцем К. В. Нессельроде, стали выдвигаться более энергичные и дальновидные внешнеполитические деятели типа одного из крупнейших дипломатов XIX в. — А. М. Горчакова.

На рубеже 1853 и 1854 гг. чрезвычайным посланником и полномочным министром при тегеранском дворе вместо Д. И. Долгорукова был назначен Н. А. Аничков. Оказалась вакантной должность генерального консула в Тебризе. Мы уже упоминали, что 20 марта 1854 г. Николай I «назначил ко временному исправлению должности генерального консула в Тавризе» Н. В. Ханыкова²¹. Он к тому времени уже находился в городе, и передача дел была быстрой и во всех отношениях обоснованной и закономерной.

Никогда не выступавший до того на ответственном и самостоятельном дипломатическом поприще, Николай Владимирович оказался на весьма важном посту. Тебриз был центром большой и развитой провинции Персии. Его значение в прошлые годы подчеркивалось тем, что правителем там выступал, как правило, наследник престола; ранее длительные годы это место занимал едва ли не самый влиятельный в стране военно-политический деятель Аббас-мирза. Расположенный в относительной близости к границам и Османской империи, и России, город издавна использовался британской агентурой как база для подрывной деятельности на Кавказе. В период войны с Турцией он, естественно, приобретал особое значение.

Необходимо было поддерживать и обеспечивать военные усилия России на Кавказском театре военных действий, укреплять ее престиж в чрезвычайно сложной обстановке борьбы с мусульманской страной. В этой ситуации немаловажное значение имела позиция Персии. Добиться отказа персидских властей от снабжения Османской империи продовольствием и металлом и обеспечить поставки зерна в отдельные районы Кавказа — в разрешение и такой задачи должен был внести свою лепту новый генконсул в Тебризе.

Тебризский период, по всей видимости, мы не можем назвать очень легким и спокойным в жизни Н. В. Ханькова. И уж, во всяком случае, его нельзя назвать самым продуктивным в научном отношении: деятельность востоковеда наталкивалась на существенные трудности. Конечно, Ханьков продолжал внимательно изучать окружающую действительность, быт и нравы местного населения, интересовался рукописями и другими историческими материалами, накапливал всевозможные сведения, чтобы продолжать исследования. Но на многое не хватало времени. В результате сложившихся обстоятельств дипломат на какой-то срок серьезно потеснил в нем ученого. Однако, если выдавалась минимальная возможность заняться любимым делом, Ханьков ее не упускал. В 1854 г. по просьбе Б. А. Дорна, который заменил скончавшегося Х. Д. Френа в должности директора Азиатского музея, он пишет статью о среднеазиатских монетах, в том числе о золотых монетах Кокандского ханства, присенных им в дар этому музею. На базе нумизматического материала он датирует некоторые политические события в истории государств Средней Азии. Эта интересная статья по вопросу, весьма слабо изученному в те годы, была опубликована в посмертном издании сочинений академика Френа²².

В период пребывания Ханькова в далеком Тебризе Б. А. Дорн становится как бы посредником между ним и академическими изданиями. Так, 5(17) мая 1854 г. директор Азиатского музея представил для публикации в академических журналах извлечение из письма к нему Николая Владимировича. Это означало, что само послание было написано по крайней мере полтора-два месяца ранее, т. е. тогда, когда его автор провел в Персидском Азербайджане не так уж много времени.

Что же успел сделать Ханьков, что его занимало? Разговор шел преимущественно о восточных рукописях. Оказывается, в Тебризе и Салмазе он приобрел несколько любопытных книг и спешил информировать об этом директора Азиатского музея. Среди них находился арабский макама (сборник рассказов) «Шараф-наме», состоявший из 50 макамов. Это была копия 677 г. хиджры, относившаяся к последним временам Аббасидского халифата. Как отмечал Ханьков, она позволяла судить о «литературных средствах выражения» в Багдаде вскоре после взятия его Хулагу-ханом и о местных нравах той эпохи. В Дильмакане (Салмаз) ученый обнаружил рукопись, которую давно искал, — «Сафват ас-сафа», являвшуюся довольно поздним манускриптом 1251 г. н. э. Он делился с Дорном обстоятельствами своей научной деятельности, сетуя на отсутствие надлежащих условий. В частности, он продолжал работу над третьим томом «Истории» Рашид ад-дина («насколько позволяет мне моя кочевая жизнь на протяжении двух последних лет») и перевел отдельные ее разделы. Среди слуг правителя Хоя Искандер-хана было несколько афганских шиитов; один из них, уроженец

Кандагара, хотя и неграмотный, знал много афганских стихов и песен. Ханьков записал на слух некоторые из них и переслал Б. А. Дорну для соответствующего использования. «Я начинаю, — отмечал он, — с изложения описания, сделанного им (т. е. певцом, «сказителем»). — Авт.) об утверждении англичан в Афганистане (речь идет о первой англо-афганской войне. — Авт.) и причине их разгрома там»²³.

И в дальнейшем, путешествуя по Персии при исполнении консульских обязанностей, ориенталист с особым старанием предпринимал поиски восточных манускриптов, исторических надписей и других материалов, которые могли бы расширить научные представления о политическом, экономическом и духовном развитии азиатских народов. Он приобретал рукописи, пополняя собственную библиотеку, которая постепенно получила уникальный характер, но не забывал о нуждах и потребностях Азиатского музея, отправляя туда различные книги, увеличивая его нумизматические коллекции и выполняя поручения Б. А. Дорна. Несомненно, это был один из самых активных членов-корреспондентов Российской Академии наук, с честью носивший свой почетный титул.

Мы не располагаем данными о бытовых условиях, в которых находился Н. В. Ханьков, но применительно к Тебризу можем коснуться отдельных деталей. Генеральное консульство располагалось в обширной усадьбе, где стояло несколько казенных домов. В самом большом из них находились канцелярия, гостиная, кабинет и другие помещения. На стенах, как и полагалось «в присутственных местах», — портреты царя и «вдовствующей императрицы», множество различных ковров. Руководитель консульства обычно работал за старинным письменным столом «с возвышенными краями». Помещения отапливались двенадцатью железными и чугунными печами; в гостиной в приемные дни пылал камин, зажигались бронзовая люстра с восемью рожками с колпаками, а также четыре стенные бронзовые лампы «под колпаками». Гости садились за круглый стол — было очень уютно. Впрочем, у становившегося закоренелым холостяком Николая Владимировича, да еще в чужой стране, шумные компании с женским обществом не собирались. Разве что заедет какой-нибудь офицер или чиновник, следующий «по высочайшему повелению» в Тегеран либо из персидской столицы на родину, обсудит последние новости изрядной давности, полюбуется мраморным фонтаном в так называемой персидской комнате, выкурит трубку на балконе, сверит при хорошей погоде из любопытства часы с солнечными часами во дворе генерального консульства...

Трудно утверждать что-либо определенное об отношении ученого к религии. Отметим лишь, что в здании генерального консульства им была открыта домашняя церковь для христианского населения Тебриза — это уже материал для размышлений.

Что это — дань заведенному порядку или попытка использовать религию для достижения соответствующих профессионально-дипломатических целей? Впрочем, вплоть до самого отъезда Ханыкова из Тебриза эта церковь так и не была освящена²⁴.

Сам Ханыков всячески подчеркивал, что не рассчитывает пробыть длительный срок на новом посту. Все отправлявшиеся к нему документы имеют обращение «управляющему генеральным консульством»; он же упорно подписывался «временно управляющий...». Можно не сомневаться, что отрыв от любимых занятий, необходимость вникать порой в мелкие дела и заботы²⁵ немало досаждали востоковеду. Сложной была и политическая обстановка в Тебризе.

Отошли в прошлое времена, когда там безраздельно царил могущественный по всей стране Аббас-мирза. Теперь власть в городе делилась между внуком этого видного государственного деятеля, номинальным правителем шахзаде (принцем) Фируз-мирзой, фактическим главой администрации каиммаком Мирзой Садык-ханом и его помощником «по внутренним и иностранным делам» дебиром (секретарем) Хаджи Мирзой Мухаммед-ханом. Являясь близким родственником шахского первого министра в Тегеране, дебир также претендовал — и небезуспешно — на важную роль в местной администрации. Непрестанные распри раздирали «триумvirат», создавая особые трудности для генерального консульства²⁶. К примеру, 25 июня 1854 г. Ханыков сообщал поверенному в делах при шахском дворе о своей переписке с Фируз-мирзой о наказании некоторых тебризцев, оскорбивших достоинство России и ее подданных. По его представлению шахзаде принял «приличествующие меры», но каиммакам и дебир противодействуют их осуществлению, оспаривая права и полномочия Фируз-мирзы²⁷.

Тем не менее основные цели в сложившейся ситуации — укрепление позиций своей страны в условиях Крымской войны — Ханыков успешно отстаивал. Он последовательно и настойчиво противодействовал интригам и проискам британских и турецких военно-политических агентов, всячески старавшихся вовлечь Иран в борьбу на стороне союзников. «Из донесения статского советника Ханыкова (Азиатскому) департаменту уже известно о прибытии в Тавриз равендузской депутации, посланной с целью возбуждать персидское правительство к объявлению нам войны, выставляя ему на вид благоприятность нынешних политических обстоятельств и мнимые поражения нас турками...»²⁸ — с тревогой сообщал в Петербург 21 мая 1854 г. Н. А. Аничков на пути из Тебриза в Тегеран, на свой пост чрезвычайного посланника.

Особая опасность грозила со стороны Соуджбулака, где турки стремились подготовить курдское ополчение к нападению на Кавказское наместничество. Благодаря усилиям Н. А. Аничкова

и Н. В. Ханыкова обе эти угрозы были нейтрализованы. Ханыков прилагал также немало стараний, чтобы помешать враждебной деятельности английского консула в Тебризе Аббота и его помощника офицера Стивенсона, которым удалось спровоцировать выступление персидского полка «настрие»²⁹, а также противодействовать интригам их соотечественника — вице-консула в Мосуле Рассама, разжигавшего волнения среди курдов³⁰, и т. п. Николай Владимирович способствовал приезду в Тебриз архимандрита Якова Шахбазьянца, которого эчмиадзинский армяно-григорианский синод назначил местным епархиальным начальником вместо скончавшегося епископа Саака Сатунянца (была опасность, что освободившееся место займет духовное лицо, посланное из Константинополя)³¹.

Н. В. Ханыков всемерно содействовал штабу Кавказской армии в получении надежных сведений о состоянии Анатолийской армии Османской империи, политико-экономическом положении восточных областей Турции, их возможностях поддерживать войска новобранцами, снаряжением и продовольствием. Он активно добивался снабжения зерном из Персидского Азербайджана Эриванской губернии, где ощущалась его нехватка, и препятствовал вывозу в Османскую империю стратегического сырья³².

Энергичные действия Н. В. Ханыкова, его заслуги на самых различных поприщах не могли не привлечь внимания тифлисского начальства. Его представители 22 октября 1854 г. обратились к председателю Кавказского комитета А. И. Чернышеву с рапортом, в котором обобщалась вся деятельность Николая Владимировича в наместничестве. В нем говорилось, что среди лиц, признанных М. С. Воронцовым при назначении его на Кавказ в 1844 г. полезными, был направлен туда на службу «статский (ныне) советник Ханыков, известный как ученый-ориенталист, знавший весьма хорошо нравы и языки Востока». Подписавший рапорт «управляющий гражданской частью на Кавказе и за Кавказом» генерал от кавалерии Ред констатировал, что Н. В. Ханыков прибыл в 1845 г. в Закавказье и изучил «ближе и вернее разнородные обычаи и дух здешнего разнородного мусульманского населения», после чего ему поручались «дела, касающиеся устройства в разных отношениях здешних мусульманских племен...». Выполняя эту задачу, Ханыков «постоянно находился в поездках то по краю, то в Персию, то в Турцию, и в Тифлисе оставался единственно только настолько времени, сколько требовалось для исполнительных отчетов, для изложения новых, рождающихся предположений и для собирания сведений по вновь возлагаемым на него поручениям». В качестве примера генерал Ред ссылаясь на известную уже нам «Записку» по поводу «свода мусульманских законодательных предположений» и подчеркивал, что Ханыков «кроме служебной деятельности... всякую свободную от дел минуту посвя-

щал наукам, и плоды ученых его занятий известны свету из разных ученых и литературных журналов и газет. Академия наук давно имеет в нем одного из усерднейших сотрудников — корреспондентов своих на Кавказе. В Русском географическом обществе он один из главных деятелей и тружеников».

Реад отмечал и заслуги Н. В. Ханыкова по устройству в Закавказском крае мусульманских училищ, «коих он назначен был попечителем. Он занялся этим делом с полным усердием, умел утвердить в главных влиятельных лицах из мусульман убеждение в пользе публичного образования под русским наставлением, успел даже возбудить многих к пожертвованиям и таким образом составил значительный капитал на первоначальное устройство училищ и даже на содержание потом некоторых из них в течение нескольких лет; начертал уставы их; избрал из магометан лиц для почетного надзора за ними и наблюдал потом за успехами их, которые прочно укрепились ныне, так что желающих отдавать теперь детей в наши мусульманские школы весьма много. Ныне сих училищ 11, а учеников в них 600». Ссылаясь на то, что, управляя генеральным консульством в Тебризе, Ханыков может получить чин действительного статского советника, глава кавказской администрации просил исходатайствовать ему у царя этот чин «за отлично-усердную и постоянно ревностную службу и за многие поручения, на него часто возлагаемые, и за особые труды»³³.

Такое ходатайство было тем более показательным, что оно было сделано в отсутствие Н. В. Ханыкова в Тифлисе, когда его служба там уже завершилась. Оценка его деятельности — нелицеприятная — была, как видим, очень высокой. Хотя формально речь шла о присвоении ему следующего чина, по существу, вопрос был более сложным. Новый чин свидетельствовал о качественном скачке; он соответствовал генерал-майору на военной службе и означал принадлежность к IV классу Табели о рангах, по которому проходили должности директоров департаментов, управляющих канцеляриями министров и т. п. Добавим, что производство в чины IV—I классов представлялось царю на личное усмотрение.

По существовавшему порядку Кавказский комитет запросил министерство иностранных дел, нет ли у того возражений против подобного награждения Ханыкова перед составлением «всепоподданнейшего доклада»^{33а}. Казалось бы, руководству министерства должна была быть лестной высокая оценка действий сотрудника. Однако Л. Г. Сеньявин выдвинул возражения против производства Н. В. Ханыкова в действительные статские советники «по занимаемому им месту» и предложил вместо этого исхлопотать ему орден Анны 2-й степени³⁴, что нельзя было серьезно сравнивать с предложением Н. А. Реада. Напомним, что это был тот самый Сеньявин, который незадолго до того в Азиатском и других департаментах министерства иностранных

дел обыскивал столы своих подчиненных, участвовавших вместе с Александром Ханыковым в «ужасных противоправительственных организациях», и уж он-то вряд ли с большой симпатией относился к носителям этой фамилии. Возникла ситуация, хотя и не остроконфликтная, но достаточно неприятная в отношениях между отдельными царскими учреждениями. Ее обсудил Кавказский комитет, состоявший из авторитетных вельмож: кроме А. И. Чернышева в рассматриваемое время в него входили министр государственных имуществ П. Д. Киселев, главноуправляющий II (кодификационным) Отделением царской канцелярии Д. Н. Блудов, министр юстиции В. Н. Панин, кавказский наместник Н. Н. Муравьев и др. Мнение Комитета, определившееся на заседании 7 декабря 1854 г., привлекает внимание как документ, дающий оценку Н. В. Ханыкову в представлении высших сановников империи.

Участники заседания учли «особое засвидетельствование главного местного за Кавказом начальства о полезной службе статского советника Ханыкова и отличиях, оказанных им в бытность его при наместнике кавказском». Они нашли, что хотя он «по исправляемой им теперь обязанности генерального консула в Тавризе не имеет права на производство в следующий чин, но занимавший это место прежде Ханыкова Аничков имеет чин действительного статского советника, и по Кавказскому комитету, так же как и по Комитету министров, было несколько примеров производства в действительные статские советники лиц, занимавших места VI класса, но производство это допускалось по уважению особых отличий, в виде изъятий из общих правил».

Прецеденты, стало быть, имелись. Достоин ли данный претендент «изъятия из общих правил»? Члены Комитета определили свое отношение и к этому вопросу. Журнал заседания фиксировал его: «Имея в виду, что особые отличия, оказанные ст. сов. Ханыковым во время служения его в Закавказском крае, выходят за рамки отличий обыкновенных и потому требуют награждения особенного», ходатайство кавказского начальства следует представить царю, испрашивая его разрешения на производство Ханыкова «за оказанные им особые заслуги, вне правил и не в пример другим в действительные статские советники». 13 декабря 1854 г. Николай I утвердил мнение Комитета³⁵.

Итак, Николай Владимирович получил генеральский чин. Нам, советским историкам, есть смысл подчеркнуть не факт его «восхождения по имперской иерархической лестнице», а то обстоятельство, что его заслуги отнюдь не были связаны с «подвигами» по части «усмирения инородцев» или вернопоподданническим рвением в карательных и подобных им органах царизма. Судьба Н. В. Ханыкова во многих отношениях была нетипичной для дореволюционной России. Нетипичной явилась она и в том смысле, что весьма немногие получили «действительного» за научные труды, за стремление вовлечь тех же «инородцев» в

щал наукам, и плоды ученых его занятий известны свету из разных ученых и литературных журналов и газет. Академия наук давно имеет в нем одного из усерднейших сотрудников — корреспондентов своих на Кавказе. В Русском географическом обществе он один из главных деятелей и тружеников».

Реад отмечал и заслуги Н. В. Ханыкова по устройству в Закавказском крае мусульманских училищ, «коих он назначен был попечителем. Он занялся этим делом с полным усердием, умел утвердить в главных влиятельных лицах из мусульман убеждение в пользе публичного образования под русским наставлением, успел даже возбудить многих к пожертвованиям и таким образом составил значительный капитал на первоначальное устройство училищ и даже на содержание потом некоторых из них в течение нескольких лет; начертал уставы их; избрал из магометан лиц для почетного надзора за ними и наблюдал потом за успехами их, которые прочно укрепились ныне, так что желающих отдавать теперь детей в наши мусульманские школы весьма много. Ныне сих училищ 11, а учеников в них 600». Ссылаясь на то, что, управляя генеральным консульством в Тебризе, Ханыков может получить чин действительного статского советника, глава кавказской администрации просил исходатайствовать ему у царя этот чин «за отлично-усердную и постоянно ревностную службу и за многие поручения, на него часто возлагаемые, и за особые труды»³³.

Такое ходатайство было тем более показательным, что оно было сделано в отсутствие Н. В. Ханыкова в Тифлисе, когда его служба там уже завершилась. Оценка его деятельности — нелицеприятная — была, как видим, очень высокой. Хотя формально речь шла о присвоении ему следующего чина, по существу, вопрос был более сложным. Новый чин свидетельствовал о качественном скачке; он соответствовал генерал-майору на военной службе и означал принадлежность к IV классу Табели о рангах, по которому проходили должности директоров департаментов, управляющих канцеляриями министров и т. п. Добавим, что производство в чины IV—I классов представлялось царю на личное усмотрение.

По существовавшему порядку Кавказский комитет запросил министерство иностранных дел, нет ли у того возражений против подобного награждения Ханыкова перед составлением «всепоподданнейшего доклада»^{33а}. Казалось бы, руководству министерства должна была быть лестной высокая оценка действий сотрудника. Однако Л. Г. Сеньявин выдвинул возражения против производства Н. В. Ханыкова в действительные статские советники «по занимаемому им месту» и предложил вместо этого исхлопотать ему орден Анны 2-й степени³⁴, что нельзя было серьезно сравнивать с предложением Н. А. Реада. Напомним, что это был тот самый Сеньявин, который незадолго до того в Азиатском и других департаментах министерства иностранных

дел обыскивал столы своих подчиненных, участвовавших вместе с Александром Ханыковым в «ужасных противоправительственных организациях», и уж он-то вряд ли с большой симпатией относился к носителям этой фамилии. Возникла ситуация, хотя и не остроконфликтная, но достаточно неприятная в отношениях между отдельными царскими учреждениями. Ее обсудил Кавказский комитет, состоявший из авторитетных вельмож: кроме А. И. Чернышева в рассматриваемое время в него входили министр государственных имуществ П. Д. Киселев, главноуправляющий II (кодификационным) Отделением царской канцелярии Д. Н. Блудов, министр юстиции В. Н. Панин, кавказский наместник Н. Н. Муравьев и др. Мнение Комитета, определившееся на заседании 7 декабря 1854 г., привлекает внимание как документ, дающий оценку Н. В. Ханыкову в представлении высших сановников империи.

Участники заседания учили «особое засвидетельствование главного местного за Кавказом начальства о полезной службе статского советника Ханыкова и отличиях, оказанных им в бытность его при наместнике кавказском». Они нашли, что хотя он «по исправляемой им теперь обязанности генерального консула в Тавризе не имеет права на производство в следующий чин, но занимавший это место прежде Ханыкова Аничков имеет чин действительного статского советника, и по Кавказскому комитету, так же как и по Комитету министров, было несколько примеров производства в действительные статские советники лиц, занимавших места VI класса, но производство это допускалось по уважению особых отличий, в виде изъятий из общих правил».

Прецеденты, стало быть, имелись. Достоин ли данный претендент «изъятия из общих правил»? Члены Комитета определили свое отношение и к этому вопросу. Журнал заседания фиксировал его: «Имея в виду, что особые отличия, оказанные ст. сов. Ханыковым во время служения его в Закавказском крае, выходят за рамки отличий обыкновенных и потому требуют награждения особенного», ходатайство кавказского начальства следует представить царю, испрашивая его разрешения на производство Ханыкова «за оказанные им особые заслуги, вне правил и не в пример другим в действительные статские советники». 13 декабря 1854 г. Николай I утвердил мнение Комитета³⁵.

Итак, Николай Владимирович получил генеральский чин. Нам, советским историкам, есть смысл подчеркнуть не факт его «восхождения по имперской иерархической лестнице», а то обстоятельство, что его заслуги отнюдь не были связаны с «подвигами» по части «усмирения инородцев» или вернопоподданническим рвением в карательных и подобных им органах царизма. Судьба Н. В. Ханыкова во многих отношениях была нетипичной для дореволюционной России. Нетипичной явилась она и в том смысле, что весьма немногие получили «действительного» за научные труды, за стремление вовлечь тех же «инородцев» в

русло культурного развития. Не исключено, что среди его заслуг перед отечеством Н. А. Ред и члены Кавказского комитета справедливо числили чрезвычайно полезную успокоительную информацию о позиции шахского правительства в продолжавшейся войне.

Осенью 1854 г. опасения Петербурга и Тифлиса по этому поводу несколько ослабли: 29 сентября представитель Персии первый министр Мирза Ага-хан, с одной стороны, и чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи Н. А. Аничков — с другой, подписали в Тегеране дружественный трактат о нейтралитете Персии³⁶. Это обстоятельство давало генеральному консулу в Тебризе юридические основания для противодействия попыткам местных властей снабжать противника России — Османскую империю — продовольствием и сыром.

Сложность, правда, состояла в том, что шах и его приближенные, не желая предавать огласке сотрудничество с Россией в борьбе против Турции, а также остерегаясь давления и протестов Британской империи, договорились о секретном характере соглашения. Оно хранилось в тайне даже от высших провинциальных чиновников. Н. В. Ханыкову, узнавшему, что в Тебризе «приготовили значительное количество риса к отправлению в Турцию», пришлось через Аничкова добиваться, чтобы Тегеран сообщил каиммакаму о соответствующей русско-персидской договоренности. Генеральный консул срочно просил каиммакама немедленно предписать пограничным властям блюсти «шахские повеления о вывозной торговле»; тот послал нарочных в Хой, Маку, Урмию и Соуджбулак. Эти действия оказались весьма своевременными, ибо «некоторые лица», как сообщал Ханыков 9 ноября 1854 г. в Азиатский департамент, уже успели переправить через турецкую границу небольшое количество продовольствия и даже боеприпасов. Вскоре каиммакам Хаджи-мирза Садык-хан приехал в генеральное консульство для объяснения по поводу допущенного просчета, который он оправдывал противоречивостью полученных из столицы указаний³⁷. Чтобы подобные действия не повторялись, 10 ноября 1854 г. Ханыков передал ему своего рода ноту, настаивая на строгом наказании нарушителей соглашения³⁸.

Напряженность, царившая все это время в местной политической обстановке, несколько спала. О наступлении какой-то передышки, хотя бы и краткосрочной, можно судить по тому, что чуть ли не впервые, находясь в Тебризе, Николай Владимирович взялся за систематическую научную работу. По обыкновению, она приняла форму обширного научного послания. 22 сентября/4 октября 1854 г. он отправляет Б. Дорну письмо на французском языке, в котором по его просьбе рассказывает о географических названиях, упоминающихся в труде по истории Бухары среднеазиатского ученого Абу-Бакра Мухаммеда

ибн Джафар ан-Наршахи. Обстоятельная информация о всевозможных бухарских географических пунктах, речной сети предваряется двумя абзацами, которые, на наш взгляд, ярко характеризуют самого Ханыкова. «Как кажется, — пишет он, — первоначальный текст этого труда утерян давно; по крайней мере мои попытки обнаружить его на арабском языке в Бухаре были бесплодными, и все ученые этого города, к кому я по этому поводу обращался, говорили мне, что видели его только на персидском...

Полагаю, что наряду с Британским музеем, располагающим одним экземпляром сего произведения, вывезенным (Александром) Бёрнсом, я являюсь единственным европейцем — обладателем этого интересного труда; к сожалению, у меня лишь две копии: одну я лично вывез из Бухары, другую — снял с экземпляра, принадлежащего известному оренбургскому купцу Мирза Шамсу»³⁹.

Чем любопытны приведенные строки? Напомним, что во время поездки в Бухарское ханство Н. В. Ханыков был 22-летним молодым человеком. Тем не менее он понимал ценность редкой рукописи Наршахи, знал, что оригинал был изложен по-арабски, и настойчиво разыскивал его. Между тем это произведение, относящееся к 40-м годам X в., уже в 20-х годах XII в. было дополнено и переведено на язык «дари», так что и эта его версия имела достаточно древние корни. Однако молодой востоковед не удовлетворился ее приобретением, а счел необходимым скопировать для себя и оренбургский экземпляр. Все сказанное — великолепные штрихи к научному портрету «единственного европейца — обладателя этого интересного труда»⁴⁰.

Николай Владимирович не ограничился формальным выполнением просьбы директора Азиатского музея академика Б. А. Дорна. Он также информировал его о своих научных занятиях и связанных с ними литературных приобретениях, специально остановившись на трех рукописях: небольшом персидском словаре Хафиза Адбахи, редкой рукописи по космографии, переведенной в Бухаре с арабского на тюркско-джагатайский в царствование Мухаммед-хана Шейбани (между 1505 и 1510 гг.), и на работе по истории Гиляна.

Подробно рассказывая о космографии, он считал данное сочинение совершенно иным трудом, чем ранее известный ему. Автор нигде не был назван, не упоминался в тексте. Н. В. Ханыков сомневался, чтобы это произведение было джагатайским переводом соответствующего сочинения Казвини, и объяснял, чем порождены такие сомнения. Во всяком случае, он сделал копию этой редкой рукописи и переслал ее Дорну для Азиатского музея. Что касается «Истории Гиляна», принадлежащей перу некоего «Султана, сына Султана Ахмед-хана», то, как сообщал востоковед своему адресату, она охватывала 40 лет — с 882 по 921 г. хиджры. Попавший к нему в руки экземпляр

«из-за любопытного стечения обстоятельств еще в середине прошлого века, а именно в 1163 г. хиджры, уже побывал в Москве, как явствует из различных записей на его первом листе»⁴¹. Н. В. Ханыков подверг эту рукопись сжато анализу и включил в письмо Б. Дорну некоторые исторические и географические сведения, таблицы о географическом положении различных пунктов Персии и арабских земель и др.

Академик Дорн считал это послание настолько заслуживающим общественного интереса, что передал его для публикации в трудах Российской Академии наук, где оно и увидело свет⁴².

Но ситуация в Тебризе не позволяла серьезно сосредоточиться на научных изысканиях. Ими можно было заниматься лишь урывками. Генеральный консул не забывал, что идет тяжелая для его отчества война, и продолжал старательно выполнять свои функции. В начале 1855 г. ему стало известно, что турецкие агенты в Персидском Азербайджане с ведома местного каиммака намеревались организовать вывоз железа в Османскую империю. Сделав соответствующее заявление каиммаку, Ханыков немедленно сообщил об этом российскому посольству в Тегеране.

В результате его предостережения Аничков потребовал решительных мер со стороны садр азама. 10 января 1855 г. чрезвычайный посланник писал в Тебриз: «...из полученных уже здесь и в свое время предъявленных императорской миссии донесений тавризского каиммака положительно видно, что он очень хорошо понял предписанное ему запрещение выпускать в Турцию железо и сделал нужные по сему предмету распоряжения. Очевидно, что он дал генеральному консульству уклончивый ответ единственно для того, чтобы не оставлять у нас в руках письменного документа... Садр азам известил меня, — продолжал далее Аничков, — что тотчас же вновь подтвердит о невыпуске упомянутого продукта; что кроме предписаний каиммаку он определил троих туфенкдаров для непосредственного надзора по сему предмету: в Соуджбулаке, Герусе и самом Тавризе и что его светлость отвечает, что ни один батман железа не отвезется в Турцию». Вместе с тем первый министр шахского правительства просил, чтобы генконсульство «ограничилось одним указанием на могущие встретиться нарушения сего приказа для наказания виновных или же предварением каиммака о готовящемся вывозе железа», если об этом узнает представитель России⁴³.

Эти и многие другие действия Н. В. Ханыкова свидетельствуют, что на новом поприще он проявил себя как талантливый дипломат, мудрый и волевой политик, в очень сложных условиях отстаивавший интересы своей страны, поддерживавший ее престиж и боровшийся против попыток подорвать его (со всеми вытекающими отсюда последствиями) со стороны представителей враждебных государств. Так было, к примеру, 15 сентяб-

ря 1855 г. Британский консул Аббот и его турецкий коллега Хильми-эфенди устроили шумные празднества и «иллюминации» по поводу овладения англо-французскими войсками Малаховым курганом. Хильми-эфенди даже дал по этому поводу официальный торжественный обед, но каиммакам (не без воздействия генконсула России) запретил состоявшим при нем персидским сановникам принимать участие в обеде⁴⁴.

Через месяц сложилась аналогичная обстановка. Как доносил Н. В. Ханыков 12 октября 1855 г. в Азиатский департамент, узнав о крупных потерях русских войск при первом, неудачном штурме Карса, те же Аббот и Хильми-эфенди и их агенты стали распускать слухи, что к этому городу подошел турецкий генерал Омер-паша с большим войском, способствовал снятию осады и что «разбитые наши войска ретировались к Тифлису, преследуемые войсками Омер-паши». Распространение таких известий вызвало прежде всего острое беспокойство на тебризском базаре и прекращение отправки товаров в Кавказское наместничество. Ханыков развил кипучую деятельность, разоблачая несостоятельные слухи. В конце концов ему удалось убедить «значительнейших торговцев», что слухи беспочвенны и что осада Карса продолжается, а также наладить доставку в Россию необходимых товаров⁴⁵.

Можно себе представить, как этого эмоционального человека беспокоили известия об успехах антирусской коалиции в Крыму, какое раздражение вызывало ликование дипломатических «коллег» и политических противников в Тебризе — Аббота и Хильми-эфенди, с каким трудом ему удавалось в чем-то убеждать несговорчивых и подозрительных, как им и полагалось быть по роду занятий, местных купцов!.. А мало-мальски изучив характер Николая Владимировича, можно представить также, что нервную разрядку, отдохновение от всех этих неприятностей и передраг он находил в любимых занятиях, в поисках и изучении новых манускриптов — желательно малоизвестных науке. И какое счастье он испытывал, если рукопись оказывалась редкой или совершенно неизвестной! Он отключался от окружающего мира с его суетой, хлопотами и заботами и переносился в мир далекого прошлого народов Востока.

Так, энергично противодействуя представителям Англии и Османской империи в Персидском Азербайджане, российский консул в то же время старательно исследует достижения арабских ученых в области физики в XII в. «Интересные изыскания г-на Воерке о культуре математических наук у арабов, — пишет он Б. А. Дорну 27 сентября/9 октября 1855 г., — натолкнули меня на мысль отыскать какие-либо труды по этому вопросу, и мне посчастливилось обнаружить довольно любопытную книгу, доселе совсем неизвестную. Она написана по-арабски и называется „Мизан ал-хикмат“ („Весы мудрости“). Ученый указывал далее, что «скромный автор» манускрипта не называет себя, но

приводимые им в предисловии данные свидетельствуют, что он пребывал при дворе Абдул Харит Синджара Сельджукида, сына Мелик-шаха. Ханыков установил и дату завершения рукописи — 515 г. хиджры, или 1121 г. н. э. Он видел особую ценность этого труда в обилии разнообразных сведений о состоянии физической науки у арабов в XII в., прежде всего о весах и их применении в различные времена и в разных странах, о всевозможных ученых — в Европе и на Востоке, занимавшихся физическими проблемами. Николай Владимирович приводил в письме обширные цитаты из «Мизан ал-хикмат», словно приглашая Б. А. Дорна разделить радость по поводу обнаруженного им раритета, подчеркивал значение этой работы для освещения истории развития науки у арабов и сообщал, что подготовил ее подробный анализ для Американского общества востоковедения, которое избрало его своим членом-корреспондентом. Он просил директора Азиатского музея информировать, представляет ли этот сюжет интерес для Российской Академии.

Запрос был, конечно, излишним. Независимо от того, что Дорн ответил непосредственно в Тебриз (текст ответа нам не встретился), он вполне оценил научное значение находки Ханыкова и передал его письмо для публикации в академические журналы⁴⁶. Принятое им на себя обязательство перед востоковедами Соединенных Штатов Н. В. Ханыков выполнил. 29 октября 1857 г. в Американское востоковедческое общество поступила его обстоятельная работа, в которой анализировалась книга «Весы мудрости». Но теперь ученый уже установил и ее автора — им был аль-Хазини. Вскоре этот труд увидел свет⁴⁷.

Вслед за своеобразным научным отчетом в адрес Б. А. Дорна поступили новые сообщения от Ханыкова о его занятиях и дарах Азиатскому музею. 16/28 ноября 1855 г. директор музея передал для публикации письмо Ханыкова об отправке им копии подлинной тюркской рукописи мирзы Ады Гюзея по истории Карабаха, составленной в 1845 г.⁴⁸. Через два с небольшим месяца Дорн напечатал извлечение из письма Ханыкова от 5/17 декабря 1855 г. Оно гласило об отправке Азиатскому музею самых различных предметов: 109 монет разных времен и достоинств, астролэбии, изготовленной неким Мухаммедом Керимом в 1133 г. хиджры, или в 1720 г. н. э., небольшой книги Махмуда Мирзы, сына правителя Нехавенда, который умер в Тебризе в 1852 или 1853 г., а также тибетского документа — картонной таблички, которая находилась в глиняном сосуде и была откопана в Бессарабии («тщательность, с какой на ней были выписаны буквы, — добавлял ученый, — старательность изготовления и место, где ее обнаружили, заставляют меня предположить, что она достаточно примечательна»). Востоковед сопровождал посылку характеристикой монет и астролэбии и указанием на определенные с ее помощью астрономические пункты. Что касается собственных занятий, указывал Н. В. Ханыков, то

он завершил персидский перевод «Истории Бахадур-хана» и вскоре вышлет его в Петербург. Он обнаружил в библиотеке тебризского мудреца Мулла-баши несколько арабских трудов по геометрии, которые цитировал и пересказывал в письме, как и найденный им сборник песен, малоизвестных в Европе⁴⁹.

Пора, однако, вернуться к поздней осени 1855 г. в Южном Азербайджане с ее реальностью, порожденной Крымской войной, англо-турецкими интригами, соперничеством местных чиновников и т. п. Вскоре Ханыкову удалось одержать убедительную победу над своими политико-дипломатическими противниками. Об этом любопытно поведать его собственными словами, отражающими внутреннее состояние патриота своей отчизны. «...24 ноября (1855 г. — Авт.), — гласит его донесение в Петербург, — получено было здесь официальное известие о сдаче нашим властям Карса, что я не замедлил сообщить здешним властям словесно и всему народу подъемом флага на Консульском доме и иллюминацией оного вечером того дня... Известие об этом новом успехе нашего оружия было принято с искренней радостью каиммакамом и многими здешними сановниками, из которых некоторые, даже не останавливаясь жалобами, принесенными недавно турецким консулом в Тегеран за то, что ему помешали праздновать официально взятие Севастополя, торжественно поздравляли меня с этим радостным для нас происшествием»⁵⁰.

Обстоятельства военного времени по необходимости заставляли Н. В. Ханыкова сосредоточивать все усилия на содействии осуществлению целей и замыслов своей страны в этом столкновении. Научные занятия, естественно, оказались на втором плане. Однако в меру возможностей он старался продолжать изучать Восток, и прежде всего Северную Персию и соседние земли. Его донесения отнюдь не исчерпываются проблемами Крымской войны.

Уже первое сообщение «временного управляющего Тавризмским генеральным консульством» от 16 мая 1854 г. содержит интересные сведения об Эрзеруме и сопредельных районах⁵¹. Он интересуется также «борьбой двух партий в Азербейджане (Персидском. — Авт.) — шейхов и муджтехидов»⁵², историческим прошлым местного населения, «развитием и усилением в Персии новой секты „Рукни-раби“»⁵³. Видимо, как исследователь Н. В. Ханыков «отвел душу» в мае 1856 г., когда съездил в Соуджулак и собрал обширные сведения о положении в Турецком Курдистане⁵⁴, но в основном его сообщения непосредственно из Тебриза однообразны и говорят преимущественно об одном и том же — «расстройстве внутреннего управления Азербейджаном».

В самом деле, рассматриваемое время — это период некоторого ослабления центральной власти в Персии, вызванного социальными потрясениями (бабидские восстания и другие клас-

совые, национальные и религиозные выступления), междоусобными раздорами, борьбой различных политических группировок. Генеральный консул в Тебризе отразил ситуацию в Персидском Азербайджане в обстоятельном официальном отчете за 1855 г., остановившись также на «занятиях» возглавляемого им дипломатического учреждения⁵⁵.

Этот обзор содержит большой и разнообразный статистический материал о консульских, финансовых, торговых делах, причем Н. В. Ханыков подчеркивает, что при последнем правителе Персидского Азербайджана принце Фируз-мирзе в среднем ежегодно взыскивалась максимальная сумма денежных претензий подданных России к иранцам. Но период управления Фируз-мирзы совпадает (по крайней мере на каком-то отрезке) с пребыванием самого Ханыкова в должности генерального консула, и, стало быть, последнее утверждение косвенно свидетельствует и об успешной деятельности русского дипломата.

Н. В. Ханыков оказался на дипломатическом посту в определенных обстоятельствах: шла Крымская война. В качестве генерального консула в Северной Персии он старался быть полезным отечеству и наряду с выполнением ответственных политических миссий терпеливо занимался розыском несостоятельных должников, визированием паспортов, расследованием дела об «угоне 16 лошадей и 2 верблюдов у шахского шталмейстера Ага Кули Бека»⁵⁶ и прочими делами, не имеющими ничего общего ни с высокой политикой, ни с наукой.

Как известно, к концу 1855 г. боевые операции на фронтах Крымской войны практически были прекращены и начались мирные переговоры, которые завершились подписанием 18 марта 1856 г. Парижского мира. Россию на переговорах представляли А. Ф. Орлов и Ф. И. Бруннов. Противоречия между Англией и Францией и тяжелые потери этих держав, а также успехи царских войск на Кавказе позволили Петербургу добиться менее суровых условий мира, чем этого можно было ожидать.

Мы повторяем эти хорошо известные истины, чтобы был ясен смысл восторженного письма, с которым 9 апреля 1856 г. обратился к генеральному консулу в Тебризе его бывший непосредственный начальник — глава Дипломатической канцелярии при кавказском наместнике К. Ф. Лелли: «Милостивый государь Николай Владимирович, поздравляю Вас душевно и на этот раз положительно и окончательно с заключением мира (до этого часто распространялись оказывавшиеся ложными вести о подписании мирного договора. — Авт.). Из манифеста Вы увидите, что дело кончается покамест истинною для нас политической победою, ибо мы почти ничего не упустили, между тем как французы хвятили порции военной, так называемой славы, на коей они помешаны, австрийцы остались в дураках, а англичане чисто осрамились и из злости начали ворчать на сердечно преданных им друзей и соседей французов — *c'est un vrai triom-*

phe diplomatique. Ай да Орлов и Бруннов! Молодцы, честь им и слава! Какая радость теперь у турков! Говорят, и выразить нельзя...» — иронизировал К. Ф. Лелли. Далее он без сложных переходов обращался к насущным делам. «Ради бога, отправляйте как можно скорее транспорты с хлебом [торговца] Уста Мехтия, который уверяет, что у него все количество закуплено и отправка остановлена единственно по Вашему приказанию в ожидании какой-то бумаги из Тегерана. Ради бога, торопите, а то наместник бог знает, что думает на всех нас. Я жду доброй вести по этому предмету с курьером Гито, которого и возвращение будет для нас истинная радость, если скажет, что транспорты двинулись и показались на границе»⁵⁷.

Так оно и шло: важнейшие государственные проблемы международного значения тесно переплетались с повседневной «текучкой», не приносящей Н. В. Ханыкову большого удовлетворения. Его предшественник — Н. А. Аничков — провел в Тебризе 16 лет (!) — с 1838 г., после чего продолжал дипломатическую службу в Тегеране. Ханыков же, видимо, сразу после окончания Крымской войны стал подумывать о возвращении домой, где можно было успешнее сочетать официальные «занятия» с научной деятельностью. Но в то время просить начальство об отзыве было затруднительно: обстановка осложнилась — в Персии назревал конфликт между шахским правительством и британскими представителями. В целях политического нажима на Тегеран посланник Британской империи, придравшись к незначительному предлогу, выехал из Персии. Зарождение этого спора относилось к концу 1855 г. Уже 16 ноября этого года Н. В. Ханыков сообщал К. Ф. Лелли как «большую нашу новость» о разрыве отношений между английской миссией и шахским правительством. Он рассказывал о непосредственных причинах событий: «Англичане против воли шаха хотели назначить своим агентом в Ширазе какого-то Мирзу Хашима, женатого на сестре одной из многочисленных жен его величества; шах рассердился... и объявил, что если Мирза выедет из Тегерана, то его схватят. Мэррей потребовал удовлетворения, которого ему не дали; он спустил флаг и объявил, что, если на требование его не согласятся через 3 дня, он со всею миссией покинет столицу...»⁵⁸.

Персидские власти, по выражению Ханыкова, «не спасовали», и Мэррей отправился на Кавказ, чтобы оттуда двинуться домой. Собственно говоря, инцидент с Мирзой Хашимом играл лишь чисто внешнюю роль. Тегеран был возмущен бесцеремонными действиями Британской империи, вмешательством ее представителей во внутренние дела и внешнеполитические действия Персии. Особое недовольство вызывала позиция Лондона в отношении Герата. Дело было в том, что этот город и окружающая его территория некогда входили в состав Персии. Шахское правительство неоднократно пыталось вернуть его под свой су-

беренитет. Одна из таких попыток, потерпевшая неудачу из-за противодействия Англии, была предпринята в 1837 г. В январе 1853 г. Британия добилась подписания персидскими властями обязательства не вмешиваться в дела Герата. Но когда в ноябре 1855 г. эмир Афганистана Дост Мухаммед-хан включил в состав своих владений Кандагар, Тегеран через месяц направил солдат в Герат, ссылаясь на необходимость его защиты от нападения Дост Мухаммед-хана. Между тем этот город играл важную роль в планах Британской империи, рассчитывавшей использовать его в качестве передовой базы своей колониальной экспансии на Среднем Востоке и в Средней Азии. Значение Герата хорошо обрисовано в известной характеристике Ф. Энгельса, который именовал его «стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Яксартом на западе и севере и рекой Индом на востоке», подчеркивая, что в нем скрещиваются все дороги, ведущие от Каспийского моря к Инду и от Персидского залива к Амударье. Ф. Энгельс указывал: «Герат — это пункт, который в руках сильной державы может быть использован для господства и над Ираном и над Туркестаном, то есть и над Персией и над территорией по ту сторону Оксуса»⁵⁹.

Англо-персидские отношения обострялись все более и более, когда Н. В. Ханыков счел, что с него достаточно тридцати месяцев, проведенных в Тебризе. 12/24 сентября 1856 г. он обратился в Азиатский департамент с просьбой разрешить ему приехать в столицу. Оставалось ждать результатов... Но еще за неделю до ходатайства перед министерством «временно управляющий консульством» отправил очередное — и весьма объемистое — научное послание Б. А. Дорну, на котором следует остановиться. По всей вероятности, Ханыков учитывал возможность скорого отъезда из Персии и отправлял в дар Азиатскому музею множество самых разнообразных предметов. Среди них находились 418 монет и медалей: 7 золотых, 25 серебряных и 386 бронзовых (1 сасанидская и 283 в основном аршакидские, обнаруженные при земляных работах в Хамадане, а также 96 мусульманских); 7 золотых, серебряных и медных монет Аббасидов, Сельджукидов, кокандских правителей, Джалаиридов и др. Николай Владимирович классифицировал в письме эти медали и монеты, добавив, что часто бывал в Хамадане и наблюдал за их поисками «бедными людьми, которые копались в земле, столь же богатой золотом, как Сибирь или Калифорния».

Он характеризовал также пересылаемые в Петербург 5 факсимильных и 13 аутентичных образчиков куфического письма, таблицу с изображением персидских солнечных часов, «небесную сферу», на которой было написано, что ее изготовил «Зия эд-дин Мухаммед, сын Каим Мухаммеда, сына Иссы, сына Хердада, — императорского астролябиста из Лахора, в 1057 г. хид-

жры», т. е. в 1647 г. н. э., когда Лахором правил отец Аурангзеба — Джахан-шах.

Затем Ханыков подробно исследовал грамоту сефевидского шаха Хусейна 1113 г. хиджры (1701 г. н. э.), привел ее перевод и отметил, что этот документ позволяет уточнить сущность феодального владения фиф (fief), остановился на фотоснимке клинописной надписи из Ушну (Ошнуйе), известной как надпись «Kellac hine», т. е. «голубой столб», и впервые описанной Г. Роулинсоном в X томе «Журнала Королевского географического общества».

В послышку входили также курдский поэтический сборник (Н. В. Ханыков полагал, что этот сборник сможет более квалифицированно проанализировать специалист-курдовед П. И. Лерх) и альбом, изображающий «въезд нынешнего шаха в Исфахан (май или апрель 1851 г.) в сопровождении первого министра покойного Мирзы Таги-хана». Консул находил этот альбом ярким образчиком персидской акварели и считал, что художник довольно точно воспроизвел картину шахского въезда, кортеж, артиллерию на верблюдах и пр.

Уже этот краткий перечень содержимого одного из многочисленных дарственных тюков и пакетов, поступивших по инициативе и за счет Ханыкова в Азиатский музей, является прекрасным свидетельством его постоянной и неизменной заботы о развитии отечественного востоковедения, расширении его материальной базы и возможностей всестороннего изучения соседних стран Азии.

Этим послание Б. А. Дорну не ограничивалось. Востоковед возвращался к отправленной ранее академику «Заметке о Табаристане», отмечая, что она извлечена из персидского труда «Рийаз-ус-сиях» Зейн эль-Абеддина Ширвани. «Во многих местах этого произведения (первый том которого у меня имеется), — продолжал Ханыков, — возможно написанного рукой автора, приводятся подробности о его жизни, а в самом начале работы помещен длинный отрывок, который можно рассматривать как его автобиографию. Когда я несколько лет назад подготовил детальный разбор этого труда для Кавказского отдела Географического общества, то имел приятную возможность сообщить в нем некоторые сведения о жизни автора, почерпнутые большей частью из его рукописи, подтвержденные сообщениями нескольких мулл, лично знавших этого примечательного человека».

Тем не менее консул счел полезным довести до сведения директора Азиатского музея по возможности исчерпывающие факты из биографии Зейн эль-Абеддина (родившегося в 1780 г. в Шемахе), а также рассказал об обстоятельствах его путешествия по Персии, арабским странам, Афганистану, Индии и островам Индийского океана, Юго-Восточной Азии и т. д. Ханыков коснулся и внутренней ситуации в Шемахе в последующие

годы (неспособность правителей обеспечить населению нормальное существование, борьба за власть и межфеодалные раздоры и т. п.). Не исключено, что, вдаваясь во все эти детали, Н. В. Ханьков стремился придать своему «получастному» письму к Дорну более широкое научное и общественное значение, предполагая со временем опубликовать его. Так оно в дальнейшем и произошло. Представленное 23 января/4 февраля 1857 г. к печати, оно увидело свет через два года⁶⁰.

К тому времени в Тебризе уже давно произошла смена консулов. В начале октября 1856 г. руководство Азиатского департамента рассматривало ходатайство Н. В. Ханькова о его отъезде. В самом департаменте также произошли перемены. Вместо Л. Г. Сенявина, консерватора и ретрограда, на пост директора департамента был назначен выдающийся дипломат и путешественник, писатель и геолог, близкий к демократическим кругам Е. П. Ковалевский, сторонник активизации политики России на Востоке. Подчеркнув от имени министерства иностранных дел, что оно «всегда готово исполнять просьбы своих чиновников», он тем не менее обратил внимание генерального консула в Тебризе на существенные факторы: «1. Положение Персии в настоящее время таково, что можно ожидать со дня на день вторжения в нее английских войск. К тому же поверенный в делах наш г. Аничков по совершенно расстроенному здоровью вызывается в Петербург, а потому присутствие других опытных агентов министерства тем делается необходимее. 2. В письме своем ко мне Вы не назначаете срока, на который желаете прибыть в Петербург. Соображая все сие, весьма желательно было бы, чтобы Вы остались на своем посту на некоторое время, пока разразится или минует кризис Персии». Впрочем, завершал послание Ковалевский, если Ханьков все же пожелает отправиться в отпуск, внешнеполитическое ведомство, «хотя и с сожалением», не будет его задерживать⁶¹.

Получив такой ответ, тебризский генконсул предпочел не усложнять себе жизнь министерскими «соображениями», воспользовался последним абзацем письма директора департамента и попросил у находившегося в Тегеране Н. А. Аничкова «предстательства императорской миссии для испрошения мне отпуска в С.-Петербург на четыре месяца по домашним обстоятельствам» со дня передачи дел преемнику⁶². Аничков поддержал это ходатайство⁶³, и 28 мая 1857 г. товарищ министра иностранных дел И. Толстой сообщил Ханькову, что ему предоставлен четырехмесячный отпуск с выдачей 1 тыс. руб. серебром в единовременное пособие с обязательством сдать дела секретарю консульства Дуссику⁶⁴.

Тебризский период подходил к концу. Все же между первым обращением об отпуске (термин «отпуск» для тех времен вовсе не означает, что Ханьков должен был вернуться к прежним обязанностям) и его разрешением прошло более восьми меся-

цев. За это время и разразился «кризис Персии», о котором писал Е. П. Ковалевский. Шахские войска овладели Гератом, что послужило предлогом для английского нападения на Персию. В ответ на это Тегеран объявил войну Англии.

«...2 и 3 сего января,— доносил Н. В. Ханьков в Азиатский департамент 9 января 1857 г.,— читан был в здешних мечетях шахский фирман насчет войны с англичанами». Тебризцы приняли его «довольно холодно», но каиммакам посоветовал кетхулам (старшинам) разных кварталов вербовать добровольцев в ополчение. Пришло 400 человек. Генеральный консул указал каиммакаму на опасность оголения Персидского Азербайджана, и тот обещал ему «допускать с крайнею осторожностью выражение народной готовности помогать шаху»⁶⁵.

Подобная позиция не должна создавать впечатление, будто временно управляющий российским генеральным консульством в Тебризе (Ханьков упорно и теперь уже с полным основанием подписывался «временным») старается подрывать действия шахского правительства. Нет, он просто был более дальновидным, более трезво учитывал соотношение сил и стремился не допустить, чтобы пограничная с Россией провинция осталась без войск на случай продвижения туда армий соперничавшей с его родиной на Востоке Британской империи. Ближайшее будущее показало, что, в общем, он оказался прав. Военное превосходство Англии было подавляющим, и она высадила свои войска на персидском побережье. 4 марта 1857 г. в Париже состоялось подписание англо-персидского мирного договора, по которому Тегеран признавал независимость Герата и Афганистана, обещался прибегать к британскому арбитражу в случае конфликта с ними и вывести своих солдат из занятых районов. Англия прекращала военные действия и выводила войска с персидских земель. Вспыхнувшее вскоре массовое народно-освободительное движение в Британской Индии на какой-то срок отвлекло внимание английских колонизаторов от Персии и Средней Азии. Это, естественно, оказывало успокоительное воздействие на царское министерство иностранных дел и облегчало отъезд из Тебриза Н. В. Ханькова, который к началу июля 1857 г. завершил сдачу имущества и дел секретарю консульства Дуссику⁶⁶. Он еще успел откликнуться на просьбу Б. А. Дорна и 8 апреля 1857 г. отправил академику обстоятельное сообщение по истории ширваншахов. По существу, это был подробный реферат о ширваншахах, исторические сведения о которых в трудах азербайджанского мыслителя и поэта Хакани давно привлекали настоящее внимание Н. В. Ханькова⁶⁷.

Перед отъездом на родину востоковеду пришлось испытать потрясение в буквальном смысле слова. 13 и 14 июня в Тебризе произошло довольно сильное землетрясение, «так что,— информировал он Аничкова в Тегеране,— навесы над небольшим базаром у Сурхабских ворот обрушились и прикрыли нескольких

человек, из коих большую часть, кажется, спасли; в домах же генерального консульства... не оказалось значительных повреждений»⁶⁸.

То было едва ли не последнее письмо «временно исполняющего обязанности генерального консула в Тавризе». Он прощался с Персией, не ведая, что навсегда расстанется с чиновничьей должностью, как не подозревал и того, что вскоре снова приедет в эту интересную страну, но уже в ином качестве...

ГЛАВА VI

ХОРАСАН, 1858—1859

...Итак, 2 июля 1857 г. надворный советник Дуссик информировал чрезвычайного посланника и полномочного министра России в Тегеране Н. А. Аничкова, что он принял генеральное консульство в Тебризе у действительного статского советника Н. В. Ханыкова, отправляющегося в отпуск. Николаю Владимировичу в самом деле следовало отдохнуть. Ведь он, по существу, впервые пользовался отпуском после окончания лица и поступления на службу, после Оренбурга и злосчастного Хивинского похода, после напряженных трудов в Тифлисе и не менее трудных «тавризских» лет. А впереди предстояла сложнейшая экспедиция, которая потребовала мобилизации всех физических и умственных сил. Впрочем, о ней Ханыков еще ничего не знал. Пока же он собирался в столицу — повидать родителей, навестить друзей, познакомиться с новостями, доходившими до тебризского захолустья с месячным, а то и большим опозданием, окупиться в любимый мир науки.

Но отдыхать он не привык. Скупые строки формулярного списка свидетельствуют об этом очень выразительно. «По высочайшем повелении, состоявшемся в 24-й день мая 1857 года, уволен в отпуск на четыре месяца. Отпуском сим воспользовался 27 июля 1857 года и возвратился до истечения срока, а именно: 13 сентября 1857 года»¹, т. е. находился в отпуске всего полтора месяца. Возвратился куда? Формально в Тифлис. Он был назначен драгоманом V класса при Азиатском департаменте с откомандированием в распоряжение кавказского наместника А. И. Барятинского.

А фактически? Фактически все было по-иному. И в отпуске он продолжал заниматься служебными делами, а по возвращении из него не погрузился в чиновничье кресло. Наметилось гораздо более важное мероприятие государственного масштаба, чем «занятия» в Дипломатической канцелярии наместничества. Чтобы лучше оценить его значение, необходимо несколько вернуться назад...

Несмотря на восторженное послание К. Ф. Лелли Н. В. Ханыкову по поводу успехов А. Ф. Орлова и Ф. И. Брунова на Парижском конгрессе 1856 г., им обоим, как и подавляющему большинству мыслящего населения России, было достаточно яс-

но, что она потерпела в Крымской войне сокрушительное поражение. Отчетливо проявилась социально-экономическая и военная отсталость николаевской России. Неудача в войне отразилась на международных и внутривосточных позициях царского режима, на основных направлениях его дипломатической деятельности. Новые люди, пришедшие к руководству министерством иностранных дел, в первую очередь А. М. Горчаков и Е. П. Ковалевский, более трезво и глубоко оценивали возможность страны, учитывали слабость полufeодальной Российской империи по сравнению с развитыми капиталистическими державами Европы. Они активизировали внешнюю политику на Востоке, где и Россия могла выступать на фоне общей отсталости азиатских стран в роли экономически развитого государства. Не случайно именно в эти годы на столах петербургских канцелярий появляется множество всевозможных проектов более энергичных действий на Востоке, расширения связей с азиатскими странами. «Повернуться лицом к Востоку!» — таков был лейтмотив большинства из них.

Собственно, того требовала вся экономическая и политическая обстановка, обусловленная поражением царизма в Крымской войне. Это подчеркивал К. Маркс: «Итак, для всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт... Но если закрыт путь северо-западный, то остается южный и юго-восточный, Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия, наконец, Константинополь»².

Особую настойчивость в привлечении внимания правящих кругов России к «восточному направлению» проявлял бывший военный агент (т. е. атташе) в Лондоне полковник Н. П. Игнатьев, ставший в середине 60-х годов директором Азиатского департамента. «В случае разрыва с Англией только в Азии можем мы вступить в борьбу с некоторой вероятностью успеха и повредить существованию Турции. В мирное время затруднения, порожденные Англией в Азии, и увеличение значения нашего в странах, отделяющих Россию от британских владений, послужат самым лучшим ручательством сохранения мира с Англией», — гласила записка, поданная им в сентябре 1857 г. А. М. Горчакову. «Азия — единственное поприще, — подчеркивал Игнатьев экономическое значение вопроса, — оставленное для нашей торговой деятельности и развития нашей промышленности, слишком слабых, чтобы войти в успешное состязание с Англией, Францией, Бельгией, Америкой и другими государствами»³. Он призывал к отправке дипломатических, научных, торговых, разведывательных экспедиций в соседние страны Востока.

Правительство разделяло эти и аналогичные проекты и предложения. Н. П. Игнатьев был назначен руководителем многочисленной политической миссии, которая вскоре была отправлена в среднеазиатские ханства — Хиву и Бухару. В Кашгар снаряжался поручик Чокан Чингисович Валиханов, которому

надлежало ознакомиться с обстановкой в этой области после восстания ходжи Валихан-тора в 1857 г.⁴.

Петербургу удалось установить неплохие отношения с Османской империей, не только ничего не выигравшей в результате участия в Крымской войне, но попавшей в еще большую кабалу к своим западным «союзникам». Взаимоотношения с Персией оставались традиционно дружественными с конца 1820-х годов. Но вот Афганистан... В середине 30-х годов XIX в. афганский эмир Дост Мухаммед-хан прислал в Россию представителя — Хуссейна Али — с просьбой об оказании содействия Кабулу в борьбе с его противниками и претендентом на престол, которых поддерживала Англия. С ответной миссией к эмиру прибыл в 1837 г. царский офицер — поручик Ян (Иван) Виткевич. В это время в Кабуле уже находился британский агент — капитан Александр Бёрнс. Попытки Дост Мухаммед-хана заключить с Британской империей взаимовыгодное соглашение не увенчались успехом из-за ее стремления превратить Афганистан в вассальное государство. В создавшихся условиях переговоры эмира с Виткевичем привели к достижению договоренности о заключении дружественного союза между двумя странами. Однако под настойчивым нажимом Лондона, старавшегося любой ценой утвердиться в Афганистане и превратить его в базу своей агрессии на Среднем Востоке, Николай I и К. В. Нессельроде отступили. Отозванный в Петербург Виткевич в мае 1839 г. покончил с собой. В афганские земли тем временем вторглись британские войска. На первых порах они захватили большую часть страны. Дост Мухаммед-хан стал их пленником и был отправлен под конвоем в индийские владения Англии.

Но на этом, как мы уже отмечали, англо-афганская война 1838—1842 гг. не окончилась. В Кабуле, Кандагаре, Газни и других городах и селениях развернулась ожесточенная борьба патриотов против поработителей. Она завершилась полной победой повстанцев и истреблением оккупационных войск. В 1842 г. Лондон смирился с поражением и распорядился об освобождении Дост Мухаммед-хана. Он вернулся на родину, снова заняв эмирский трон.

На какой-то срок англичане пересмотрели афганскую политику, стараясь укрепить свои позиции дипломатическим путем. В 1855 г. между ними и эмиром был подписан договор об установлении мира и отказе от посягательств на территорию другой стороны. Когда в 1856 г. вспыхнула англо-персидская война, Лондон был особенно заинтересован в нейтралитете Афганистана, и 26 января 1857 г. в Пешаваре между ними был заключен своеобразный «договор перестраховки», который подтверждал и развивал соглашение 1855 г. Он не оказал какого-либо влияния на вскоре закончившуюся войну Британской империи с Персией, но обеспечил ей чрезвычайно важный нейтра-

литет Кабула при развернувшемся вскоре массовом антиколонизальном восстании в Индии.

Таковым было в общих чертах внешнеполитическое положение Афганистана ко второй половине 50-х годов XIX в., когда в Петербурге начали планировать «новую восточную политику». Этот краткий очерк был необходим, ибо без него нельзя будет понять отдельные обстоятельства новой миссии, возложенной на Николая Владимировича Ханькова. Некоторые конкретные задачи применительно к Афганистану стали проявляться перед царскими дипломатами после получения нескольких депеш управлявшего российским посольством в Тегеране А. Е. Лаговского. Он сообщал о пребывании в персидской столице «людей Дост Мухаммед-хана» и высказывал мысль о полезности установления с ними связей, чтобы в дальнейшем возобновить сношения с самим эмиром. Е. П. Ковалевский горячо одобрил это предложение и возможность «воспользоваться сими обстоятельствами для образования наших торговых действий в Средней Азии». Из дальнейших слов директора Азиатского департамента явствовало, что отдельные конкретные шаги уже предпринимаются, а также вырисовывалась конечная цель этих действий. «Министерство иностранных дел имело постоянно в виду эту мысль, и последствием ее были посылка в Кашгар и предположение отправить ученую экспедицию в Афганистан и политического агента в Хиву и Бухару...» В этих условиях, продолжал Ковалевский, необходимо, «не входя в открытые сношения с агентами Дост Мухаммед-хана в Тегеране», постараться «внушить им мысль о пользе связи между кабульским эмиром и Россией». Далее директор Азиатского департамента разъяснял сущность политики Петербурга в «Средней Азии», понимая под таким термином более обширный регион, скорее «Центральную Азию». Он писал: «Легко понять, что наше правительство стремится не к уничтожению ханств Средней Азии, но к поддержанию и усилению их как единственной преграды непрестанного расширения владений Индии (т. е. Британской империи.— Авт.), а потому оно никак не уклонится от дружеских сношений с Дост Мухаммед-ханом». Лаговскому предлагалось изыскать пути, «чтобы положить основание наших первоначальных дружеских отношений с Афганистаном»⁵.

Подчеркивая важность этих предписаний и разъяснений, Е. П. Ковалевский отмечал, что его письмо было рассмотрено Александром II. Выказанные в нем положения, естественно, разделял и глава внешнеполитического ведомства А. М. Горчаков. Он информировал руководителя морского министерства и номинального председателя Русского географического общества великого князя Константина Николаевича, который играл очень важную роль в политической жизни страны в первый период нового царствования: «Мы слишком долго дремали на Востоке. Пришла пора проснуться... Мысль посла мне кажется

здорово (речь идет, по-видимому, об установлении прямой связи с афганским правителем.— Авт.), но для исполнения требуются люди, а тут, надеюсь, нам бог поможет».

Горчаков не собирался ограничивать поиски нужных людей привилегированными классами. «Не могу прийти к заключению,— говорил он в письме,— чтобы в стране, так одарованной, как Россия, не нашлись люди, но надобно отыскать их и искать во всех слоях. Достоинства не всегда всплывают на поверхность... Что касается до Министерства, то я не буду стесняться ни одеянием, ни чином, а стараться угадать, что каждому бог вложил в душу и ум для пользы общественной»⁶.

У царя было на сей счет иное мнение. Он полагал, что наиболее подходящими кандидатами для выполнения поставленной задачи могут быть лишь представители самого «достойного» сословия царской России — военного. Об этом свидетельствуют его пометы на ответном послании Лаговского Ковалевскому от 1 ноября 1857 г. из Тегерана. Управляющий дипломатической миссией считал, что действия Петербурга в Персии увенчаются успехом, во-первых, если им не будут мешать усилившиеся там французы и, во-вторых, «если отношения наши к англичанам не будут заклеены печатью робости и недоверия к нашим средствам» (помета Александра II: «Надеюсь, что этого не будет»).

Ученую экспедицию, по мнению Лаговского, «персияне примут с восторгом, и дорога в Герат будет ей открыта». Кандагарские и кабульские власти «пока еще колеблются между страхом англичан и надеждой освободиться от их влияния... Путешествие по такой стране, каков Афганистан, сопряжено с бесчисленными опасностями...— предостерегал он.— Англичане, без сомнения, употребят все средства — правые и неправые, чтобы противодействовать нашему там успеху. С другой стороны, появление русских непременно произведет там решительный эффект... Успех будет вполне зависеть от энергии и искусства лиц, которые примут на себя этот трудный подвиг»⁷.

Отклик царя был недвусмысленным: «Все, что он говорит, весьма дельно и необходимо сообщить воен[ному] мин[истру], чтобы иметь в виду при выборе нужных офицеров».

Вскоре руководитель планировавшейся экспедиции в Хорасан определился: ее возглавил Н. В. Ханьков. Не этим ли объяснялся его преждевременный «выход из отпуска»? И не был ли он «отозван» по государственной необходимости? Или с готовностью пожертвовал «неиспользованными днями», узнав о намечавшемся плане, который имел для него разносторонний интерес? Данных для твердого суждения по этому поводу у нас нет. Известно лишь, что 17 сентября 1857 г., т. е. когда происходил обмен только что изложенными письмами, Ханьков, находясь в Петербурге, обратился к председателю Географического общества великому князю Константину Николаевичу с весьма

обширным «Предположением об ученой экспедиции в Хорасан»⁸. В этом документе говорилось, что в результате настоящих научных изысканий на Азиатском материке осталось все меньше неисследованных областей и районов. Географы, естествоиспытатели, археологи, лингвисты, литераторы обогатили мир многими сведениями. «Относительно же юго-восточной части Персии ни персидская литература, ни исследования иностранцев не представляют нам ничего удовлетворительного» — о местной топографии, климате, истории, экономике, культуре. И Ханыков ходатайствовал перед объединением географов о снаряжении в Хорасан небольшой экспедиции. Ее состав он намечал ограничить четырьмя участками: «одним — для исследований филологических, исторических и археологических; одним — для определения широт и долгот, для физических исследований края и его географических и статистических особенностей; одним — для ботаники, зоологии и энтомологии и одним геологом; причем было бы чрезвычайно полезным, чтобы ботаник был вместе и врачом, так как присутствие врача может только значительно облегчить сношения с туземцами, не говоря уже о пользе его для самих членов экспедиции»⁹.

Речь шла, таким образом, о «сверхкомплексной» экспедиции, которая сочетала бы не только разнообразные научные цели, но и выполняла особо важные правительственные поручения. Это осложняло исследования, но, с другой стороны, имело свои положительные стороны: заинтересованность правительственных кругов облегчала материальное снаряжение экспедиции, придавала ей особый вес и значение.

Не прошло и недели после получения «Предположения» Н. В. Ханыкова об экспедиции, как Совет Географического общества обсудил его и подчеркнул (23 сентября 1857 г.)¹⁰ «важные последствия, которые должна иметь ученая экспедиция в означенный край как для успеха в науке, так и для промышленности России»¹¹. Не обладая достаточными средствами для финансирования намеченного мероприятия (Ханыков определил его стоимость в той мере, в какой оно касалось Общества, в 6 тыс. руб. серебром в год)¹², Совет постановил отнести содержание членов экспедиции на счет откомандированных их ведомств, подъемные — выдать из Государственного казначейства, а «на путевые издержки обратить пособие из сумм общества (от 1 до 2 тыс. руб.), если его будет недостаточно, то просить содействия Азиатского департамента»¹³.

18 октября 1857 г. царь утвердил проект отправки экспедиции, и вопрос о ней был, таким образом, полностью решен¹⁴.

Совет Общества предложил незадолго до того созданному Закаспийскому торговому товариществу, в котором участвовал один из богатейших предпринимателей тогдашней России В. А. Кокорев, материально поддержать Хорасанскую экспедицию¹⁵. Будучи, в свою очередь, весьма заинтересованным в со-

действии почетного председателя Географического общества вел. кн. Константина Николаевича, товарищество щедро выделило солидные средства — 3 тыс. руб. серебром. И тут же удостоилось одобрения. Исполнявший обязанности секретаря Общества В. П. Безобразов отметил: «Сведения, которые будут собраны Хорасанской экспедицией, находятся в тесной связи с предприятиями Каспийского товарищества и, без сомнения, будут весьма для него полезны; промышленная компания, которая при самом начале своей деятельности дает ей такой просвещенный характер, тем самым уже доказывает, что она находится на высоте современных экономических интересов, всюду в образованном мире ищущих прочной для себя опоры в науке»¹⁶. Заметим, попутно: мы уделяем такое внимание финансовому базису экспедиции потому, что ее формирование оказалось не простым делом и в дальнейшем материальные сложности отразились на взаимоотношениях Ханыкова с обществом российских географов.

По политической линии Н. В. Ханыкову поручалось изучить ситуацию в соседних странах Азии, исследовать возможности и способствовать усилению в них позиций России — об этом великий князь Константин Николаевич специально информировал кавказского наместника А. И. Барятинского¹⁷. Такое задание было особенно актуальным, поскольку до Петербурга доходили известия и всевозможные слухи о вспыхнувшей среди народов Индии широком восстании против соперника России на Востоке — Британской империи.

Но главной и первостепенной целью продолжало оставаться установление контактов с афганским эмиром Дост Мухаммед-ханом. Делать это, однако, открыто, да еще от имени правительства, было невозможно, так как могло вызвать новый острейший конфликт с Англией. Она весьма ревностно стремилась превратить Афганистан в базу для дальнейшей экспансии и старалась помешать его каким бы то ни было связям с другими государствами. Сохранение в максимальной тайне сроков прибытия в Кабул являлось элементарной предпосылкой не только достижения конечной цели, но и успешных научных действий экспедиции на персидской территории.

Возможный отказ Дост Мухаммед-хана от встречи с представителем России мог нанести весьма нежелательный урон престижу царского правительства. Поэтому было решено снабдить Н. В. Ханыкова полуофициальным письмом. 10 декабря 1857 г. великий князь Константин Николаевич в качестве президента Русского географического общества подписал послание «знаменитому и высокочтимому владельцу Кабула». Он информировал Дост Мухаммед-хана, что эта организация, «постоянно озабочиваясь собиранием сведений о странах Азии», направляет в Хорасан научную экспедицию. «С высочайшего соизволения государя императора, августейшего моего брата», — многозначительно подчеркивал великий князь, придавая тем самым особое

значение намеченному мероприятию. В послании отмечалось, что участники экспедиции — это люди, «с успехом подвизающиеся на поприще разных отраслей науки», а ее руководитель «заслуживает полное доверие». Указывая, что путешественники достигнут афганских границ, «где географам и естествоиспытателям представляется к разрешению множество важных и любопытных вопросов», автор констатировал, что «все ревнители просвещения должны желать, чтобы комиссия или по крайней мере ее начальник и некоторые из ее членов могли проникнуть в столь достойный изучения край».

Почетный председатель Географического общества заявлял, что осуществление задуманного зависит от «знаменитого владельца» — Дост Мухамед-хана: «Зная, что польза подобного предприятия не укроется от Вашей мудрости и прозорливости», царь убежден, «что путь в подвластные Вам страны будет открыт тем, коих влечет туда благородная, бескорыстная любознательность, и что Вы в особенности благосклонно примете действительного статского советника Ханыкова»¹⁸.

До Кабула, однако, было еще очень далеко. Пока же «действительный статский советник» энергично занялся техническим оснащением экспедиции и комплектованием ее личного состава. Его заявки на оборудование ярко и убедительно свидетельствуют, что Н. В. Ханыков, как и во время пребывания в Тифлисе, был в курсе последних новинок в области геодезии и смежных дисциплин. Чтобы не утомлять читателя ненужными подробностями, перескажем лишь вкратце подготовленный им список необходимых инструментов, какие надлежало передать из различных учреждений (а ведь нужно было знать, где они находятся!) в распоряжение путешественников: «а) Из Николаевской обсерватории — призмo-зеркальный круг Пистора... а из Механического заведения той Обсерватории... артифициальный горизонт и 3 барометра Паррота с новейшими изменениями, сделанными в этих инструментах г. Брауэром... б) из Имп. Академии наук — инструменты для делания магнитных наблюдений и для производства физических исследований» по инструкции Академии, а также химические препараты по составленному и переданному Ханыковым академику Э. Ленцу списку; «в) из Константиновской межевой обсерватории — инклинатор по системе Ламона», который «находится здесь и выверяется в Главной физической обсерватории»; «г) из Гидрографического департамента Морского министерства — 3 хронометра, трубу Фрауэнгофера в 2 1/2 или 3 фута, буде возможно дагерротип и „Nautical Almanac“ на 1857 и 1858 годы»; наконец, «д) из Генерального штаба — 3 шмалькальдоровских бусоли, педометр и гелиотроп Штейнхеля»¹⁹.

По заведенному порядку крупнейшие специалисты — как правило, академики — должны были обеспечить отправляющихся исследователей соответствующими инструментами. Так, зоолог

академик Е. Брандт предписывал наблюдать за степными животными и собрать «различные виды»; дополнить имеющиеся материалы о позвоночных, особенно о рыбах, а также «производить возможно точные и подробные наблюдения над беспозвоночными животными, так как низшие классы представляют наибольший научный интерес», и т. д.²⁰.

Академики-востоковеды М. И. Броссе и Б. А. Дорн призвали уделить внимание местному фольклору, сбору восточных рукописей и древностей, зарисовке надписей и памятников, а кроме того, поискам сведений «о грузинах, отправившихся в 17 веке в Мазендеран и в 18 веке в страну между Гератом и Кандагаром для отражения афганцев от персидских владений»²¹. Аналогичным образом экспедицию снабдили своими указаниями и другие ученые — геолог Г. Абих, ботаник Рупрехт, физики Купфер и Ленц²².

Понятно, что наиболее важное значение имело формирование личного состава экспедиции — с точки зрения научных интересов и квалификации ее членов. В нее вошли: профессор Дерптского университета А. А. Бунге (ботаник и врач), лаборант химии и магистр того же университета А. Ф. Гёбель (химик и геолог), преподаватель физики Петербургского технологического института Р. Э. Ленц (специалист по математической и физической географии), представитель Морского министерства капитан-лейтенант П. О. Ристори, студент Дерптского университета Г. Бинерт (энтомолог). За свой счет к экспедиции присоединился граф Е. Кейзерлинг (зоолог); ее сопровождали давние спутники Н. В. Ханыкова в разъездах по Кавказскому наместничеству топографы военного ведомства унтер-офицеры Жаринов и Петров, «линейный казак» Иван Негоднов и курьер Дипломатической канцелярии наместничества Ростом Чачиев.

Внимательное отношение Ханыкова к нуждам и потребностям экспедиции и ее членов хорошо иллюстрирует следующий эпизод. В отличие от состоятельного графа Кейзерлинга студент Бинерт не располагал «свободными средствами». Он не мог рассчитывать и на «оклад содержания», который сохранялся за остальными путешественниками. Поэтому руководитель экспедиции счел необходимым обратиться к Совету Географического общества с особым ходатайством. Оно гласило: «Принимая во внимание рекомендацию проф. Бунге о студенте Бинерте, отличном фармацевте, препараторе и дагерротиписте, я решаюсь просить Совет, не найдет ли он возможным выдать г. Бинерту какое-либо небольшое пособие, разрешив ему примкнуть к экспедиции, так как теоретические и в особенности практические его сведения будут крайне полезны для успеха ученых исследований экспедиции, тем более что она в одном лице выиграет препаратора и дагерротиписта, а последнее чрезвычайно важно как в археологическом отношении для снятия надписей, недоступных для сделания оттисков, так и для снятия видов: раз-

валин, замечательных зданий, памятников, портретов, предметов естественной истории, коих нельзя будет сохранить, и проч.»²³. Судя по участию Бинерта в поездке, пособие было ему выдано.

Уже на обратном пути, хорошо изучив своих спутников, их нрав, привычки и особенности, Н. В. Ханыков, находясь в несколько минорно-ироническом настроении в связи с неудачей, которая постигла его при попытке осуществить политическую цель экспедиции, предупреждал Н. А. Аничкова, что ее члены скоро придут в Тегеран, и давал им любопытную характеристику. «...Хотя вам известно наше число,— писал он,— но все же я считаю долгом выписать вам здесь список действующих лиц нашей комедии (1 — Авт.): 1) действительный статский советник Александр Андреевич Бунге, 58 лет, отличный человек, хорошо говорящий по-русски, 2) капитан-лейтенант Павел Осипович Ристори, 37 лет, приличный моряк, говорящий по-русски и по-татарски, 3) коллежский асессор магистр Адольф Федорович Гёбель, 31 года, несколько дикий, геолог, говорящий по-русски по лексикону Шмидта, стереотипному изданию, впрочем, добрейший малый, 4), 5) и 6) коллежский секретарь Роберт Эмильевич Ленц, граф Евгений Кейзерлинг и г. Бинерт, прекрасные молодые люди, от 25 до 23 лет, первый говорит по-русски хорошо, второй отважно, третий осторожно и потому довольно правильно. По группам размещаются они вследствие личных наклонностей так: гг. Бунге, граф Кейзерлинг и Бинерт вместе — одна группа, Ристори и Ленц — вторая, Гёбель один составляет, так же, как и я, отдельные группы, состоящие каждая из одного человека. Затем: два известные вам топографа Жаринов и Петров, линейный казак Иван и курьер Ростом Чачиев, всего христиан — 11 и при них иноверцев — 13, итого 24 души. Сверх того у меня 2 лошади, 1 осел и 1 обезьяна, у Бунге с Бинертом 3 лошади, у гг. Ристори, Ленца и графа Кейзерлинга по одной. Итого четвероногих — 9 и четвероруких — одна, всего 10 скотов. Бунге, Ленц, Ристори и Кейзерлинг у Вас не заживутся, особенно первых трех подмывает поскорее возвратиться к домашним пенатам, от Гёбеля же Вы не отделяетесь, не спысывая его на Демавенд, он только и бредит о том с тех пор, как с парохода „Русь Православная“ еретические очи его увидели эту дымящуюся сахарную голову»²⁴.

Так, в нескольких строках, Ханыков ярко и образно нарисовал живописную картину группы путешественников по Хорасану... Но это послание было отправлено из Кермана, находящегося сравнительно недалеко от Тегерана и на прямой дороге, ведущей к столице. И отправлено оно было, когда Ханыков и его спутники уже свыше года в тяжелейших условиях странствовали по Восточной Персии. Как же прошло для них это время?

С первых же дней участники экспедиции столкнулись с са-

мыми разнообразными трудностями. «До Тифлиса тащился я с медленностью черепахи, не столько по нежеланию скорее достигнуть столицы Грузии, сколько по отвратительности дорог,— докладывал ее руководитель 17/29 марта 1858 г. из Баку почетному председателю Географического общества.— Три раза я менял сани на колеса, несколько раз ночевал в степи, заматаемый снегом, и, ехавши с малыми остановками, но с довольно большим грузом, едва в три недели дотащился из Москвы в Тифлис. Приехавши туда, я убедился, что все-таки еще приехал слишком рано, так как от Лаговского (в то время поверенный в делах России при шахском дворе.— Авт.) из Тегерана не было еще ответа о согласии персидского правительства допустить нашу экспедицию и ответ тот прибыл только чрез три недели после моего приезда в Тифлис»²⁵.

Итак, собравшись в конце января 1858 г. в Грузии, Н. В. Ханыков со своими спутниками должны были направиться в Баку, чтобы следовать дальше Каспийским морем. Здесь также складывалась не простая ситуация. В Баку не оказалось казенного парохода, который был ему обещан перед отъездом в морском министерстве. Две шхуны, зимовавшие на местном рейде, на которые возлагались большие надежды, «без особенно благоприятных обстоятельств не могут выходить в море», как информировал Ханыкова отвечавший за морской переезд Ристори.

Все расчеты пришлось связать с частным торговым парходом «Русь Православная», также зимовавшим в порту. «Погоревав об этом печальном состоянии наших перевозочных средств, я просил Ристори употребить все свое красноречие, чтобы склонить „Русь“ помочь выбросить несколько сынов ее на персидский берег несколько поспешнее, чем это можно было сделать на барже»²⁶,— сообщал Ханыков великому князю Константину Николаевичу.

Е. П. Ковалевскому он писал, что если капитан парохода Горбулевский не согласится, то, «нечего делать, я отправлюсь из Баку вдоль берега на косовых лодках, хотя *periphus* этот представляет весьма мало привлекательного...»²⁷. 20 февраля шкипер Горбулевский дал наконец согласие доставить (и даже безвозмездно — при условии обеспечения его судна топливом) экспедицию в Астрабадский залив, и 15 марта они уже готовы были к отплытию, «но сильный нордовой шторм, разразившийся над Баку в ночь с 16-го на 17-е и продолжавшийся весь следующий день, не позволил нам пересечь на пароход прежде 18 марта, по случаю же сильного южного ветра сняться с якоря мы могли только 19-го. Переезд наш чрез Каспийское море, несмотря на постоянство противных ветров, совершился благополучно в 43 часа, и... мы бросили якорь на Ашурадинском рейде»²⁸.

30 марта, после выполнения соответствующих формальностей, Н. В. Ханыков и его коллеги прибыли в Астрабад. Хо-

расанская экспедиция приступила к выполнению своих задач²⁹. Однако двинуться сразу в путь она не могла: ее руководителя приглашали в Тегеран для встречи с Наср эд-дин-шахом и первым министром (садр азамом) Мирзой Ага-ханом. Такая поездка была полезна еще и тем, что Ханыков получал возможность обсудить с управляющим российской миссией А. Е. Лаговским различные тонкости порученного ему дела.

8 апреля Ханыков выехал из Астрабада и через Шахруд, Дамган и Семнан добрался до столицы. Как дипломат Российской империи, он получил огромное удовольствие, убедившись в неудаче ее конкурента на Востоке — Британской империи: англичане предприняли очередную попытку утвердиться в Герате, послав к его правителю Султан (иногда Мирза) Ахмед-хану специальную миссию во главе с Тейлором. Но Тейлору не удалось договориться с гератскими властями, и он был вынужден уехать оттуда ни с чем. «Наконец, 22-го [апреля] я дотащился сюда на чапарских конях его шахского величества, — доносил Ханыков Ковалевскому из персидской столицы 25 апреля/7 мая 1858 г. — По дороге еще встречал я разные отделы многочисленной прислуги Тейлора, возвращавшейся, повесив нос, из Тегерана после отъезда оттуда бывшего их барина в Шираз. Они, нехотя, передали мне радостные известия о его полном и не скоро исправимом *fiasco* в Херате, известия, вполне здесь подтвердившиеся»³⁰.

Ханыков оказался в столице в разгар религиозных празднеств («на мусульманской страстной неделе», как он выразился). Встреча с «властями» была отложена, но Лаговский познакомил его с сейидом Абул Хасан-шахом, представителем гератского правителя. Это знакомство было очень полезным: из бесед с сейидом Абул Хасан-шахом Н. В. Ханыков узнал много интересного, что ему впоследствии пригодилось. Ведь Герат должен был стать его основным опорным пунктом на пути к важнейшей политической цели путешествия — Кабулу. Он, в частности, выяснил, что Султан Ахмед-хан «вдвойне» родственник Дост Мухаммед-хана — его племянник и зять, но обязан своим положением персидскому правительству, что не могло не сказаться отрицательно на взаимоотношениях между эмиром и правителем Герата, начавших улучшаться лишь в последнее время. «...У Султан Ахмед-хана есть две явные цели, — анализировал обстановку Ханыков, — установить свою популярность между афганами и укрепиться в Херате, чтобы оттуда действовать далее». Пожилой возраст эмира («которому теперь 75 или 76 лет») и «недостаток популярности наследника его Гулям Хайдар-хана, правителя Кандагара, а равно и других его детей, — продолжал он, — делают весьма статочными (т. е. обоснованными. — Авт.) надежды правителя Херата попасть и на кабульский престол после смерти своего дяди».

Глава экспедиции подчеркивал, что, стараясь заручиться

поддержкой Тегерана, Султан Ахмед-хан «обращает внимание персидского правительства... на постоянное стремление Англии вмешиваться в дела Афганистана вообще и Херата в особенности, напоминает, что они (англичане. — Авт.) объявили даже войну персиянам под предлогом защитить Херат от их нападений, что по заключении мира они поспешили послать к нему особого посланника, который всячески старался привлечь его на свою сторону, но что он, видя в настоящем свете свое положение и помня, чем он обязан персиянам, вел себя так, „что, соблюдая полную учтивость относительно англичан, исполненных козней и диавольских наваждений, нажег на сердце их метку изъяна» и теперь должен ожидать от них стараний уничтожить его...»³¹.

Гератский правитель обещал содействие представителю России, хотя и выражал опасения, что его приезд может послужить британским властям предлогом для нового вторжения или провоцирования кабульцев и кандагарцев на аналогичные шаги. Готовность Султан Ахмед-хана оказать поддержку планам Ханыкова серьезно обнадежила его³¹. Уверенность в успехе выражал и Лаговский; высказывая предположение, что глава Хорасанской экспедиции «будет прекрасно принят в Герате», он добавлял: «... а дальнейших последствий можно смело ожидать от его ума и знаний дела»³².

Наконец, Н. В. Ханыков встретился с садр азамом. Первый министр шахского правительства был настроен менее оптимистично и не допускал «возможности нам действовать на какую-либо другую часть Афганистана, кроме Герата, совмещая в своем уме слишком тесно наши интересы с персидскими в этой части Азии, — сетовал Ханыков, продолжая тем не менее рассчитывать на успех поездки. — Действительно, в настоящую минуту интересы эти довольно сходны, но будь Персия не прямо в дурных отношениях с кабульским эмиром, она также не преминула бы стараться заинтересовать и его в своих планах и замыслах, так что отказываться нам от этого только из того, что мы не можем здесь быть поддерживаемы персиянами, кажется мне слишком осторожным».

В результате этих бесед у Ханыкова возникла мысль о целесообразности расширения связей с Гератом и его правителем, которому удалось укрепиться у власти, сохранив дружественные отношения с Персией. К тому же Султан Ахмед-хан проявлял тенденции сближения с Россией и «ясно обрисовал свои намерения относительно англичан, выпроводив Тейлора с такой вежливой холодностью из своих владений...». После этого, заявлял дипломат, нельзя «просто проехать через Херат», не выказав определенных знаков внимания его властелину и не вызвав у него интереса к намеченному мероприятию. Он подчеркивал: «Признаюсь откровенно... что только удачу в Херате буду я считать некоторым ручательством успеть в Кабуле, потому

что афганцы, помнящие еще, как мало мы могли сделать в их пользу при английском нашествии, никогда не послушаются нас, не убедаясь, что кто-нибудь из единоплеменных им владельцев нашел выгодным связаться с нами».

В этом же обширном послании директору Азиатского департамента Ханыков рассказывал и о других встречах в Тегеране с политическими деятелями — дружественно настроенными и недругами. Он посетил «владельца Систана Сардаря Али Хана», который «весьма усердно» приглашал представителя России посетить его земли, «восхвалявая древности своей действительно в высшей степени интересной отчизны...». Ханыков не дал определенного ответа на эти приглашения, но признавался Ковалевскому, что воспользуется ими при первой возможности. Это было вполне естественным: какой подлинный ученый-востоковед мог отказаться от путешествия в один из любопытнейших районов Среднего Востока, с исключительно богатым историческим прошлым, если для такого путешествия благоприятствуют обстоятельства?

Наконец, особый интерес проявили к миссии Ханыкова находившиеся в столице в различных рангах и с различными поручениями англичане: «С первого дня моего приезда Стивенс и его товарищи прямо и косвенно старались выведать у меня если не мои намерения, то по крайней мере мой будущий маршрут и долго ли я останусь в Тегеране. На первое я отвечал им цитатами из моей записки в Географическое общество, напечатанной в Отчете Общества, относительно же второго я всем и каждому говорю, что я приехал сюда для представления шаху и для окончательного снаряжения своего для путешествия по Персии...»³³.

Визит в Тегеран оказался чрезвычайно плодотворным. В связи с общим состоянием русско-персидских отношений и, видимо, не без воздействия дипломатических способностей Н. В. Ханыкова, его познаний в области языка и обычаев персов высшие власти Персии выразили готовность оказать ему помощь. «По счастливому стечению обстоятельств, — скромно, но с явным внутренним ликованием информировал Ханыков подлинного руководителя общества географов Ф. П. Литке, — и шах, и первый министр приняли живое участие в успехе нашей экспедиции. Садр азам снабдил меня такими горячими рекомендациями ко всем хорасанским властям, что решительно можно сказать, что до нас ни один европеец не был поставлен в такое выгодное положение для изучения страны, как мы»³⁴.

17 мая 1858 г. Ханыков получил от садр азама последние бумаги, адресованные местным правителям, на следующий день участвовал в проводах А. Е. Лаговского, получившего новое назначение (его до приезда Н. А. Аничкова сменил А. Ф. Бегер), а 19 мая отправился в Шахруд — условное место встречи с остальными участниками экспедиции. Все это время они вели ис-

следования в Астрабадском округе, особенно на каспийском побережье, где изучали топографические, ботанические и геологические особенности Мазендерана. 30 мая, после почти двухмесячного перерыва, вся экспедиция была наконец в сборе. 31 мая ее члены познакомились с достопримечательностями соседнего с Шахрудом городка Бестам, известного прежде всего как место рождения и захоронения религиозного деятеля средневековья шейха Баязида Бестами, умершего в 261 г. хиджры.

2 июня они двинулись в дальнейший путь — к Мешхеду, путь, сопряженный с серьезными опасностями. В этих краях шла острая, растянувшаяся на несколько десятилетий борьба между Персией, стремившейся распространить свои границы на север и северо-восток, и местными туркменскими племенами. Периодически персидские шахи снаряжали регулярные войска, однако легкие, подвижные отряды превосходных всадников-туркмен уходили из-под удара, в свою очередь неожиданно обрушиваясь на персидских солдат и захватывая пленных, которых они продавали в рабство в Хиву и Бухару. В этот момент как раз завершился неудачей очередной поход солдат Наср-эд-дин-шаха во главе с губернатором Астрабада Джафар Кулиханом Буджнурдским, и в Хорасане ожидали ответных набегов туркменских воинов. Особенно была подвержена таким набегам мешхедская дорога.

Понятно поэтому, что Ханыков придавал большое значение благополучному продвижению к главному городу Хорасана. По специальному распоряжению шаха экспедицию эскортировали 40 всадников с пушкой. Местные власти добавили еще свыше 100 конных, и вместе с огромным караваном паломников, воспользовавшихся такой усиленной охраной на пути к священному городу Мешхеду, путешественники 7 июня добрались до Мезинана. Отсюда Ханыков подал весть российской миссии в Тегеране, пользуясь, как он выразился, «возвращением благословенной пушки, сопровождавшей меня от Шахруда сюда, и прохождением кассида (т. е. гонца, посланца. — Авт.)».

Его письмо насыщено красочными деталями и вполне заслуживает воспроизведения, хотя бы в отрывках. Он отмечает, что экспедиция благополучно миновала три самые опасные станции, «увидев туркмен издали и то только сегодня около Пули Абришим, но они скрылись, увидев огромный караван тысячи в две поклонников, пушку и сотню всадников, сопровождавших нас». Ханыков высказывал сожаление, что нельзя запечатлеть яркую жанровую картину «живописных лохмотьев — от рубища араба, черного, как скворода, до истертой чухи экономого, хотя и зажиточного исфаханского сейида с красной бородой, — тут были все ступени оборванства. Разместите теперь представителей этих ступеней пешком, на ослах, верхом на лошадях, на верблюдах, в паланкинах, в кеджавах и в тахтараванах (виды носилок, — Авт.) и присоедините известные вам

ослиные арии, ржание лошадей, рычание верблюдов, крикливые перебранки женщин, ругательства чарводаров (погонщиков животных.— *Авт.*) и ответы их хозяев, и вы получите полную картину нашего каравана, тянущегося в Мешхед...».

Отмечая опасности, степень которых преуменьшали в персидской столице, общее разорение, Н. В. Ханыков писал: «А жаль — Хорасан мог бы быть истинным перлом в короне Каджаров, теперь же это кусок лазоревого изразцового кирпича, выпавшего из великолепной развалины»³⁵.

Однако, несколько противореча самому себе, в посланиях другим адресатам Н. В. Ханыков подчеркивает, что «благодаря заботливости персидского правительства мы ехали так спокойно, как в Калужской губернии»; туркмены, увидев мощную охрану, «оставили нас в покое. Наблюдения мы свои тоже делали, как дома, и если нашей экспедиции не суждено привезти никаких других результатов, то и того, что теперь уже сделано, почти довольно для полного ученого успеха»³⁶.

Дальнейший отрезок пути — от Мезинана до Мешхеда — был пройден и вовсе в спокойной обстановке. 10 июня путешественники прибыли в Себзевар, осмотрев попутно памятник древности Хосроугирд, на котором Ханыкову удалось разобрать дату его постройки — 505 г. хиджры. В этом городе они провели два дня, а затем приехали в Нишапур, откуда по красивой гористой дороге, следовавшей через Кадам-гах и Джагир, 24 июня добрались до центра Хорасанской провинции. «Дорога эта в общих чертах местности, по которой она проходит, довольно известна, — докладывал Н. В. Ханыков Ф. П. Литке, — по ней ехали Фрезер, Конолли, Бёрнс, Лемм и Бларамберг, тем не менее я уверен, что совокупным действием ученых, составляющих нашу экспедицию, мы будем иметь возможность сообщить о ней многие подробности, которые недоступны одинокому путешественнику»³⁷.

Цитируемое донесение было отправлено 23 сентября 1858 г. из Герата. Оно касалось только научных результатов, достигнутых участниками экспедиции к этому времени. О дипломатических и политических делах Литке знать не надлежало. Есть смысл в связи с этим, прежде чем говорить о политической части заданий Ханыкова, уделить некоторое место исследовательским занятиям.

В Мешхеде члены экспедиции находились семь недель, уехав оттуда 14 августа. Гёбель провел это время в географических изысканиях, посетив Торбете-Хейдарие, Турмуш, Кухемиш, Себзевар, Кучан, или Кабушан. Сам Н. В. Ханыков изучал древние строения и памятники Мешхеда и его окрестностей, а главное, воспользовавшись, как он выразился, «благоклонностью мутувалли-баши (управляющего.— *Авт.*)» широко известной в мусульманском мире мечети имама Резы, погрузился в разбор любопытнейших рукописей богатого книгохранилища

этой мечети. Остальные путешественники также вели соответствующие изыскания.

23 августа они добрались до Торбете-Шейх-Джама и, дождавшись извещения о высылке им навстречу правителем Герата конвоя, 3 сентября (через Гуриан) прибыли в этот город. В уже цитированном письме, адресованном Ф. П. Литке, Н. В. Ханыков подводил некоторые итоги их научной деятельности: Бунге собрал до 1300 видов различных растений, Гёбель — 13 больших ящиков горных пород и окаменелостей, Ленц определил астрономические координаты 29 пунктов и магнитные — 9 пунктов, Кейзерлинг и Бинерт составили богатые коллекции всевозможных змей, пауков, насекомых, чучел животных «высшего образования», Ханыков осмотрел до 25 памятников («более или менее неверно описанных моими предшественниками»), обогатился сведениями о диалектах персидского языка в городах и селениях на пути следования, а также об «особенностях племен, обитающих в этой северной части Хорасана». Попутно велись метеорологические наблюдения и вычисления барометрических высот, около 27 тыс. кв. верст было снято в топографическом отношении. Значение этой работы прекрасно характеризует руководитель экспедиции: «Я убедился, сличая наши съемки с имевшимися картами, что исправления их вследствие наших съемок будут таковы, что в иных местах лучше было бы, если бы на картах оставляли пробелы, чем выдумывать небывалые хребты гор и русла рек». Завершалось послание помощнику председателя Географического общества знаменательной припиской. Н. В. Ханыков высказывал предположение, что путешествие продлится более года, и выражал надежду, что Общество «соблаговолит выдать спутникам моим причитающееся содержание»³⁸.

Ответ Ф. П. Литке был не менее знаменательным. Он, естественно, отмечал, что Совет Общества «с удовольствием усмотрел успешные действия экспедиции, которую Вы приняли под Ваше просвещенное руководство», и признавал, что уже краткие отчеты ее участников свидетельствуют, «какое богатство ученых материалов добыто ими поныне, и подают надежду на блистательное окончание своих занятий в определенное при снаряжении экспедиции время».

Намек на необходимость укладываться в назначенные сроки был достаточно недвусмысленным. Впрочем, если бы Ханыков еще продолжал на что-то рассчитывать, Литке далее разъяснял: предположения о возможности для Общества «принять на свои издержки» продолжение путешествия сверх условленного времени нереальны. Совет Общества не имеет для этого средств и «считает со своей стороны совершенно оконченным» расход на экспедицию, о чем и сообщается «для предупреждения ожиданий, которые могли бы поставить Общество в крайне затруднительное положение»³⁹.

Незачем пояснять, что стесненность в деньгах отразилась на полноте исследований, а главное — на публикации богатейших материалов, собранных Н. В. Ханыковым и его спутниками. Но это — впереди. Теперь же надлежит обратиться к Герату и политическим проблемам Хорасанской экспедиции. С ними обстояло гораздо сложнее, чем с привычными специалистам научными изысканиями...

Пока группа путешественников следовала в Мешхед, в Тегеране произошли определенные перемены. Туда наконец приехал российский «посланник и полномочный министр» Н. А. Аничков. И хотя Ханыков не мог пожаловаться на недостаток внимания временно управлявших миссией А. Е. Лаговского и А. Ф. Бегера, наличие в столице Аничкова, с которым он находился в приятельских отношениях, придавало ему еще больше уверенности. Для нас эта смена посланников также имеет значение: двоим первым Ханыков писал более сжатые, официальные послания; его дружеские письма Аничкову иные — «раскованные», если здесь применим такой термин, доверительные, насыщенные раздумьями, размышлениями, интересными подробностями.

Другая перемена, еще неизвестная мешхедским путникам, заключалась в удалении шахом со своего гостя садр азама, на дальнейшее содействие которого надеялся глава экспедиции. Его планы и настроения раскрываются в бумаге, отправленной Аничкову 10 сентября 1858 г. Ханыков просит договориться с садр азамом, чтобы тот «послал предписания губернаторам Каина, Сеистана, Тебеса, Йезда и других пограничных хорасанских городов, что если мы к ним выедем живые, чтобы они нас не считали беглецами, а оказали бы нам зависящее содействие».

Он сетует, что тегеранских правителей не информировали о возможности его поездки «на восток от Герата», а это может отразиться на ее перспективах, и предлагает ходатайствовать, чтобы садр азам замолвил перед правителем Герата Султан Ахмед-ханом «словцо» о содействии.

Ханыков не забыл высказанные Султан Ахмед-ханом опасения о предположительной враждебной реакции Британской империи и счел в связи с этим подчеркнуть, что «дела Англии в Индии плохи (он имел в виду продолжавшееся антибританское восстание. — Авт.) и что до них (т. е. до гератских властителей. — Авт.) очень не скоро доберутся». Ответ нужен быстрый, подчеркивал дипломат, ибо «тут у наших красноклафтаных приятелей (англичан. — Авт.) тьма мелких агентов, все на меня глядят и от них не обережешься...». Следующая фраза убедительно свидетельствовала, что реалистически мыслящий Ханыков с самого начала скептически относился к политической цели своей поездки: «Вы, без сомнения, знаете, что не я выдумал это поручение, что в Петербурге я не предвидел ему большого

успеха, но здесь мне кажется, что из этого может что-либо выйти»⁴⁰.

Вскоре Ханыков получил адресованное садр азамом Мирзой Ага-ханом рекомендательное письмо Султан Ахмед-хану (едва ли не последний документ Мирзы Ага-хана до его смещения) с просьбой хорошо принять главу и весь состав научной экспедиции⁴¹. Почти одновременно из Петербурга была доставлена украшенная бриллиантами табакерка, предназначенная в дар гератскому правителю, а также присланы дополнительные инструкции, предписывавшие проявлять осторожность в беседах с ним. Стараясь подбодрить приятеля, Н. А. Аничков подчеркивал, что в России «известны трудности препятствий, которые вы можете встретить, и потому, В. пр-во, наперед можете быть уверены, что неуспешный или малоуспешный ход экспедиции нисколько не будет приписан недостатку желаний с Вашей стороны или способностей»⁴². Таким образом, получив еще в июне «от гератского владельца пригласительное и весьма вежливое письмо посетить его», как докладывал Ханыков Ковалевскому⁴³, он был полностью подготовлен к визиту в Герат.

Эта поездка происходила в торжественной обстановке. Султан Ахмед-хан выслал навстречу гостям своего приближенного — губернатора Гуриана сартипа (сартип — высокий чин в иранской армии. — Авт.) Мухаммеда Аяз-хана и 500 всадников. Прием «был так почетен, — сообщал Н. В. Ханыков в Петербург, — как только позволяли средства края, и более почестей правитель Херата не мог бы нам оказать, если бы мы въезжали в его владения не только в скромном виде путешественников, но и с официальным характером лиц, уполномоченных от правительства представлять оное в здешнем крае».

По всей дороге в Гуриан были расположены палатки с горячим чаем и всевозможными фруктами для гостей. В этом городе Мухаммеда Аяз-хана сменил другой гератский сановник — Мансур-хан, сопровождавший их дальше. В трех верстах от Герата Хорасанскую экспедицию встречали сын правителя Шир Ахмед-хан, визирь Сардар Мухаммед Акрам-хан и выстроенные сто солдат регулярной пехоты, которые были одеты «в самые комические подобию европейских мундиров с фалдочками, пришитыми к курткам и приталенными — у кого по одной с каждого бока, у кого — на выворот». Улицы, плоские крыши домов были заполнены жителями.

Прибывших разместили в одном из лучших домов, в нескольких шагах от усадьбы Чарбаг, где находилась резиденция Султан Ахмед-хана. На другой день, облачившись в соответствовавшие положению каждого «полные мундиры», члены экспедиции нанесли ему официальный визит. На первом дворе усадьбы правителя стояли в почетном карауле оба батальона регулярных войск, раздавался барабанный бой и состоялось «преклонение знамен».

Султан Ахмед-хан принял Н. В. Ханыхова и его спутников счень радушно. Беседа длилась более часа. Разговор шел главным образом о Бухаре, где племянник и зять Дост Мухаммед-хана оказался под арестом после бегства оттуда эмира в 1840 г. Впрочем, вскоре и Султан Ахмед-хан вырвался из бухарского плена и прибыл в Афганистан, чтобы принять активное участие в борьбе против британского вторжения. «Трудно было думать, — признавался Ханыхов Ковалевскому, — что лицо, разговаривавшее со мною с таким учтивым добродушием, был тот самый Султан Джан, который сабельным ударом доконал сэра Уильяма Макнотона 11/23 декабря 1841 г. в памятный для Англии день трагического свидания их представителя в Кабуле с Мухаммедом Акбар-ханом». Он считал, что таким хорошим приемом путешественники обязаны «настойчивым рекомендациям» садр азама и расположению сейида Абул Хасан-шаха.

Надо было приниматься за самую ответственную и с точки зрения Петербурга важнейшую часть задания — установление контактов с Дост Мухаммед-ханом. Поэтому 3 августа Ханыхов отправился к Абул Хасан-шаху, чтобы довести до его сведения о своем желании двинуться в Кабул, а также обратиться с просьбой «склонить» Султан Ахмед-хана помочь «в предварительном сношении с эмиром», чтобы получить его согласие на проезд. Эта просьба застала сейида врасплох. Он заметил, что садр азам ничего не говорил ему о подобном шаге, и он не знает, будет ли он одобрен в Тегеране. Ханыхов возразил, что во избежание огласки шахского министра не информировали подробно. И тем не менее тот сам предлагал свои рекомендации «к кандагарским сардарам», отметив, что с Дост Мухаммед-ханом не поддерживает сношений.

Тогда сейид заявил, что, «хотя Султан Ахмед-хан — родной племянник эмира и женат на его дочери, все же он имеет причины опасаться, что его дядя к нему не слишком расположен». Просьба о содействии в отношениях с Дост Мухаммед-ханом может вызвать у гератского вождя «подозрения насчет искренности доброжелательства нашего правительства». Глава Хорасанской экспедиции постарался отвести это опасение: он не собирается действовать во вред ни Персии, ни Герату, ни Афганистану, хочет отправиться в Кабул «в качестве простого путника», и эта поездка поможет сблизить Султан Ахмед-хана с его дядей.

В конце концов Абул Хасан-шах удалось убедить. Он обещал подготовить гератского правителя. Но, по словам Ханыхова, сейид подчеркнул, что «эмир так запуган англичанами, что если он сохранит сколько-нибудь надежды на улучшение дел их в Индии, он отклонит свидание со мною».

Свое обещание Абул Хасан-шах сдержал. 6 сентября он известил Н. В. Ханыхова, что вечером его навестит подготовлен-

ный к беседе на соответствующую тему Султан Ахмед-хан, который информировал своего придворного, что сделал попытку наладить связь с Кабулом: отправил доверенного к Дост Мухаммед-хану, чтобы принести соболезнования по поводу смерти его сына и наследника Гулям Хайдар-хана и попутно сообщить о прибытии в Герат русских путешественников. Когда посланец вернется, легче будет действовать дальше, узнав, как эмир принял такое сообщение. На вечерней встрече Султан Ахмед-хан заверил Ханыхова в дружественных чувствах, питаемых им к Персии и России, в готовности способствовать свиданию в Кабуле. Но если Ханыхов полагал, что этим будет ограничен круг его бесед с гератским властителем, то он заблуждался. Горячий афганский патриот, один из героев освободительной борьбы против английских поработителей, Султан Ахмед-хан стремился уяснить — хотя бы для себя — некоторые неясные моменты переговоров в Кабуле и их последствия в кризисный период, который предшествовал нападению британских войск на Афганистан.

Щекотливое объяснение, по словам Н. В. Ханыхова, вызвали посылка Я. Виткевича к Дост Мухаммед-хану и отказ русского посланника в Тегеране И. О. Симонича от «условия, заключенного с Кохендиль-ханом», правителем Кандагара, что «оставило самое невыгодное для нас впечатление в Афганистане». Султан Ахмед-хан утверждал, что в надежде на защиту со стороны России, которую обещал Виткевич, эмир выдворил А. Бёрнса, но, когда Англия объявила войну, Россия покинула его. Ханыхов возражал: в действительности Виткевич вез ответ на послание Дост Мухаммед-хана императору, а эмир «отшатнулся от англичан» из-за «неисполнения надежд, возбужденных в нем Бёрнсом». Виткевича поместили в какой-то караван-сарай, с ним не велись переговоры, пока расчеты на английскую поддержку не «оказались несбыточными». Между тем Виткевичу не поручали ничего обещать, тогда как полномочия Симонича распространялись на Персию, а не на Афганистан и его дела.

Ханыхову показалось, что логика его высказываний убедила Султан Ахмед-хана. Во всяком случае, гулям миссии Тахир-бек под охраной, выделенной гератским ханом, 23 сентября с письмом русского дипломата направился в Кабул. Теперь оставалось ждать результатов этой поездки. И Ханыхов проводил подсчеты: до Кандагара — 15 дней пути, оттуда до Кабула «или до Пишаура», в котором мог находиться Дост Мухаммед-хан, — 10. Стало быть, ответ можно ожидать лишь месяца через два⁴⁴...

Ответ на что? Пока на извещение Н. В. Ханыхова о его прибытии в Герат для восстановления дружественных отношений, существовавших между эмиром и Николаем I, и передачи Дост Мухаммед-хану послания царского брата великого князя

Константина Николаевича. «Русское правительство поручило мне вручить это письмо Вам лично, и я ищу случая предстать пред Вашим высочеством... Если Вы удостоите меня ответа вскоре по получении моего письма, то я двинусь в путь, чтобы предстать пред Вашими светлыми очами и вручить тот письменный документ, который имеется при мне»⁴⁵.

Как видим, это извещение было составлено в чрезвычайно осторожных выражениях, которые не давали оснований для каких-либо далеко идущих выводов, могущих скомпрометировать кого бы то ни было, связанного с миссией Ханыкова, — ни Россию, ни Персию, ни Герат и ни Афганистан. Глава Хорасанской экспедиции, без сомнения, учитывал обилие английских агентов и шпионов, следивших за каждым его шагом. Он слишком хорошо знал Восток, чтобы не учитывать данное обстоятельство, о котором к тому же ему напоминали почти во всех бумагах российские представители в Тегеране. Характерное, к примеру, известие адресовал Ханыкову Аничков 5 ноября 1858 г.: «На днях отправляется в Герат некто Реджеб Али. Он некогда был в дружеских отношениях с Султан Ахмед-ханом и потому, вероятно, не покажется подозрительным. Но в настоящее время он уже сделался агентом Мухаммеда Резы Мирзы и посылается отсюда одною из миссий, чтобы действовать под рукою, в пользу сего шахзаде».

Суть сообщения заключается в следующем: Мухаммед Реза Мирза был врагом и соперником правителя Герата и «одна из миссий», т. е. британская, была заинтересована в смене одного другим после того, как Султан Ахмед-хан «не нашел общего языка» с прибывшим к нему английским представителем Тейлором.

Предупреждая об этом руководителя Хорасанской экспедиции, российский посланник предостерегал и его лично: «Мне сделалось тоже известным, что при отъезде Вашем отсюда одна миссия нашла случай послать в одном караване с Вами шпиона по имени Сеид Абдулла Кабули для надзора за всеми Вашими поступками и извещения оной миссии»⁴⁶.

Впрочем, Н. В. Ханыков и со своей стороны мог бы рассказать (и рассказывал) Н. А. Аничкову о всевозможных интригах политического конкурента России на Востоке — Британской империи, в частности о настойчивых стараниях ее дипломатов в Тегеране подорвать позиции Султан Ахмед-хана и т. п.⁴⁷.

Недели и месяцы, которые должны были пройти до возвращения из Кабула курьера, путешественники, понятно, не теряли даром. 1 октября 1858 г. Ханыков отправил почти весь состав экспедиции — Бунге, Ленца, Гёбеля, Кейзерлинга, Бинерта с топографом Петровым — в большую поездку через Гуриан, Хаф и Тун до Тебеса, чтобы через Бирдженд вернуться в Герат, проводя попутно научные изыскания. «Если эта поездка счастливо окончится, — докладывал Ханыков почетному председателю

отечественных географов, — то ею истощится полное обозрение Хорасана, и я надеюсь, что с этой стороны по крайней мере цель Географического общества будет вполне достигнута»⁴⁸.

Сам же он вместе с топографом Жариновым вел археологические и топографические исследования в Герате и его окрестностях, изучал историческое прошлое этого древнего города. Его обширное послание великому князю Константину Николаевичу является своего рода небольшим эссе по гератской истории второй половины XVIII — первой половины XIX в.⁴⁹. Содержащиеся здесь интересные сведения Ханыков не считал нужным включать в изданные им материалы о путешествии, чтобы не привлекать излишнего внимания к своему пребыванию в Герате. Несмотря на идеалистический подход к трактовке прошедших событий, этот любопытный документ бросает определенный свет на не очень ясные страницы политической истории Герата указанного периода...

На неоднократные запросы Н. В. Ханыкова в адрес министерства иностранных дел о дополнительных инструкциях по поводу различных конкретных осложнений, с которыми он столкнулся, выполняя возложенную на него миссию, Аничков сообщил ему основные положения специально подготовленной в связи с этим депеши министра А. М. Горчакова. В ней подтверждались поставленные прежде цели и принципы подхода к вопросу царского правительства: «...теснейшее соединение между владениями Средней Азии (точнее, Средней Азии и Среднего Востока. — Авт.) для упрочения их независимости... навести их на путь, соответствующий собственным их выгодам... Мы желаем, чтобы союз их между собой мог служить оплотом и препятствовать прямому столкновению наших владений с английскими».

Подчеркнув таким образом свою заинтересованность в укреплении самостоятельности государств этого района в качестве барьера против распространения по соседству власти и влияния политического противника и соперника России, ее внешнеполитическое ведомство поручало Ханыкову не заключать какие-либо договоры, а заручиться «уверениями в благожелательности»: царское правительство не желало связывать себя никакими соглашениями в создавшейся в этом районе сложной обстановке. Оно вместе с тем признавало острую необходимость в приобретении сведений «о точном политическом положении земель, которые мы едва знали со времени неудачной командировки Виткевича». Ханыкову рекомендовалось не брать на себя обязательств и перед правителем Герата и посоветовать ему на первых порах укреплять свои взаимоотношения с Персией⁵⁰.

Но еще до того, как оказавшийся в Герате русский дипломат и востоковед смог получить и детально изучить директивы из Петербурга, произошли важные события: 10 декабря 1858 г. из Кабула вернулся посланный им нарочный Тахир-бек. Вернувшись, чтобы передать весьма неприятные известия: Дост Мухаммед-

хан категорически отклонил предложенную встречу, ссылаясь на то, что она может отрицательно сказаться на его отношениях с Англией, налаженных с большим трудом. Эмир видел в Ханыкове преемника Виткевича. Такую позицию правителя Афганистана, проявившуюся и в присланном им письме, и в беседах с Тахир-беком, подтвердил и прибывший в Герат представитель Дост Мухаммед-хана мирахур-баши Мансур-хан⁵¹.

Вызвал ли этот отказ серьезное огорчение Ханыкова? Безусловно. Как вызвал бы подобное чувство у любого человека, ответственно и добросовестно относящегося к своим обязанностям, к порученному делу. Но так ли односторонне расценивал он подобный исход дела? Знание Востока, умение анализировать шаги того или иного правителя не могли не вызывать у него и иных раздумий. С этой точки зрения бесспорный интерес представляет его письмо к Н. А. Аничкову, доверительные отношения с которым давали возможность Ханыкову более полно высказать все, что было на душе и что не могло найти места в официальной, служебной переписке. Это послание столь любопытно как с фактической, так особенно с психологической стороны, что мы, не колеблясь, приведем его почти полностью.

«Вот, любезнейший тезка, посылаю Вам и последний акт *proverbe dramatique* „насильно мил не будешь“, который мне пришлось разыгрывать здесь, — писал руководитель Хорасанской экспедиции в Тегеран 13/25 декабря 1858 г. — Старина (т. е. Дост Мухаммед-хан. Ханыков продолжает проявлять осторожность, и, как увидим далее, не без оснований. — Авт.) не пускает нас к себе и не хочет нас знать». Затем следует оценка обоснованности подобного подхода: «Так ли он не прав, как может показаться в первую минуту досады на неудачу, предоставляю Вам судить самим. Двадцать два года пред сим он весьма робко, весьма недоверчиво сделал первый шаг к сближению с нами, мы поощряли этот шаг, послали к нему ответ с пылким предприимчивым молодым человеком, который в пылу желания успеха черт знает что наговорил ему в пользу России. Эмир тем охотнее поверил ему, что Ост-Индское правительство отвергло все просьбы его, представленные чрез Бёрнса и на которые Бёрнс уже согласился. Сближение с Виткевичем было причиною выезда Бёрнса из Кабула».

Здесь мы прервем цитирование отправленной Аничкову бумаги и позволим себе не согласиться с почтенным востоковедом. К тому времени не были известны опубликованные позднее многие документы, убедительно явствующие, что провал переговоров, которые вел с эмиром А. Бёрнс, был вызван отнюдь не «сближением» Дост Мухаммед-хана с Я. Виткевичем, а отказом Лондона и его представителей в Индии лорда Окленда и У. Макнотона пойти в чем-либо навстречу пожеланиям Афганистана. Британская империя стремилась военной силой сокрушить Дост Мухаммед-хана и посадить на его место своего ставлен-

ника — Шуджу уль-Мулька. С этой оговоркой вернемся к письму Ханыкова.

«Затем эмира выгнали, посылать ему войско на помощь мы не могли, но заступиться за него в Бухаре мы могли и должны были, не сделали же мы этого и из страха англичан, и из того, что мы смотрели на эмира как на выжатый лимон. Затем прошло 16 лет, мы и не хватились об эмире; теперь же, когда он мог нам на что-либо пригодиться, мы опять вспомнили о нем, но вспомнили, не зная, что делали с ним наши соперники в Азии в эти 16 лет».

Что же они делали? Н. В. Ханыков переходит к анализу политики Лондона, которая, на его взгляд, оказалась более гибкой и продуманной, чем действия Петербурга в период, когда его внешняя политика направлялась К. В. Нессельроде.

«А они вот что делали. Они заключили с ними в Пишауре (т. е. Пешаваре. — Авт.) трактат, по коему: 1) чтобы удовлетворить его задушевнейшему желанию возвратить Афганистану Пишаур, не отдавая, однако, этого важного пункта, они постановили платить эмиру пожизненно годовой доход с этой провинции — 1 200 000 рупий, т. е. 557 592 р. сер.; 2) чтобы успокоить ненависть, питаемую к ним афганцами после их двух походов в Афганистан, они согласились не посылать к эмиру агентов из англичан, а содержать при нем агента из индийских мусульман. Кроме этого, они помогли эмиру и деньгами, и боевыми снарядами завладеть Кандагаром по смерти Кохендиль-хана. Усиливая эмира, они рисковали, но рисковали разумно, они усиливали тело ветхое и ненадолго, так как детей у него много, все они друг друга не терпят, и после смерти эмира пойдет резня и драка на долгое время, если мы не поможем кому-либо из афганских принцев, или если сами англичане не сделают этого». (К этому прогнозу можно добавить, что он почти полностью оправдался. После смерти Дост Мухаммед-хана в 1863 г. в Афганистане вспыхнула длительная междоусобная борьба за власть, которая завершилась лишь в конце 60-х годов, когда троном завладел Шер Али-хан).

«Не обращая внимания на Афганистан, — продолжал Ханыков, — мы, или по крайней мере, я не знал ничего перед своим отправлением, темные слухи о выдаваемой эмиру пенсии имелись у нас, о взятии им Кандагара мы тоже знали, но все эти сведения, без сведения о трактате, заключенном задолго пред Индийским восстанием, имели вид задабриваний... и это-то мне давало надежду, что зуб его противу нас не устоит пред памятью зла, сделанного ему англичанами, и на этой-то разнице основывал я, как я Вам писал еще в Петербурге, маленькую надежду на успех. Надежда эта не состоялась, и я, признаюсь Вам, рад, что дал эмиру так мало средств компрометировать нас, и могу надеяться, что дело обойдется без придинок и рекриминаций. Писавши от 23 сентября Е. П. Ковалевскому об от-

ветах моих на укоры, слышанные мною здесь по поводу посылки Виткевича, я никак не предполагал, чтобы тень этого несчастного страдальца стала между мною и эмиром». Фраза о предоставлении эмиру «средств компрометировать» также нуждается в комментариях. Она была вызвана тем, что Дост Мухаммед-хан информировал Ханыкова о пересылке его письма британским властям в Индию. Это был акт, свидетельствовавший о нежелании эмира подвергать угрозе отношения с не очень надежными (и даже опасными) «друзьями».

Н. В. Ханыков завершал послание предсказаниями, что дружественная позиция Султана Ахмед-хана также изменится, если не встретит отклика со стороны России. Он информировал Аничкова, что останется в Герате до 10 января 1859 г. А затем, писал востоковед, «через Лаш и Джувейн, Небендан, Кирман, Йезд и Исфагань потянусь к Вам, и если Вы признаете возможным попросить шахское правительство, чтобы оно уведомило властей по этому пути о хорошем нашем приеме, то это было бы очень хорошо»⁵².

Происшедшее, видимо, произвело значительное впечатление на Ханыкова. Он еще не раз вернется к высказанным мыслям. Отправляя ровно через месяц, 14/26 января 1859 г., новую бумагу, путешественник поздравляет Аничкова с Новым годом и подчеркивает: «... для меня он очень начался невесело, и если меня не сошлют в Сибирь, то дальнейший путь... будет путем, ведущим более или менее прямо к Вам... Можно ли было думать, что старый хрен сохранит такой крепкий зуб и так охотно поминает прошлое, ну да, по совести, и я на его месте сделал бы то же; там покупают дружбу на чистоган, а здесь потчуют только намеками на обещания...»⁵³.

Еще одна неудача и довольно серьезная постигла путешественников: 17 декабря 1858 г. отправленный в Тегеран курьер Аллаверды (в действительности его звали Мартиросом) был перехвачен отрядом туркменских всадников и исчез. С ним пропали вся политическая корреспонденция, результаты последних научных трудов, а также книги, пересылавшиеся в персидскую столицу для дальнейшей отправки в Россию. Находясь в крайне расстроенном состоянии, Ханыков жаловался Аничкову: «Накануне Рождества, любезнейший тезка, приходится вам сообщать такие гадкие вещи, какие я еще в 39 лет жизни никому не сообщал. Даст бог, дело еще кое-как поправится, если же перехваченное не будет уничтожено туркменами и достанется нашим доброжелателям, лично мне будет очень плохо...»⁵⁴.

Ханыкову казалось несомненным, что «бедного Аллаверды убили». Он даже называл имя убийцы — это был, по его данным, сын хезаринского Рахимдад-Султана. Судьба багажа оставалась неизвестной. Отмечая, что Аллаверды во многом сам навлек на себя беду — излишне много шумел о предстоящей поездке, скупал на базаре всякие вещи, — Н. В. Ханыков про-

должал беспокоиться по поводу похищенных документов: «Дай бог, чтобы они (т. е. грабители.— Авт.) уничтожили бумаги, впрочем, в них были такие вести, которые наши благоприятели знали прежде меня»⁵⁵.

Нечего пояснять, что «доброжелателями» и «благоприятелями» русский дипломат именовал британских представителей в этих краях, а также английские власти в Индии. Впрочем, он уже постепенно приходил в себя, утешаемый мыслью, что им и так все хорошо известно как в результате слежки за его действиями, так и из сообщений Дост Мухаммед-хана. Поэтому, отвлекаясь от неудачной попытки вступить в контакт с эмиром и от несчастья с Аллаверды и отправленной почтой, руководитель Хорасанской экспедиции в последнем письме Аничкову уделил много внимания внутривосточной обстановке у себя на родине. Изложенные здесь взгляды имеют для нас особый интерес, ибо Н. В. Ханыков не так часто доверял бумаге что-либо связанное с его мировоззрением, со взглядами на общественно-политическое развитие, на социальные проблемы. Поэтому заслуживает быть отмеченным каждое серьезное проявление его мышления в данном направлении, характеризующее Ханыкова как личность.

Находясь на большом удалении от своей отчизны, путешественник живо интересовался тем, что там происходило, и, по-видимому, получал оттуда довольно полную информацию. Во всяком случае, он констатировал: «Крестьянское дело, благодаря бога, подвигается; по письмам из Питера, петербургское дворянство уже представило проект, но он не понравился в Министерстве внутренних дел, нижегородцы тоже, вследствие высочайшей подготовки, окончили свой проект, который, однако, раскололся надвое, и обе стороны шлют свой отдельно. Карман — чувствительное место в теле, и удар по нем крепко не вкусен, да что делать, с 1718 года, в который блаженные памяти Петр Великий, желая побудить дворян менее сопротивляться ему во взимании рекрутов, довершил дело опричника Бориса Годунова, совсем закабалив крепостных, мы пользовались этим правом, т. е.: одна сила жила за счет другой, а так как в природе это не допускается, так как, например, работа пара отзывается на расходе топлива, работа лошади, быка etc.— на их усталости, то и тут силы этой хватило только на 140 лет, и как незабвенный (прозвище Николая I.— Авт.) узнал, что круглым числом в год стали поколачивать до 20 помещиков, он „призадумивался“, как пел один мой знакомый армянский диакон. Сам попробовал, да рука дрогнула, ну а сынок-то, пожалуй, обработает эту статью почище, заставляет наших бар самим наложить на себя руки, и они почти так же уморительно отваживаются на самоубийство, как покойный Jerôme Paturot, но, даст бог, так же мало и умрут, как он. В этом... есть сюжет глубокой комедии»⁵⁶.

Странные мысли высказывал действительный статский советник, или генерал среди чиновников,— не так ли? Можно даже сказать — крамольные мысли. И весьма непочтительные по отношению к «царствующему дому»!.. Как же, он рисует почти канонизированного в Российской империи «Великого преобразователя» — Петра I — изрядным крепостником, довершающим «дело опричника Бориса Годунова» в области порабощения крестьян. Он признаёт без обиняков, что помещики жили за счет подневольного труда, и не проявляет никакого негодования, указывая, что их «поколачивали». А это ведь почти одобрение «крестьянских бунтов». Ханыков довольно насмешливо отзывается о попытках «незабвенного» решить крестьянский вопрос и «отвертешегося» в данном плане законом 1842 г. о «временно-обязанных крестьянах». Он еще верит в добрую волю преемника «незабвенного» — Александра II, как верили в конце 1850-х годов многие представители относительно либеральных кругов России.

При всех обстоятельствах приведенная выдержка позволяет считать, что применительно к проблеме отмены крепостного права Николай Владимирович стоит ближе к своему уже погибшему брату-петрашевцу Александру Владимировичу, чем к реакционерам, ожесточенно боровшимся против крестьянской реформы. Быть может, изложенные мысли были навеяны длительной временной и географической оторванностью от российской действительности?! Ведь послание Аничкову было написано в Герате...

Но, в общем, в Герате больше нечего было делать. Ханыков, естественно, сообщил в очень сжатой форме о провале плана встречи с Дост Мухаммед-ханом и своему прямому начальнику — директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому, обещая написать об этом подробно в более благоприятной обстановке, «приехав на персидскую землю»⁵⁷. Несколько дней было затрачено на выяснение судьбы пропавшего курьера миссии.

30 января 1859 г. Хорасанская экспедиция двинулась домой. Чтобы охватить научными исследованиями новые земли, она направилась не уже пройденной дорогой, а, как и планировал ее руководитель, южным путем — через Себзеvar, Анардара, Лаш, Джувайн, Северный Сеистан (Систан) в Нех. Некоторые из посещенных районов были крайне слабо изучены, и пребывание там группы высококвалифицированных специалистов благоприятно сказалось на развитии исследований их исторического прошлого, животного и растительного мира, климатических условий и топографии.

Перед путешественниками простерлась безводная пустыня Деште-Лут. Оказавшись в затруднительном положении ввиду нехватки транспортных средств, Н. В. Ханыков со своими спутниками, по его словам, «по южной окраине Хорасана, по доро-

ге, избранной Виткевичем для возвращения, проследовал до Сяригаха (ныне Серитшах.— Авт.) и оттуда в 3 ночи и 3 дня прошел через Лют»⁵⁸.

Свыше двух месяцев крайне тяжелого пути понадобилось им, чтобы добраться до крупного персидского города Кермана, куда они прибыли в начале апреля и где сделали небольшую остановку. За это время российская миссия в Тегеране и консульства в северных городах страны настойчиво пытались найти следы исчезнувшего Аллаверды. Удалось установить, что он остался жив и находится в плену где-то в Средней Азии.

Н. В. Ханыков продолжал терзаться постигшей его неудачей. Он снова и снова осмысливал ее причины, как и промахи и недочеты политики царских властей на Среднем Востоке. Из Кермана пошло к Аничкову еще одно его послание, также носившее доверительный характер: «Весьма радуюсь, если Аллаверды жив; коли бумаги его достались в руки англичанам, сожалею только о пропаже ученых приложений; из политических же, повторяю, они могут узнать только то, что индейские их власти уже знали давно из прямых сообщений Дост Мухамед-хана».

Дипломат считал посылку Я. Виткевича «нелепой потому, что мы от него отступились, официально солгали, что ему не было дано письмо государя императора, в чем нас уличили, представив копию с этого письма». К тому же изгнанному эмиру не помогли, когда он находился под стражей в Бухаре. «Последний предмет тем деликатнее,— продолжал Ханыков,— что именно в бытность эмира в Бухаре туда был отправлен Е. П. Ковалевский, не доехавший туда, но я читал его инструкции и, сколько я помню, в них не было ни слова в пользу кабульского эмира, следовательно, если бы он и доехал до места назначения, то это только было бы хуже для будущих наших сношений с Кабулом...»

Подчеркнув, что во время пребывания в Систане он собрал огромное количество материалов, характеризующих прошлое этой древней земли, Н. В. Ханыков констатировал очень успешную исследовательскую деятельность экспедиции. «Если политические результаты моей поездки ничтожны, то... того же нельзя сказать о результатах научных. Из Херата сюда я большей частью ехал по terra incognita, и карта Хорасана была так же верна, как карты внутренности Африки (тогда еще крайне слабо изученной.— Авт.). Проезд через Лют, безводную пустыню, где идут три дня и три ночи по сплотившемуся крупнозернистому песку не только без воды, но даже без малейшей травки, я считаю географическим подвигом, на который вряд ли кто скоро решится. Впрочем, я был достаточно награжден четырехдневным отдыхом в Хабице, это решительно рай земной, даже если бы туда проникнуть не из Люта, спросите у Аббота, он единственный европеец, посетивший до меня этот дивный пальмовый

лес, где в марте уже лимонные и померанцевые деревья отцвели, а гранат и персид были в полном цвету...»

Однако в этом раю путешественники начали ощущать неудобства иного рода, чем переход через пустыню: их материальные средства были на исходе, а пополнить их Географическое общество, как мы видели, не было склонно. Поэтому, отмечая хороший прием со стороны керманских властей, Ханыков добавлял: «...я надеюсь благополучно прийти к Вам... пешком, так как деньги решительно отказываются доехать со мною до Тегерана. От пешеходов ожидать большой поспешности нельзя...»⁵⁹.

Но перед тем как двинуться дальше, следовало выполнить данное Е. П. Ковалевскому обещание и на более безопасной «персидской земле» подробно отчитаться перед ним. Не будем утомлять читателя повторением уже изложенных обстоятельств отказа Дост Мухаммед-хана принять представителя России. Остановимся лишь на оставшихся более актуальными соображениях и выводах Н. В. Ханыкова относительно целей и методов политики в этом районе. «Зуб, сохраненный противу нас старым эмиром, лучше всего доказывает неосновательность системы действия, принятой прошлым Министерством (т. е. в период К. В. Нессельроде.— Авт.) относительно Средней Азии, а именно системы отрывочного действия, в двадцать лет раз. Если подобная система, установленная относительно Хивы, Бухары и Хоканда со времен имп. Екатерины, не повлекла — за собою доселе больших неудобств, то это надобно приписать исключительно уединению этих ханств, владения же Средней Азии (Н. В. Ханыков трактует этот термин шире, чем в наши дни.— Авт.), смежные с Индией, казалось, заслуживали бы большего внимания, так как в течение двадцати лет совершенно неведения нашего о делах Афганистана, кроме отрывочных сведений о них, попадающихся в депешах тегеранской миссии, англичане Пишавурским трактатом и содействием эмиру присоединить к себе Кандагар не только образовали верного союзника себе на севере своих индейских владений, но и нанесли Персии значительный удар, так как слабые отдельные владельцы Кандагара, зная зависть, с какой кабульские владельцы постоянно смотрели на независимость их области, должны были по необходимости искать сближения с Персией, теперь же Персии с этой стороны угрожает совершенно та же опасность, каковая угрожала ей при дуранийцах, это же самое парализует и действие Персии на Сеистан».

Как мы помним, Н. В. Ханыков неоднократно упоминал своего предшественника по миссии к Дост Мухаммед-хану — Я. Виткевича. Ему, несомненно, представлялась некоторая аналогия в их действиях, вспоминалась трагическая гибель молодого посланца, оказавшегося удачливее в стремлении повидаться с эмиром. Вспомнилось и отречение петербургских дипломатов

от успехов, которых в больших трудах и мытарствах добился Виткевич... Желая, видимо, отвести от себя возможные упреки и недовольство столичных вельмож ссылкой на точное соблюдение полученных указаний, Ханыков завершал письмо знаменательными словами: «...мне остается только желать, чтобы действия мои заслужили одобрение Министерства, по крайнему разумению своему я старался согласоваться с выданными мне инструкциями и откровенно доводил чрез благосклонное Ваше посредство о каждом своем шаге до сведения Министерства, следовательно, если я в чем и погрешил, то совершенно неумышленно»⁶⁰.

7 июня 1859 г. без особых приключений, но «ужасно уставши — и душевно и телесно — от 127-дневного переезда сюда из Херата»⁶¹, Н. В. Ханыков добрался наконец со своими коллегами до Зергенде — загородной резиденции российского посланника и полномочного министра при шахском дворе. Путешественники испытывали огромные трудности из-за нехватки денег. Даже — для возвращения домой. Лишь 19 июля в Зергенде были доставлены необходимые для этого 350 голландских червонцев, которыми производились расчеты. Но еще за месяц до этого, 18 июня 1859 г. Хорасанская экспедиция официально прекратила свое существование как единое целое. Ее члены разъезжались группами. Сначала отправились через Тебриз Бунге, Кейзерлинг и Бинерт, и местное российское консульство оказало им содействие для дальнейшего проезда⁶². Затем Ленц, Ристори и Петров двинулись через Сари в Астрабад, чтобы отсюда отплыть в Астрахань.

Гёбель, чьи «еретические очи», как заметил Ханыков, не могли оторваться от «дымящейся сахарной головы» — Демавенда, выразил желание вернуться вместе со своим бывшим начальником через Азербайджан. Хотя он испытывал сильные приступы лихорадки, покинуть Персию, не поднявшись на Демавенд, Гёбель не мог. В конце июня — начале июля Гёбель осуществил несколько поездок в соседние горы Шемрана, а потом вместе с Жариновым все же совершил восхождение на Демавенд⁶³.

Хорасанская экспедиция завершилась. «...По своему составу, объему и разнообразию своих исследований и обилию собранных научных материалов [она] была одним из успешных и даже блистательных предприятий Географического общества»⁶⁴, — считал один из крупнейших деятелей общества — П. П. Семенов.

24 июля 1859 г. Н. В. Ханыков и А. Ф. Гёбель покинули гостеприимное Зергенде и 30 июля прибыли в Султанийе, где разбил свой летний лагерь Наср эд-дин-шах. 1 августа шах и его министр иностранных дел Мирза Сеид-хан приняли Ханыкова и долго беседовали с ним о поездке по Персии и в Герат. Как заявил Наср ад-дин, британские представители в Тегеране «не раз

придирались» к нему в связи с содействием, оказанным им успешному передвижению по стране Хорасанской экспедиции.

Отправлявшийся в Тебриз шах изъявил пожелание, чтобы Н. В. Ханыков сопровождал его, но путешественник, торопившийся домой, сослался на то, что в этом городе у него много «старых знакомых» и ему придется задержаться там не менее чем на семь-восемь дней, которыми он не располагает, поэтому предпочитает для выигрыша времени попасть на границу через Мераге. Ханыков имел еще несколько встреч с Мирзой Сеид-ханом. Он рассказывал министру о положении в Герате, предостерегал его против недооценки обстановки в Систане — «не только потому, что он составляет, так сказать, житницу, питающую весь южный Хорасан, но и потому, что англичане, распространив свои индийские владения до Келати-Насири», помогут соседям отторгнуть эту область. Путешественник информировал его также о собранных им и его спутниками сведениях по поводу богатств рудных месторождений в районе Кермана и Йезда, советовал, как «обеспечить границу с Белуджистаном от набегов», делился материалами о секте шейхи, о прибытии индийских гебров к огнепоклонникам Йезда и Кермана и предостерегал о возможности наличия среди прибывших британских агентов, направленных с провокационными целями⁶⁵. Словом, Н. В. Ханыков старался возможно шире отблагодарить шахское правительство за оказанное содействие Хорасанской экспедиции, сообщая ему наиболее ценные данные, полученные в результате длительного, тяжелого и напряженного труда.

Наконец, он распростился — навсегда! — с Персией, в которой провел свыше пяти лет, и вернулся в Тифлис. Надо было отчитаться перед местным начальством, повидаться и проститься со старыми друзьями и сослуживцами, после долгих, нелегких скитаний привести себя в порядок перед выездом в столицу. Ханыков не мог, конечно, предполагать, что здесь его ждет случайная встреча с политическим «антагонистом» и научным коллегой, интересным человеком, с которым он раньше был знаком, видимо, лишь по переписке, да и то носившей, по всей вероятности, односторонний характер (напомним о посылке Ханыковым Роулинсону своих наблюдений о Бехистунской надписи).

...В 1859 г. британское правительство лорда Дерби предложило члену Совета по делам Индии Генри Роулинсону, уже прославившему себя публикацией в 1846—1851 гг. исследования о клинописи Бехистуна, пост посла в Тегеране. Предложение было принято, и в августе 1859 г. Роулинсон через Францию, Средиземное море, Турцию, Кутаис и Тифлис отправился к месту назначения, собирая попутно полезные сведения. В столице Кавказского наместничества он был принят А. И. Барятинским. Дневник посла гласит: «Четверг, октября 27. Уехал из Тифлиса после очень приятного времяпрепровождения. Барон Фино,

французский генеральный консул, снабдил меня весьма ценной информацией, и я вел также чрезвычайно интересные беседы с Ханыковым (Роулинсон пишет „с Ханытовым“ — „Khanitoff“.— Авт.), итог которых будет включен мною в донесения правительству»⁶⁶.

О чем толковали между собой эти видные востоковеды и противники на политическом поприще? Рассказать о том могут донесения посла, с которыми — увы! — нам не довелось ознакомиться. Ясно тем не менее, что Роулинсон придавал этим разговорам исключительное значение, иначе незачем было бы ставить о них в известность Лондон!

Можно вообще с большой вероятностью предположить, что встреча с русским ориенталистом произвела на англичанина значительное впечатление: по непонятной причине он приписывает «генералу Ханытову» даже намерение провести «из озера Гокча» (Севан.—Авт.) ирригационный канал «для орошения садов Эривани»⁶⁷.

...Но вот позади уже и Тифлис — город, с которым у Н. В. Ханыкова связаны воспоминания о многообразной и полезной деятельности. Он уезжает в Петербург 21 ноября 1859 г. Ханыков подписал адресованное Азиатскому департаменту «Донесение». Это был краткий отчет о пути следования, предварительный и несколько обобщенный рассказ об «ученых» и «политических результатах» только что завершившейся Хорасанской экспедиции. В этом документе говорилось, что в ходе полугодовой поездки ее участники провели топографическую съемку 350 тыс. кв. верст (или маршрута в 6 тыс. верст длиной и 40—60 верст шириной), сняли планы многих крупнейших городов, определили широту и долготу более 100 пунктов, в 250 провели барометрические наблюдения (что позволило вычислить их высоту и начертить профиль пройденного пространства), а в 50 пунктах произвели магнитные исчисления, собрали до 2 тыс. видов растений, в том числе 150 новых, вели геологические исследования практически там, где никогда не появлялся ни один геолог, собрали богатые энтомологические и зоологические коллекции. Свою деятельность — не как главы экспедиции, а как ученого — Ханыков характеризовал с присущей ему скромностью: «Собственные мои археологические, нумизматические и этнографические исследования, а равно и совокупные наши исследования о торговле, промышленности и естественных богатствах края, по малодоступности дотоле обозрленной части Средней Азии, может быть, не будут лишены некоторого интереса».

Отказ Дост Мухаммед-хана принять представителя России привел к тому, что экспедиция добилась, как писал Ханыков, «немногих политических результатов». В этой части своего донесения он характеризовал общую обстановку в Афганистане, отношения между ним, с одной стороны, Персией и Британской

империей — с другой. Итогами своей миссии в данном плане Н. В. Ханыков считал «подновление наших сношений с авганскими владельцами», установление дружеских связей с правителем Герата, «разъяснение вопроса о принадлежности Сеистана Персии», а кроме того, сбор материалов о ситуации в Хорасане⁶⁸.

Таков был краткий отчет о Хорасанской экспедиции. Его можно назвать «официальным». Потому что в дальнейшем ее руководитель проявил большую активность и настойчивость, чтобы добиться широкого признания заслуг — не своих, в этом плане он был крайне деликатен и сдержан, а других участников экспедиции. Н. В. Ханыков оказался весьма предусмотрительным в стремлении исходатайствовать своим бывшим спутникам материальную поддержку с тем, чтобы они получили возможность довести проделанный труд до логического конца — опубликовать собранные материалы в печати.

Едва успев прибыть в столицу и отчитаться перед Азиатским департаментом, 11/23 декабря 1859 г. Н. В. Ханыков обращается к вице-председателю Русского географического общества Ф. П. Литке с характерным посланием. После возвращения всех членов экспедиции, доставки в Тифлис собранных коллекций и представления Совету Общества «общего обзора достигнутых результатов», — пишет он, — мне кажется, можно признать, что было бы весьма желательно в пользах науки, чтобы результаты эти были скорее обработаны.

Что же мешает этому? Как выясняется, не очень-то прочное материальное положение специалистов, отобранных нашим дипломатом для участия в поездке. «Но так как все три члена, отправленные в Хорасан на счет сумм Географического общества, при всей готовности своей посвятить свободное от служебных занятий (! — *Авт.*) время на пользу науке, люди неимущие, долженствующие поддерживать трудом свои семейства, то было бы желательно, чтобы Общество признало возможным облегчить им несколько средства обработки собранных ими наблюдений выдачей каждому из них единовременно какого-либо денежного вспомоществования».

Н. В. Ханыков понимал, что само Общество не располагает достаточными финансовыми возможностями, а потому считал целесообразным, чтобы его Совет выхлопотал у правительства по 500 руб. Бунге, Гёбелю и Ленцу. Он не забыл и наименее обеспеченного студента Бинерта, обращая внимание Литке на его «значительные научные заслуги» во время путешествия: получив от Географического общества «только всего-навсего 400 руб. сер., он не только усердно помогал г. проф. Бунге при собирании растений, а гр. Кейзерлингу при составлении зоологической коллекции, но сам собрал значительную коллекцию энтомологическую и вполне заслужил, чтобы Общество и ему оказало благосклонное содействие к обработке собранного им

материала, тем более что без г. Бинерта экспедиция не имела бы ни одного энтомолога в своем составе»⁶⁹.

Целеустремленное ходатайство Ханыкова сыграло свою роль. И довольно быстро. Уже 25 декабря 1859 г. министр внутренних дел С. С. Ланской сообщил председателю Географического общества, что для Бунге, Ленца, Гёбеля и Бинерта ассигновано 2 тыс. руб. Но на этом Н. В. Ханыков не успокоился. Он стал добиваться награждения путешествовавших ученых. Вскоре тот же председатель — великий князь Константин Николаевич получает его развернутое письмо, в котором очень эмоционально раскрывается деятельность участников Хорасанской экспедиции. Вот Бунге. Ханыков свидетельствует, что он (как, впрочем, и его коллеги) относился к своим делам отнюдь не формально. «...Во все время нахождения при экспедиции [Бунге] кроме ученых трудов, коим мы обязаны обширным собранием более 2000 видов растений, постоянно и с неутомимой ревностью исполнял должность врача миссии и бесплатно пользовал иногда по 150 человек туземцев в день, что немало содействовало расположению жителей в пользу экспедиции, а во всяком случае, было сопряжено с большими личными лишениями, потому что вместо отдыха после утомительных переходов г. Бунге осматривал и расспрашивал больных, делал небольшие операции и надзирал за изготовлением лекарств».

Такого же одобрения заслуживали труды и других его спутников. «Не менее похвальна была деятельность Гёбеля». Кроме геологических изысканий, «заставлявших его часто предпринимать сторонние поездки, удалявшие его на несколько недель от главного отряда и подвергавшие его большим лишениям и большей опасности, он неоднократно по моему приглашению давал местным жителям и даже персидскому правительству советы и письменные указания о лучших средствах разработки руд, о дешевейших способах приготовления красильных веществ и т. п.».

Ханыков не забыл и Бинерта, ставшего к тому времени помощником управляющего ботаническим садом Дерптского университета. Он подчеркивал, что Бинерт, не получавший «никакого содержания от казны, не только деятельно помогал г. Бунге в его ботанических занятиях и составил обширную энтомологическую коллекцию, но и заведовал все время аптекою экспедиции, приготавливал лекарства, требовавшиеся нередко в больших размерах, помогал г. Бунге при посещении больных и вообще по деятельности своей заслуживает быть справедливо названным одним из полезнейших сотрудников»⁷⁰.

Этот документ, характеризующий Н. В. Ханыкова как чуткого и заботливого руководителя, убедительно свидетельствует в то же время, что Хорасанская экспедиция — это мероприятие серьезного культурного значения, сыгравшее определенную роль в деле лучшего ознакомления друг с другом народов соседних стран — Персии и России.

В разгар своих организационных хлопот, 13 января 1860 г., Ханыков выступил перед членами Географического общества с докладом о проблемах физической географии Хорасана. Остановившись подробно на принципах орографии этой провинции и особенностях топографических съемок, докладчик заявил, что отложил на будущее рассказ об этнографических итогах путешествия⁷¹.

Мы завершаем сюжет «Н. В. Ханыков и Хорасанская экспедиция» в плане общего обзора. В научном отношении о нем еще придется говорить, когда речь пойдет о публикациях трудов востоковеда, основанных на собранных в Персии материалах. Читателя, быть может, интересует судьба Аллаверды, захваченного в плен курьера экспедиции? В начале 1860 г. появились кое-какие сведения о нем. Н. А. Аничков получил в Тегеране посланное 15 февраля того же года из Мешхеда письмо на армянском языке «от Шахназара к Арутюну». Из него следовало, что Аллаверды-гулям, или Мартирос, находится в Мерве. Предпринятая попытка выкрасть его не удалась. В настоящее время ведется спор о цене выкупа Аллаверды. От него привезены «5 книг русских и 4 — персидских и 37 штук пакетов. Эти все — Ханыков-сагаба (т. е. г-на Ханыкова. — Авт.)»⁷².

Таким образом, наиболее важная часть багажа перехваченного в декабре 1858 г. гонца Ханыкова, за которую он особенно опасался, нашлась и не попала в руки британских агентов. Российский посланник в Тегеране Н. А. Аничков переслал корреспонденцию и другие материалы в Азиатский департамент. Чиновник департамента К. К. Злобин сообщил об этом коллеге⁷³.

31 июля 1860 г. Н. В. Ханыков ответил Злобину из Парижа, что он просит распорядиться сжечь доставленный в столицу «запечатанный пакет с частными письмами», ибо «интерес, который могли представлять эти письма в минуту их отправления, давно миновался»⁷⁴.

Из Парижа?! Да, один из крупнейших отечественных востоковедов, талантливый ученый и дипломат, действительный статский советник Николай Владимирович Ханыков в марте 1860 г. покинул свою родину и уехал за границу. Он еще оставался в должности драгомана V класса Азиатского департамента и формально уезжал на время. Но это «время» практически продолжалось свыше 18 лет — до самой его смерти. В Россию он, по существу, не вернулся, посещая ее лишь изредка и на очень короткие сроки.

На деле это была добровольная эмиграция.

ГЛАВА VII

ПАРИЖ, 1860—1878

«Благодаря Вас и наместника кавказского я уже третий месяц спокойно работаю в Париже над обработкою разного учебного хлама, скопившегося у меня в течение двадцатилетней скитальческой жизни по разным диким странам»¹. Так писал Николай Владимирович Ханыков 22 июня 1860 г. директору Азиатского департамента. «Слуга двух господ» — сотрудник министерства иностранных дел, откомандированный в Кавказское наместничество, он выражал признательность А. И. Барятинскому и Е. П. Ковалевскому. Их содействие позволило востоковеду выехать за рубеж для приведения в порядок и глубокого изучения собранных им богатых и разнообразных материалов о различных областях и странах Азии.

25 января 1860 г. наместник сообщил главе дипломатического ведомства, что состоящий в его распоряжении чиновник этого ведомства действительный статский советник Ханыков, «имея надобность по ученым своим разысканиям отправиться за границу», просит разрешить ему подобную поездку, к чему он, Барятинский, не видит препятствий². Судя по состоявшемуся вскоре отъезду ориенталиста, возражений не было и у Горчакова. Но в каком качестве отправился Н. В. Ханыков? Вопрос вовсе не праздный. Речь ведь не шла об обычном выезде какого-нибудь барина или сановника «на воды» либо развлечься в чужеземных краях. И не о крайне редких командировках художника совершенствоваться в мастерстве, скажем, в Италии. «Научных командировок» царская Россия почти не знала. А уж давно для человека, состоявшего на казенной службе и на казенном окладе. Не случайно вскоре всполошился Кавказский комитет, межведомственный орган, руководивший царской администрацией на Кавказе. 19 августа 1860 г. исправлявший должность управделами Комитета Н. Гулькевич попросил Азиатский департамент «в непродолжительном времени» уведомить его, «с какою целью и на каких основаниях командирован за границу» состоявший при наместнике³ Н. В. Ханыков. А когда департамент несколько замешкался с ответом, через четыре дня Гулькевич повторил запрос, подчеркнув: «Эти сведения мне крайне нужны, а потому я всепокорнейше... прошу прислать мне, если можно, нынче. Премного обяжете этим...»⁴.

Полученный ответ, по всей вероятности, несколько озадачил деятелей Кавказского комитета. Он гласил, что Н. В. Ханьков «отправлен в Париж курьером и потому состоит ныне в распоряжении тамошнего посольства нашего»⁵. Действительный статский советник, т. е. гражданский генерал, — и в роли курьера? В мирное время, без не терпящих отлагательства бумаг и острой необходимости? Гулькевич, несомненно, разводил руками от недоумения. И тем не менее это было так. Причем отправился востоковед самым срочным образом. Уже 15 февраля 1860 г., т. е. всего через 20 дней после того, как наместник подписал свое отношение к А. М. Горчакову, Азиатский департамент запросил в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора подорожную до Таурогена для отправляющегося в Париж курьером Н. В. Ханькова⁶. А на следующий день ему было выдано удостоверение о проезде в этом качестве через Берлин, Лейпциг, Готу и Брюссель во французскую столицу⁷.

Но в Россию он уже не вернулся. Приезжал — на месяц-другой раз в пять-шесть лет. И вплоть до марта 1864 г., когда в его юридическом положении произошли изменения (мы об этом будем говорить), пребывал, видимо, в статусе курьера. Приходится признать, что за спешным отбытием, за этим «статусом» что-то скрывалось. Что? Документы молчат...

Н. В. Ханькову был разрешен выезд в Германию, Англию и Францию. В качестве постоянной резиденции он выбрал Париж. Это не было случайным. Французская ориенталистика в те годы занимала важные рубежи в мировой науке, что определялось общим социально-экономическим и внешнеполитическим положением государства. Быстрое развитие капиталистических отношений во Франции после революции 1789—1794 гг. еще более стимулировало активную колониальную политику, которую вела эта страна уже начиная с XVI в. Кроме американских колоний к рассматриваемому времени Франция обладала множеством островов в Индийском океане, опорными пунктами в Индии, владениями в Сенегале, Гвинее и других африканских землях, развернула широкие военные действия в Алжире, навязывала неравноправные договоры Китаю, подготавливала захват Индокитая. Азия и Африка привлекали пристальное внимание французских правящих кругов.

Дальнейшее развитие капиталистического производства в обстановке завершавшегося во второй половине XIX в. промышленного переворота придавало особое значение заморским владениям. Если раньше они были преимущественно объектами обычного колониального грабежа и источниками пряностей и прочих специфических товаров, то к указанному времени занимают все большее место в качестве поставщиков сырья для французских фабрик и заводов, а затем и рынков сбыта промышленных изделий метрополии.

Широкая колониальная политика вызывала острую необхо-

димость теоретического и практического изучения стран и народов Востока, их языков, нравов и обычаев, экономических ресурсов, прошлого и настоящего, а также подготовки многочисленных кадров всевозможных администраторов, чиновников, специалистов. Текущие практические задачи сочетались с проблемами научного исследования азиатских и африканских земель. В связи с этим Франция наряду с Англией занимала ведущее место в области ориенталистики. Во многих важных учреждениях и учебных заведениях немало внимания уделялось востоковедению. Среди них можно упомянуть Национальную школу живых восточных языков, созданную в Париже в 1796 г., основанное там же в 1822 г. Азиатское общество. Отнюдь не случайное Парижское географическое общество, открытое в 1821 г., было первой в мире организацией подобного рода; в нем проблемы Востока являлись одной из ведущих тем. В Сорбонне и других университетах преподавались языки народов Азии и Африки, читались курсы по их истории, географии и т. п. Короче говоря, Париж был важным центром мировой ориенталистики, а его научные учреждения и специалисты славились богатыми традициями в этой области.

Н. В. Ханьков поселился в меблированных комнатах на ул. Ришелье, 46. Выбор места жительства удачен: в двух шагах — знаменитая Национальная библиотека с ее почти неисчерпаемыми фондами книг и рукописей, связанных с Востоком.

Разумеется, не порываются связи и с Петербургом. Помимо обращения в столицу за разрешением различных формальных вопросов он зависит от нее и материально. По ходатайству секретаря Кавказского комитета В. П. Буткова царь разрешил Ханькову остаться за границей до февраля 1862 г. «с отпуском... 1000 червонцев» в год. Это разрешение, радостно сообщает Ханьков Ковалевскому 31 августа 1860 г., «дает мне надежду действительно разработать большую часть привезенного сюда ученого материала, может быть, и хлама, но я как отец не могу так отзывать о детище». Как видим, снова повторяя уже высказанный однажды благожелательно расположенному к нему директору Азиатского департамента иронический термин «хлам», он уже становится на защиту плодов своих многолетних изысканий.

Мысленно Н. В. Ханьков все еще на родине. Приступая в столице Франции к реализации давних и насыщенных научных планов, он тем не менее напоминает Ковалевскому, что дозволение остаться временно за рубежом «нисколько, я надеюсь, не изменит благосклонного Вашего обещания вспомнить обо мне, если бы нашлось какое-нибудь дело, на которое я был бы годен»⁸. Но такого дела «не находилось». И постепенно Ханьков отвыкал от царской России. Тому немало способствовали многие личные обстоятельства. Семей на родине он не обзавелся (как не сделал этого, впрочем, и за границей). К этому време-

ни уже погиб на каторге младший брат — Александр. В конце 50-х годов обострилась душевная болезнь, которой страдал старший брат — Яков; 25 января 1862 г. его не стало. Через год умер отец. С помещицей-матерью он никогда не был особенно близок. Постепенно слабели, а то и рвались отдельные нити, связывавшие его с Россией в личном плане. В общественном — тоже. Зато развивались и ширились его знакомства в ученом мире Запада, которому он ранее был известен лишь по своим исследованиям.

11 мая 1860 г. на заседании крупнейшего в Европе, да и, вероятно, во всем мире, специализированного востоковедческого учреждения — парижского Азиатского общества — было объявлено о принятии Н. В. Ханькова в его члены⁹. Николай Владимирович пришел к французским коллегам не «с пустыми руками». В том же томе органа Общества «Журналь Азиатик», в котором было оповещено о принятии в члены русского ориенталиста, был напечатан составленный им «Археологический план окрестностей Герата». К нему прилагались обширные разъяснения в «ханьковской» форме «письма» к президенту Азиатского общества Ж.-Т. Рейно (1795—1867)¹⁰.

Как мы уже писали, Ханьков, разумеется, не тратил попусту время в Герате, ожидая ответа Дост Мухаммед-хана. Его разыскания, посвященные прежде всего памятникам эпохи Тимуридов, нашли отражение в этой публикации. В ней говорится об исторических древностях Герата, уточняются многие даты, всевозможные надписи, хронограммы, приводится топографический план города.

В. А. Крачковская правомерно отмечает существенное значение этой небольшой, но важной работы, по непонятной причине не учитывавшейся многими специалистами, в том числе авторитетными. Она пишет: «Ханьков подчеркивал неясности и расхождения в источниках относительно дат рождения и смерти некоторых Тимуридов, а так как даты, прочтенные им на надгробьях, по его предположению, современны кончине усопших, то он полагал, что им следует отдать предпочтение... К сожалению, — продолжает В. А. Крачковская, — открытие Ханькова оказалось вскоре забыто, и в данном случае грешили почти одинаково западные и русские ориенталисты XIX и XX вв. Это выясняется из сопоставления сведений о памятниках Херата у Ст. Лэн-Пуля, Лонгворса Дэмса, Е. Цамбаура, Роберта Байрона и А. М. Беленицкого»¹¹.

Параллельно с письмом-исследованием, адресованным Ж.-Т. Рейно, в еженедельных сообщениях Французской Академии наук Н. В. Ханьков публикует подготовленную им новую карту Хорасана, Систана, центральной части Персии и Афганистана, сопровождая ее небольшой объяснительной запиской¹². Представленный труд имел особую ценность, ибо был осуществлен специалистом, который только что вернулся из длитель-

ных странствий по этим далеким и крайне слабо знакомым европейской науке краям.

«Кто обжился на Западе, тому хорошо»¹³, — писал Н. В. Ханькову его давний приятель Ю. А. Гагемейстер, дослужившийся до весьма ответственных постов в министерстве финансов. Ханьков «обжился на Западе». Он подружился или познакомился со многими русскими — либо эмигрантами, либо в силу обстоятельств проводившими в Европе большую часть жизни. Как правило, это были люди демократических или буржуазно-либеральных взглядов. Среди них можно назвать декабриста Н. И. Тургенева, И. С. Тургенева, с которым особенно сближился Н. В. Ханьков, А. И. Герцена и др. Постепенно его перестало тянуть домой. Он отказался от возвращения и тогда, когда от этого в какой-то мере могло зависеть избрание его в академики. Ханьков стал представителем русской науки, культуры и просвещения за пределами Российской империи и даже некоторое время занимал соответствующую этой роли официальную должность — агента министерства народного просвещения за границей.

На первых порах важнейшей задачей являлась для него обработка и подготовка к печати материалов, собранных во время Хорасанской экспедиции. По начальному замыслу результаты исследований всех ее членов должны были составить один или несколько томов одного издания: экспедиция ведь была комплексной. Однако уже необходимость, вынудившая руководителя экспедиции распустить свою группу из-за недостатка денег не в Петербурге, а на персидской земле, являлась плохим симптомом. Русское географическое общество не располагало финансовыми возможностями, чтобы довести до конца блестяще проведенную научную поездку. С грустью и горечью констатировал патриарх отечественных географов П. П. Семенов-Тянь-Шанский, что Совету Общества «за совершенным недостатком денежных средств не удалось ни осуществить полную систематическую разработку собранных экспедицией драгоценных материалов, ни сосредоточить обнародование результатов экспедиции в одном изданном Обществом сочинении»¹⁴.

Подобная ситуация огорчила, но не обескуражила Н. В. Ханькова. Он тщательно систематизирует полученные им данные о Хорасане, сверяет, сопоставляет со сведениями, имеющимися в мировой литературе. Периодически в научных изданиях различных стран появляются отрывки из подготавливаемой фундаментальной работы, посвященные археологическим, историческим, географическим, этнографическим, лингвистическим сюжетам. Так, в 1860 г. «Журнал министерства народного просвещения» публикует заметку Ханькова «Физическая география Хорасана»¹⁵, немецкий журнал по всеобщему земледелию — его наблюдения над хорасанской топонимикой¹⁶, а издающийся в Париже «Журналь Азиатик» извещает об отправке Ханьковым

французскому ориенталисту Ж.-Т. Рейно археологического плана Герата¹⁷.

В 1861 г. широко известный всем географам земного шара «Тур дю Монд» печатает довольно большую статью Н. В. Ханькова о священном городе персов — Мешхеде, — вышедшую в Париже в том же году отдельным выпуском¹⁸, а Кавказский отдел Русского географического общества — «Записку по поводу исследования кавказских наречий иранского корня»¹⁹.

Н. В. Ханьков совершает поездку в Египет, поднимаясь вверх по Нилу, результативно сотрудничает с французскими учеными, прежде всего с востоковедами и географами. Он — активный член парижских обществ — Азиатского и Географического. Важной стороной его деятельности становится ознакомление иностранных специалистов с достижениями российской науки. Так, в 1862 г. он пересылает редакции «Журналь Азиатик» свою обстоятельную статью о путешествии Б. А. Дорна по Кавказу и Закавказью²⁰. Отметим, что поездка Дорна была совершена по инициативе Н. В. Ханькова. Ведь именно по его предложению Кавказский отдел Географического общества 15 марта 1858 г. принял решение ходатайствовать перед Академией наук об организации такой экспедиции. Это решение наместник князь Барятинский в мае 1858 г. передал Академии²¹, и после долгих сборов, в августе 1860 г. академик Дорн двинулся в путь. В сопровождении Мельгунова и Спасского-Автономова он более десяти месяцев объезжал Дагестан и Азербайджан, а также персидские провинции Гилян, Мазендеран и Южный Азербайджан. Он побывал в Тифлисе, Баку, Шемахе, Шеки, Гяндже (ныне Кировабад), Ленкорани, Энзели (ныне Пехлеви), во многих селениях Гиляна и Мазендерана, знакомясь с историческими памятниками и надписями, собирал материалы для словарей и грамматических исследований по языкам талышей и татов, мазендеранскому и гилянскому диалектам персидского языка, по истории ширваншахов. Н. В. Ханьков знакомит французского читателя с этой важной научной экспедицией, особо останавливаясь на посещении Дорном кубачинцев, на его эпиграфических наблюдениях и т. п. Но его статья вовсе не простая информация. Он привлекает всевозможные дополнительные материалы о прошлом и настоящем народов Кавказа, в частности собранные академиком Х. Д. Френом, сопоставляет выводы и данные Дорна со своими, накопленными в период странствий по этим же районам на пути к Герату, иными словами, публикует небольшое исследование.

К этому времени научная репутация востоковеда вышла далеко за национальные рубежи. Он уже не только член-корреспондент отечественной Академии наук, член Русского географического общества и Русского археологического общества, Одесского общества истории и древностей. Он избран в состав Азиатских обществ Франции, Германии, Соединенных Штатов,

Парижского географического общества. В последнем из упомянутых учреждений он пользуется особым авторитетом. В 1862 г. на средства Общества в Париже издается одна из наиболее крупных работ Н. В. Ханькова — «Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale» («Записка о южной части Центральной Азии») ²². Это был своего рода отчет начальника Хорасанской экспедиции, отражавший преимущественно ее исторические и географические результаты. С присущей ему обстоятельностью, тщательностью и скрупулезностью автор рассматривает вначале историю исследования Хорасана «с самых незапамятных времен»²³. Перед читателем проходит вереница путешественников и ученых — арабов, англичан, русских, французов, немцев и др., которые пересекали местные равнины, возвышенности и реки и осмысливали в научных построениях имевшиеся сведения. И снова Н. В. Ханьков не ограничивается пересказом различных публикаций, в том числе обнаруженных им в крайне редких изданиях. Он рассматривает их вполне критически — уточняя, дополняя, а то и полностью опровергая. При этом поражает обилие использованных материалов, убедительно свидетельствующее как о широчайшем кругозоре и эрудиции ориенталиста, так и о том, что он энергично использовал богатые возможности Национальной библиотеки.

К примеру, Ханькову удалось выявить значительно больший вклад французских специалистов, чем это представлялось ранее. Он сообщал Е. П. Ковалевскому в Петербург, что воспользовался полученной возможностью, чтобы во вводной части книги высказать свое «искреннее мнение» о заслугах англичан, странствовавших по Персии. «Они, без сомнения, заслужили в некоторой степени признательность образованных людей, — отмечал Н. В. Ханьков, — но немецкие ученые слишком высоко уже подняли их участие в разъяснении темных сторон наших познаний Азиатского материка. Французские труды по этой части, весьма существенные и весьма замечательные, остались совершенно в тени»²⁴.

Анализ опубликованных работ привел его к выводам, что французские путешественники ознакомили Европу с западными и северными границами этой части Азии и ее внутренним устройством, английские — с восточными и южными пограничными областями и двумя маршрутами через Хорасан, а русский офицер — топограф и астроном Б. Ф. Лемм «первым создал необходимую базу для составления наших карт Восточной Персии». Однако еще очень многое по географии, этнографии и в области общественного устройства Хорасана не было известно. «...Мы почти ничего не знали о природе террас, служащих основой горных цепей; о направлении и структуре горных хребтов страны; о ее гидрографии; о характере растительного и животного мира; о законах распределения тепла и о явлениях магнетизма на этой обширной поверхности; нам не хватало сведений

по этнографии — словом, отсутствовали почти все элементы, на основании которых можно было бы составить научную характеристику страны, а то немногое, что было в нашем распоряжении, не могло явиться серьезной основой в этом плане»²⁵. Так Ханыков обосновывал целесообразность отправки в Восточную Персию комплексной экспедиции.

Далее он рассказывал об организации и общем ходе путешествия, городах и селениях, через которые пролегал путь русских ученых, останавливаясь более или менее подробно на быте и нравах населения, интересных моментах их прошлого и настоящего, любопытных зданиях и сооружениях, имеющих на них надписях и т. п. С особым вниманием относится ориенталист ко всяким историческим и культурным памятникам, встречающимся на его пути; в частности, он сравнительно детально описывает рукописные богатства библиотеки мечети имама Резы в Мешхеде. Яркий и легкий стиль изложения, эмоциональная окраска придавали рассказу о поездке научной экспедиции черты увлекательного художественного произведения, образно характеризовавшего пройденную местность и ее обитателей. Вот какой, например, предстает перед нами пустыня Деште-Лут пером Н. В. Ханыкова: «Я опередил караван и сел у подошвы одного из песчаных возвышений. Никогда не смогу передать состояния тоски и подавленности, овладевшего мною при виде окружающей мрачной пустыни. Хотя разорванные облака несколько умеряли действие солнечных лучей, все же было жарко и тяжело; рассеянный солнечный свет с удручающим однообразием освещал сильно раскаленную сероватую поверхность пустыни. На всем беспредельном пространстве почти не видно было ни малейшего признака какой-либо иной окраски, на которой мог бы остановиться взор. Абсолютная неподвижность всех толчек этого мертвого пейзажа при полном отсутствии звуков производила самое удручающее впечатление. Казалось, находишься в части земного шара, обреченной на вечное бесплодие, где органическая жизнь может возникнуть снова только вследствие какого-то чрезвычайного потрясения, и невольно становишься свидетелем начала агонии нашей планеты»²⁶.

Впечатляющая картина, не правда ли? Таких можно немало найти на страницах книги с прозаическим названием «Записка о южной части Центральной Азии». Автор подчеркивал в заключение, что изложил в ней основные географические итоги Хорасанской экспедиции, тогда как вторая часть работы будет посвящена этнографическим проблемам этой местности, которую, по его мнению, «в некотором роде можно считать „колыбелью“ иранской расы»²⁷.

Труд Н. В. Ханыкова встретил очень теплый прием в научном мире. Еще до его выхода из печати, ознакомившись с ним в рукописи, члены Парижского географического общества 23 марта 1861 г. по докладу признанного главы французской географи-

ческой школы Луи Вивьен де Сен-Мартена на общем собрании присудили Н. В. Ханыкову Большую золотую медаль. До того за четверть века со времени учреждения этой награды (1837 г.) она выдавалась лишь шесть раз. Вивьен де Сен-Мартен подчеркивал, что Ханыков широко известен среди ученых важными исследованиями по топографии и этнографии Туркестана, по религии народов Кавказа и более, чем кто-либо, в состоянии заполнить пробелы в познаниях современников о географии Северной и Центральной Персии²⁸.

Парижское, Лондонское и Берлинское географические общества откликнулись на публикацию отчета о Хорасанской экспедиции избранием Ханыкова своим почетным членом. Отозвались на него, понятно, и в России. Небольшую заметку напечатал официальный орган военного министерства газета «Русский инвалид», которую лично курировал глава этого ведомства Д. А. Милютин. Рецензент А. Бекетов подчеркивал, что автор книги — «известный ученый и путешественник наш Н. В. Ханыков» и его труд «имеет для нас двойной интерес, потому что привлекательность предмета еще усиливается мастерским изложением такого многостороннего и основательного ученого, как руководитель Хорасанской экспедиции». В заметке указывалось, что Ханыков «весьма мало говорит о личных приключениях членов экспедиции, но останавливается на топографии, на физических особенностях страны и особенно на описании городов и их древностей. При этом сообщает он ученые и полные интереса исторические сведения, старается определить значение и эпоху описываемых памятников и заключает свое сочинение обзором физических условий страны... Содержание мемуара г. Ханыкова так полно любопытных фактов, — завершал свой краткий обзор А. Бекетов, — оно изложено так привлекательно, что читается скоро и с большим удовольствием». Можно было бы привести много цитат из него, но «пусть сам читатель доставит себе чтением книги г. Ханыкова такое же серьезное наслаждение, какое доставила она нам»²⁹.

Более обстоятельную, многостраничную рецензию посвятил вышедшей работе «Журнал министерства народного просвещения»³⁰. Собственно, то была не рецензия в подлинном смысле слова. Анонимный автор пересказывал книгу, цитировал ее, стараясь дать читателям относительно полное представление о ней. По существу, оценке труда посвящен лишь последний абзац. Но зато он очень показателен. Рецензент отмечает «истинное наслаждение», с которым он прочитал книгу Н. В. Ханыкова, «ясность и увлекательность», с какой излагаются плоды научных исследований. «Раз принявшись за чтение его книги, — пишет он, — почти невозможно оставить ее, не дочитавши до конца». Однако к этому наслаждению примешана «капля горечи»... Она вызвана необходимостью знакомиться с достижениями отечественного ученого «из французской книги». «Неужели мы все-

гда должны будем искать в иностранных книгах и журналах результатов путешествий, совершенных русскими путешественниками?» — вопрошал рецензент. Он находил вполне естественным издание работы на французском языке, ибо считал, что такие публикации должны быть известны за рубежом, но недоумевал, почему она раньше «или по крайней мере одновременно» не появилась на русском языке, тем более что в России значительно расширился круг читателей серьезных книг, и издатели могли не опасаться убытков. И он напоминал, «какой успех имели в нашей публике „Путешествие в Китай“ Е. П. Ковалевского и „Фрегат Паллада“ Гончарова», чтобы доказать, «что и у нас теперь дельно написанное сочинение находит много читателей».

Проведя это лестное сравнение научной «Записки о южной части Центральной Азии» с произведением И. А. Гончарова, рецензент выражал надежду, «что сам автор или наше Географическое общество, принимавшее столь деятельное участие в снаряжении Хорасанской экспедиции, в скором времени обогатят нашу литературу русским изданием прекрасного путешествия г. Ханькова»³¹.

Исследования Н. В. Ханькова и его коллег в Хорасане и соседних провинциях Персии получили самую высокую оценку и у зарубежных специалистов. В 1870—1872 гг. многочисленная английская военно-политическая группа во главе с генерал-майором Ф. Д. Гольдсмитом находилась в Систане и Мекране, чтобы под предлогом установления границ между Персией, Афганистаном и английскими владениями в Индии расширить и укрепить влияние Великобритании на Среднем Востоке. Один из участников поездки, военный топограф майор Оливер Б. Сент-Джон, констатировал: «Путешествия Ханькова произвели переворот в господствовавших до него представлениях относительно орографии Восточной Персии... На западе (от Систана.— Авт.) мы нашли и нанесли на карту большой ханьковский центральный хребет к западу от Йезда вплоть до широты 27°30' на юг...»³².

К сожалению, высказанная в «Журнале министерства народного просвещения» надежда на быстрый перевод книги Ханькова на русский язык не оправдалась. Ни он сам, ни Русское географическое общество не располагали необходимыми материальными ресурсами. К тому же у автора складывались не совсем дружественные отношения с Обществом. Он испытывал — и не без оснований — чувство обиды из-за того, что его со спутниками едва не оставили без средств в конце путешествия и, во всяком случае, не обеспечили необходимыми денежными суммами для комплексного издания собранных экспедицией материалов. Но Ханьков был выдержанным и корректным человеком. Он не проявлял этих чувств, и о них можно судить преимущественно по косвенным признакам. Сам же ученый был

неизменно вежлив в общении с петербургскими корреспондентами даже тогда, когда их письма задевали его. Об этом, скажем, свидетельствует обмен посланиями между ним и вице-председателем Русского географического общества Ф. П. Литке в 1863 г.

Ф. П. Литке, не проявив в данном случае приличествующей деликатности, информировал Н. В. Ханькова, что ревизионная комиссия, рассмотревшая отчет о действиях Географического общества в 1862 г., «выразила сожаление, что до сих пор Общество не имеет никаких сведений о результатах Хорасанской экспедиции... и труды этой экспедиции, столь любопытные для общественной науки, не изданы». Вице-председатель заявлял, что ждет «уведомлений» Ханькова по этому поводу³³. Согласитесь, подобное утверждение никак нельзя было воспринять иначе, чем попытку переложить вину с большой головы на здоровую, что вполне могло вызвать недовольство, а то и возмущение адресата. Тем не менее ответ востоковеда был преисполнен достоинства. Ханьков напоминал, что, «приняв на себя лестное предложение руководить Хорасанской экспедицией» и определить ее состав, он «не принимал на себя никакой ответственности за опубликование результатов, достигнутых членами оной. Во время самой экспедиции я и спутники мои доводили до сведения Общества... о ходе своих работ, затем уже зависело не от нас распоряжение средствами, необходимыми для обнародования собранных нами материалов. Таким образом, я надеюсь, что Совет (Общества.— Авт.) позволит мне отстранить в моем ответе труды моих спутников, о коих я со времени отъезда моего из Петербурга знаю весьма мало, и ограничиться сообщением того, что собственно сделано мною».

Далее Н. В. Ханьков, отмечал, что полученная инструкция возлагала на него руководство топографическими съемками, археологические и этнографические изыскания. Съемка была осуществлена, а результаты исторических исследований изложены в книге «Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale», вышедшей в 1862 г. в Париже. И только тут он не удержался от легкого упрека в адрес руководителей российских географов, подчеркнув, что этот труд был напечатан в Париже «на иждивение здешнего Географического общества, благосклонно возвысившегося на эту издержку, и отчасти в „Журнале Парижского Азиатского общества“». Он добавлял, что «поднес» Ф. П. Литке и некоторым другим членам Общества работы о хорасанском путешествии и обещал переслать библиотеке РГО все опубликованное им о Хорасане. Что касается этнографических сюжетов, связанных с поездкой по Персии, то, сообщалось в письме, ученый работает над ними и готовит к публикации соответствующие материалы, которые явятся второй частью уже изданной книги. Ханьков излагал подробную программу этого сочинения и не без некоторой иронии выражал признательность

гда должны будем искать в иностранных книгах и журналах результатов путешествий, совершенных русскими путешественниками?» — вопрошал рецензент. Он находил вполне естественным издание работы на французском языке, ибо считал, что такие публикации должны быть известны за рубежом, но недоумевал, почему она раньше «или по крайней мере одновременно» не появилась на русском языке, тем более что в России значительно расширился круг читателей серьезных книг, и издатели могли не опасаться убытков. И он напоминал, «какой успех имели в нашей публике „Путешествие в Китай“ Е. П. Ковалевского и „Фрегат Паллада“ Гончарова», чтобы доказать, «что и у нас теперь дельно написанное сочинение находит много читателей».

Проведя это лестное сравнение научной «Записки о южной части Центральной Азии» с произведением И. А. Гончарова, рецензент выражал надежду, «что сам автор или наше Географическое общество, принимавшее столь деятельное участие в снаряжении Хорасанской экспедиции, в скором времени обогатят нашу литературу русским изданием прекрасного путешествия г. Ханыкова»³¹.

Исследования Н. В. Ханыкова и его коллег в Хорасане и соседних провинциях Персии получили самую высокую оценку и у зарубежных специалистов. В 1870—1872 гг. многочисленная английская военно-политическая группа во главе с генерал-майором Ф. Д. Гольдсмитом находилась в Систане и Мекране, чтобы под предлогом установления границ между Персией, Афганистаном и английскими владениями в Индии расширить и укрепить влияние Великобритании на Среднем Востоке. Один из участников поездки, военный топограф майор Оливер Б. Сент-Джон, констатировал: «Путешествия Ханыкова произвели переворот в господствовавших до него представлениях относительно орографии Восточной Персии... На западе (от Систана.— Авт.) мы нашли и нанесли на карту большой ханыковский центральный хребет к западу от Йезда вплоть до широты 27°30' на юг...»³².

К сожалению, высказанная в «Журнале министерства народного просвещения» надежда на быстрый перевод книги Ханыкова на русский язык не оправдалась. Ни он сам, ни Русское географическое общество не располагали необходимыми материальными ресурсами. К тому же у автора складывались не совсем дружественные отношения с Обществом. Он испытывал — и не без оснований — чувство обиды из-за того, что его со спутниками едва не оставили без средств в конце путешествия и, во всяком случае, не обеспечили необходимыми денежными суммами для комплексного издания собранных экспедицией материалов. Но Ханыков был выдержанным и корректным человеком. Он не проявлял этих чувств, и о них можно судить преимущественно по косвенным признакам. Сам же ученый был

неизменно вежлив в общении с петербургскими корреспондентами даже тогда, когда их письма задевали его. Об этом, скажем, свидетельствует обмен посланиями между ним и вице-председателем Русского географического общества Ф. П. Литке в 1863 г.

Ф. П. Литке, не проявив в данном случае приличествующей деликатности, информировал Н. В. Ханыкова, что ревизионная комиссия, рассмотревшая отчет о действиях Географического общества в 1862 г., «выразила сожаление, что до сих пор Общество не имеет никаких сведений о результатах Хорасанской экспедиции... и труды этой экспедиции, столь любопытные для общественной науки, не изданы». Вице-председатель заявлял, что ждет «уведомлений» Ханыкова по этому поводу³³. Согласитесь, подобное утверждение никак нельзя было воспринять иначе, чем попытки переложить вину с больной головы на здоровую, что вполне могло вызвать недовольство, а то и возмущение адресата. Тем не менее ответ востоковеда был преисполнен достоинства. Ханыков напоминал, что, «приняв на себя лестное предложение руководить Хорасанской экспедицией» и определить ее состав, он «не принимал на себя никакой ответственности за опубликование результатов, достигнутых членами оной. Во время самой экспедиции я и спутники мои доводили до сведения Общества... о ходе своих работ, затем уже зависело не от нас распоряжение средствами, необходимыми для обнародования собранных нами материалов. Таким образом, я надеюсь, что Совет (Общества.— Авт.) позволит мне отстранить в моем ответе труды моих спутников, о коих я со времени отъезда моего из Петербурга знаю весьма мало, и ограничиться сообщением того, что собственно сделано мною».

Далее Н. В. Ханыков, отмечал, что полученная инструкция возлагала на него руководство топографическими съемками, археологические и этнографические изыскания. Съемка была осуществлена, а результаты исторических исследований изложены в книге «Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale», вышедшей в 1862 г. в Париже. И только тут он не удержался от легкого упрека в адрес руководителей российских географов, подчеркнув, что этот труд был напечатан в Париже «на иждивение здешнего Географического общества, благосклонно возвысившегося на эту издержку, и отчасти в „Журнале Парижского Азиатского общества“». Он добавлял, что «поднес» Ф. П. Литке и некоторым другим членам Общества работы о хорасанском путешествии и обещал переслать библиотеке РГО все опубликованное им о Хорасане. Что касается этнографических сюжетов, связанных с поездкой по Персии, то, сообщалось в письме, ученый работает над ними и готовит к публикации соответствующие материалы, которые явятся второй частью уже изданной книги. Ханыков излагал подробную программу этого сочинения и не без некоторой иронии выражал признательность

Совету и ревизионной комиссии Русского географического общества «за обязательное любопытство... к моим занятиям»³⁴.

Кто же был прав в этом споре? Быть может, и сам руководитель Хорасанской экспедиции не учел каких-то обстоятельств, которые могли бы способствовать изданию трудов всех ее участников? Наиболее авторитетный ответ на эти вопросы дал П. П. Семенов (сменивший Ф. П. Литке в 1873 г. на его ответственном посту) в цитированном выше признании, что Совет Русского географического общества «за совершенным недостатком денежных средств» не смог обеспечить ни обработку материалов экспедиции, ни их издание. Именно в этом лежали причины, сорвавшие публикацию исследований «хорасанцев». «Отсюда и произошло то,—продолжал П. П. Семенов,—что Н. В. Ханьков, получивший по окончании своей экспедиции место русского агента министерства народного просвещения в Париже, по обработке чисто географических и отчасти этнографическо-исторических результатов экспедиции, обнародовал их в Париже на французском языке, на счет Парижского географического общества... Остальные члены экспедиции обнародовали результаты постепенно и медленно обрабатываемых ими материалов в различных специальных изданиях. Ревизионные комиссии не раз выражали свои сожаления по этому предмету, но Совет Общества, раз выпустив все дело из своих рук, по неимению и неприисканию своевременной средств на разработку и издание результатов Хорасанской экспедиции, уже решительно был в невозможности поправить дело»³⁵.

Думается, что к этому исчерпывающему утверждению добавить нечего. Можно лишь представить досаду Н. В. Ханькова, от которого требовали разъяснений именно те лица, которым лучше всего были известны все обстоятельства дела. Правда, есть косвенное свидетельство того, что руководство Географического общества уже в те годы ощущало полную правоту востоковеда и чувствовало свою вину перед ним. В очередном выпуске «Записок» Общества было напечатано «извлечение» из его парижского письма Литке³⁶. В нем нашло отражение почти все содержание послания, включая довольно подробную программу подготавливавшегося ученым к печати этнографического исследования. Было исключено лишь то, из-за чего возникла переписка: объяснение Ханьковым причин, по которым блистательно проведенная научная экспедиция не смогла поведать миру о результатах своих длительных, напряженных и нелегких трудов.

Что означает, однако, упоминание П. П. Семенова о «месте русского агента министерства народного просвещения в Париже», полученном Н. В. Ханьковым после возвращения из Хорасана? Маститый ученый допустил определенную неточность. Как мы видели, Ханьков получил разрешение выехать за границу для обработки собранных материалов, и отнюдь не шла речь о каком-либо официальном назначении. В феврале 1862 г.

(по другим, видимо, более точным данным, в ноябре) Ханькову надлежало вернуться домой.

Между тем сроки истекали, а до завершения всей работы было еще далеко, тем более что в понимании Н. В. Ханькова это означало полное использование абсолютно всех доступных источников и доведение труда до самого высокого уровня. Он успел подготовить к печати лишь географическое описание экспедиции и решил воспользоваться старыми связями, чтобы получить возможность продолжать исследования. А может, не так уж и хотелось возвращаться в самодержавную Россию?

...В коллекции писем, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, имеется любопытный документ Н. В. Ханькова: его послание от 11/23 августа 1861 г. из Парижа какому-то «неустановленному лицу» на родину. Автор благодарит некое «превосходительство» за «обязательное... внимание» к своей судьбе «и доброжелательную... заботливость о моем будущем положении», а затем излагает появившиеся у него «соображения». Ханьков напоминает, что в Париже «издавна находится агент военного ведомства», который информирует русское правительство о различных преобразованиях в армии, что существовал упраздненный затем пост агента министерства финансов, что при С. С. Уварове там находился назначенный корреспондентом министерства народного просвещения Я. Н. Толстой³⁷. Развитие событий во Франции изучает, разумеется, и посольство, но при обширности политических обязанностей ему нелегко уследить за всем происходящим, «тем более что при напряженном внимании, обращаемом теперешним императором французов на развитие гражданской части, изменения, происходящие в ней, так значительны и важны, что для полного обзора их потребна деятельность, исключительно посвященная этому предмету». Далее следовало утверждение, которое позволит впоследствии выдвинуть предположение об адресате послания: «У нас, в настоящее царствование, сколько мне кажется, пришли наконец к убеждению, что гражданское и военное ведомства не только не суть две государственные силы, требующие неизбежно подчинения одна другой, но что обе они составляют два правительственных органа, желающих стремиться равносильно к одной и той же цели, а именно к упрочению могущества правительства и к достижению чрез то славы и блага России». И Н. В. Ханьков предлагал, чтобы в Париже находился прикомандированный к посольству «официально признанный корреспондент по гражданскому ведомству» для оперативного осведомления Петербурга о различных нововведениях в области общественного управления, которые «могут интересовать высшее правительство». Он добавлял, что «с величайшею охотой» принял бы на себя обязанности такого корреспондента, заранее отвергая довод об отсутствии во Франции подсобных представителей западных держав: «...по-

литическое чутье у западных европейцев развито более, чем у нас, там всякий путешественник — более или менее подобный корреспондент, тогда как у нас и журнальные корреспонденты — люди, никуда не вхожие и занимающиеся исключительно выписками из журналов». Весьма показательная констатация, свидетельствующая, что Ханыков питал определенное доверие к своему корреспонденту.

В заключение он заявил, что высказанная мысль «давно бродила в моей голове и какова бы ни была судьба ее, я рад высказать ее перед Вами пред первым и, конечно, пред последним, если Вы ее не одобрите». К письму была приложена справка, написанная не рукой Н. В. Ханыкова, о его работах, завершенных в 1861 г. Мы находим здесь «карту Азербейджана, печатаемую в Берлине», «Записку о южной части Центральной Азии», издающуюся Парижским географическим обществом, «Мемуар о закавказских арабских надписях», представленный Парижскому Азиатскому обществу, описание Мешхеда, которое должно было появиться на страницах «Тур дю Монд», а также «продолжающиеся работы» — над этнографией Персии и о творчестве ширванского поэта XII в. Хакани. Ханыков предлагал свои услуги в качестве комиссара при образцах закавказской промышленности, если бы царские власти решили отправить их на Лондонскую выставку в мае 1862 г.³⁸

К кому обращался востоковед? Утверждение о тождестве интересов военного и гражданского ведомств в укреплении могущества, «славы и блага России» приводит к догадке, что адресатом был Д. А. Милютин, с которым Н. В. Ханыков вполне мог сблизиться во время совместной службы на Кавказе (об их симпатиях друг к другу свидетельствует имеющаяся переписка). 16 мая 1861 г. Милютин был назначен военным министром, и его старый знакомый, безусловно, мог предположить, что, заняв ответственный государственный пост, он не будет ограничиваться ведомственными рамками, а подойдет к вопросу шире и поддержит выдвинутую идею, несмотря на ее «гражданский» характер.

Возможно, однако, что корреспонденция была направлена А. В. Головнину, с которым Ханыкова связывали годы учебы в Лицее, а затем и сотрудничество в Географическом обществе. Они часто обменивались письмами, и в изданиях этого Общества материалы Н. В. Ханыкова появлялись порой с подзаголовком «Извлечение из письма к А. В. Головнину». С 1850 г. Головнин был секретарем великого князя Константина Николаевича, играл видную роль в журнале «Морской сборник» и был одним из руководителей так называемых «константиновцев», занимавших более либеральные позиции, чем многие петербургские сановники. В рассматриваемое время он играл влиятельную роль среди столичной знати. А вскоре — уже после августа 1861 г., которым датировано письмо Ханыкова, — стал еще более

авторитетным и уже смог оказывать воздействие на его судьбу... Как бы то ни было, приведенный выше документ убедительно свидетельствовал об отсутствии желания у бывшего начальника Хорасанской экспедиции вернуться из Парижа домой. Но если справедливо наше предположение о том, что письмо было адресовано Д. А. Милютину, то можно отметить, что Ханыков кривил душой, ибо уже выдвигал «давно бродившую» в его голове мысль о «парижском корреспонденте».

25 декабря 1861 г. А. В. Головнин занял пост министра народного просвещения. Для востоковеда это практически означало осуществление задуманных планов. «Так как срок пребывания его за границей должен был кончиться в феврале 1862 г., а между тем ученые труды его к тому времени не были еще приведены к концу, то бывший министр народного просвещения исходатайствовал, с согласия г. Ханыкова, высочайшее соизволение на дозволение г. Ханыкову оставаться за границей неопределенное время в качестве агента Министерства народного просвещения для исполнения поручений сего Министерства...»³⁹ — гласит официальная справка, составленная в этом ведомстве в апреле 1866 г., когда А. В. Головнин уже покинул его. В свете цитированного письма особое внимание в данной справке привлекает утверждение, что все было сделано «с согласия г. Ханыкова!» Не может быть никаких сомнений именно в инициативной роли «г. Ханыкова», без чего петербургскому министру и в голову не пришло бы предоставлять своему приятелю законную возможность пребывать в Париже «с сохранением получаемого содержания и с производством по 200 руб. в месяц... из сумм Министерства народного просвещения»⁴⁰.

Итак, хотя Николаю Владимировичу не удалось стать «корреспондентом» царского правительства во Франции по гражданским вопросам, он стал законным зарубежным агентом одного из министерств. Что ж, и эта менее значительная должность позволяла ему спокойно продолжать научно-исследовательскую и публикаторскую деятельность. Правда, она налагала и дополнительные обязанности, но вся его предшествующая жизнь прошла в столь напряженной работе, что они не пугали ученого. Просто пришлось расширить круг предметов, подлежащих изучению. Что он и сделал, как мы в этом вскоре убедимся.

Пока же в различных изданиях ежегодно появлялись труды Ханыкова. Собранные и обработанные им сведения по ориенталистике казались неисчерпаемыми и привлекали внимание свежестю и оригинальностью подхода, тщательностью и скрупулезностью анализа. Многие из введенных востоковедом в научный обиход материалов в той или иной степени не потеряли актуальности и в настоящее время, как и сделанные им наблюдения и выводы. За примерами не надо далеко ходить. В 1862 г. «Журнал Азиатик» опубликовал «Записку о мусульманских надписях на Кавказе»⁴¹. Эта специальная работа вызвала столь

большой интерес, что в следующем году вышла в Париже отдельным изданием. На 99 страницах книги автор рассказал о многочисленных надписях, обнаруженных и скопированных им в период частых странствий по различным районам Кавказа и Закавказья с мусульманским населением, а также воспроизвел некоторые из них. Эти эпиграфические сведения вносили много нового в имевшиеся представления о социальной и культурной истории тех или иных областей, уточняли датировку различных событий, имена политических и религиозных деятелей и т. п.

«Записка о мусульманских надписях на Кавказе» не только привлекла внимание современников: она оказала содействие и советским историкам-марксистам, приходившим к важным выводам на базе содержащихся в ней данных. «Разорение крестьянства в этот период яркими красками рисует персидская надпись на стене мечети в сел. Вананд (ныне Нахичеванская АССР), — констатирует известный востоковед И. П. Петрушевский. — Текст ее приведен у Н. Ханькова (N. de Khanikoff. *Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase*. Paris, 1863, с. 96—97)»⁴².

Ценность этого труда Н. В. Ханькова тем более велика, что за 120—125 лет, истекших со времени, когда он срисовывал надписи, подавляющее большинство сооружений, на которых они были начертаны, по разнообразным причинам перестали существовать, и его публикация стала, пожалуй, неповторимым историческим источником. Учитывая данный фактор и общее значение работ ученого над «памятниками арабской и персидской историографии», И. Ю. Крачковский справедливо подчеркивал, что «отдельные заметки и сводные статьи» Николая Владимировича «расчистили в известной мере дорогу специальным исследованиям, согласно современным требованиям науки. Заслуга его особенно велика потому, что ряд памятников с той поры погиб, и сообщения Ханькова иногда оказываются единственными свидетельствами»⁴³.

Получив более широкие возможности распоряжаться собой и своим временем, Ханьков приступает к ликвидации «старых долгов». Десять лет спустя после того, как Русское географическое общество вело с ним переписку о подготовке карты Азербайджана, этот труд был наконец завершен. В 1862 г. в Берлине, славившемся картографическими учреждениями, вышла отдельным изданием «Карта Азербейджана, составленная Н. Ханьковым преимущественно по собственным наблюдениям и съемкам, совершенным в 1851—1855 гг.»⁴⁴. Кроме того, ведущий немецкий географический журнал «Цайтшрифт фюр альгемайне Эрдкунде» счел необходимым напечатать эту карту в приложении к одному из своих номеров⁴⁵.

Следуя своей давно выработанной привычке, Ханьков продолжает облекать некоторые исследования в форму «писем» редакторам научных изданий. Но это не письма в обычном по-

нимании, а небольшие эссе. Вот одно из них: «Письмо редактору „Журналь Азиатик“ о труде г. Рейно „О торговых и политических отношениях Римской империи с Восточной Азией в первые пять веков христианской эры“»⁴⁶.

В статье крупного французского специалиста Ж.-Т. Рейно поднимался, в частности, сложный и нерешенный вопрос о географическом отождествлении «страны Сэров». Рейно идентифицировал ее с Китаем, известным под названием Tchina. Н. В. Ханьков в осторожных выражениях отмечал, что принятие такого утверждения внесет элемент путаницы в древнюю географию и нарушит правильные представления о расселении соседних с «страною Сэров» народов. Ханьков соглашался с Леклерком, возражавшим против перевода термина «сэры» как «шинуаз». Как обычно, он привлекает для подтверждения своих позиций обширнейший материал из трудов Страбона, Павсания, Ам. Мацеллина, Франсуа Бернье и др. и высказывает мысль: нельзя ли описанную Марцеллином территорию отождествить с охарактеризованной Ф. Бернье, а именно с Кашмиром?

Об этом же свидетельствуют и торговые связи. Между иноземными купцами и «сэрами» они осуществлялись на границах населенных последними земель, и во всей Азии нигде нет такого обилия пунктов под названием «Сэрай», как по юго-западным рубежам Кашмира; жителей же этих мест называли «сэрай», «сэры». Хотя, по мнению Ханькова, эти слова — тюркского происхождения, нельзя считать, что «сэры» пришли в Индию с монголами или Тимуром: доказано, что некоторые индийские земли еще до прихода ариев были заняты тюркскими народами, которые не только уцелели там через много веков, но и сохранили свой язык. Отождествление «страны Сэров» с Кашмиром имеет тем большие основания, заключал ориенталист, что при этом вполне логично наличие на севере данной провинции поселений ариев и паропамизиян⁴⁷.

Ювелирный анализ, осуществленный Н. В. Ханьковым в небольшом «письме», вызвал восхищение его парижских коллег, и оно также удостоилось отдельного издания.

Служивший ранее вместе с Ханьковым на Кавказе Ю. А. Гагемейстер пытался использовать выход эпиграфической работы ученого, чтобы наладить отношения между ним и Русским географическим обществом. «Благодарю Вас за кавказские надписи, но, прочитав их, я счел полезным поднести их от Вашего имени Географическому обществу и надеюсь, что Вы пришлете ему и экземпляры Хорасанской экспедиции, — писал Гагемейстер. — Какие бы у Вас ни были причины жаловаться на Общество, пора с ним помириться. Оно много сделало полезного и еще более сделает, особенно если Головин не перестанет ему помогать...»⁴⁸.

Смысл последней фразы заключался в том, что министр народного просвещения «курировал» Общество, а с октября 1862 г.

оно даже проводило заседания «в новом помещении, в доме министерства народного просвещения у Чернышева моста»⁴⁹. Это «курирование» имеет значение для нашей темы: оно позволяло А. В. Головнину проявлять обоснованный интерес к деятельности Н. В. Ханыкова в области востоковедения и географии. Впрочем, и сам ученый не отстранялся от научных и организационных проблем, возникавших в этих областях в России. Это проявилось, когда в 1862 г. нависла угроза над учебным отделением министерства иностранных дел, подготовившим немало крупных знатоков Востока. Декан восточного факультета Петербургского университета А. М. Казембек требовал передачи этого отделения факультету, а некоторые его коллеги призвали вообще закрыть учебное отделение и передать отведенные на него средства востфаку. Заключение Н. В. Ханыкова по этому поводу было резко отрицательным: «Если действительно факультету необходимы новые средства для издания его трудов, то не лучше ли испросить на это средства от правительства, ничего не разрушая, даже той избушки, с которой один из членов факультета сравнил Восточный институт», — писал он⁵⁰. Учебное отделение было сохранено.

Забота Н. В. Ханыкова о развитии отечественной ориенталистики находила самые различные проявления. 25 мая 1862 г. он возбудил перед Петербургом ходатайство о приобретении для Азиатского музея собрания образцов куфического письма⁵¹. Это была очень богатая коллекция, составленная в Каире во время похода Наполеона в Египет французским арабистом Ж. Марселем (1776—1854). В нее входили ценнейшие рукописи, в частности «близкие ко времени проверки коранического текста при халифе Османе, если они не современны с редакцией Зейда ибн Сабита»⁵², т. е. чрезвычайно древние, а также более поздние, но также представлявшие немалый научный интерес труды.

Ханыков внимательно ознакомился с этим собранием и составил первое инвентарное описание. Он взял на себя все хлопоты, связанные с покупкой куфических материалов и их пересылкой в Россию. Поскольку, как в дальнейшем выяснилось, эти документы должны были поступить не в Азиатский музей, а в Публичную библиотеку, ученый 11 июня 1864 г. сообщил ее директору, что за два дня до того он «свез рукописи, хорошо упакованные, в большом ящике в посольство, ужаснувшееся размеров этой посылки, но успокоившееся, когда я объяснил, что она пойдет морем, а не с курьером...»⁵³. В июле 1864 г. драгоценные манускрипты — важнейшие источники для разработки в России арабской филологии и истории ислама — прибыли в Петербург и вскоре стали доступны исследователям.

Надо было, однако, исполнять обязанности и агента министерства народного просвещения. А. В. Головнин намеревался осуществить ряд реформ буржуазного характера, подготавливал

пересмотр университетского, гимназического и цензурного уставов, живо интересовался постановкой просвещения в зарубежных странах, мероприятиями по развитию культуры, в частности положением библиотечного дела и состоянием библиотек, и т. п. Он вполне был рассчитывать на содействие находившегося в Париже ученого и корреспондента. Это обязывало Н. В. Ханыкова заняться исследованием сюжетов, лежавших несколько в стороне от его основных научных направлений. Но, занявшись новыми темами, он постарался разработать их с присущей ему добросовестностью. В апреле 1863 г. Ханыков направил Головнину большую статью, озаглавленную «Деятельность министерства народного просвещения во Франции в 1862 году»⁵⁴. Она была посвящена различным сторонам духовной жизни этой страны. Автор особенно подробно останавливался на существовавшей там системе образования, последовательно рассматривая его ступени — первоначальную, среднюю и высшую. Весьма любопытны его наблюдения, связанные с «учеными обществами» французских городов, их изданиями и трудами, материальным обеспечением, местными учебными заведениями и т. п. Вслед за этой статьей Н. В. Ханыков, посетивший в сентябре 1863 г. Лондон, присылает другую — «Библиотека Британского музея»⁵⁵. Она характеризовала одну из крупнейших библиотек мира — ее каталоги, правила пользования литературой, книжные фонды и др.

Находясь в непрестанных трудах, Ханыков ни на миг не мог отрешиться от мыслей о своем, в общем, шатком материальном положении. Ни потомственными состояниями, ни накопленными им самим богатствами, как уже отмечалось, он не располагал и всецело зависел от поступающего из Петербурга «содержания». Поэтому дополнительные средства, получаемые им в качестве агента министерства народного просвещения, были как нельзя более кстати. Но еще до того, как выяснилось, что его мысль о «зарубежном корреспонденте» удастся реализовать при помощи А. В. Головнина, Н. В. Ханыков решился на шаг, полную жертвенность которого может по-настоящему оценить лишь подобный ему библиофил и страстно влюбленный в свою специальность человек... Мы, конечно, были не совсем правы, утверждая, что ему так и не удалось накопить никаких ценностей. В Азиатском музее хранилось более 160 принадлежавших ему восточных рукописей, в том числе уникальных. Можно себе представить, сколько душевных волнений связано у Н. В. Ханыкова с тем или иным манускриптом! Ведь каждый из них — это веха на пути его странствий по Средней Азии и Кавказу, Закавказью и соседней Персии, это кусочек его сложной, беспокойной жизни исследователя, старавшегося проникнуть в мир богатого прошлого народов Востока.

Находясь в Париже, на расстоянии тысяч верст от своих сокровищ, и не имея возможности возить их на чужбине с

одной квартиры на другую, крайне нуждаясь в деньгах, Н. В. Ханыков предложил отечественной Академии наук приобрести его библиотеку. По его просьбе академик Б. Дорн и В. Вельяминов-Зернов 10 января 1862 г. письменно изложили это предложение историко-филологическому отделению Академии. Они подчеркнули, что владелец этих уникальных рукописей рассчитывает лишь на возмещение своих затрат на их приобретение, сумма которых составила 3500 руб. Академики находили чрезвычайно полезным приобретение ханыковской коллекции. Они подкрепляли целесообразность такого акта и моральными соображениями, указывая, «что Азиатский музей Академии обязан г. Ханыкову многочисленными и богатыми пожертвованиями»⁵⁶. Иными словами, ориенталисты Б. Дорн и В. Вельяминов-Зернов видели в этом и своеобразную материальную поддержку ученому-коллеге.

Несмотря на явную выгоду для Академии наук, решить дело оказалось не так-то просто. Через две недели Б. Дорн известил В. Вельяминова-Зернова, что историко-филологическое отделение «признало невозможным» покупку этого собрания рукописей за счет академических средств «по ограниченности оных»⁵⁷. В апреле 1862 г. вопрос был передан на рассмотрение Президиума Академии. Академическое начальство отнюдь не склонно было считать все это делом первостепенной важности и срочности. Лишь 22 февраля 1864 г. (т. е. почти через два года!) исполнявший должность вице-президента В. Буняковский обратился к министру народного просвещения А. В. Головнину, в ведении которого находилась Академия наук, высказывая надежду, что тому удастся выхлопотать «особую сумму» для приобретения коллекции.

Письмо вице-президента⁵⁸ особенно интересно в связи с тем, что в нем раскрывается, хотя и чрезвычайно сжато, колоссальная ценность ханыковской книжной коллекции. В. Буняковский констатировал, что по поручению академической Конференции Дорн и Вельяминов-Зернов представили полный реестр рукописного собрания. Они подчеркнули, что уже по этому реестру можно судить о ее значении: здесь перечислены труды Рашид ад-дина, Джувейни, Хондемира, Навои, Казвини, Хакани и других «главных мусульманских писателей... а также замечательные по своей редкости произведения, как, например, „Космография“ Казвини, „Всеобщая история“ Рашид ад-дина, путешествия Зейн эль-Абеддина, путешествие Аджютант-Баши, жизнеописание Магомета, [принадлежащее] Термиди, и персидский перевод Абуль-Гази; Коран, принадлежащий, как полагают, секте Баби, и история бухарского эмира Насруллаха — суть единственные известные копии. Кроме того, многие из рукописей сего собрания писаны или пересмотрены самими авторами: таковы, например, полное собрание сочинений Навои и путешествия Зейн эль-Абеддина».

Конференция Академии наук установила невозможность покупки коллекции за счет своих средств и ходатайствовала о выделении для этого особой суммы. Но Государственный совет отклонил представление Головнина о сверхсметном расходе на академические нужды, найдя «неудобным при настоящем особом трудном положении Государственного казначейства обращать означенный расход за счет его сумм...»⁵⁹, как писал министр президенту Академии наук 20 мая 1864 г. А. В. Головнину было разрешено, правда, включить соответствующую сумму в смету расходов возглавляемого им министерства на 1864 г., но на деле это всякий раз сталкивалось с самыми различными трудностями. Неоднократные попытки разрешить проблему не приводили к существенным результатам. Так, когда иранист, санскритолог и гебраист К. А. Коссович 6 июля 1864 г. снова поднял вопрос о коллекции Ханыкова, который согласен на «раскладку» суммы и передачу рукописей в Публичную библиотеку из Академии наук, не имеющей возможности ее приобрести, А. В. Головнин с большой досадой ответил ему: «...после непрерывных отказов со стороны министерства финансов и департамента государственной экономии в отпуске из Государственного казначейства сверхсметных сумм я нахожу совершенно бесполезным всякое домогательство министерства народного просвещения об отпуске особой суммы на приобретение означенной коллекции, присовокупляя, что министерству не открыто на 1864 год никакого специального на сей предмет кредита»⁶⁰.

В конце концов все же в 1864 г. дело было решено. Казна приобрела собрание рукописей (в рассрочку — на семь лет!), но оно поступило не в какое-либо академическое учреждение, не осталось в Азиатском музее, а было передано в Императорскую Публичную библиотеку (ныне им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) и хранится в отделе рукописей, составляя фонд Н. В. Ханыкова (ф. 947). Эта коллекция значительно обогатила состав восточных манускриптов, имевшихся в наличии в отечественных библиотеках. Специалисты неоднократно отмечали огромную ценность отдельных «ханыковских» арабских, персидских и турецких рукописей, как и всего собрания в целом.

Общее представление о важнейшей покупке Публичной библиотеки дал академик Б. Дорн, выпустивший вскоре обширный каталог поступивших в библиотеку источников⁶¹. Отметив, что эти драгоценные материалы Ханыков собрал во время длительных востоковедческих занятий и бесчисленных путешествий по Азии, Дорн, сам являвшийся крупнейшим ориенталистом, указал, что вся коллекция из 166 манускриптов состоит из разделов: «1. Теология и право. 2. Философия. Этика. Логика. 3. Филология. Лексикография. Грамматика. 4. Эпистолагафия. 5. Риторика. 6. Повести. Поэзия. 7. История. Биография. 8. Космография. География. 9. Математика. Астрономия. 10. Толкователи снов. 11. Зоология. 12. Медицина. 13. Энциклопедия. 14. Сбор-

ники разнородных произведений». Не скрывая обоснованного ликования, академик подчеркивал, что в результате приобретения ценнейшее собрание рукописей «навсегда останется в России. Мы можем только радоваться по этому поводу»⁶². Это радовало и бывшего владельца манускриптов, хотя он и был вынужден расстаться со своими сокровищами. Высказывая через Дорна признательность Коссовичу за содействие, Ханыков «выражал надежду, что покупка его коллекции пробудит у некоторых соотечественников желание составить подобные собрания, которые обогатят в конце концов русские публичные библиотеки»⁶³.

Прямым подтверждением того, что коллекция Ханыкова пользовалась всемирной известностью, является то обстоятельство, что о ее судьбе и выходе каталога Б. Дорна было сообщено в органе Парижского Азиатского общества «Журналь Азиатик»⁶⁴.

Деньги, вырученные за уступку своих восточных манускриптов государству (язык не поворачивается, чтобы назвать достигнутую наконец договоренность «продажей»), оказались для Николая Владимировича как нельзя более кстати. «Трудное положение Государственного казначейства», отмеченное Государственным советом, после роковой Крымской войны и в обстановке разнообразных реформ, при помощи которых царское правительство стремилось укрепить свое политическое и экономическое положение, носило хронический характер. Перед всеми ведомствами в те годы неоднократно и настойчиво выдвигалась задача всемерного сокращения расходов. Действовал в этом направлении и А. В. Головнин. По его представлению с 1 января 1864 г. была упразднена должность агента министерства народного просвещения в Париже. К чести Головнина, он не бросил друга в беде. Исключив расходы на «агента во Франции» из своей ведомственной сметы, министр перевел их в «общегосударственную статью», правда ограниченную определенным сроком. Сделано это было с учетом всевозможных придворных тонкостей, большим знатоком которых слыл А. В. Головнин. Прежде всего он запросил Н. В. Ханыкова о состоянии его научных исследований. Востоковед ответил, что вышедшее в свет описание «географической части» Хорасанской экспедиции, которое с одобрением встретил ученый мир, было «сравнительно легкой работой». Следующий раздел — этнографический — ему не удалось написать за два года пребывания в роли корреспондента министерства народного просвещения (1862—1864), как он надеялся, из-за сложности требований, предъявляемых к этой науке. И Ханыков пояснил министру суть таких требований, иллюстрируя свое понимание научного подхода к изучению народов. «Было время, и даже не очень отдаленное, — писал он, — где этнография, едва отделившаяся от прочих вспомогательных наук, считала своим достоянием всякий факт внешней и внутренней жизни народа и без особого разбора лепила из них свои мозаические описания разных отделов человечества. Все слу-

чайно собранные заметки о строении тела, цвета кожи, глаз и волос, об одежде, привычках и умственной деятельности разных племен считались равно применимыми к делу, а от того и путешественники не знали, на что им обращать внимание, и этнографические факты росли беспорядочно и медленно».

Эти времена бессистемного и беспорядочного накопления разнородных фактов уже позади. «Этнографы поняли, что, например, форма носа большинства представителей какого-нибудь племени и форма употребляемой им зубочистки неодинаково важна для научных выводов». Они стали искать основу для серьезной классификации представителей рода человеческого. Применяемый в зоологии метод описания отдельных родов и видов животного царства оказался «недостаточным». «Человек один в целом творении одарен органическим словом, помощью коего он не только верно и ясно передает свои впечатления, но и сообщается с отдаленным потомком либо с помощью изустных преданий, передаваемых из рода в род, либо закрепляя... звуки письменами и оставляя, таким образом, неопровержимое свидетельство своего мимоходного существования на земле».

Использование филологии дало «такое могущественное оружие для этнографических изысканий, что собственно для классификации отдельных племен рода человеческого языкознание опередило заслуги морфологии и биологии». Свою долю в этнографической классификации затребовала также история. Ханыков ссылаясь на Эрнеста Ренана, который, по его мнению, первым обратил внимание на то, что «в известных племенах, достигших некоторого развития, чисто духовная, а равно и политическая жизнь представляют постоянно повторяющиеся явления, свойственные только этим племенам и совершенно не зависящие от внешних причин, и что, таким образом, эти явления столько же способны служить признаком отличия одного племени от другого, как и внешние и внутренние особенности их тела».

Первым на некоторое время изложение этого послания Головнину для небольших комментариев. По-видимому, нет особой надобности разъяснять, что Н. В. Ханыков не стоял на позициях марксистского мировоззрения. В его письменном наследии трудно найти следы понимания того, что человеческое общество в ходе своей истории оказалось разделенным на антагонистические классы, между которыми велась непримиримая борьба, и что эта борьба составляет основное содержание исторического развития классовых обществ. Мы не можем причислить ученого и к идеалистическому лагерю, со многими из представителей которого он тесно соприкасался в жизни. Если пытаться грубо и несколько «вульгарно-социологически» классифицировать мировоззрение Ханыкова, то, пожалуй, скорее всего следует отнести его к приближающейся к материализму культурно-исторической школе.

...Но вернемся к этнографической программе востоковеда. Он подчеркивал, учитывая новейшие научные достижения, что «в настоящее время всякое этнографическое исследование какого-нибудь племени должно быть непременно основано: на точном изучении внешнего строения представителей этого племени, в особенности на изучении их черепов; на исследовании его языка и наречий оно и на внимательном обсуждении его прошедшего с целью составления нравственного облика племени». С этих позиций он и составлял планы исследования. В ходе его надлежало изучить всю имеющуюся литературу о Персии, «посетить главнейшие краниологические собрания Европы для измерений черепов народов, соплеменных иранцам», осветить особенности наречий персидского языка, его историю и географические границы, «снова проследить историю иранского племени и главных соседних с ним племен — семитического и туранского, чтобы посредством сходства и отличия их прошедшего определить основные черты нравственного облика иранцев».

Научную важность избранной темы востоковед обосновывал глубокой древностью происхождения «иранского племени», сохранившего «вблизи Европы свою самобытность» и пережившего «ассирийцев, египтян и финикийцев»; его интересовало «влияние среды», «разложение арийцев на многочисленные отрасли, заселившие Индию и Европу», и др.

Но из всего обширного плана, продолжал Ханьков, он успел выполнить лишь первую часть — «физическое исследование иранского племени». Сделанный им об этом доклад в Парижском географическом обществе на заседании под председательством одного из крупнейших европейских этнографов, Катрфажа, встретил одобрительный прием. Его суть: «колыбель иранского племени» — восточная часть Персии; древнейший тип этого «племени» лучше всего сохранился между гебрами и таджиками; изменение этого типа «пропорционально силе и продолжительности иноплеменных влияний»; на многочисленных измерениях установлена «разность форм черепов иранского, семитического и туранского племен».

Заканчивал свое подробное письмо Ханьков почти слезной мольбой: «Для окончания моих исследований мне нужно от полутора до двух лет срока, и я был бы очень счастлив, если бы правительство дало мне возможность докончить начатое. Обращаясь к в. в.-пр-ву с просьбой об оказании мне в этом возможного содействия, я столько же руководствуюсь сознанием Вашего официального положения во главе науки и просвещения в России, сколько и тем, что никому ближе Вас не известны подробности отправления Хорасанской экспедиции. Вы знаете степень участия, принятого правительством в этом деле, и лучше других можете обсудить, полезно ли дать возможность закончить начатое или оставить недовершенным предприятие, которое, хотя и немного, но все же чего-нибудь доставило прави-

тельству и которое, сколько мне кажется, до сих пор не принесло ничего, кроме чести, русскому имени и науке»⁶⁵.

Получив такой документ, А. В. Головин заручился согласием другого бывшего лицеиста М. Х. Рейтерна (он стал к тому времени министром финансов) на выплату Н. В. Ханькову «из сумм государственного казначейства в течение двух лет по 1800 руб. серебром в год с тем, чтобы причитающаяся на текущий год сумма отнесена была на 4-миллионный фонд, предположенный ко внесению в государственную роспись на 1864 г. на чрезвычайные расходы», а уж деньги на 1865 г. шли по смете министерства народного просвещения. Аргументируя «пользой, которую можно ожидать от издания ученых трудов г. Ханькова по этнографии Персии и Афганистана», и ссылаясь на благожелательную позицию Рейтерна, Головин в апреле 1864 г. выхлопотал у Александра II разрешение на командирование ориенталиста «за границу с ученой целью на два года». За Н. В. Ханьковым сохранялось «содержание» по внешнеполитическому ведомству и дополнительно выплачивалась сумма, о которой оба министра договорились между собой⁶⁶.

Пребывание в Париже, таким образом, было продлено на два года. Срок относительно небольшой. Надо торопиться. Основное внимание — крупной работе по этнографии Персии. Н. В. Ханьков упорно трудится над ней, печатая извлечения в авторитетных изданиях, в том числе в британских «Атенеуме» и «Журнале этнологического общества». Но ученый, следуя укоренившимся привычкам, параллельно с этим разрабатывает и другие интересующие его темы. Среди них следует в первую очередь выделить сочинение о выдающемся мыслителе и поэте Афзал ад-дине Ибрахиме Хакани Ширвани (1126—1199). Оно было опубликовано в 1864—1865 гг. в «Журнале Азиатик» и состояло из двух частей⁶⁷. Первая посвящена биографии и анализу творчества Хакани; вторая содержала оригинальный текст и французский перевод четырех его од.

Один из крупнейших восточных философов и поэтов, Хакани Ширвани (его иногда именуют Хагани) ставится исследователями рядом с такими титанами общечеловеческой культуры, как Низами Гянджеви и Шота Руставели. Первым из европейцев упомянул о нем в 1697 г. д'Эрбело в знаменитой «Библиотеке ориенталь» (т. 2, с. 415). Из русских исследователей на него впервые обратил внимание П. Лерх, выпустивший в 1851 г. в Петербурге книгу «Семизвездие на небе персидской поэзии». Но, как и его западные предшественники, Лерх не занимался специально литературным наследием Хакани. Поэтому С. Д. Рзакулизаде обоснованно отметила: «Впервые серьезно изучением жизни и творчества Хагани занялось русское востоковедение. Русский географ и этнограф Н. Ханьков, будучи генеральным консулом в Тебризе, собирал материал по истории ширваншахов, в это время он и заинтересовался Хагани... Несмотря на

некоторые ошибочные положения, работа Ханыкова сыграла важную роль в деле изучения наследия Хагани. Скорее всего именно эта работа Ханыкова и вызвала интерес к Хагани другого русского исследователя — К. Залемана, который свою диссертацию посвящает изучению Хагани»⁶⁸.

Советский востоковед Ю. Н. Марр (который вместе с иранистом К. И. Чайкиным в 20-х — начале 30-х годов XX в. занимался Хакани), с высоты знаний, накопленных за истекшие 60—70 лет после ханыковской публикации, несколько критически оценивал его достижения. Тем не менее он подчеркивал: «Без Ханыкова не беритесь за перевод, так как у него много существенного»⁶⁹.

Ханыков называл Хакани одним из самых блистательных представителей «иранского Парнаса» (точнее, азербайджанского: он родился в Гяндже). Он подчеркивал, что поэтическое наследие Хакани дает не меньше для ознакомления с мусульманским обществом XII в., чем труды ориенталистов Рейно, Дюлорье, Дефремери, Вейля и др., — в высшей степени смелое заявление, особенно если учесть, где и в какую эпоху оно было сделано. Во всяком случае, такая восторженная оценка творчества восточного поэта, обладавшего на Западе несравненно меньшей популярностью, чем, скажем, Хафиз или Саади, делала честь ученому.

Кратко характеризуя «эпоху Хакани», Ханыков отмечает особенности литературных произведений тех лет — налет грусти, печали, мистицизма, присущий и поэзии героя его очерка, жизнь которого рассматривается на базе изучения стихов поэта. Биографическое исследование приобретает, таким образом, в значительной степени оригинальный характер. Ханыков устанавливает или уточняет различные даты биографии Хакани, рассматривает его взаимоотношения с властями, стремление вырваться из «золоченой клетки», используя единственный подходящий предлог — желание совершить паломничество в Мекку. Ханыков рассказывает о длительных и обширных путешествиях поэта, его впечатлениях, отраженных в поэзии, о второй половине жизни Хакани, омраченной смертью сына и жены, о связанных с этим элегиях. Хаммер сравнивал Хакани с Пиндаром; это дает повод Ханыкову провести сопоставление их творчества. Сам же он, пытаясь провести аналогию между творчеством Хакани и поэтическими произведениями кого-либо из европейских авторов, приходит к мысли, что более всего сходных черт имеется в поэтическом наследии В. Гюго.

Как обычно, Ханыковым приводится весьма обстоятельная справка о сохранившихся произведениях Хакани в различных библиотеках мира.

Публикуя текст од поэта — «во славу государства», «в честь Исфахана», а также написанную поэтом в тюрьме элегию о собственной судьбе, — Н. В. Ханыков предваряет их литературо-

ведческим предисловием. Он находит, что поэтическому творчеству восточных авторов присущ несколько отвлеченный характер: «Восточным поэтам свойственно живое воображение... но они мало заботятся о том, чтобы свои представления привести в соответствие с наиболее элементарными законами времени и места... Отношения восточного писателя с окружающей действительностью выглядят странными и не очень естественными. Бесспорно, он видит вещи такими, какие они есть, но, описывая их, он считает необходимым исказить истину, чтобы сообразоваться с незыблемыми принципами устаревшей теории, — вот поистине оковы, опутывающие одаренного человека на Востоке».

Отдавая дань некоторому консерватизму, жесткости традиций, бытовавших, с его точки зрения, в творчестве «восточного писателя», Н. В. Ханыков тем не менее отмечал, что это в большей степени свойственно прозаическим трудам, нежели поэтическим. Он писал: «Казалось бы, подобное наблюдение следовало бы особенно применить к поэзии, однако это не совсем так. Хотя поэт находится в двойной зависимости — от принципов риторики и от принципов просодии, он более свободен в самовыражении: обязан он этим исключительно тому, что ему более присущи национальные свойства, чем прозаику. Следовательно, чтобы понять характер и дух различных народов Востока, надо обратиться к их поэзии, поскольку проза не является ни персидской, ни арабской, ни тюркской; почти вся она является полностью мусульманской».

Подобное любопытное наблюдение подкреплялось доводом о пагубном влиянии языка Корана на языки мусульманских народов, к которому оказалась особенно восприимчивой проза их представителей, тогда как поэзия не пренебрегала родным языком. В пример приводится знаменитая поэма Фирдоуси «Шах-наме», написанная на чистом персидском языке. А появление прозаического произведения на персидском Ханыков считал в то время невозможным. Он подчеркивал, таким образом, что именно поэтические труды дают точное представление о лексическом богатстве языков народов мусульманского Востока, указывая, что на примере поэтических произведений лучше изучать их грамматику, синтаксис, чем на прозаических образцах. Ученый отмечал также возможность привлечения восточной поэзии для исторических исследований, еще раз подтверждая уже высказанное нами положение о новаторском складе своего мышления, старании добиваться плодотворных результатов, используя различные смежные науки.

Нельзя не сказать несколько слов и о подходе ориенталиста непосредственно к творчеству Хакани. Н. В. Ханыков писал, что избрал для перевода и разбора четыре наиболее трудных для этого произведения, которые в существовавшей версии теряли всю литературную привлекательность, все, за что ценили Хака-

ни его современники: исключительную экспрессию, гармоническое звучание стиха, богатую игру слов, легкость группировки созвучных слогов, непринужденную ритмичность. Правда, считал он, порой эти «искусные совершенства» достигаются за счет ясности стиля и глубины мысли, но не следует судить Хакани с позиций европейца и современного вкуса: он и его коллеги жили в другую эпоху и в совершенно иных условиях. Хакани начал литературную деятельность, продолжал Ханыков, когда макамы Харири были еще чем-то новым, когда о таланте писателя судили по разнообразию грамматических оборотов, а о серьезном знании языка — по умению широко пользоваться словами по своему усмотрению.

Общее представление ориенталиста о поэте было самым благоприятным: он указывал, что Хакани отличался высокой образованностью, а также исключительным талантом изображать перед читателем все происходящее в загадочно-таинственных тонах. Эта работа ярко продемонстрировала стремление Н. В. Ханыкова тщательно разобраться в творчестве видного представителя поэтического искусства народов Востока. В каждой ее строчке сквозит глубокое уважение к самобытному таланту маститого автора, полное отсутствие какого бы то ни было европоцентризма, уничижительного отношения к поэту.

Последующие специалисты нашли некоторые недостатки в освещении Ханыковым жизни и творчества этого великого представителя азербайджанской культуры, которого ученый именовал «персидским поэтом»⁷⁰. Так, С. Д. Рзакулизаде упрекает Н. В. Ханыкова в «не лестном» отзыве «о восточной поэзии, а следовательно, и о духовной культуре вообще»⁷¹. Почему здесь употреблено слово «следовательно» — не ясно, и можно ли делать такой широкий вывод на основании вырванной из контекста фразы: «Больше безобразия (! — Авт.) с несколькими искорками красоты — таков, по-моему, девиз восточной поэзии... Ни в пластических искусствах, ни в поэзии восточные народы никогда не поднимались выше орнаментации».

Впрочем, далее и сама С. Д. Рзакулизаде осознает излишнюю категоричность своей оценки. «Хагани,— отмечает она,— не просто „искусный рифмоплет“, умеющий найти красивую гармонию стиха, придумать такие литературные сравнения и т. п., он настоящий поэт, мыслитель, стихи которого поражают не только своей формой, но и богатством, разносторонностью содержания. Это признает и Н. Ханыков, в общем довольно критически настроенный в отношении восточной поэзии. „...Хагани,— писал востоковед,— обладал большой эрудицией; в каждом своем сочинении он обнаруживал способность передавать перед глазами изумленных читателей небо и землю со всем их величественным и таинственным кортежем, согласно с воззрением его века... Это качество поставило его выше всех его соперников... нечто вроде чуда“»⁷²

Но, добавим, Н. В. Ханыков, посвятивший значительную часть творческой деятельности исследованию различных сторон материальной и духовной жизни народов Востока, в общем, предстает перед нами как человек, которому отдельные замечания об увлечении восточных поэтов орнаментальностью (не всегда несправедливые) не мешают с уважением и восхищением оценивать их талантливые, а порой и гениальные творения.

Ю. Н. Марр и К. И. Чайкин упрекали ориенталиста в неточности его перевода од Хакани Ширвани, неполноте комментариев. «Полное отсутствие надлежащего анализа и критицизма и при этом псевдонаучные рассуждения, вроде „экскурса“ о папах, тогда как Хакани говорит не о папах, а о патриархе...» — сетовал Чайкин⁷³, в то время как «Марр, учитывая большие достоинства этой (т. е. ханыковской.— Авт.) работы, отмечает, что недостаточное внимание к тому факту, что эта ода связана была с Кавказом, привело к целому ряду ошибок и искажений»⁷⁴.

Несправедливо, однако, с подобных позиций подходить к трудам Н. В. Ханыкова. Наука во всем ее многообразии, естественно, неустанно движется вперед. Критерии, с которыми подходили к оценке ее достижений в 60-х годах прошлого века, отличались от критериев 20—30-х годов нашего столетия, тем более что их разделяют не только десятилетия, но и целая эпоха, утвердившая (по крайней мере на родине Ю. Н. Марра и К. И. Чайкина) полное господство нового, более передового мировоззрения.

Заслуги же Ханыкова, скажем, в изучении творчества Хакани не могут быть умалены из-за мелких ошибок и погрешностей перевода. Отмечая эти недочеты, не надо забывать, что он одним из первых специалистов подробно рассказал о жизни и деятельности Хакани Ширвани и опубликовал переводы его од. Причем сделал он это еще в пору расцвета колониальной политики, когда далеко не все западные ориенталисты с достаточным уважением и вниманием относились к изучению достижений восточных народов. Такой подход характеризует не только научное, но и политическое лицо Н. В. Ханыкова.

Одновременно с исследованием творчества Хакани он откликается обстоятельной заметкой⁷⁵ на важную работу доктора Р. Дози «Израэлиты в Мекке» — о первоначальной истории арабов, происхождении ислама, перемещениях народов на Аравийском полуострове и др. Потрясающий диапазон: здесь Н. В. Ханыков выступает уже как тонкий знаток арабских и древнееврейских текстов, латинских источников, Библии — словом, достойный оппонент Р. Дози, посвятившего свой труд прошлому земель, исследованием которых Ханыков почти никогда непосредственно не занимался!

Русский востоковед пользуется глубоким уважением и авторитетом в крупнейших научных организациях Европы. Это осо-

бенно проявилось при его поездке осенью 1864 г. в Англию, интересный рассказ о которой Н. В. Ханыков опубликовал в «Записках Имп. Русского географического общества»⁷⁶. В сентябре 1864 г. в городе Бат, близ Бристоля, состоялась годовичная сессия Британской ассоциации развития науки. Основанная в 1831 г., она ставила своей целью пропаганду научных достижений и значения систематического прогресса науки в стране⁷⁷ и сама внесла и вносит существенный вклад в развитие британских научных исследований, в том числе фундаментальных.

Приглашенный на ежегодное собрание, Ханыков был записан, как он указывает, в секцию Е «географического и этнографического, самого модного из всех отделений». Не по своей воле он сразу же попал в несколько конфликтную ситуацию, стал героем дня и «не весьма спокойно ожидал» 15 сентября, когда должны были начаться заседания. Поясняя свой «недостаток смелости», ориенталист рассказывает о его причинах.

«В последнем заседании Лондонского географического общества Ролинсон после сообщения Вамбери о его посещении Самарканда объявил, что Вамбери первый европеец после Клавихо, посетивший и описавший столицу Тамерлана. Русские газеты перепечатали это, не протестуя; тогда я написал Ролинсону письмо, в котором заявил свои права и права покойного Лемана. Ролинсон поступил честно: он немедленно передал мое письмо в редакцию „Записок“ Общества и написал мне извинение в своем промахе. Между тем г. Гиппиус (из Петербурга), мне вовсе не знакомый, написал с о-ва Уайта письмо, в котором рассказал цель посылки Бутенева, меня, Богословского и Лемана в Бухару в 1841 году, а равно и то, что я и Леман были в Самарканде и оба описали его, а так как книга моя была переведена на английский язык, то английской публике легко было поверить верность этой поправки».

В итоге часть англичан, «посвященная в эти географические тайнства, смотрела на меня, как глядят на боевого петуха... Мурчисон и отчасти обстоятельства устроили это дело не только без ущерба мне и чести русского исследования, но к вящей его пользе. В своем вступительном адресе он дал значительную и почетную честь нашей географической деятельности и из письма г. Гиппиуса рассказал, как было дело, оставив личность мою в стороне».

Здесь требуются некоторые пояснения. Генри Кресвик Роулинсон (1810—1895), крупный ученый, путешественник и дипломат, был одним из лидеров антирусской группировки правящих кругов Британской империи, и его русофобские настроения, несомненно, были хорошо известны Ханыкову. Существовало даже мнение о личной неприязни Роулинсона к нашему востоковеду, несмотря на полученную от него помощь при исследовании Бехистунской надписи (о чем говорилось выше). В этой связи и для характеристики британского ученого-политика весь-

ма любопытен рапорт военного атташе России в Лондоне А. П. Горлова военному министру Д. А. Милютину, написанный вскоре после кончины Ханыкова, 28 июля/9 августа 1879 г.

Находясь на дипломатической работе в Персии, сообщал ген. Горлов, Г. К. Роулинсон познакомился с Н. В. Ханыковым «и сделался его личным, на всю жизнь соперником». Этот англичанин, «вице-президент Совета Индийского министерства (т. е. министерства по делам Индии.— Авт.)... считается великим ориенталистом и принадлежит к сенсационной группе тугоумных политиков, воображающих, что интересы Англии есть что-то сверхъестественное и священное, пред чем все прочие соображения должны падать; что все действия Англии суть всегда возвышенны и велики; что всякое сопротивление ей есть дело не сообразное ни с моральным чувством, ни с рассудком»⁷⁸.

За исключением несколько презрительной интонации в оценке реальных научных заслуг этого лидера агрессивных консерваторов, призывавшего к активной экспансии на Востоке в ходе происходившей в те годы второй войны Британской империи против Афганистана, такой отзыв вполне обоснован.

...Но вернемся на пятнадцать лет назад. В отличие от Роулинсона Родерик Импей Мурчисон (1792—1871), видный геолог, в 1840—1841 гг. занимавшийся геологическими изысканиями в России, почетный член Русского географического общества, находился в противоположном политическом лагере. Это проявилось и в Бате.

Николай Владимирович прослушал сообщение некоего Мичи о его поездке по Сибири; посетил физико-математическое отделение, «где Глейшер рассказывал о своих воздухоплаваниях и о странностях изменений температуры, встреченных им, особенно при зимних подъемах»; с большим вниманием отнесся к докладу профессора Роско о спектральном анализе и химических действиях света, а также к сообщениям Р. Ф. Бёртона о Дагомее и американского профессора Роджерса о жидкостном компасе. Мы говорим об этом потому, что хотим показать широту интересов ориенталиста. В дальнейшем он беседовал с английским адмиралом Белчером «о предлагаемом введении метрической системы в Англии»; побывал на «вечере микроскопов», где «было выставлено несколько сот микроскопов с разнороднейшими препаратами из царства растительного и животного». Он ознакомился со «знаменитым складным пароходом, который, по газетным известиям, должен был быть перевезен на лошадях из Дона в Волгу и должен был плавать по Каспийскому морю»; Ханыков установил, что этот пароход «оказался простою складною лодкою, которую разбило окончательно бурей».

Особенный интерес представляет описание последнего дня заседания Британской ассоциации — 21 сентября 1864 г. «Я хотел остаться дома целое утро... — пишет востоковед, — но поутру

Вамбери прислал ко мне просить, чтобы я пришел в заседание секции Е, где он будет читать описание Самарканда. Нечего было делать, я отправился, но так мало располагал говорить, что даже не пробрался на платформу, где сидели члены отдельного комитета, а скромно остался в толпе. Но эта роль мне не удалась. Мурчисон разглядел меня и в послесловии к чтению Вамбери объявил публике, что я налицо и я тот самый, который прежде Вамбери описал Самарканд. Сейчас [же] за мною послали депутацию секретарей, и мое появление на платформе было встречено громким рукоплесканием».

Возвращаясь в Париж, Ханыков навестил в Лондоне знаменитого астронома Джона Гершеля, «Зевса европейской науки», по его характеристике. Целью визита являлась координация магнитных съемок в Западной Европе с исследованием направления магнитных долгот и широт в России в тех районах, где путешествовал ориенталист. Он указал, что Ламон определил магнитные координаты в широкой полосе от Лиссабона до Зальцбурга, а профессор Крайль из Вены «продолжал работы Ламона по всей Австрии и по части Турции, до Требизонда (Трапезунд.—*Авт.*), и России до Николаева». Во время ученой экспедиции в Хорасан Ленц «сделал то же для Хорасана и каспийского поморья, так что оставалось связать почти непрерывную цепью наблюдений Лиссабон с Индией. Окончание кавказской съемки представляло к этому большое удобство. Вершины треугольников были тщательно определены, и географические координаты их были узаны с большою точностью, так что оставалось только определить в главных из этих пунктов абсолютные величины магнитных элементов и окружить каждый из них рядом определений вариаций этих элементов, чтобы яснее обозначить влияние местных возмущений, если таковые, есть».

Ученый отмечал, что именно этот проект он «через Мурчисона и Мори пустил в ход и не только Британская ассоциация в своем Генеральном комитете признала его весьма важным для науки, но назначила особый комитет из Сабина, Гершеля, Мурчисона и Гассиота». Выводы комитета будут переданы правительству России «с ходатайством не оставлять этого важного проекта без покровительства». О нем Ханыков и совещался с Д. Гершелем, а затем любознательность привела его в известную Гринвичскую обсерваторию, где он знакомился с ее «учеными богатствами»⁷⁹.

Визит в Лондон убедительно показал, что Н. В. Ханыков занял прочное место в мировой науке. Его рассматривали там как одного из первых европейских путешественников в некоторые страны и области Азии, а с другой стороны, как автора и инициатора научных планов и проектов, имевших международное значение и учитывавших интересы и потребности его родины.

Но он не порывал и прямых связей с отечественными науч-

ными учреждениями и организациями, систематически информируя соотечественников о достижениях Европы в области культуры. Он продолжал публикацию материалов о зарубежных книгохранилищах. На этот раз Ханыков делится впечатлениями о посещении богатых по своему составу библиотек Гёттингена, Бонна и Брюсселя, останавливаясь на их структуре, системе пользования литературой⁸⁰. Он посылает в Русское археологическое общество любопытный источник — «Хождение в Кербелу и Неджеф: путевые заметки магометанского богомольца из Тавриза»⁸¹. Эти заметки были записаны в Тебризе еще в 1852 г. Как гласило примечание к ним, составленное, возможно, Ханыковым, их неизвестный автор, «татарин шиитского толка (т. е. азербайджанец.—*Авт.*), представляется в них наблюдателем любознательным и беспристрастным, а подробности, сообщаемые им о нравах, повестях и суевериях, частью совершенно новы, частью малоизвестны»⁸².

Наконец, в это же время Н. В. Ханыков написал и издал на французском языке подробные «Очерки народного просвещения в России»⁸³. Этим обширным рассказом о различных преобразованиях, осуществленных А. В. Головинным в своем ведомстве, востоковед как бы воздавал дань уважения лицейскому другу, ставшему видным сановником, который неоднократно поддерживал его и в частности помог получить командировку в Париж, где Ханыков так плодотворно трудился многие годы. «Очерки народного просвещения в России» в радужном свете характеризовали изменения буржуазного плана, проводившиеся Головинным. Они были разосланы всем послам Российской империи за рубежом⁸⁴ и имели целью способствовать росту политического и культурного авторитета этой державы.

Можно полагать, что очерки были подготовлены по прямому поручению А. В. Головина, не порывавшего контактов со своим приятелем. Н. В. Ханыков продолжает «посредничать» между ученым миром Франции и России. Так, по его просьбе Головин высылает «для французских синологов 3 экземпляра „Русско-японского словаря“ Гошкевича»⁸⁵. Словари Ханыков передает известному ориенталисту, управляющему Коллеж де Франс, «члену Института», т. е. академику, Станисласу (Ноэль Станислав) Жюльену. Этот видный французский китаевед, в свою очередь, возвращая Петербургскому университету 10 тетрадей маньчжурских рукописей, снабдил их своим двухтомным переводом⁸⁶. По заданию министра народного просвещения Ханыков отправляет в Россию заказанный Головинным во Франции микроскоп⁸⁷. Он систематически знакомит западных специалистов с трудами русских коллег, помещая информацию о них в изданиях парижского Азиатского общества, Географического общества и др. Этим целям, в частности, служит рецензия Н. В. Ханыкова на обстоятельное исследование «О южном берегу Каспийского моря»⁸⁸ молодого ориенталиста Мельгунова,

который провел в этих краях несколько лет, в том числе определенное время с академиком Дорном. Рецензент одобительно отзывается (за небольшими исключениями) об этой работе, полноте материалов о восточных и западноевропейских специалистах, работавших над этой же темой, об интересных и малоизвестных сведениях по древней истории Табаристана, об этнографических, географических и лингвистических данных, характеризующих Мазендеран, Гилян, Астрабад и др.

Тонкий знаток проблематики, которой посвятил книгу Мельгунов, Ханыков особо выделяет любопытные, с его точки зрения, «исторические отступления» автора, малоизвестные подробности о вступлении в Мазендеран отрядов Степана Разина в 1669 г., о возникновении и искоренении учения бабидов в этой провинции, а также краткую биографию мазендеранского поэта Эмири Пазвари.

Русский востоковед играет за рубежом роль представителя не только научной, но и общественно-политической и культурной мысли России. Нет, он не изменил своим принципам: в его трудах и бумагах нет четкого отражения каких-либо настроений или взглядов, а тем более осуждения положения на родине, где консерваторы и мракобесы все решительнее переходили в наступление, блокировали слабые попытки развития политики буржуазных реформ, смещая их сторонников с важных постов и должностей. Тем не менее мы можем судить (хотя и в ряде случаев лишь предположительно) о позициях Н. В. Ханыкова по кругу его знакомых, по адресованным ему письмам и другим косвенным данным. И в этом отношении «парижский период» кажется особенно интересным.

Кто же был для него самым близким человеком в эти плодотворные, но нелегкие годы жизни? Вне всякого сомнения, таким человеком следует считать великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Тургенев писал Гюставу Флоберу 15/27 ноября 1878 г., в день похорон Николая Владимировича Ханыкова, что это был его «старый друг»: «...мы были дружны сорок лет...»⁸⁹.

К огромному сожалению, мы не располагаем точными данными и материалами, которые могли бы рассказать о зарождении, первых шагах и развитии дружбы между этими двумя интересными людьми. Простой арифметический подсчет показывает, что ее начало относится к тому периоду, когда оба они — почти сверстники — лишь вступали в самостоятельную жизнь. Выскажем несколько предположений по поводу возможных «точек пересечения» жизненных путей Тургенева и Ханыкова. Петербургский университет? Будущий писатель окончил его в 1836 г. Будущий востоковед с начала 1837 г. являлся вольнослушателем университета, но мог посещать его и раньше и познакомиться там со студентом филологического отделения Тургеневым, благо и сам тяготел к филологии...

Канцелярия министерства внутренних дел? С середины 1843 до 1845 г. там без большого рвения служил коллежский секретарь И. С. Тургенев. Директором канцелярии был уже становившийся знаменитым В. И. Даль, с которым в одной палатке жил во время Хивинского похода Н. В. Ханыков. Да и сам он все это время — с августа 1842 до начала 1845 г. — находился в Петербурге, будучи, как отмечалось, столоначальником в Азиатском департаменте. Если они раньше были знакомы, это знакомство могло развиться и перерасти в более тесные дружеские чувства. Если оно только что состоялось, то и в этом случае были все основания для зарождения большой дружбы: Тургеневу всю жизнь импонировали уравновешенные, умные люди, хорошие знатоки своего дела. А именно таким был сравнительно юный, но уже много повидавший на малоизвестном Востоке и даже выпустивший интересную книгу ориенталист.

Как бы то ни было, о наличии давних дружеских отношений с Ханыковым свидетельствовал сам Тургенев. Особый размах они получили, когда — в силу различных причин — ученый и писатель оказались на чужбине⁹⁰ и к простому чувству удовольствия от общения со старым знакомым и интересным собеседником прибавилась острая потребность обменяться сведениями, мыслями и соображениями о положении на родине, о ее судьбах. А по этим вопросам и тот и другой могли сообщить немало любопытного, ибо поддерживали тесные контакты с представителями политических, научных, культурных кругов на своей отчизне, а порой (Ханыков — несравненно реже) и посещали ее.

Друзья переписывались: известны 65 писем Тургенева к Ханыкову и значительно меньше — 11 — Ханыкова к Тургеневу. Они постоянно встречались, часто обедали вместе «у Вефура» или собирались у какого-либо члена их кружка. На этих встречах обсуждались последние события в России, новости литературы и искусства. Начатые за обедом, они длились иногда по несколько часов и завершались горячим спором.

Об одном эпизоде, существенном для характеристики взаимоотношений между И. С. Тургеневым и Н. В. Ханыковым, повествует журналист Н. В. Щербань, впоследствии бывший некоторое время литературным секретарем Тургенева. Он рассказывает, что на одном из «еженедельных обедов» писатель сообщил о завершении им «новой большой» повести, отправленной для издания в «Русский вестник», и предложил прочесть ее приятелям. Чтение состоялось на квартире у друга И. С. Тургенева, литератора В. П. Боткина, в присутствии Н. В. Ханыкова, Н. В. Щербаня, поэта К. К. Случевского и журналиста В. Д. Скарятин. Дальнейшее описано так красочно, что есть смысл привести довольно обширную цитату: «Иван Сергеевич не только не забыл randevu, но ждал уже нас, как будто несколько смущенный».

— Боится, боится публики! Вот посмотрим! Вот строгие ценители и судьи! — подсмеивался Боткин, пожимая нам руки и ободрительно лаская взором своего друга.

Уселись. Тотчас началось чтение.

— «Отцы и дети!» — провозгласил заглавие повести автор.

— Да, и дети! — с ударением повторил Василий Петрович, разумеется, уже знакомый с рукописью.

Тургенев читал мастерски, без декламаторских приемов, задушевно. Боткин, погрузившись в мягкое кресло, склонив голову на грудь, сложив руки, по временам кряхтел от удовольствия, или тихо смеялся, или умиленно поводил глазами, отнеся взглядом то или иное место, выражение. Прочие сосредоточились, внимательно-неподвижные. Страница летела за страницей, и, переворачивая листы, Иван Сергеевич поглядывал на слушателей, как бы ловя впечатление.

Вдруг он захлопнул тетрадь.

— Баста, на сегодня довольно... Ну, что? А там еще дуэль будет, — шутливо прибавил он, очевидно, чтобы сказать что-нибудь и поскорее рассеять то особенное, несколько жуткое ощущение, которое испытывает самый заведомо любимый автор, когда сам знакомит со своим новым произведением.

Еще мгновение продолжалось молчание. Прервал его Н. В. Ханыков.

— Превосходно, да и достанется же Вам, Иван Сергеевич!

— Пусть! пусть, — тотчас с ироническим смехом отозвался Боткин, как бы заранее торжествуя победу над хулителями.

Полились общие восклицания, приветствия, горячие поздравления с „меткою, смелой и сильною вещью“. Тургенев был доволен и не скрывал своего удовольствия. Василий Петрович просто ликовал.

Для обоих восхищение слушателей имело значение, разумеется, не как мнение такого-то и такого-то, а как первая проба над публикой.

Чтение закончилось в следующий сеанс уже у самого Ивана Сергеевича...»⁹¹.

О чем свидетельствует этот отрывок? Описанный эпизод Щербань датирует «октябрем или ноябрем 1861 г.». К тому времени Ханыков немногим больше года находился в Париже. За такой не столь уж продолжительный срок Тургенев настолько сблизился с ним, что смог обнаружить в нем глубокий литературный вкус, чтобы привлечь к первому обсуждению самого острого своего произведения. Востоковед Ханыков был единственным исключением в собравшемся обществе профессиональных или полупрофессиональных литераторов. И именно он первым проник в самую суть нашумевшей повести, которая действительно вызвала бурные споры и немало отрицательных высказываний. И досталось же Ивану Сергеевичу за его, как сказали бы сейчас, «смелую, новаторскую вещь»!

Дошедшая до нас корреспонденция содержит немало доказательств того, что подобный вывод не основывается лишь на изложенном эпизоде: выдающийся писатель И. С. Тургенев с большим вниманием относился к мнению Н. В. Ханыкова по литературным вопросам, о чем свидетельствует их обширная переписка. Это было понятно: Ханыков сам выступал с литературно-критическими замечками и исследованиями (вспомним Я. П. Полонского, Хакани и др.), а его близость к писательским кругам России, прежде всего к прогрессивным, в сочетании с острым умом, высокой образованностью и тонким вкусом определяла интерес к нему как к опытному ценителю не только научных, но и художественных произведений. Он охотно вступал в контакты с российскими литераторами и общественными деятелями, не опасаясь, что общение с некоторыми из них может отрицательно сказаться на его положении за рубежом. В июне 1862 г. он встретился в Париже с Ф. М. Достоевским, который приехал к нему с рекомендательным письмом от И. С. Тургенева. «Вот, милый Николай Владимирович, тот Достоевский, о котором я Вам говорил и которого Вы знаете, так же как и вся читающая Россия... («Мертвый дом», «Бедные люди» и т. д.), — писал Тургенев 1/13 июня 1862 г. из Петербурга. — Нечего и говорить, что Вы его примете с Вашим добрым радушием, а я Вам говорю спасибо и жму Вам крепко руку»⁹².

Это знакомство не грозило Ханыкову политическими неприятностями. Хотя Достоевский в молодости был «крамольником», петрашевцем, как и брат Николая Владимировича — Александр, к 60-м годам он в значительной мере утратил «мятежный дух». Н. В. Ханыков, видимо, и без письма Тургенева проявил бы радушие к нему.

Но вот в этом же, 1862 г., находясь в британской столице, сам востоковед проявляет весьма опасную инициативу, пытаясь установить связь с «лондонскими эмигрантами», «политическими преступниками» в глазах царского правительства, во всяком случае, с одним из них — А. И. Герценом. Об этом убедительно свидетельствует шутливо-рассерженное письмо Герцена к И. С. Тургеневу от 20 октября/1 ноября 1862 г.: «Если Ханыков в Париже — то скажи ему, что если он впредь придет ко мне, то, что я умоляю его оставить адрес свой не в Испании и не в Хорасане (как видим, А. И. Герцен знал об экспедиции ориенталиста. — Авт.), а в том городе, где я живу.

Я его искал... искал — но Лондон велик...»⁹³.

Заинтересованность во взаимном общении прослеживается у этих людей до последних лет жизни Герцена. Один из исследователей его творчества, А. Н. Дубовиков, справедливо подчеркивает: «Герцен охотно встречался с Ханыковым во время своих приездов в Париж, ценя в нем умного, интересного собеседника, отлично осведомленного в русских делах; сообщения Ханыкова служили для Герцена источником информации о теку-

щих, в том числе и „закулисных“, событиях общественной и литературной жизни в России»⁹⁴.

И если Н. В. Ханькова нельзя причислить к «тайным корреспондентам» издателей «Полярной звезды» и «Колокола», то он вполне может быть назван как важный открытый источник их осведомленности, причем источник весьма полезный, плодотворный и солидный. Это подтверждает самый надежный свидетель — А. И. Герцен. Более того, Ханьков выступал и в качестве «ценителя» того или иного выступления «лондонских эмигрантов»; он стремился сгладить разногласия или ссоры, возникавшие порой между ними и другими прогрессивными деятелями русской культуры. К примеру, в марте 1865 г. Герцен посетил Париж. В ежедневных письмах, которые он с 16 по 20 марта отправлял Н. П. Огареву, нет ни одного, где бы по тому или иному поводу не упоминалось имя ученого. 16 марта: «Ханьков говорил Левицкому, что Тургенев не узнал меня, и стремится исправить дело»⁹⁵ (речь идет о размолвке между двумя писателями, которую хотел смягчить Николай Владимирович). 17 марта: «Ханьков в восхищение от моей статьи об осповивании»⁹⁶ (речь идет об одном из публицистических выступлений А. И. Герцена). 17—18 марта: «Ханькова встретил на улице — мед и млеко; идем завтра вместе обедать... Головин[ин] писал Ханькову, что Милютин все остановил по делу прессы. Об этом строчку следовало бы напечатать, разумеется, ссылаясь на „Indépendance...“»⁹⁷. 19 марта: «Вчера я обедал у Ветура с Ханьковым» и просидел с ним часа четыре. *Оппи casu* [во всяком случае] он очень умен и очень много знает. Уклончив, бережет свою позицию, но интересен. Он мне показывал письмо к Юр[ию] Сам[арину] в десять листов о московском *сюр де constitution*. Все подробности, сценические и закулисные»⁹⁸. В данном случае востоковед ознакомил Герцена с подготовленным московскими дворянами «адресом» царю, в котором содержалась просьба созвать дворянский собор; «адрес» этот был отвергнут. 20 марта: приводя мнение одного из собеседников о «более мирном направлении „Колокола“ в сторону» Александра II «при том же социальном направлении, как и прежде», Герцен цитировал этого собеседника: «Все жаждут обновленный „Кол[окол]“ с новыми, более практическими статьями, — и добавлял: Кажется, того же мнения и Ханьков. Почему он тебя называет „утопистом, поэтом в политике, пророком, хватающим за 1000 лет“, я не знаю, или почему он не таким же считает меня?» На основании изложенного Искандер приходил к практическому выводу: «Мораль всего этого та, что действительно нам снова открывается место и, следовательно, надобно сильно приняться за работу. Надо ошеломить своих и не своих — первой статьей и снова рвануться в ряды живых. Для всего для этого надобно быть на месте...»⁹⁹.

Как видим, контакты между А. И. Герценом и Н. В. Хань-

ковым были довольно тесными и к мнению зарубежного «агента министерства народного просвещения» Российской империи революционный демократ прислушивался достаточно внимательно. По всей вероятности, именно эти обстоятельства породили утверждение одного из крупнейших герценоведов, историков русской литературы и общественного движения, М. К. Лемке, о том, что знаменитые «Письма к путешественнику» Герцена (май — июль 1865 г.) «адресованы были, собственно, Николаю Владимировичу Ханькову, известному ориенталисту и этнографу...»¹⁰⁰. И хотя такое утверждение не имеет под собой твердой фактической основы (в «Письмах...» говорится о поездке по Северо-Американским Соединенным Штатам, где ученый никогда не бывал) и не принято советским литературоведением, его появление само по себе чрезвычайно симптоматично.

Связи между ними не прекращались. 24—25 августа/5—6 сентября 1867 г. А. И. Герцен писал Н. П. Огареву из Ниццы: «...постараюсь найти Ханькова — мы ничего не знаем, т. е. ровно ничего»¹⁰¹. Из Парижа 12/24 сентября 1867 г.: «Пойду сегодня к [Г. Н.] Вырубову после дел и отыщу Ханькова — для новостей»¹⁰².

Через год Ханьков, узнав, что А. И. Герцен заболел диабетом и проездом в Виши посетил французскую столицу, отправил ему 22 сентября 1868 г. теплое послание (единственное из известных нам писем Ханькова Герцену). «Очень и очень сожалею, Александр Иванович, — писал он, — что вместо Вас видел только Вашу дружескую записку. Боткин мне сказал, что Вы, может быть, зайдете, и я оставался дома до 3½h и вернулся только к 7h, когда уже поздно было воспользоваться Вашими указаниями об употреблении Вашего вечера.

Надеюсь, что это письмо дойдет до Вас и застанет в начале курса, который, несомненно, принесет Вам пользу, — подбадривал Ханьков больного. — При малейшей осторожности с этим внутренним *Runkel-Rüben-Zucker-fabrication's — Institut* (т. е. «свеклосахарным производством» — диабетом. — Авт.) живут хорошо и подолгу; покойный Биот, умерший восьмидесяти двух или восьмидесяти трех лет, занимался этим сахароварением лет тридцать».

Рассказав о своем посещении находившегося в Бадене И. С. Тургенева, Николай Владимирович переходил далее к «литературным пожеланиям». «С. П. Боткин сказывал мне, что Вы собираетесь, наконец, печатать Ваши портреты эмигрантов; чрезвычайно рад этому, так как стыдно скрывать от публики эту рембрандтовскую галерею. Не прибавите ли Вы к ней портрет покойного князя Долгорукова? Под Вашей магистральной кистью эта странная смесь желчи, вольнодумства, суеверия, любви, зла и отчасти смелости, переходившей нередко в меднолюбие, выйдет поразительною и наставительною личностью. Вы, как мне сказывал баденский священник, видели умирающего

незадолго до кончины, а в таких натурах последние моменты особенно психологически любопытны, хотя вообще я уверен, что предсмертное настроение зависит главным образом от характера болезни, но все-таки и нормальные мозговые особенности довольно ярко проявляются в эти минуты»¹⁰³.

Герцен, как водится, сообщил (11/23 сентября 1868 г.) Н. П. Огареву об этом послании (назвав его «премилым») ¹⁰⁴. Он в нескольких письмах передал и свои впечатления о «последних моментах» исключительно любопытной личности, каким был князь-эмигрант П. В. Долгоруков ¹⁰⁵, обиженный тем, что ему не нашлось достойного места среди правящей верхушки империи. Но согласитесь, что и, не обладая «магистральной кистью» (какое меткое и точное выражение применительно к бичующему и обладающему перу великого Искандера!), Н. В. Ханыков нарисовал яркий и образный портрет этого человека.

Востоковед внимательно следил за публикациями «лондонских изгнанных» и регулярно получал «Полярную звезду» ¹⁰⁶. Знакомство с ним Герцен поддерживал чуть ли не до своего последнего дня: менее чем за месяц до кончины, 15/27 декабря 1868 г., он сообщал Огареву из Парижа: «...поеду к Ханыкову» ¹⁰⁷.

Ориенталист глубоко и непоколебимо верил в политическую стойкость и последовательность Искандера. Он с презрением относился ко всевозможным провокационным сплетням, какие распускали о нем агенты царизма. «...Здесь распространился какой-то странный слух,— писал Николай Владимирович из Парижа 2 марта 1869 г. И. С. Тургеневу,— о поездке Герцена в Вену и о вступлении его чрез тамошнего священника в переговоры с нашим начальством о возвращении. Само собой разумеется, я этому не верю» ¹⁰⁸.

К сожалению, пожелания долголетия, адресованные Ханыковым А. И. Герцену, не сбылись. 9/21 января 1870 г. великого революционного демократа не стало. Н. В. Ханыков был одним из немногих русских, пришедших на похороны Герцена. Именно по его инициативе было положено начало розыскам и сбору писем Искандера; именно он составил перечень лиц, с которыми Герцен переписывался в России, поручив направлявшемуся туда в 1871 г. И. С. Тургеневу предпринять необходимые шаги в этом направлении ¹⁰⁹; именно он играл практическую роль в подготовке первого издания произведений и писем умершего.

Поскольку соответствующее послание Н. В. Ханыкова Тургеневу пока не обнаружено (что весьма огорчительно!), о нем можно судить по ответу писателя. «Любезный друг Николай Владимирович,— писал Тургенев,— с свойственным Вам мудрым пониманием людей и вещей Вы в деле собирания герценовских писем указали единственно верный путь. С своей стороны я готов содействовать предположениям гг. Вырубова... Раго-

зина и др.— елико возможно. А именно: во-1-х) я соберу все находящиеся у меня письма Герцена и перед отъездом в Веймар отправлю их к Вам на хранение и позднее употребление ¹¹⁰, будучи уверен в Вашем благоразумии и discrétion (т. е. осмотрительности.— Авт.); во-2-х) во время моей поездки в Россию я обращусь ко всем Вами поименованным лицам и постараюсь достать от них, что у них сохранилось; наконец, в-3-х) я готов написать очерк моих отношений с Герценом — в Москве, в Париже, в Лондоне — и в случае нужды не откажусь даже подписать мое имя. Это все я могу положительно обещать. Неприятно мне было узнать об образе действия герценовского сына ¹¹¹... Возвращаю Вам Ваше письмо...» ¹¹².

Не исключено, что Ханыков уничтожил это письмо, проявив свое «благоразумие и осторожность», в которых был уверен его друг: в конце концов в отличие от Тургенева он не располагал гарантированным доходом от российских деревенок или от литературного труда. Но сохранился текст ответа востоковеда на послание писателя: «Сегодня получил Ваше любезное письмо, сегодня же показал его Вырубову и спешу Вас благодарить за все, что Вы в нем обещали... Мысль Ваша написать очерк отношений Ваших с Герценом в Москве, Лондоне и Париже превосходная. Никто лучше Вас не запечатлеет словом этой страстной, порывистой и артистической личности...» ¹¹³.

Удовлетворение, испытанное в связи с готовностью И. С. Тургенева «запечатлеть словом» для будущих поколений скончавшегося писателя и публициста с мировым именем, к прискорбию, оказалась преждевременным: Тургеневу не удалось осуществить свое намерение. А Ханыков настойчиво стремился сделать все возможное, чтобы сохранить на века мысли и труды могучего Искандера. Так, еще 20 января/1 февраля 1870 г. он «советовал Тургеневу написать Н. А. Тучковой-Огаревой о своих опасениях относительно рассредоточения архива Герцена» ¹¹⁴, и перед тем как обратиться к вдове Искандера, Тургенев запросил Ханыкова, как ему именовать ее — Тучковой-Огаревой или Герцен ¹¹⁵. Таким образом, выясняется, что за сохранение бесценного наследия А. И. Герцена мы в значительной степени должны быть признательны Николаю Владимировичу Ханыкову, опытному специалисту, великолепно понимавшему значение документов, исторических источников.

Можно привести немало примеров, убедительно свидетельствующих, что действительно статскому советнику Ханыкову, не так уж обойденному царскими милостями, был не по душе господствовавший на его родине режим, не по душе было укрепление реакции, развертывавшей наступление в различных областях духовной жизни страны. Он не пытался, подобно Герцену и другим русским революционным демократам, открыто протестовать против самодержавия или выражать либерально-буржуазные взгляды, но симпатии его проявлялись не по отноше-

нию к мракобесам, а скорее к их противникам. Он снабжал друзей и знакомых запрещенной литературой, разделял их негодование по поводу отхода от политики реформ, хоть на короткий период наметившихся в России. Так, бывший министр народного просвещения, а позднее член Государственного совета А. В. Головин 17/29 ноября 1866 г. просил Ханыкова прислать ему мемуары Петра Долгорукова (в скандальном свете рисовавшие сановный Петербург) и «номера „Колокола“, которого я с августа сего года не видал»¹¹⁶. В письме от 29 декабря 1866 г., подчеркивая его «личный» характер, Головин сообщал о разгуде цензуры, в связи с чем инициатора усиления цензурных строгостей министра внутренних дел П. Валуева забаллотировали при выборах в почетные члены Академии наук; бывший коллега Валуева клеймил его позором за то, что тот «слишком подчинился растлевающему влиянию III Отделения»¹¹⁷. 12/24 апреля 1867 г. Головин писал: «Сегодня встретился с Ег. П. Ковалевским, который очень просит Вас прислать брошюру Н. И. Тургенева, как скоро появится»¹¹⁸. Понятно, что с подобными просьбами можно было обращаться к надежным людям, единомышленникам.

Симптоматичными в этом же плане являются письма Н. В. Ханыкова сановнику В. П. Буткову из Кавказского комитета, обнаруженные нами в отделе рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской ССР в Киеве. Они, в частности, содержат информацию об изданиях, пересылавшихся востоковедом своему корреспонденту в 1860 г. 24 августа/5 сентября выслана брошюра некоего Наквасского «об освобождении крестьян»¹¹⁹; 26 октября/7 ноября сообщается о высылке книг кн. А. В. Трубецкого и профессора Порошина (названия не указаны). «Первая есть довольно трудолюбивое сочинение Н. М. Карамзина и написана, может быть, с хорошою целью, но — увы! — без малейшего таланта, — комментирует эти публикации Ханыков. — Вторая, как все, что выходит из-под пера Порошина, отзывается какою-то неоконченностью выводов, он до того сам не знает, чего хочет, что и читатель приходит с ним к тому же недоумению. Как тщательное историческое исследование вопроса об освобождении крестьян эта книга имеет несомненное историческое достоинство, но уже гораздо меньшее как критика существующих постановлений. Порошин всегда, с 30-х годов, когда я с ним познакомился, и до настоящего времени живет более между небом и землей, чем на земле, а потому большой практичности в выводах искать нельзя».

Отметив, что в цитированном письме рассказывается также «о большом неудовольствии [парижского] рабочего класса на страшную надбавку пошлины на табак», которая вызвала демонстрацию протеста («первое проявление неудовольствия народа к императору»¹²⁰), напомним, что эти послания и бандероли были отправлены еще до «крестьянской реформы» 1861 г.

Вопрос об «освобождении крестьян» имел особую остроту, и петербургская знать проявляла огромный интерес к его освещению в издававшейся за рубежом бесцензурной печати, даже если авторами выступали соотечественники. Учитывая, видимо, достаточно консервативный образ мыслей В. П. Буткова, Н. В. Ханыков на всякий случай отмежевывался от порошинской «критики существующих постановлений».

Из следующего письма тому же адресату (от 9/21 ноября) мы узнаем об отправке ему «83 и 84 номеров „Колокола“, а также «четырёх брошюр, вышедших или дошедших до Парижа». Ханыков беспокоится по поводу сроков получения Бутковым крамольного «Колокола» и просит разрешения выслать это издание не через курьеров посольства, а «прямо по почте, это значительно ускорило бы доставку его»¹²¹.

Новое послание — от 21 июня/3 июля 1861 г. — и снова известие об отправке различных журналов и брошюр, а также сообщение о том, что по ходатайству «графов Чарторижского и Браницкого у принца Наполеона, а сего последнего у императора Герцену разрешено приезжать в Париж. Он здесь пробыл неделю и, кажется, сегодня возвращается в Лондон»¹²². Если судить по приведенным выше свидетельствам А. И. Герцена, он чуть ли не ежедневно встречался с Ханыковым в Париже, и вводное словечко «кажется» появилось в письме, по-видимому, затем, чтобы не создавать в Петербурге впечатления об их уже слишком тесном общении...

Активная роль ученого в пересылке подцензурной литературы в Россию даже на основании пяти сохранившихся в Киеве посланий к Буткову прослеживается на протяжении 15 лет. Последнее из них, датированное 4 октября 1875 г., особенно показательны для иллюстрации некоторых взглядов Ханыкова, сложившихся к концу жизни. Он очень устал — физически и морально. Какие-то сдвиги на родине в сторону относительной либерализации, демократизации, ликвидации «азиатчины», намечавшиеся было в начале так называемой «эпохи великих реформ», оказались мертворожденными. Революционный подъем в России (быть может, он и не воспринимался Ханыковым очень четко) шел на спад. Реакционеры и консерваторы отвоевывали позиции, с которых их несколько потеснили. Могучий голос Герцена умолк навсегда, а другие борцы за изменение социальных порядков не казались ориенталисту серьезными и достойными преемниками этого трибуна. И, приводя почти целиком документ 1875 г., мы не можем не обратить внимания на характерные для него нотки политического пессимизма. Н. В. Ханыков пишет из Баден-Бадена: «Отсюда я могу лучше исполнить Ваше поручение, так как в Париж желаемых Вами книг более не посылают и только у Франки кое-когда увидишь одну или две брошюры, посылаемые ему из Берлина или Женевы на пробу, не продается ли».

Это равнодушие публики объясняется незаманчивостью ни слога, ни содержания нашей заграничной печати. Женевские наши коммунисты (подразумеваются, вероятно, М. А. Бакунин и его сторонники.— Авт.) пишут о России, как во время оно мы писали о Хиве, по расспросам перебежчиков. Толкуют все то же, что было толкуемо Герценом, но без малейшей искры его блестящего таланта, дававшего привлекательность фейерверка даже его заблуждениям и софизмам.

Теперь все это пережевывается тяжело, вяло и скучно. Вперед издания экс-полковника Лаврова, выходящие от времени до времени толстыми книгами, самый ярый охотник запрещенной литературы не одолеет не только сразу, но и в несколько присестов. Бакунин тоже написал толстую книгу, в которой он доходит до такого пафоса, что ругается просто матерными словами, но проповедует ту же чепуху, которую он проповедовал всю жизнь, т. е. что нечего заботиться об улучшении существующего, что оно так гадко, гнило, постыло и несправедливо, что его не исправить никакими реформами, и что надобно сплеча все бить, ломать, уничтожать с тем, чтобы развалины старого *сами из себя* возрастили нечто новое, во всяком случае, по его мнению, лучше бывшего доселе. Теория эта, как вы изволите видеть, очень проста и бестолкова. Люди всегда останутся людьми, и, как их ни бей, ни уничтожай всего достигнутого ими тяжелым опытом и кровавым потом, нет причины им по развалинам идти другою поступью, чем они шли по нетронутым их руками частями земной поверхности»¹²³.

Ученого не привлекали народнические взгляды главы «субъективной школы» в социологии П. Л. Лаврова. Его не манили и убеждения теоретика анархизма М. А. Бакунина. Что касается позитивной программы переустройства общества, то в этом Ханьков был верен себе: он ее не выдвигал. Во всяком случае, нам ее не удалось обнаружить ни в этом письме, ни в каких-либо иных бумагах Н. В. Ханькова. Думается, что такая проблема его не очень-то волновала...

Однако чрезмерное увлечение общественными связями Ханькова и выявлением его политических позиций несколько отвлекло нас от основных занятий ученого. К ним и надлежит вернуться. К середине 60-х годов он уже вполне освоился во Франции. Ученый пользовался своими обширнейшими познаниями как для оригинальных исследований, так и для того, чтобы достаточно деликатно поправлять, дополнять, уточнять труды французских коллег, прибегая к форме научных «писем». Так, в 1866 г. «Журналь Азиатик» печатает его послание ориенталисту Шарлю Дефремери; здесь на шести страницах содержится «разъяснения по поводу двух отрывков [в книге] Ибн-Хордадбега» в связи с переводом Барбье де Мейнаром (Франция) этого географического труда¹²⁴. Сравнения, сопоставления, привлечение разнообразнейших источников — обычный способ Ни-

колая Владимировича, позволяющий ему отвергнуть допущенные переводчиком неточности в определении расстояний между отдельными пунктами, топонимике и др. Аналогичный характер носило и его «письмо г-ну Рейно». Оно касалось эпохи крестовых походов, вызывавшей особый интерес парижского специалиста. Ханьков вводил в научный оборот свидетельство современника этой эпохи — Хакани, который, по его мнению, в 549 г. хиджры (1154) был очевидцем действий полководца Нур эд-Дина. Он приводил стихи поэта (на арабском языке и в своем переводе) и подчеркивал, что, несмотря на отсутствие в них четких и определенных исторических фактов, из строк поэта можно сделать выводы о фанатизме и самоотверженности воинов-мусульман, собиравшихся во всех уголках халифата, чтобы уничтожить враждебных пришельцев из стран Западной Европы¹²⁵.

Но это небольшие заметки. Значительно более внимательно, глубоко и всесторонне анализирует он осуществленное Ш. Потье научное издание знаменитой «Книги Марко Поло»¹²⁶, к тому времени переиздававшейся почти 60 раз. Отмечая огромное значение этой публикации, текст которой был выверен Потье по рукописи, находившейся в руках самого Марко Поло, а также по варианту Рустичано с великолепными комментариями и справочным аппаратом, Н. В. Ханьков особенно детально останавливается на подаче в этом труде истории, географии и этнографии Ближнего и Среднего Востока, кавказских и среднеазиатских областей, столь хорошо ему знакомых. Отдавая должное большому вкладу Ш. Потье и других комментаторов «Книги Марко Поло» в толкование ее многих темных мест, ученый отвергает некоторые комментарии, в частности попытки установить связь между «карунами» и индо-скифскими племенами: каруны, по его мнению, составляли один из отрядов монгольских войск Хулагу-хана. Ханьков подробно рассматривает действия карунов, которые, по Марко Поло, участвовали в восстании Нагудара против его дяди Хулагу-хана. Но Нагудар, пишет ученый, сын Джучи, двоюродного брата Хулагу, в действительности был двоюродным внуком последнего. Ссылаясь на армянского автора Малакия Арека, Ханьков уточняет ход событий, в частности маршрут Нагудара с восставшим отрядом к берегам Инда: Бадахшан, ущелья Гиндукуша, Харипур Кашмирский, Даливал Бахавалпурский. Он резюмирует историю Нагудара, обосновавшегося в Мекране и Белуджистане и падавшего отсюда на соседние персидские провинции¹²⁷.

Вместе с Марко Поло и Шарлем Потье Н. В. Ханьков как бы заново проделывает грандиозный путь, находя «правильные места» фактам и событиям, городам и селениям, историческим действующим лицам с их судьбами, отраженными в одной из замечательнейших «книг странствий», какие знает человечество... Он приводит множество деталей, характеризующих глу-

бокое проникновение в прошлое, в быт и нравы народов Востока, восточную терминологию, особенно применительно к Персии.

Но здесь наглядно проявляются и слабые стороны не столько познаний, сколько подхода Ханыкова к научному изучению народных судеб, его методологии. В данном случае, как и в некоторых других его работах, основной акцент сосредоточен на политической истории, династических и прочих распрях, военных походах и т. п. Значительно меньше внимания уделяется проблемам социально-экономическим, если вообще можно о них говорить. Ученый не вышел за пределы мировоззрения подавляющего большинства своих коллег-современников, представителей своего класса. Впрочем, несмотря на относительно большой объем и определенный научный интерес, обзор нового издания «Книги Марко Поло», который в том же, 1866 г. был выпущен в Париже отдельной брошюрой, не отражал главного направления деятельности Н. В. Ханыкова в это время. Таким направлением было завершение напряженного труда по этнографии Персии — своего рода продолжение «Записки о южной части Центральной Азии».

«Записки по этнографии Персии»¹²⁸ — исследование, которому Николай Владимирович придавал особое значение, также было издано Парижским географическим обществом. Мы уже не раз подчеркивали: все его изыскания были в высшей степени фундированы, основательны, «добротны», если здесь применим подобный эпитет. В них тщательно учитывались последние достижения науки, которые были технически доступны этому специалисту, мельчайшие разработки сюжета, заслуживающие внимания. «Записки по этнографии...» не нарушали ханыковских традиций.

Они были до предела насыщены результатами полевых наблюдений автора, почерпнутыми из разнообразнейших источников, фактическими и статистическими данными, всевозможными антропологическими и другими таблицами, сведениями об этническом составе населения Персии. Устаревшая, бесспорно, в некоторых своих разделах и утверждениях в наши дни, эта работа в ту пору представляла собой исключительно интересное и содержательное обобщение всех тематических материалов, углубленное собственными наблюдениями и соответствующими обмерами, какие провел Ханыков, будучи в Персии.

Во введении автор подчеркивал принятый им основной принцип: изучение этнографических особенностей иранских народов на всей территории их расселения в Азии. Он критиковал труды своих предшественников за невнимание к научным принципам освещения вопроса, в частности за «недостаточность этнографических методов исследования», призывал к замене субъективного, эмоционального («артистического», по его выражению) подхода к описанию типов объективными («механическими»)

приемами — подготовкой оттисков-муляжей и дагерротипных изображений.

В центральных частях издания Н. В. Ханыков останавливается на отличительных признаках иранской расы: физических, «нравственных», филологических. Он стремился воссоздать «исторический облик народа», проявившийся на протяжении многих веков его существования. Рассматривая лингвистические проблемы, ученый характеризовал историю развития «иранских наречий», в том числе зендского языка, языка клинописей ахеменидских надписей, пехлевийского языка, новоперсидского языка и воздействие на него составляющих компонентов и т. д. Его внимание привлекали как племена и народности собственно Персии, так и «этнографический характер» их соседей, оказавших на них соответствующее влияние. В этом разделе — описание множества народов (в их числе — «переходных национальностей», употребляя термин ориенталиста), а также сравнительно подробный анализ работ европейских специалистов по данному сюжету. Наконец, Ханыков проводил сравнение «этнографических списков гвоздеобразных надписей» (т. е. клинописи) у Геродота, Страбона, Птолемея, Исидора Харакского, Аммиана Марцеллина и других более поздних авторов, подчеркивая «неизменность мест обитания разных иранских племен».

Новый труд востоковеда сразу привлек внимание научного мира. В журнальных и газетных отзывах и рецензиях отмечалось, что это едва ли не первая работа, досконально освещающая этнографию Персии, одного из древнейших государств мира, народы которого оказали немалое влияние на народы Европы и Азии.

Петербургский университет откликнулся на известие о подготовке и выходе этнографического исследования Н. В. Ханыкова присуждением ему ученой степени доктора по истории Востока. Собравшийся на заседании по этому поводу 23 марта 1866 г. Совет университета обосновывал свое решение тем, что Ханыков «приобрел всеобщую известность своими учеными трудами».

Старый приятель Н. В. Ханыкова Ю. А. Гагемейстер, изучавший торгово-политические связи России со странами Востока, с большой похвалой отзывался о новой книге ориенталиста. «Недавно только вырвал я у Вельяминова-Зернова прекрасное Ваше исследование об этнографии Персии, — писал он Ханыкову 12 января (по-видимому, 1867 г.: на письме год не указан. — Авт.). — Подобной работы, кажется, не существует еще относительно ни одной страны. Если Вы с такой же тщательностью обработаете весь „Иран“ Риттера, то соорудите себе вечный памятник»¹²⁹.

О каком «Иране» Риттера идет здесь речь? Этой темы мы еще коснемся, а сейчас необходимо поинтересоваться тем, как же официальная Россия отметила заслуги ориенталиста, члена

почти всех мировых научных обществ и организаций, имеющих отношение к востоковедению. Быть может, это случайное совпадение, но именно в 1866 г. (28 февраля) «высочайшим приказом» (№ 4) по министерству иностранных дел Н. В. Ханыков был уволен «по случаю упразднения должности», какую он занимал в Азиатском департаменте¹³⁰. Его материальное положение становилось критическим. Никаких капиталов или поместий у Н. В. Ханыкова не было. Помогли друзья (в том числе военный министр Д. А. Милютин). Они сделали все возможное, чтобы не оставить полностью без средств к существованию человека, столько сделавшего для развития отечественной науки. Выплачивавшаяся ему в качестве «жалованья» тысяча рублей в год была «обращена» в пенсию. Эта сумма обеспечивала действительному статскому советнику, имевшему все соответствующие «знаки беспорочной службы» и оказавшему немаловажные услуги своей родине, лишь весьма относительное экономическое благополучие и самостоятельность. Ханыков, однако, и ей был чрезвычайно рад. Продолжая опасаться за будущее, ученый предпринимал попытки найти способы укрепления своей «материальной базы». Следовало решать принципиально вопрос о «местопребывании». С одной стороны, уже опубликована этнографическая монография, подготовка которой длительное время служила обоснованием чрезвычайно затянувшейся зарубежной командировки. Казалось бы, можно с триумфом возвращаться домой. Однако, с другой стороны, получив пенсию, бывший драгоман Азиатского департамента (а именно драгоманом продолжал числиться ученый до последних дней своей служебной деятельности) мог не считать себя более связанным какими-либо обязанностями или обязательствами.

Итак, Париж или Петербург? 1866 год является в этом отношении переломным. Николай Владимирович Ханыков отдает предпочтение французской столице. Он отнюдь не прерывает контакта с российской наукой, представителем которой продолжает себя считать. Изредка навещает родину... Более того, сохранилась еще одна ниточка, связывающая его с официальными учреждениями империи: Ханыков еще оказывает услуги министерству народного просвещения. Почти за месяц до его увольнения из внешнеполитического ведомства «с мундиром, последней должности присвоенным», а именно — 31 января 1866 г. министр народного просвещения выхлопотал ему у царя продление командировки за границу еще на три года¹³¹.

Основной смысл этой акции заключался в том, что, пока ориенталист числился в официальной командировке и выполнял поручения министерства народного просвещения, казна выплачивала ему 1800 руб. в год¹³². Это была одна из последних услуг Ханыкову со стороны лицейского знакомого. Но не следует воспринимать действия Головнина сугубо с позиций их приятельских отношений. Великолепно образованный и опытный по-

литик понимал значение пребывания ученого за рубежом не только с точки зрения его научных интересов и возможностей. Информация и материалы, которые получал министр от своего корреспондента, представляли для него немалую ценность. Это объяснялось близостью востоковеда и к авторитетнейшему вельможе, бывшему послу Российской империи в Париже графу П. Д. Киселеву и его окружению, и к оппозиционно настроенным кругам русской эмиграции, и к деятелям отечественной культуры, покидавшим родину, чтобы хоть некоторое время провести в более свободной обстановке, и, наконец, к иностранным общественно-политическим и научным деятелям.

Видимо, это обстоятельство хорошо понимал и преемник А. В. Головнина на его министерском посту: яростная борьба консерваторов против сторонников куцых буржуазных реформ в 60-х годах XIX в. увенчалась еще одним успехом реакционеров — 14 апреля 1866 г. ведомство народного просвещения возглавил Д. А. Толстой, кстати, также воспитанник Царскосельского лицея. Примыкавший ранее к группе «константиновцев», а значит, близкий А. В. Головнину, Д. А. Толстой к тому моменту почти полностью перешел на крайне правые позиции.

Во время этих серьезных перемен в политической жизни России Н. В. Ханыков по своим делам ненадолго приехал домой. Он счел необходимым написать докладную записку новому министру, от которого теперь зависели почти две трети средств, какими он располагал для жизни и работы. 17/29 апреля 1866 г. ученый обратился к Д. А. Толстому с обширным письмом, стремясь «объяснить... откровенно настоящее отношение мое» к министерству народного просвещения и выяснить, что «нужно будет изменить или дополнить в существовавшем доселе порядке сношений моих» с его руководителем. Ханыков подчеркивал, что Головнин по собственной инициативе предложил ему должность корреспондента министерства, «давно уже существовавшую», определив сферой деятельности Францию и Бельгию. В его функции, отмечал ориенталист, входило извещение министра о французских реформах в области образования, высылка интересующих министерство книг, «в том числе всех произведений русской заграничной печати», а также выполнение особых поручений. Расшифровывая последний пункт, Николай Владимирович указывал на изучение им при содействии П. Д. Киселева организации первоначальных школ департамента Сены и парижских лицеев, на осмотр и описание «главных публичных библиотек России» (явная и непонятная описка: он «осмотрел и описал» библиотеки ряда европейских государств), на сообщение сведений «о порядке цензурования театральных пьес и об устройстве предупредительной цензуры книг и журналов и т. д.».

Особо отмечал Ханыков полученное им задание составлять на французском языке обзоры осуществлявшихся в России мероприятий «по части народного образования», которые намечалось

издавать отдельными книжками под названием «Etudes sur l'instruction publique en Russie». Первая из них — своего рода введение — вышла в конце 1865 г., а ко второй, освещавшей историю и современное состояние высшего образования, он уже подготавливал материалы. В 1863 г., продолжал он, место министерского корреспондента было упразднено, «но я продолжал исполнять те же обязанности под другим титулом», ибо заграничная командировка была продлена для завершения научных работ сначала на два, а затем еще на три года, т. е. до мая 1869 г. «Собственно же ученые занятия мои состояли в обработке и печатании результатов, добытых мною в течение долгого пребывания моего на Востоке, в опытах над новым аппаратом для исследования изменений напряжения земной тяжести и в длинном ряде предпринимаемых мною опытов над абсорбцией газов жидкостями, при разных давлениях и температурах, посредством нового проектированного мною аппарата. Все эти последние работы, как само собою разумеется, я произвожу на собственный счет, и *официально* (подчеркнуто в тексте. — Авт.) министерству до них дела нет, частным же образом я буду весьма очень рад, если вам угодно будет позволить мне доставить некоторые из моих трудов».

В заключение Ханыков просил Толстого «одобрить *до времени* (подчеркнуто в тексте. — Авт.) существующий порядок либо указать мне те изменения одного, которые Вы признаете полезными»¹³³.

Что привлекает внимание в этом своеобразном отчете ученого о некоторых сторонах своей деятельности, что читается в нем между строк? Это, во-первых, понятное стремление сохранить сложившиеся отношения, доставлявшие ученому дополнительные средства к существованию. Он подчеркивает — «до времени», намекая на наличие царского «соизволения», до истечения сроков которого, уж во всяком случае, нельзя было бы отрешить его от заграничных занятий; он подчеркивает также свою добросовестность (если в этом была необходимость) при выполнении поручений. И уж в совершенно новом свете предстает перед нами путешественник по странам Востока, чиновник кавказской Дипломатической канцелярии или консул в Тебризе, когда он говорит о своей научной работе... Труд по этнографии уже позади, в круг интересов вошли чрезвычайно существенные проблемы физики и даже инженерные вопросы, проектирование и изобретение «новых аппаратов»!

Не измена ли это делу всей жизни — так захватившей его ориенталистике? Нет, тяга к Востоку, которую многие ученые, писатели, поэты называли мистической, таинственной, необъяснимой, но вполне реальной, стремление продолжать и углублять изучение прошлого и настоящего его стран и народов, языков и литератур не покинули Ханыкова, приближавшегося к своему пятидесятилетию. Вместе с тем его увлечение магнетиз-

мом, «абсорбцией газов жидкостями при разных давлениях и температурах» и другими физическими вопросами, выходящее за рамки нашей тематики, вполне заслуживает самостоятельного исследования.

Если у востоковеда и существовали какие-либо опасения по поводу своего дальнейшего статуса в министерстве народного просвещения, то они оказались беспочвенными. Достаточно умный и опытный деятель, Д. А. Толстой не отказался от услуг обосновавшегося в центре Европы специалиста. 21 апреля 1866 г. он известил Н. В. Ханыкова, что ему было «в особенности приятно встретить в числе деятелей на пользу вверенного мне министерства народного просвещения столь известного представителя науки, как в. пр-во». В письме выражалась уверенность, что содействие ученого в ознакомлении графа «с замечательными явлениями в области школы и народного просвещения за границей» принесет его ведомству «значительную долю пользы». Толстой просил Ханыкова продолжать информировать его по этим вопросам, а также высылать книги, «в том числе и произведения русской заграничной печати».

Незачем разъяснять, что среди «произведений русской заграничной печати» Д. А. Толстого, как, впрочем, и его предшественника, в первую очередь интересовали издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Его приход в ведомство просвещения означал полную и немедленную отмену всех буржуазно-либеральных начинаний А. В. Головнина. Было бы наивным полагать, что Толстой станет рекламировать реформы, которые он стремился искоренить. «Что же касается второй части обзора нашего министерства народного просвещения, для которой Вами уже собраны материалы,—гласил заключительный абзац его послания Ханыкову,—то я просил бы Вас не приступать к составлению одного впредь до того времени, когда я ознакомлюсь с первой частью обзора и не уведомлю Вас о возможности продолжать предпринятое издание»¹³⁴.

Подобное «уведомление» так и не поступило. Выпуск этой работы на первом, вводном разделе был прекращен. Но министр дорожил ценным сотрудником: по его «высочайшим докладам» заграничная командировка Ханыкова в связи с просьбами ученого систематически и регулярно продлевалась на три года: в 1869 и 1872 гг.¹³⁵. По-видимому, сделана она была и в 1875 г., хотя точных сведений на этот счет у нас не имеется. Любопытно, что и в 1872 г. в качестве мотивировки выдвигалась необходимость «окончательной разработки этнографических материалов по описанию Персии и Афганистана». Николай Владимирович явно не стремился вернуться на родину.

А между тем у Ханыкова были великолепные возможности «сделать карьеру» в Российской империи, заняв видное место в чиновничьем аппарате. Стремился ли он к этому? Напомним, что достаточно высокий чин действительного статского совет-

ника и титул «его превосходительства» Ханыков получил без малейших хлопот и домогательств со своей стороны. Более того, он даже находился в это время за границей — в Тебризе.

Нельзя не отметить и следующий, чрезвычайно показательный эпизод. Вернемся немного назад. 19 декабря 1863 г. один из руководителей Кавказского комитета, В. П. Бутков, писал А. В. Головнину, что за год до того, в декабре 1862 г., он по поручению бывшего наместника кавказского подал «всепопданнейший доклад» о награждении Н. В. Ханыкова «за его особые труды» орденом Станислава I степени. Царская резолюция гласила: «Буду на это согласен, когда воротится из-за границы»¹³⁶. Возможно, здесь имели место опасения Александра II, как бы ученый, близкий к А. И. Герцену и другим мало симпатизировавшим самодержавию деятелям, не предпринял какой-нибудь нежелательной политической демонстрации. Видимо, теперь Головнин поддержал перед царем ходатайство Буткова; во всяком случае, 20 декабря 1863 г. он отправил Буткову ответное послание: «С своей стороны я признаю действительного статского советника Ханыкова вполне достойным испрошения для него награждения орденом св. Станислава I ст.»¹³⁷. Еще через неделю, 28 декабря, ориенталист «в награду его отличной усердной службы и особых ученых трудов» был «пожалован кавалером св. Станислава I ст.». Но и тогда он не проявил торопливости с поездкой в Петербург за чрезвычайно вожделенным в глазах многих его коллег орденом. Собиравший материалы для его биографии археолог и востоковед Н. И. Веселовский в полном недоумении восклицал: «28 декабря 1863 [Ханыкову] пож[алован] орд[ен] Стан[ислава] I степ., а он все в Париже сидит»¹³⁸.

Нет, Ханыков не проявлял никакого интереса к политической карьере на родине, к чинам, титулам и званиям. И если он остерегался открыто выражать свое мнение о реакции перед Д. А. Толстом, от которого теперь зависел в материальном отношении, то единомышленников Толстого, консерваторов и мракобесов, он не жаловал, как и не осуждал народовольцев. Характерным в этом отношении является его письмо из Парижа И. С. Тургеневу в Баден-Баден, написанное 26 сентября 1866 г., когда в Петербурге неожиданно скончался его старый знакомый — М. Н. Муравьев. Бывший вице-председатель Русского географического общества руководил подавлением восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии и получил кличку «Вешатель». В 1866 г. он был председателем Верховной комиссии по делу покушавшегося на Александра II Д. В. Каракозова.

«Из России особых новостей нет, — гласило послание Ханыкова. — О казни Каракозова менее говорили, чем о скоростыжной смерти Муравьева. Ведь вот судьба-то как устроила. Муравьев его приговорил к смерти или приутопил этот приговор, а судьба привела его в исполнение над ним самим прежде-

еще, чем успели свить веревку для шеи Каракозова. Много покойник погрешил. Был энергический, но злой человек, и дай бог, чтобы эдаких типов у нас более не было»¹³⁹.

Сказано достаточно недвусмысленно. В своем отношении к тому, чтобы участвовать (а точнее, не участвовать!) в «делах и днях» царского самодержавия в России, ученый был вполне последователен. Именно во второй половине 60-х годов опыт и знания бывшего члена посольства К. Ф. Бутенева в Бухару создавали особенно благоприятные предпосылки для занятия Н. В. Ханыковым ответственного поста в административной машине царизма. В это время началось присоединение Средней Азии к России. В 1865 г. М. Г. Черняев овладел Ташкентом. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Вспыхнувшая весной 1868 г. русско-бухарская война вскоре привела к переходу Самарканда под контроль царского правительства и признанию Бухарским ханством вассальной зависимости от России¹⁴⁰.

Правительственные круги империи не выработали единого взгляда по поводу дальнейших мероприятий в Средней Азии. Военное министерство (Д. А. Милютин) и туркестанские власти во главе с генерал-губернатором К. П. Кауфманом настаивали на полном включении Самарканда в состав российских владений и решительных военных действиях в тех краях. Министерство иностранных дел (А. М. Горчаков), придавая первостепенное значение европейской политике и не желая вызывать особое недовольство Англии, раздувавшей большую шумиху вокруг фальшивой и надуманной версии о «русской угрозе Индии», требовало прекратить дальнейшее продвижение на Востоке.

В конце 1868 г. Ханыков на короткое время приехал в Петербург. А. М. Горчаков воспользовался этим, познакомил его с перепиской по среднеазиатским делам и предложил высказать свое мнение о них. Востоковед заявил о необходимости отказа от Самарканда и вообще от наступательной политики в Средней Азии. В обстоятельной по своему обыкновению «записке» по данному вопросу он утверждал, что подобная политика «снова затянет [Россию] в этот омут вмешательства во внутренние дела мелких среднеазиатских владельцев». К тому же Британская империя воспользуется таким предлогом как для новых нападков на Российскую империю, так и для новых захватов на Востоке¹⁴¹.

Министр иностранных дел представил это письмо Александру II, приписав, что его автор является «глубоким знатоком дел Средней Азии, лично побывавшим в Герате, Кабуле, Бухаре, Хиве и в Персии»¹⁴², где он в течение длительного времени был генеральным консулом в Тавризе, что теперь Ханыков находится в Париже, «имея поручение от министра народного просвещения», и там «снискал высокую научную репутацию». Горчаков высказывал уверенность, что точка зрения ориенталиста

совпадает со взглядами царя, а его «соображения по поводу возможности будущей политики Англии... столь важны», что ознакомление с ними чрезвычайно целесообразно.

Александр II подтвердил совпадение точек зрения и отметил, что прочел «записку» Н. В. Ханыкова «с истинным интересом»¹⁴³. Это, впрочем, не помешало российскому императору в дальнейшем с такой же готовностью согласиться с мнением К. П. Кауфмана и других антагонистов А. М. Горчакова по вопросам политики в Средней Азии и санкционировать включение Самарканда в число российских владений. Этот эпизод, небыстрый сам по себе, быть может, не заслуживал бы такого относительно подробного изложения, если бы не вызвал обмен письмами между И. С. Тургеневым и Н. В. Ханыковым, дополнительно характеризующими образ мыслей востоковеда. «Что я слышу, любезнейший Николай Владимирович! — гласило послание писателя. — В то время, как я считаю Вас губернатором Самарканда и мысленным оком зрю Вас во всем величии наследника Тамерлана, Вы, говорят, спокойно сидите на своей парижской квартире? (что, впрочем, гораздо благоразумнее и более соглашается с Вашим мудрым и охлажденным нравом)». Писатель спрашивал друга, действительно ли тот ездил в Россию, и выразил пожелание как можно быстрее увидеться¹⁴⁴.

«Не знаю, с чего мои друзья произвели меня в самаркандского губернатора, — отвечал Ханыков 16/28 января 1869 г., — кто-то пустил этого селезня в „Kölnische Zeitung“, откуда он перешел в разные другие издания. Но как Вы поверили этому, это меня удивляет, так как я с Вами говорил, что если и решусь ехать в те края для осмотра их (подчеркнуто в тексте. — Авт.), то с одним условием — не поступать на службу».

Далее ученый излагал обстоятельства, породившие его «записку»: «Благодаря бога, все дело окончилось гораздо проще. Князь А. М. Горчаков приказал сообщить мне всю переписку о Средней Азии, производившуюся по министерству иностранных дел, с тем, чтобы я ему доставил мнение мое по этому предмету. Мнение это я написал со всей откровенностью, не скрывая его ни от Кауфмана, ни от военного министра. Князь Горчаков остался им доволен и при самой хвалебной записке препроводил к государю, который, как водится, прочел „с большим любопытством“. Тем пока дело и кончилось, и после шестинедельного пребывания в Петербурге я двумя руками перекрестился, сев в вагон на Варшавской железной дороге».

Вероятно, учитывая нетерпение, с каким И. С. Тургенев, находившийся в Карлсруэ, интересуется вестями с родины, Ханыков, не дожидаясь их личной встречи, сообщал о своих впечатлениях по поводу разложения правящей верхушки, усилившегося наступления реакции и т. п. «Этот раз Петербург, собственно как город, произвел на меня впечатление более благо-

приятное, чем когда-либо, — констатировал он. — Трепов действительно лучший полицеймейстер, который когда-либо был в нашей столице. Он значительно очистил и облагодетельствовал ее, но что за непроходимая и безбрежная чепуха господствует во всех других частях государственного строя, или неуроя, этого человеческого перо передать не может». Добавим к вышеприведенной характеристике, что и «лучший полицеймейстер» Ф. Ф. Трепов по своему реакционному нутру вовсе не выделялся из общего круга. Именно он распорядился наказать розгами заключенного революционера Боголюбова, за что в Трепова через девять лет, 24 января 1878 г., стреляла Вера Засулич.

«Государь, — продолжал Ханыков, — как говорят, все более и более холодеет к делам, а окружающие мирмидоны думают и действуют все мельче и мельче. Граф Шувалов и Тимашев довольно сильны, несмотря на то, что беспрестанно проваливаются в своих интригах, и несмотря на то, что первый выдаст их в случае неудачи сам же государь. Я был в Петербурге во время неудачной кампании их на „Инвалид“¹⁴⁵, который, как Вы знаете, был сначала прекращен, а потом снова восстановлен в другом виде. Катков все еще в силе, хотя Тимашеву он очень не по душе».

Далее Ханыков говорил о книге Ю. Ф. Самарина «Иезуиты и их отношения к России» (изд. 2, 1868). Он считал ее «несвоевременной» (ибо она появилась «в такую эпоху, где и без того позиция реакции усиливается и даже положительно сильна, а книга эта присоединила к ней всю немецкую партию, бывшую до того довольно индифферентною в этом отношении»), а также «обидною для национального чувства потому, что громко сознает опасность одоления такой массы, как Россия, пригоршню людей, имевших за себя только сознание своего морального превосходства, или правильного, образования» (имелось в виду заимствование «немецкого элемента» в общественно-политической жизни государства). Н. В. Ханыков ставил вопрос очень четко, как никогда не делал этого в научных трудах и открытых выступлениях: «Если латыши страдают у немецких помещиков, то разве наши ярославцы и новгороджане блаженствуют (?)»¹⁴⁶.

Как видим, перед нами довольно выразительный документ, определенным образом раскрывающий мировоззрение востоковеда и свидетельствующий об отрицательном отношении его автора к российской действительности, неприятию господствовавшего там политического климата, реакционных тенденций.

Это письмо — в какой-то степени откровение здравомыслящего человека, правильно понимающего внутреннюю ситуацию на родине и дающего вполне конкретную оценку всему происходящему. Ставил ли он перед собой какие-то активные задачи и цели? Безусловно нет, ибо он не был борцом. Суть натуры востоковеда хорошо понял его друг — И. С. Тургенев, имевший возможность наблюдать Н. В. Ханыкова в различных обстоя-

совпадает со взглядами царя, а его «соображения по поводу возможностей будущей политики Англии... столь важны», что ознакомление с ними чрезвычайно целесообразно.

Александр II подтвердил совпадение точек зрения и отметил, что прочел «записку» Н. В. Ханькова «с истинным интересом»¹⁴³. Это, впрочем, не помешало российскому императору в дальнейшем с такой же готовностью согласиться с мнением К. П. Кауфмана и других антагонистов А. М. Горчакова по вопросам политики в Средней Азии и санкционировать включение Самарканда в число российских владений. Этот эпизод, небыстрый сам по себе, быть может, не заслуживал бы такого относительно подробного изложения, если бы не вызвал обмен письмами между И. С. Тургеневым и Н. В. Ханьковым, дополнительно характеризующими образ мыслей востоковеда. «Что я слышу, любезнейший Николай Владимирович! — гласило послание писателя. — В то время, как я считаю Вас губернатором Самарканда и мысленным оком зрю Вас во всем величии наследника Тамерлана, Вы, говорят, спокойно сидите на своей парижской квартире? (что, впрочем, гораздо благоразумнее и более соглашается с Вашим мудрым и охлажденным нравом)». Писатель спрашивал друга, действительно ли тот ездил в Россию, и выразил пожелание как можно быстрее увидеться¹⁴⁴.

«Не знаю, с чего мои друзья произвели меня в самаркандского губернатора, — отвечал Ханьков 16/28 января 1869 г., — кто-то пустил этого селезня в „Kölnische Zeitung“, откуда он перешел в разные другие издания. Но как Вы поверили этому, это меня удивляет, так как я с Вами говорил, что если и решусь ехать в те края для осмотра их (подчеркнуто в тексте. — Авт.), то с одним условием — не поступать на службу».

Далее ученый излагал обстоятельства, породившие его «записку»: «Благодаря бога, все дело окончилось гораздо проще. Князь А. М. Горчаков приказал сообщить мне всю переписку о Средней Азии, производившуюся по министерству иностранных дел, с тем, чтобы я ему доставил мнение мое по этому предмету. Мнение это я написал со всей откровенностью, не скрывая его ни от Кауфмана, ни от военного министра. Князь Горчаков остался им доволен и при самой хвалебной записке препроводил к государю, который, как водится, прочел „с большим любопытством“. Тем пока дело и кончилось, и после шестинедельного пребывания в Петербурге я двумя руками перекрестился, сев в вагон на Варшавской железной дороге».

Вероятно, учитывая нетерпение, с каким И. С. Тургенев, находившийся в Карлсруэ, интересуется вестями с родины, Ханьков, не дожидаясь их личной встречи, сообщал о своих впечатлениях по поводу разложения правящей верхушки, усилившегося наступления реакции и т. п. «Этот раз Петербург, собственно как город, произвел на меня впечатление более благо-

приятное, чем когда-либо, — констатировал он. — Трепов действительно лучший полицеймейстер, который когда-либо был в нашей столице. Он значительно очистил и облагодетельствовал ее, но что за непроходимая и безбрежная чепуха господствует во всех других частях государственного строя, или неустоя, этого человеческого перо передать не может». Добавим к вышеприведенной характеристике, что и «лучший полицеймейстер» Ф. Ф. Трепов по своему реакционному нутру вовсе не выделялся из общего круга. Именно он распорядился наказать розгами заключенного революционера Боголюбова, за что в Трепова через девять лет, 24 января 1878 г., стреляла Вера Засулич.

«Государь, — продолжал Ханьков, — как говорят, все более и более холодеет к делам, а окружающие мирмидоны думают и действуют все мельче и мельче. Граф Шувалов и Тимашев довольно сильны, несмотря на то, что беспрестанно проваливаются в своих интригах, и несмотря на то, что первый выдаст их в случае неудачи сам же государь. Я был в Петербурге во время неудачной кампании их на „Инвалид“¹⁴⁵, который, как Вы знаете, был сначала прекращен, а потом снова восстановлен в другом виде. Катков все еще в силе, хотя Тимашеву он очень не по душе».

Далее Ханьков говорил о книге Ю. Ф. Самарина «Иезуиты и их отношения к России» (изд. 2, 1868). Он считал ее «несвоевременной» (ибо она появилась «в такую эпоху, где и без того позиция реакции усиливается и даже положительно сильна, а книга эта присоединила к ней всю немецкую партию, бывшую до того довольно индифферентною в этом отношении»), а также «обидною для национального чувства потому, что громко сознает опасность одоления такой массы, как Россия, пригоршню людей, имевших за себя только сознание своего морального превосходства, или правильного, образования» (имелось в виду засылке «немецкого элемента» в общественно-политической жизни государства). Н. В. Ханьков ставил вопрос очень четко, как никогда не делал этого в научных трудах и открытых выступлениях: «Если латыши страдают у немецких помещиков, то разве наши ярославцы и новгороджане блаженствуют (?)»¹⁴⁶.

Как видим, перед нами довольно выразительный документ, определенным образом раскрывающий мировоззрение востоковеда и свидетельствующий об отрицательном отношении его автора к российской действительности, неприятию господствовавшего там политического климата, реакционных тенденций.

Это письмо — в какой-то степени откровение здравомыслящего человека, правильно понимающего внутреннюю ситуацию на родине и дающего вполне конкретную оценку всему происходящему. Ставил ли он перед собой какие-то активные задачи и цели? Безусловно нет, ибо он не был борцом. Суть натуры востоковеда хорошо понял его друг — И. С. Тургенев, имевший возможность наблюдать Н. В. Ханькова в различных обстоя-

тельстввах. Всеми силами отгородить себя от любых тягот и забот, не связанных с наукой, — вот ради чего он не жалел ни труда, ни времени. Выразить свое возмущение в письмах (да и то далеко не в любой адрес) — максимум того, что позволял себе этот человек, глубоко поглощенный миром восточных манускриптов и персонажей далекого прошлого.

В ответном послании И. С. Тургенев, в шутиливой форме отреагировав на слухи о самаркандском назначении Н. В. Ханькова, так откликнулся на тревожные мысли ученого: «Итак, Вы не самаркандский губернатор, любезнейший Николай Владимирович! Ну, теперь все в порядке, логика торжествует, целесообразность в натуре не нарушена — а только я оказываюсь телятиной, что мог хоть на миг поверить такому факту! Мне гораздо приятнее знать Вас в уютной парижской квартире, чем там, среди скорпионов и клопов с ядом! Ваше письмо меня очень заинтересовало — и я мысленно повторял: „это так, это так“»¹⁴⁷.

Слегка успокоившись после поездки «домой» и полутормесячного пребывания в Петербурге, оправившись от легкого потрясения, вызванного слухами о его назначении губернатором Самарканда (надо же представить себе подобную нелепость!), Николай Владимирович «в уютной парижской квартире» вновь вернулся к любимым делам и занятиям. Какие же дела и занятия предстали перед неутомимым востоковедом на этот раз?

Карл Риттер — значилось имя на объемистом фолианте, который лежал на письменном столе ученого. Прежде чем приступить к характеристике роли Н. В. Ханькова в переводе и издании трудов одного из крупнейших немецких географов, скажем о нем несколько слов.

Современник великого Александра Гумбольдта, Карл Риттер (1779—1859), который даже в справочных изданиях именовался «величайшим из географов первой половины XIX века», решил создать своеобразную географическую энциклопедию мира. Ее основная идея заключалась в освещении воздействия географической среды на человеческое общество и — в меньшей степени — их взаимовлияния. В 1817 г. он предпринял издание оставшейся незавершенной большой серии трудов «Землеведение в его отношении к природе и истории людей» («Die Erdkunde in Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen»).

Но в отличие от А. Гумбольдта К. Риттер был типичным кабинетным ученым. Лишь между 1820 и 1830 гг. он посетил мусульманские земли на берегах Средиземного моря. Его многолетняя работа основывалась преимущественно на литературных источниках, претендовала на философское осмысление проблемы (с идеалистических позиций), изобиловала необоснованно смелыми теоретическими построениями и... массой фактических ошибок, приводивших к неправильным и неточным выводам. «У великого географа... от спешности, с какою он работал, не-

ясности встречаются чуть не на каждой странице... — писал переводивший Риттера на русский язык востоковед В. В. Григорьев. — Риттер не всегда точно и отчетливо передавал соображения или рассказ тех писателей, которыми пользовался... Конечно, без умысла, лишь по недосмотру, понятному при громадности его работ, впадал знаменитый ученый в подобные погрешности»¹⁴⁸. «Ошибок в подробностях тьма, — соглашался с этим мнением и Н. В. Ханьков, — но иначе и быть не могло в трудах человека, пробивающего новую дорогу и пробивающего ее исключительно чужими руками»; он отмечал, что незнание соответствующих языков помешало Риттеру хорошо познакомиться с посещенными им районами мусульманского Востока¹⁴⁹.

Вместе с тем стремление К. Риттера «глобально» рассмотреть географические проблемы в сочетании с историческими, политическими и этнографическими вызвало живой интерес к его работам. В конце 40-х годов XIX в. в России появились материальные предпосылки для издания перевода на русский язык по крайней мере нескольких томов «Землеведения». Один из богатейших купцов, П. В. Голубков, значительная часть состояния которого была нажита на выгодной торговле со странами Азии, желал привлечь к ним внимание соотечественников. На его средства и «по его поручению» из года в год переводились и выходили в свет в Москве по одной-две книги, описывавшие путешествия по Востоку, внутреннее и внешнеполитическое положение отдельных государств и т. п. В 1848 г. П. В. Голубков, которого за эти заслуги перед наукой избрали действительным членом Русского географического общества и почетным членом Московского общества истории и древностей российских, пожертвовал весьма крупную тогда сумму — 20 тыс. руб. серебром — на перевод и публикацию в России томов «Землеведения», относящихся к Азии¹⁵⁰. Однако при обсуждении этого вопроса отечественными географами выяснилось, что «ни средства, дарованные Обществу Голубковым, ни силы Общества недостаточны для перевода и издания всего состоящего из 1000 печатных листов сочинения Риттера, составляющего целую энциклопедию географических сведений об Азии, но что крупною заслугою Общества мог бы быть перевод частей Риттеровой Азии, относящихся до России и сопредельных с нею стран внутренней Азии, и что еще более важно и притом совершенно самостоятельною задачею Общества было бы составление дополнений по новым источникам к текстам Риттера, первые тома которого составлялись почти четверть века тому назад»¹⁵¹.

Начало публикации этого издания было положено автором приведенных строк П. П. Семеновым (Тян-Шанским): в мае 1856 г. появился его перевод первого тома «Землеведения Азии». Он содержал описание Монголии, Маньчжурии и Северного Китая, а также введение Семенова и «занимающие почти

половину тома обширные, весьма существенные дополнения, составленные им же»¹⁵². Не входя в подробности выхода в свет всей этой серии из десяти томов, остановимся лишь на двух. Сначала о книге с подзаголовком «Кабулистан и Кафиристан» (СПб., 1867). Ее подготовил со всеми примечаниями и дополнениями ординарный профессор Петербургского университета по кафедре истории Востока В. В. Григорьев. Интересует она нас потому, что на нее откликнулся рецензией Н. В. Ханыков¹⁵³. Он дает высокую оценку издания, отмечает, что Григорьев уточнил переводы сообщений мусульманских источников по истории и этнографии Афганистана, особенно заимствованные К. Риттером у Захириддина Бабура, провел важные самостоятельные изыскания о таджиках, хезарейцах, гильзаях и др.

Ханыков особо останавливается на подходе В. В. Григорьева к бытовавшему преданию, будто афганцы ведут свое происхождение от нескольких отколовшихся и «исчезнувших колен израилевых» (т. е. еврейских). Он дополняет переводчика указанием, что подобное мнение распространено и среди курдского племени зарза в долине Ушну, а в Персидском Курдистане много названий местностей связано с историческим прошлым евреев. Тем не менее Ханыков приходил к выводу, что если и можно допустить наличие в отдаленные времена еврейских поселений в Афганистане, то их, вне сомнения, было очень мало и они не могли оказать заметного воздействия на формирование афганского народа.

Другой том «Землеведения Азии» Карла Риттера, который имеет к нашей теме непосредственное отношение, посвящен Ирану. О том, кому доверить его перевод, сложнейший в научном отношении, было одно мнение и называлось одно имя — Николай Владимирович Ханыков. «Никто другой в России не был так подготовлен к этой работе», — даже в краткой справочной заметке констатирует Н. И. Веселовский¹⁵⁴. Действительно, никто из российских востоковедов не трудился столь напряженно и плодотворно над различными проблемами персидской географии, истории и историографии, литературы и лингвистики, сочетая это с практическим изучением страны, как Ханыков. И Совет Географического общества поручил ему заняться переводом, подготовкой комментариев и дополнений к соответствующей части работы Риттера.

Ориенталист погрузился в эти не всегда благодарные, но ответственные занятия со всей своей скрупулезностью и старательностью. Он тщательно учитывал при переводе не только «букву», но и дух Риттеровой публикации. Так же внимательно подходил и к подготовке научно-справочного аппарата и комментариев, которые угрожали превзойти по объему (да и по качеству) основной авторский текст.

Однако даже и для такого знатока вопроса оказалось не под силу завершить намеченное в относительно краткие сроки. Ра-

бота затянулась на несколько лет. Это не означало, разумеется, что Н. В. Ханыков «молчал» как ученый, пока книга не вышла из печати. Он продолжал откликаться на исследования русских специалистов, знакомя с ними научный мир Запада. Вслед за рецензией на «Кабулистан и Кафиристан» К. Риттера (в переводе В. В. Григорьева) он выступает с обзорами четвертого тома трудов членов русской православной духовной миссии в Пекине¹⁵⁵ и первого тома «Актов Кавказской Археографической комиссии»¹⁵⁶.

Ориенталист указывал, что очередное издание трудов членов пекинской духовной миссии состоит из трех исследований одного из крупнейших российских синологов — о. Палладия (П. П. Кафаров, 1817—1878): «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» («Юань чао би ши»), «Путешествие даосского монаха Чан Чуня на Запад» и материалов о китайских мусульманах. Казалось бы, сфера интересов Н. В. Ханыкова находилась довольно далеко от Китая и специальной литературы о нем. Тем не менее он с полнейшим знанием дела анализировал не только работы о. Палладия, но и историографию поднятых им сюжетов, значение публикации для решения некоторых общих востоковедческих проблем, вдавался в сложнейшие источниковедческие тонкости, упрекая автора в том, что он, проявляя глубокое знание географии Китая и Северной Монголии, не привел некоторые климатологические, ботанические и астрономические данные из отдельных трудов путешественников по Китаю¹⁵⁷.

Наиболее подробно рассмотрена Ханыковым работа о китайских мусульманах, самая близкая ему по научным интересам. Он указывает на новизну содержащихся в ней материалов, в частности о многочисленности мусульман в Центральном Китае, распространении там ислама и др., поддерживает мнение о. Палладия, относившего начало связей китайцев с мусульманами к середине X в., к эпохе династии Сун. Востоковед дополняет рассказ Палладия подробностями, почерпнутыми из трудов мусульманских писателей, указывает на уйгурские восстания против маньчжуро-китайского гнета, против, как он выражается, «притеснений и расправ со стороны китайских чиновников»¹⁵⁸. Иными словами, поднятая тема, подобно многим предыдущим, получила у Н. В. Ханыкова дальнейшее развитие и углубление.

Меньший интерес представляет его заметка о выходе в свет первого тома ставшей впоследствии хорошо известной ценной публикации — «Акты Кавказской Археографической комиссии»¹⁵⁹. В ней подчеркивается значение документальных изданий, особенно в связи с гибелью архивов майсурского правителя Типу Султана, махараджи Пенджаба Ранджит Сингха, алжирского дея и др. Документы грузинских царей, нашедшие отражение в I томе «Актов...», относятся ко времени Сефевидов и позволяют лучше понять эту эпоху и последующие события.

Ориенталист отмечал наличие среди опубликованных материалов документов на персидском и тюркском языках.

Н. В. Ханыков, таким образом, не устал последовательно и систематически знакомить научный мир Франции и всей Европы с успехами и достижениями ученых России, с проблемами, над которыми они трудились. Более того, он всячески старался тем или иным образом информировать зарубежного читателя об отдельных любопытных событиях, происходящих на его родине.

Что же в этом плане особенно привлекало внимание Запада? Разумеется, быстрое распространение влияния России в среднеазиатских ханствах — этих далеких и еще загадочных землях Востока, где немногим из европейских ученых представилась возможность прожить длительный срок. Ханыкову, члену дипломатической миссии Бутенева в Бухару, такая возможность представилась.

И вот в газете военного министерства «Русский инвалид» появляется принадлежащее его перу описание, пожалуй, наиболее интересного города Туркестана, столицы грозного Тимура — древнего Самарканда¹⁶⁰. Посетивший некогда этот город Н. В. Ханыков отмечал, что с кончиной его товарища по экспедиции в Бухару А. А. Лемана он, Ханыков, «первый, еще живой после Клавихо, свидетель отживания Самарканда», т. е. первый европеец, которому удалось (после испанского посольства Рюи Гонзалеса де Клавихо в начале XV в.) осмотреть некогда величественную резиденцию «мирозавоевателя», как именовали Тимура в восточных рукописях.

Ханыков, который еще в сентябре 1841 г. провел в Самарканде несколько дней и был принят его правителем Ибрагимом-дадхо, поведал миру об истории и достопримечательностях города, занятиях и культуре жителей. Поведал без малейшего намека на колонизаторское «превосходство», отдавая дань уважения прошлому и настоящему его населения. «В Самарканде все интересно, — писал он, — надгробные памятники, надписи строений, книги, монеты, золотые, серебряные и бронзовые украшения, акты, имеющиеся в руках жителей и мечетей, топографические подробности о положении разоренных садов Тимура и гостроек Абдуллы-хана, а в особенности подробное описание развалин знаменитого Калаи-Афрасиаб, по которому я мог только раз скоро проехать верхом. Имя Афрасиаба переносит нас в героическую эпоху первой борьбы Ирана с Тураном, и если оно не случайное повторение древнего и славного названия, а действительно отголосок туманного прошедшего, то малейшее сведение об этой местности будет принято с большим вниманием и благодарностью всем просвещенным миром».

На фоне происходивших в Средней Азии важных событий этот «рассказ очевидца» привлек всеобщее внимание. И не только в России. В том же, 1868 г. он вышел в Петербурге отдельным

оттиском, а через год ему отвел свои страницы «Журнал Парижского географического общества»¹⁶¹.

Дело было не только в познавательном интересе. Значительная активизация восточной политики царского правительства стимулировала и развитие практических планов в отношении вновь присоединенных земель, изучение их ресурсов, торгово-экономического значения и т. п. При этом надлежало учесть печальный опыт важного мероприятия — организованного российскими географами путешествия в Хорасан, которое завершилось тем, что труды его участников были «распылены» по зарубежным изданиям. И тут Н. В. Ханыков неизбежно становился центральной фигурой: и как крупнейший востоковед, и как переводчик книги Риттера, и как бывший глава Хорасанской экспедиции.

К этой поездке снова вернулась ревизионная комиссия Русского географического общества. Ее доклад о действиях Общества в 1869 г. гласил: «С открытием для нашей промышленности и торговли новых путей и рынков в Средней Азии было бы желательно... устроить также издание перевода Риттеровой Азии, в особенности же той его части, которая относится к Персии, и особенно малоизвестному в нашей литературе Хорасану, в сведениях о коих чувствуется у нас в настоящее время большая потребность даже в видах чисто практических, промышленных и торговых. Такое желание Комиссии тем более может быть основательно, что состоявшая из русских ученых Хорасанская экспедиция была снаряжена с участием Географического общества. Между тем, за исключением астрономического отчета г. Ленца, напечатанного по-русски, хотя и не в изданиях Общества, отчеты и труды членов экспедиции или еще вовсе не обнародованы, или изданы за границею».

В связи со всем этим ревизионная комиссия высказала желание, «разделяемое не немногими в среде Общества, чтобы члены будущих экспедиций, снаряжаемых Географическим обществом, не считали бы неуместным и неправильным требовать от себя, уважая достоинство русского общества, составления донесений и отчетов не иначе как на русском языке». Экспедиция в Хорасан, продолжали члены комиссии, не относилась к деятельности Общества за последние годы, но, «имея в виду удовлетворение вышеуказанных желаний и потребностей», они выдвигали перед Советом предложение, «не найдет ли он удобным все труды Хорасанской экспедиции, как уже обнародованные, так и те, которые еще не были напечатаны, издать особым сборником»¹⁶².

Совет Общества отклонил это предложение. В своем «отзыве» по поводу доклада ревизионной комиссии он отмечал, что уже многие аналогичные комиссии возбуждали вопрос о «неисполнении гг. членами экспедиции» в Хорасан своих обязательств перед Обществом — «факт крайне прискорбный», но непопра-

вимый. Издать все труды членов экспедиции «Совет не полагал бы удобным, тем более, что в весьма близком будущем должен выйти в свет первый выпуск перевода Риттеровой Персии, в дополнениях к которому г. Ханыков между прочим помещает все те сведения, добытые Хорасанской экспедицией, которые имеют наибольший географический интерес»¹⁶³.

Словно стремясь ослабить претензии к востоковеду в связи с неудачей в публикации материалов экспедиции, Совет Общества 26 марта 1870 г. огласил его письмо о принятии им предложения быть представителем Русского географического общества на планировавшемся в Антверпене конгрессе географов¹⁶⁴.

Ориенталисту уже пошел шестой десяток, но он продолжал находиться в центре важных востоковедческих интересов. Как обычно, Н. В. Ханыков разрабатывал сразу несколько научных тем, но сосредоточил основное внимание на подготовке перевода и комментариев к «Ирану» К. Риттера. Кроме того, он выполнял поручения министра народного просвещения, старался быть в курсе не только научной, но и общественно-политической и литературной жизни своего времени. Его информацией дорожили. Беседа с ним доставляла истинное удовольствие и ученым, и писателям, и государственным деятелям. Даже самые образованные среди них поражались его энциклопедическим знаниям. В подтверждение наших слов сошлемся на мнение академика П. А. Плетнева (1792—1865), друга А. С. Пушкина, человека исключительно высокой культуры и богатейшей эрудиции, который в течение восьми лет после гибели поэта выпускал журнал «Современник», а в 1840—1861 гг. являлся ректором Петербургского университета. Выехав незадолго до смерти в Париж, он сблизился с Н. В. Ханыковым, навещавшим его «постоянно и часто,—как писал П. А. Плетнев 2/14 августа 1865 г. М. М. Стасюлевичу.—Я не могу не дорожить его визитами, потому что он человек, полный интереса: о чем ни спросишь касательно ли Парижа или Петербурга, даже касательно Кавказа и внутренней Азии, у него на все самые удовлетворительные ответы. Он знает подробности всего и всех. Живет здесь, любя работать по своей части и пользуясь не только обществом парижских ориенталистов, но и особенным их уважением. Он много издал по-французски любопытных брошюр по части Востока»¹⁶⁵.

Профессор всеобщей истории в Петербургском университете, а затем основатель и многолетний редактор либерально-буржуазного журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич (1826—1911) вполне солидаризировался с мнением своего бывшего ректора: «...рад за Вас, что Вы находите себе рассеяние, и не одно рассеяние: о Ханыкове я всегда слышал, как о человеке замечательном»¹⁶⁶.

Нельзя пройти мимо такой характерной для эрудиции Н. В. Ханыкова черты, как занятия математикой. Он увлекался

решением сложных математических задач, и это не было дилетанством: его алгебраическим изысканиям охотно отводили свои страницы самые серьезные издания, в том числе Французской Академии наук¹⁶⁷, а математик и геодезист Н. В. Ханыков котировался некоторыми зарубежными специалистами наравне с Ханыковым — этнографом и филологом¹⁶⁸.

В 1870 г. привычный парижский жизненный уклад востоковеда был серьезно нарушен. Вспыхнувшая в середине июля этого года война с Пруссией развивалась неблагоприятно для Франции. В августе французские войска потерпели ряд поражений. Столица оказалась под угрозой и была объявлена на осадном положении. 1 сентября 1870 г. произошла знаменитая катастрофа Второй империи у Седана, обусловившая крах бонапартистской империи.

В этих условиях Н. В. Ханыков решил переехать в Лондон. «Загнанный военными обстоятельствами сюда,—писал он из Англии Д. А. Толстому 4/16 октября 1870 г.,—я предполагаю здесь остаться до окончания прусско-французской войны, тем более, что литературные богатства Британского Музеума позволяют мне продолжать обработку моих изысканий о Персии, коих первая часть скоро появится в свет в виде исправлений и пополнений VIII тома географии Риттера».

Ученый предлагал свои услуги сановнику, подчеркивая: «Теперь вопрос о вмешательстве правительства в дело народного образования здесь поднят очень серьезно, и если бы какая-нибудь сторона этого сложного и затруднительного вопроса могла заинтересовать в. с-во, я с величайшею охотой исполнил бы все Ваши поручения по этому делу»¹⁶⁹. Ретрограду и консерватору гр. Д. А. Толстому было не до изучения, а тем более использования опыта буржуазных реформ в области народного просвещения, будь то в Англии или во Франции. Как раз в 1871 г. он вводил свои «преобразования» — классические гимназии, призванные обучать и воспитывать российскую молодежь в монархическом духе. Особых заданий «агент министерства» не получил.

Впрочем, без дела Ханыков не остался. Он выполнил поручение Русского географического общества и вместе с членом Совета, своим старым другом экономистом и статистиком Ю. А. Гатемейстером участвовал в заседаниях Географического конгресса в Антверпене. Они начались 13 августа 1871 г. и продолжались несколько дней. Фактически это был первый съезд европейских географов. Приветствуя участников, антверпенский городской голова Стенхюз, по словам Н. В. Ханыкова, заявил, что цель конгресса — «способствовать сближению разноплеменных народов на нейтральной почве науки и чтобы совокупными усилиями способствовать развитию человеческого духа»¹⁷⁰. Президенты общих заседаний выбирались из «наиболее известных иностранцев». Среди них наряду с Г. Кипертом (Германия),

Катрфажем (Франция), Омманеом (Англия) и другими был и Ханыков. Он участвовал в дискуссии по поводу «принятия одного общего меридиана», в ходе которой «было решено стараться, чтобы все нации приняли для морских карт меридиан Гринвича. Для земных карт полагали, что употребление разных меридианов не представляет большого неудобства».

В информации о конгрессе Н. В. Ханыков сообщал также об обсуждении на его заседаниях вопроса о целесообразности прорытия канала через Панамский перешеек, о метеоритах и северном сиянии, путешествиях по Индокитаю и Полинезии, об изучении островов Индийского океана и полярных районах южных морей¹⁷¹.

Совет Русского географического общества 21 сентября 1871 г. постановил: «Выразить Н. В. Ханыкову живейшую признательность за попесенные им на пользу Общества труды, а письмо прочесть в ближайшем Общем собрании»¹⁷².

Встреча в Антверпене с крупным немецким географом и картографом Генрихом Кипертом (1818—1899) сыграла свою роль в том, что вскоре Берлинское географическое общество напечатало карту «Пути в Персии в связи с изучением Азербайджана и окрестностей Экбатаны, обследованных в 1852 г. Н. Ханыковым». В небольшой справке Г. Киперт высоко оценивал русское ориенталиста, характеризуя его служебную и научную деятельность¹⁷³.

Хотя немало времени отнимали перемещения по маршруту Париж — Лондон — Антверпен — Париж, востоковед продолжал упорно трудиться над подготовкой к печати Риттерова «Ирана». Он успел даже съездить на родину. Весьма любопытно, что для осуществления этой поездки он считал необходимым обратиться за санкцией к гр. Д. А. Толстому. «Тяжелая болезнь моей матери и некоторые другие семейные дела, — мотивировал Ханыков свое ходатайство, — заставляют меня просить разрешения в. с-ва прибыть на короткое время в Россию в конце будущего апреля...»¹⁷⁴.

Возражений со стороны министра не последовало, и летом 1872 г. Ханыков на непродолжительный срок приехал в Россию. Он посетил Азиатский музей Академии наук, Географическое общество, проявил большой интерес к дальнейшему развитию событий в Средней Азии.

Ханыков оказывает содействие супружеской чете А. П. и О. А. Федченко, побывавшей в Средней Азии в качестве натуралистов-исследователей. Они готовили к изданию в переводе с английского языка работу Генри Юля о верховьях Амударьи. «Немало затруднений представила для меня верная передача туземных названий, — отмечает О. А. Федченко. — Здесь большую помощь я встретила у Н. В. Ханыкова, который и в других отношениях оказал свое содействие: просмотрел весь перевод, выяснил некоторые темные места справками у авторов, причем

сделал существенные дополнения по сведениям мусульманских писателей и арабских географов»¹⁷⁵. Ей вторит А. П. Федченко, указывавший «на то важное участие, которое принял в редактировании перевода и дополнений Н. В. Ханыков, так прекрасно знакомый с Азией литературно и лично. Если под немногими примечаниями можно было поставить его имя, то я обязан заявить, что многие из моих примечаний получили от него улучшения и самые существенные дополнения»¹⁷⁶. В 1873 г. эта интересная работа увидела свет.

Между тем в Средней Азии резко обостряются отношения между властями царского Туркестанского генерал-губернаторства и Хивинского ханства. Весной 1873 г. войска России под командованием К. П. Кауфмана выступают в новый поход против Хивы. Всегда оперативно откликающийся на животрепещущие коллизии в странах Востока, которые входят в круг его научных интересов, Ханыков и сейчас остается верен себе. Уже в марте 1873 г. он публикует во Франции в «Журнале Парижского географического общества» документы, знакомящие читателей с жизнью и историей Хивинского ханства. Вскоре этот небольшой труд вышел отдельным изданием¹⁷⁷.

Одновременно предпринимается попытка укрепить его шаткое материальное положение. 9 февраля 1873 г. А. В. Головин извещает неперменного секретаря Академии наук К. С. Веселовского, что Ханыкову угрожает «потеря содержания по министерству иностранных дел вследствие разных сокращений»; Ханыков, в свою очередь, просит Головина поднять вопрос о предоставлении ему в Академии места «члена по персидской и турецкой литературе». Но с условием, что он останется жить в Париже.

«С 1000 руб. серебром пенсии, — писал ориенталист, — я бы охотно на это пошел, будучи здесь гораздо полезнее Академии, чем в Петербурге, и обязуясь исполнять условие представления двух мемуаров в год, хотя это и не требуется по всем положениям параграфа 44, коим предоставляется ей право принимать в свои сочлены и без вакансии, а по востоковедческой части у нас столько дела, что и десять членов нашли бы себе работу»¹⁷⁸.

Но эта попытка не принесла результатов. Ответ К. С. Веселовского гласил: вакансий не имеется. После утверждения новых штатов «для истории словесности азиатских народов» предусмотрено наличие пяти академиков. Данные места займут те, кто «уже состоит в Академии»: О. Н. Бетлинг, М. И. Броссе, В. В. Вельяминов-Зернов, Б. А. Дорн и А. А. Шифнер. Помимо того академик должен обязательно жить в Петербурге (и уж во всяком случае, в России); отступление от этого правила не допускается¹⁷⁹.

Между тем, где бы ни был Ханыков, чем бы он ни занимался, мысли его были сосредоточены на главном — на книге К. Риттера. Ученый собирает материалы в самых различных

местах, среди самых различных людей. Оказалось, что исключительно полезным может быть Иван Сергеевич Тургенев: бывший студент Берлинского университета, он слушал лекции Риттера и поделился с Ханьковым своими воспоминаниями. Перо выдающегося мастера нарисовало столь яркий портрет К. Риттера, что Ханьков включил это красочное описание в свое введение к переводу труда ученого. И мы не можем преодолеть искушения поделиться с читателем этим образчиком знаменитой тургеневской прозы.

«О Риттере я мог сказать Вам следующее, — сообщал И. С. Тургенев 17/29 декабря 1871 г. Н. В. Ханькову. — Я слушал его в Берлине в зимний семестр с 38-го на 39 год. Он вместе с Гансом, скоро потом умершим, считался самым красноречивым преподавателем в ту эпоху Берлинского университета. Слушателей у него было очень много — и не между одними студентами; приходили и офицеры, и чиновники, и даже дамы; он читал в одной из самых больших аудиторий. Наружность его была замечательно почтенная и важная; массивная голова, правильные черты, высокий лоб, выразительные большие глаза и сочный, звучный, приятный голос внушали невольное уважение; а плавная, спокойная и в то же время картинная, колоритная речь увлекала неотразимо — и лилась безостановочно, как река! Я никогда не видывал более изящного профессора, изящного безо всякой приторности, величавого без напыщенности. Кстати о его голосе: Риттер был уже стар в 1838 году и потерял несколько зубов, но подобного голоса я на кафедре тоже не слыхивал... Много ли выносили слушатели фактических знаний из его лекций и насколько они были научно серьезны — это другой вопрос; но он несомненно умел возбудить интерес к географии, пределы которой он расширил, успел заставить полюбить ее, не считать ее более сухим перечнем рек, гор, мысов и т. п.»¹⁸⁰.

В ходе своей работы Ханьков консультировался с русскими, французскими, английскими, немецкими историками, географами, филологами, этнографами. Ни один свой труд Ханьков не отделял с такой тщательностью, не работал над ним так долго и упорно, как над «Ираном».

Периодически он встречается с Тургеневым и другими соотечественниками. «По поручению Я. П. Полонского, — пишет ему Тургенев 1/13 марта 1872 г., — посылаю Вам прилагаемое стихотворение. Вот его слова: „Отдай... Ханькову — моему старому знакомцу и закавказскому патрону. Я знаю, что он меня не забывает, и это меня трогает“. Стихотворенье туманновато, но есть красивые обороты...»¹⁸¹. Речь идет о произведении Полонского «Утес»¹⁸². Действительно, в нем нет прямого посвящения Н. В. Ханькову, но образ «оторвавшегося от родимых гор утеса», который «открыт всем ветрам... посреди чужих — ненужный, посреди своих — забытый», — символичен, и

поэтому нельзя не упомянуть об «Утесе» на страницах этой работы.

...Настал наконец день выхода в свет долгожданной книги Карла Риттера «Иран»: в 1874 г. она была издана в Петербурге. Однако вышедший труд лишь с немалой натяжкой можно было назвать принадлежащим немецкому географу. Собственно, Риттеру из общего объема — 718 страниц — принадлежало лишь 309, т. е. меньше половины. Остальное составляли предисловие и введение Н. В. Ханькова, его «дополнения», а также три статьи (всего 90 стр.) профессора Спигеля о клинописных и сасанидских надписях и их значении для географии и этнографии, об исследовании иранских наречий.

Обстоятельное введение, как и следовало ожидать, посвящено ведущей в данном издании теме «Значение Риттера в науке землевладения». Н. В. Ханьков приводит биографию немецкого профессора, характеризуя среду, в которой он воспитывался и развивался, и критически оценивая литературу, освещавшую его деятельность. На страницах нашей работы уже достаточно часто появлялись эпитеты «скрупулезно», «добросовестно», «тщательно» применительно к трудам Ханькова. Без них, однако, нельзя обойтись, когда характеризуешь и этот его труд. Десятки фамилий ученых из самых различных стран и эпох, великое множество самых разнообразных исследований и публикаций, в том числе весьма редких, фигурируют в этом введении (сюда включены и воспоминания И. С. Тургенева). Их привлечение призвано помочь лучше уяснить место и роль Карла Риттера в развитии мировой географической науки, или, употребляя бытовавший тогда термин, «землеведения».

Подлинный и принципиальный ученый, Николай Владимирович всесторонне, глубоко, но вместе с тем и достаточно критически относится к теориям и произведениям Риттера. Он отмечает сделанные им шаги вперед по сравнению с предшественниками, но не умалчивает и о «странности некоторых положений», недостатках и ошибках, исправляет и уточняет неправильные утверждения, устаревшие взгляды. Основная часть дополнений и поправок, внесенных Н. В. Ханьковым, составляет девять разделов (кроме того, три раздела принадлежат иранисту Спигелю). Здесь — рассказ о Систане, о «жителях восточного рубежа Ирана, аборигенах и переселенцах», о таджиках и афганцах, о «Персии в начале XV столетия, по свидетельству Руи Гонзалеса Клавихо, посланника Генриха III Кастильского к Тамерлану в 1403—1406 годах», и многое другое. Кому же было поведать об этом, как не Ханькову, на лошадях и пешком странствовавшему по Систану и «восточным рубежам Ирана»!

Он отмечал, что вышедшая книга — лишь первый выпуск, который «составляет около трети объемистого VIII тома Географии Азии (К. Риттера. — Авт.), посвященного описанию Персии»¹⁸³. Указывая на свои старания не скрывать ни ее недостат-

ков, ни достоинств, Ханыков находил эти достоинства «в таланте географа возбуждать в душе читателя пылливость и интерес не только к одному внешнему виду описываемой страны, но и к разнообразнейшим вопросам, касающимся ее прошедшего и настоящего»¹⁸⁴.

Переводчик, комментатор и «дополнитель» сочинения Риттера, к сожалению, ни в предисловии, ни во введении не остановился на принципах распределения материала по томам (или «выпускам»). Во всяком случае, вышедшее издание («Риттерово изложение» и дополнения) касалось всего Ирана лишь в общих чертах, рассматривая специально только его «восточную» и «северную грань», т. е. области, наиболее хорошо знакомые Ханыкову. Указание на «часть первую», понятно, подразумевало, что вслед за ней появятся перевод и дополнения других разделов тома VIII. К сожалению, продолжения это издание не имело, хотя можно не сомневаться, что Н. В. Ханыков располагал необходимыми материалами и трудился над ними. Завершение этой деятельности привело бы к созданию обширного и глубокого сводного исследования по Ирану, основанного на последних, тщательно проверенных сведениях. Но «век» ориенталиста «уже был измерен» — ему осталось жить всего четыре года, и, несмотря на ухудшение здоровья, каждый из них был насыщен напряженным трудом. «Географическое общество приняло меры к составлению перевода остальных частей, — отмечал В. В. Бартольд, — но этот труд не был выпущен в свет»¹⁸⁵. Не исключено, что такая неудача была вызвана отсутствием среди российских востоковедов подобного универсального ираниста, каким был Н. В. Ханыков. Во всяком случае, о его огромном авторитете среди ученых всего мира свидетельствует список научных степеней и званий Н. В. Ханыкова, напечатанный на титульном листе книги «Иран» К. Риттера: «Доктор Имп. С.-Петербургского университета, член-корреспондент Имп. Академии Наук, почетный член Имп. Московского Общества испытателей природы, действительный член Имп. Русского Географического Общества, Имп. Археологического Общества и Одесского Общества истории и древностей, член-корреспондент Германского Восточного Общества, почетный член Географических Обществ Берлинского, Венгерского, Парижского, Лондонского и Итальянского, почетный член Английского Азиатского Общества и т. д.».

«И т. д.» вызвано, очевидно, нехваткой места. Иначе была бы отражена и его почетная и практическая роль в научных кругах Северо-Американских Соединенных Штатов и других стран.

В нашем распоряжении имеется документ, свидетельствующий, что Николай Владимирович намеревался издать остальные части «Ирана» К. Риттера. 20 октября 1874 г. он писал одному из руководителей Русского географического общества — Ф. Р. Остен-Сакену: «Решаюсь беспокоить Вас покорнейшею

просьбою принять на себя обязательный труд исходатайствовать мне по примеру состоявшегося уже раз в мою пользу благосклонного распоряжения Совета Географического общества об отпуске в счет имеющегося быть назначенным мне гонорара за перевод и дополнения Риттера, вперед пятьсот рублей серебром, каковые я не замедлю возвратить Обществу в виде манускрипта — перевода и дополнения 2-й части „Ирана“»¹⁸⁶.

25 октября 1874 г. (Н. В. Ханыков, судя по датам на документе, был в это время в Петербурге) на заседании Совета Общества было принято решение удовлетворить просьбу ученого. Члены Совета не могли предполагать, что преждевременная смерть не позволит ему довести до конца труд, для выполнения которого он был подготовлен как никто другой из современников. Но своеобразный энциклопедический справочник по Ирану так и не был завершен...

Тем не менее Ханыков еще успел оказать немаловажную услугу Русскому географическому обществу. В конце 1874 г. парижское Общество известило, что в 1875 г. в Париже намечено созвать Международный географический конгресс, при котором будет открыта обширная выставка. Отправив в Петербург подробную программу конгресса и правила выставки, Парижское географическое общество официально ходатайствовало о назначении правительственного национального комиссара, которому надлежало отвечать за подготовку соответствующего выставочного отдела.

В России придавали большое значение намеченному мероприятию. В нем должны были принять практическое участие ведущие министерства — военное, морское, народного просвещения, а также Географическое общество. Для подготовки и устройства Русского отдела выставки была создана особая комиссия. Ведущую роль в ней играл вице-председатель Географического общества П. П. Семенов. В поисках специалиста, на которого можно было бы возложить функции комиссара Русского отдела выставки, она «остановила свой выбор на действительном члене Н. В. Ханыкове, который долгое уже время проживал в Париже и кроме научных несомненных заслуг обладал знакомством с условиями парижской жизни, а следовательно, мог быть полезен и со стороны хозяйственных распоряжений по устройству Русского отдела»¹⁸⁷.

Такое решение комиссии не расходилось и с настроением самого востоковеда, полагавшего, что сможет оказать своей стране весьма действенную помощь в обеспечении ее всестороннего участия в международном форуме географов. Еще не имея каких-либо формальных предложений из Петербурга, он писал помощнику председателя Ф. Р. Остен-Сакену, что выставка, которая была задумана «в скромных размерах Антверпенской», чрезвычайно разрастается и даже обсуждается вопрос об отсрочке открытия конгресса. «Что касается лично до меня, —

продолжал он, — то Совет [Географического] общества не может сомневаться в моей искренней готовности принять на себя всякое его поручение, если бы даже таковое было сопряжено с какими-либо денежными средствами».

Тем не менее с присущей ему скромностью он считал более подходящим, чтобы «три министерства», которые участвуют в выставке, прислали в Париж «специальных чиновников, могущих давать посетителям более вразумительные ответы, советы и указания. Если же Обществу угодно, чтобы я этим господам служил», пока они ознакомятся и освоятся с делом, то «я охотно предлагаю свои услуги... само собой разумеется, безвозмездно».

Он добавлял: «Относительно приезда сюда П. П. Семенова, я теперь еще более, чем когда-либо, уверен в его необходимости, так как из Англии будет сэр Хенри Роулинсон, из Берлина Киперт, оба, занимающие у себя положение, занимаемое у нас П. П. Семеновым»¹⁸⁸.

В дальнейшем из Петербурга обратились к Ханыкову уже официально. П. П. Семенов отправил ему в Париж телеграмму, а затем и письмо, разъяснявшее некоторые беспокоившие востоковеда вопросы. Он информировал Ханыкова о том, что созданная в России из представителей соответствующих министерств и Географического общества комиссия под руководством Ф. П. Литке сочла «необходимым иметь и специального русского комиссара» во французской столице. В его задачи должно входить «облегчение и ускорение сношений с Комитетом Конгресса, выбор помещения для Русского отдела и разные другие дела, в коих наш комиссар мог бы действовать как *chargé d'affaires* (т. е. поверенный в делах. — Авт.) здешней комиссии».

Эта комиссия, подчеркивал Семенов, при выборе лица, полностью соответствующего всем надлежащим условиям, «единогласно подумала о Вас». Он просил сообщить, согласен ли ученый принять «звание и обязанность нашего Парижского Комиссара», добавляя, что на расходы будет ассигнована соответствующая сумма¹⁸⁹.

Поблагодарив за разъяснения, Н. В. Ханыков заявил о своей полной готовности принять предложение. «Наше Географическое общество с самого начала моих сношений с ним относилось постоянно так благосклонно и внимательно ко мне, — гласил его ответ, в котором он несколько кривил душой, если вспомнить коллизию с финансированием и публикацией материалов Хорасанской экспедиции, — что было бы неблагодарностью с моей стороны отказываться от исполнения его желания, основанного на убеждении, что я к чему-либо могу быть полезным его интересам, и потому я принимаю с охотой на себя и звание делегата Общества на Конгрессе, и звание Главного Комиссара Русского отдела выставки...» Тут же он сообщал, что из-за поисков

соответствующего помещения открытие выставки решено отложить на неопределенный срок.

Что касается денежного вознаграждения, то Ханыков отказывался от него, считая возможные издержки не очень крупными. Он просил лишь «обеспечить официальную обстановку моего положения. Здесь царство бюрократии и официальности»: следовало сообщить о его назначении «не только президенту Географического общества, но и нашему послу князю Н. А. Орлову», чтобы он мог сослаться на «какую-нибудь официальную бумагу»¹⁹⁰.

Эти справедливые пожелания были выполнены. Между тем для организации экспозиции предстояло провести огромную работу. Выставочная комиссия «при составлении коллекций для выставки ввиду ограниченного пространства, назначенного для каждого государства, и обширной программы... поставила себе целью представить русский отдел в стройной и систематической организации, с тем чтобы в нем нашли место произведения географические по всем группам программы, но без загромождения предметами однородными или второстепенного значения»¹⁹¹.

Намечалось открыть семь отделов выставки (по числу и тематике секций Конгресса): 1. Математической географии, геодезии и топографии; 2. Гидрографии и морской географии; 3. Физической географии и геологии; 4. Исторической географии и этнографии; 5. Экономической географии и статистики; 6. Педагогической географии; 7. Путешествий. «Гвоздем» русской выставки должна была стать коллекция ювелирных изделий из Хивинского ханства, представленная туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом.

Уже из перечня отделов экспозиции можно представить, насколько энергичным и эрудированным должен был быть русский комиссар Н. В. Ханыков, чтобы справиться с возложенной на него чрезвычайно сложной задачей. К нему срочно были отправлены на помощь действительные члены Географического общества — помощник секретаря А. М. Ломоносов и секретарь Отделения этнографии В. Н. Майнов.

Между тем в Париж прислали такое количество экспонатов, что нечего было и думать о размещении их в отведенных для России комнатах дворца Тюильри. Положение было катастрофическим. Выручило как раз то обстоятельство, что российским правительственным комиссаром оказался опытный, организованный человек, хорошо знакомый с условиями столицы Франции. Получив согласие вице-председателя П. П. Семенова и генерального комиссариата выставки, Ханыков начал спешно возводить на террасе вдоль берега Сены в саду Тюильри специальное временное строение в 23 м длины и 8 м ширины, получившее на выставке название «русский павильон». Лишь при огромном напряжении сил, благодаря оперативности ориенталиста

это строение удалось завершить к непосредственному открытию выставки.

Но Н. В. Ханыков отнюдь не ограничивался научно-технической ролью организатора экспозиции и правительственного комиссара. Он также принимал непосредственное участие в чисто научной деятельности мировых специалистов, собравшихся на Международный географический конгресс: признанный глава географов России П. П. Семенов был избран в Париже председателем III группы жюри, а Ханыкова выбрали главой VII группы (всего их было 7).

Экспозиция России — и в этом несомненная заслуга Николая Владимировича Ханыкова — имела блистательный успех. «По наблюдению лиц, бывших на выставке, а также и по одногласному отзыву людей науки и журналов, русский отдел Парижской международной географической выставки занимал совершенно выдающееся место среди остальных отделов; это подтвердилось количеством наград, доставшихся на долю русских экспонатов, и тем огромным интересом, с которым отдел посещался публикою»¹⁹², — констатировал в полуофициальном описании деятельности Русского географического общества П. П. Семенов, который, как отмечалось, и сам находился в это время в Париже.

Не менее восторженно писал об организации русской части парижской выставки и номинальный глава Общества великий князь Константин Николаевич, также «почтивший» ее своим визитом. «Посетив прошлым летом бывшую в Париже Международную Географическую выставку, — писал он министру финансов Российской империи М. Х. Рейтерну, — я не мог не отдать справедливость прекрасному во всех отношениях устройству Русского отдела ее, организация которого была высочайше вверена Русскому Географическому обществу... Русский отдел выставки был вполне заслуженно оценен по достоинству и имел блестящий успех на международном научном собрании как по богатству своего внутреннего содержания, так и по стройной организации и порядку, поставившим его на первое место в ряду всех отделов выставки... Такой успех нашего отдела, в значительной мере зависел от особых трудов и деятельной распорядительности русского правительственного комиссара д. чл. Импер. Русского Географического общества действ. статского советника Ханыкова, я полагал бы справедливым, согласно мнению Совета Общества, ходатайствовать о представлении г. Ханыкова к высочайшей награде». И он предлагал министру финансов «всепоподданнейшим докладом» исходатайствовать Н. В. Ханыкову подарок ценностью в 2500—3000 руб.¹⁹³ Этот документ интересен, разумеется, не как показатель отношения члена царской семьи к «деятельной распорядительности» ориенталиста, а как свидетельство оценки его блестящих действий со стороны плеяды ученых России, представлявших отечественную географию и

широкий спектр связанных с ней наук, тем более что и сам великий князь Константин Николаевич ссылаясь на «мнение Совета Общества», а проект этого послания министру финансов был написан рукою П. П. Семенова. Как бы то ни было, триумф русского отдела парижской выставки был отмечен денежной наградой для Ханыкова и орденами для его помощников — Ломоносова и Майнова.

Завершая рассказ о действиях Николая Владимировича на Международном географическом конгрессе в Париже, нельзя умолчать о небольшом эпизоде, в котором он оказал существенные услуги уже не только русской, но и мировой науке. На конгрессе антропология по непонятным причинам была включена... в римскую археологию, которой занималась IV секция. Отдельные специалисты были крайне недовольны этим. На одном из первых заседаний выступил выдающийся французский антрополог Поль Брока. О дальнейшем красочно рассказывает В. Н. Майнов, который являлся секретарем этой секции. Поль Брока «в юмористическом тоне... произнес свою блистательную речь о древности рода человеческого... После этой речи заседание отдела было прервано, и 24 члена этой секции составили протокол о выделении своем в отдельную группу антропологии, этнологии и доисторической археологии; торжественно, с Брока во главе, вышли мы из зала заседаний, предоставив присяжным академиком корпеть над значением „чего-то подобного греческой дигамме на надгробной надписи Публия Сервиюлы, медника“».

«Весть о революции», как говорит В. Н. Майнов, быстро разнеслась среди участников конгресса «и привела в смущение распорядителей; нам заявили, что для образованной нами VIII секции нет помещения». Положение спас русский ориенталист. «Главным комиссаром России был почтеннейший Н. В. Ханыков, известный своими глубокими знаниями и пользовавшийся в Париже всеобщим уважением. Как помощник его, я рассказал Ханыкову о случившемся, и на другой же день помещение выставки Импер. Русского Географического общества было предоставлено в распоряжение VIII секции Конгресса. Гонимая в отечестве даже наука приютилась таким образом в России, и скоро заседания этой секции стали привлекать в нее от 150 до 200 посторонних слушателей, частью из других групп, а частью из публики, так как мы позаботились, чтобы наши заседания были доступны для всех»¹⁹⁴.

К этому можно добавить, что русские ученые по инициативе Николая Владимировича «дали приют» науке, «гонимой в ее отечестве» — Франции, в прямой ущерб собственным удобствам. Заново созданная VIII секция (антропологическая) заняла для своих заседаний особо отведенную ей часть павильона России, где встречались для всевозможных обсуждений российские делегаты¹⁹⁵.

Одной из последних востоковедческих работ Ханыкова явилось небольшое, но основывающееся на тонком анализе эссе, в котором определялось местонахождение города Артакоана, «центра королевства ариев». Этот город упоминался древними историками восточных походов Александра Македонского, однако точная локализация его в дальнейшем не была установлена. Н. В. Ханыкову удалось доказать, что древней Артакоаной является Каин¹⁹⁶. «Блестящей статьёй» было названо это исследование в годичном собрании Парижского Азиатского общества¹⁹⁷.

Ученый продолжал трудиться над любимыми сюжетами по истории, этнографии и культуре народов Востока, в частности над переводом и комментариями к остальным разделам «Ирана» К. Риттера. Но силы уходили. Ханыкова начинают одолевать болезни. Катар желудка, ревматизм, нарушение обмена веществ. Их развитию немало способствует сидячий, неподвижный образ жизни, которым ориенталист словно хотел «вознаградить» себя за странствия молодых лет. К тому же он любил вкусно, а главное, весьма сытно поесть, что тоже пагубно сказывалось на здоровье. Приезд в Париж из России любого писателя, ученого, общественного деятеля, как правило, сопровождался обедом с участием И. С. Тургенева и Н. В. Ханыкова. Среди них можно назвать М. Е. Салтыкова-Щедрина, путешественника и естествоиспытателя А. П. Федченко, П. А. Каратыгина, Я. П. Полонского, П. В. Анненкова, В. А. Соллогуба и др. Мы не утомляли читателя бытовыми подробностями из жизни Н. В. Ханыкова — их очень немного в нашем распоряжении. Поэтому не можем не привести несколько отрывков из писем И. С. Тургенева, образно рисующих облик исследователя. Полонскому 21 февраля/5 марта 1873 г.: «Ханыков процветает — толст и свеж и кушает так вкусно, что нельзя не любоваться»¹⁹⁸. П. В. Анненкову 23 марта/4 апреля 1873 г.: «...приезжайте-ка в Париж до 20 мая. Хоть бы пообедали вместе и посмотрели бы как кушает Ханыков. Грандиозное зрелище, доложу Вам!»¹⁹⁹. Ему же 15/27 марта 1874 г.: «Ханыков действительно монумент, индийская пагода или даже божество, но человек хороший»²⁰⁰. М. Е. Салтыкову-Щедрина 17/29 сентября 1876 г.: «...фактец Вашего свидания (с руководителем цензуры В. В. Григорьевым, который очень грубо принял писателя. — Авт.) я сообщу Ханыкову, который, впрочем, сильно хворает в последнее время»²⁰¹. Полонскому 26 октября/7 ноября 1876 г.: «Ханыков все лето очень страдал ревматизмами в колене и с трудом ходил. А растолстел необычайно и являет вид шара»²⁰².

Дружеские связи великого писателя и ученого были порождены духовной близостью в широком смысле слова, общностью мировоззрения, восприятия политической действительности, характерных черт культурной и литературной жизни. И. С. Тургенев глубоко уважал востоковеда и выразил это в письме к Я. П. Полонскому: «Н. В. Ханыков живет здесь на даче около Парижа.

Н. В. Ханыков на даче Н. А. Милютин в Баден-Бадене в 1867 г.
Слева направо: К. К. Грот, Н. А. Милютин, М. А. Милютин, Н. В. Ханыков, И. С. Тургенев

Я его вижу изредка — и скажу одно: это исполин!»²⁰³. Друзья обменивались информацией и мнениями о различных международных событиях, книжных новинках, театральных новостях, а особенно о характерных явлениях российской действительности.

Так, к примеру, 28 января/9 февраля 1878 г. Тургенев отправил своему приятелю номер «Северного вестника»²⁰⁴, где было опубликовано письмо прокурора Оренбургской судебной палаты Н. Н. Павлова-Сильванского, который пытался «помешать бесчеловечному обращению с крестьянами, арестантами и каторжными»²⁰⁵, но был за это смещен с должности. Вскоре после этого, 31 января/12 февраля 1878 г., писатель сообщал М. М. Стасюлевичу: «...статью Павлова-Сильванского я не только прочел — но почувствовал некоторое умопомрачение!! Дал ее прочесть Ханыкову — и он почувствовал то же!!»²⁰⁶.

Ориенталист неизменно продолжает выполнять свои обязанности перед министерством народного просвещения и ведет обширную переписку с различными корреспондентами в России и за ее пределами. В 1867 г., он собирает материалы для ответа на запрос Толстого о парижской «Эколь де шарт», которая готовила библиотекарей, о ее организации, количестве слушателей, результатах деятельности²⁰⁷.

В 1871 г. министр предпринял попытку привлечь Н. В. Ханькова к деятельности законодательных учреждений империи. Он ссылается на кончину профессора Петербургского университета Мирзы Казембека, который был причислен ко II (кодификационному) Отделению собственной е. и. в. канцелярии и работал над изданием одного из толкователей Корана — «О браке по Шераи-уль-Исламу». Этот труд предназначался в качестве руководства местным кавказским властям при разрешении вопросов, касающихся последствий брака. «...По собранным мною сведениям, — обращался Толстой к ученому, — после покойного Мирзы Казембека, который был первым по знанию религии и юриспруденции мусульман, из русских ориенталистов Ваше превосходительство более других знакомы с этим предметом и что с знанием арабского языка Вы соединяете и практическое знание мусульманской религии и юриспруденции, так как Вы много путешествовали по Востоку и в продолжение многолетней службы своей на Кавказе заведовали там открытыми Вами же двумя школами различных магометанских толков — суннитского и шиитского». Учитывая все это, министр предлагал Ханькову завершить работу Казембека²⁰⁸.

В имеющихся материалах нет сведений, взялся ли Николай Владимирович за это дело. По-видимому, нет, или, во всяком случае, не довел его до конца. Но послание одного из высших сановников Российской империи свидетельствует — и фактом обращения, и своим содержанием, — что опыт и знания Н. В. Ханькова очень высоко котировались в правительственных сферах империи.

Еще одним подтверждением сказанного может быть просьба поделиться своими познаниями, высказанная ученому великим князем Николаем Константиновичем Романовым. В результате скандала в «августейшей семье» он был отправлен на жительство в Среднюю Азию. Там он развернул бурную предпринимательскую деятельность в области ирригационного строительства, прокладки дорог и др. Он участвовал в 1877 г. в научной экспедиции по исследованию возможностей соединения Туркестана железнодорожной магистралью с Россией и далее с Европой. В это время, воодушевленный вступлением в строй Суэцкого канала, Ф. Лессепс выдвинул проект прокладки железнодорожного пути, который связал бы Лиссабон с Калькуттой.

Н. К. Романов прислал Н. В. Ханькову составленную им брошюру «О выборе кратчайшего направления среднеазиатской железной дороги» и просил поддержать его мнение о прокладке такой дороги через Оренбург, а не через Екатеринбург, как предлагал Лессепс. Он обращался к ученому, именую его «известным знатоком Средней Азии», и продолжал: «Ваши знания. Ваша любовь к России и ко всякому делу, могущему возвеличить значение ее на Востоке, — вот причины, побудившие меня просить Вашего мнения и совета»²⁰⁹.

Ответ Ханькова неизвестен. В принципе вопрос о создании такой грандиозной магистрали, рассматривавшийся в высших сферах, был признан несвоевременным с политической и технической точек зрения. Но косвенное свидетельство о положительном отношении ученого к этому, вне сомнения, чрезвычайно важному и прогрессивному со многих точек зрения проекту имеется.

Больше того, из него явствует, что Ханьков размышлял над возможностью прокладки подобного пути чуть ли не за сорок лет до обращения к нему Н. К. Романова, еще во время поездки в Бухарское ханство. 15/27 июня 1878 г. он писал (вероятно, М. М. Стасюлевичу): «Я на днях получил из Оренбурга письмо с брошюрой о Каракумской степи и с просьбой сообщить мое мнение о результатах, добытых тщательным исследованием этой степи, относительно проведения в ней железной дороги. Я был очень рад, найдя в своих путевых журналах 1841 г. полное подтверждение слов брошюры»²¹⁰.

До последних дней Ханьков продолжал поддерживать контакт с А. В. Головинным. В 1877 г. он отправляет ему серию писем, в которых высоко оценивает достоинства «Нови» И. С. Тургенева, возмущается тем, что писателя не делают «Академиком Российской Академии», осуждает безалаберность, отсутствие ясно осознанной цели у восточной политики Петербурга, плохой, если не вредоносный подбор кадров дипломатов. «Со смерти Екатерины, — отмечает он, — на нашей левантской политике лежит какое-то проклятие». Убеждение «в непогрешимости и гениальности чиновников, выбираемых им самим (т. е. царем. — Авт.), порождает сумбур, являющийся конечным итогом всего этого ряда действий»²¹¹.

...А сил становилось все меньше и меньше. Трагедия для крупного ученого — при полной ясности ума и твердой памяти рука отказывалась держать перо. 24 октября 1878 г. он продиктовал письмо Головинну, с большим трудом сделав приписку, что ему «минуло в тот день 59 лет». По-видимому, чтобы поправить здоровье, Ханьков перебрался в город Рамбуйе, в 52 км от Парижа. Он поселился там на Госпитальной улице, изредка опекаемый заботами дочерей Н. И. Тургенева. Но этот переезд не помог. На ногах начали появляться язвы. Стал развиваться катар легких.

В конце октября 1878 г. И. С. Тургеневу стало известно об ухудшении состояния друга. 24 октября/5 ноября он запросил у Клары Николаевны Тургеневой точный адрес востоковеда в Рамбуйе и время отхода туда версальского поезда²¹². Одновременно с этим он поделился горестными вестями с П. В. Анненковым: «...бедный Ханьков совсем умирает в Рамбуйе, куда неизвестно зачем затесался. Разнесло его страшно, и все ноги покрыты язвами. Скверное дело... Жаль его»²¹³.

И. С. Тургенев смог выехать в Рамбуйе лишь 27 октяб-

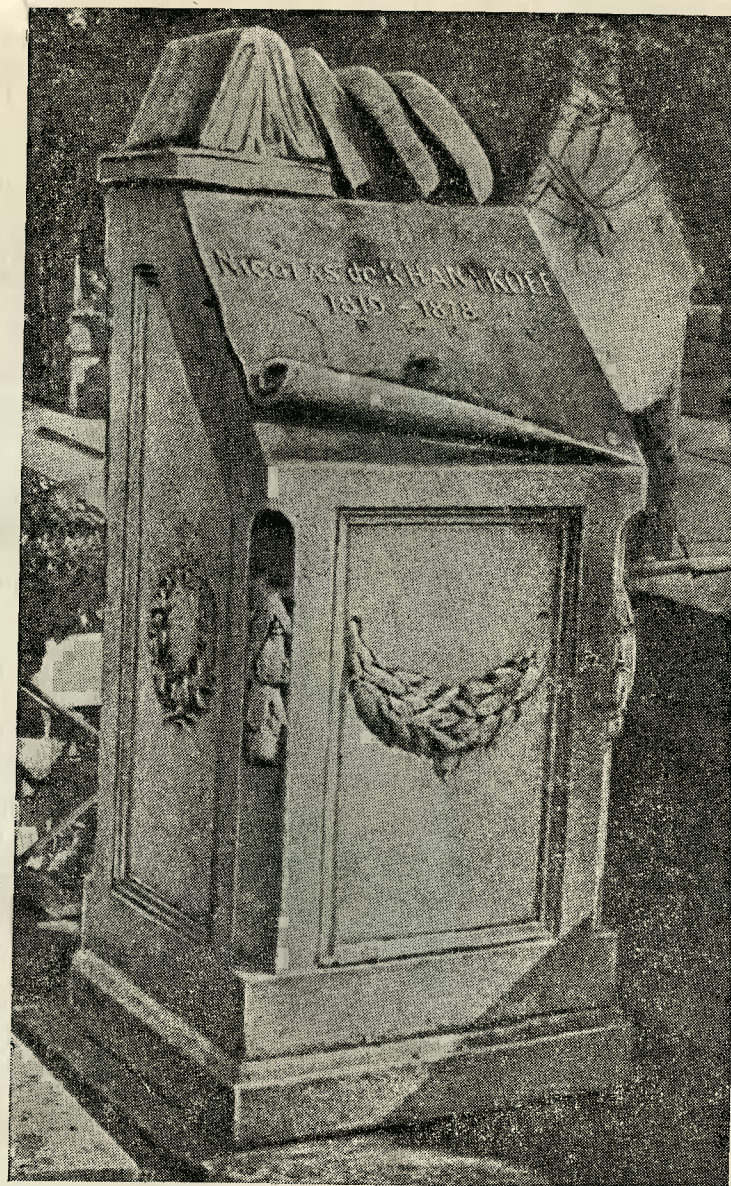
ря/8 ноября. Он нашел ученого «в чрезвычайно тяжелом состоянии»²¹⁴ и на следующий день пришел к нему с врачом.

Врачебная помощь оказалась мало полезной. Через несколько дней, 3/15 ноября 1878 г., Николая Владимировича Ханыкова не стало. Тургенев тяжело переживал кончину старого друга. Кажется, не было более или менее близкого ему человека, которому бы он не сообщил об этой утрате. 10/22 ноября 1878 г. он писал Я. П. Полонскому: «Сегодня мы хоронили нашего бедного общего приятеля Н. В. Ханыкова. Уже два года, как его здоровье пошатнулось: громадная толщина, которая почти внезапно развилась в нем, не предвещала ничего хорошего; потом после язв на ногах наступил легочный катар, кончившийся задушением. После отпевания, на котором присутствовало немного народу, мы его отвезли на кладбище „Père-Lachaise“ — и там я перед раскрытой могилой произнес несколько прощальных слов — а за мной известный ученый Катрфаж (президент Парижского географического общества. — *Авт.*). Погода была туманная, сырая — сеяла мелкая крупа — нехорошо было. Вот еще исчез один из людей „сороковых годов“»²¹⁵.

Аналогичное известие послал Тургенев П. В. Анненкову²¹⁶, более сжатое — Л. Н. Толстому²¹⁷, более эмоциональное — Гюставу Флоберу: «Мой дорогой старина... Мне пришлось хоронить старого друга (мы были дружны 40 лет) Ханыкова, который скончался в Рамбуйе, в самом унылом жилище, какое я только видел. На кладбище Пер-Лашез было очень скверно — под ногами грязь, сверху что-то вроде града или снега, а кругом омерзительный грязный туман. Было бесконечно трудно опустить в зияющую яму огромный тяжелый гроб. Стоя у края этой ямы на куче жирной и скользкой земли, я произнес несколько прощальных слов...»²¹⁸.

Общая картина происходившего на кладбище хорошо отражена в письме Ф. Н. Тургеневой А. В. Плетневой. 16/28 ноября 1878 г. она сообщала: «Было много ученых, членов Института (т. е. французских академиков. — *Авт.*), Антропологического общества, Географического и Азиатского обществ, а на кладбище Пер-Лашез г-н де Катрфаж произнес речь, из которой видно, как ценили нашего друга в научном мире Франции: „Такие люди, — сказал, заканчивая, г-н де Катрфаж, — заставляют любить их родину за границей“. Иван [Сергеевич] тоже выступил — и очень хорошо, — он почти что задыхался от волнения. Он очень опечален этой смертью; он, так же как и мы, знает, чего стоил дорогой усопший, сколько он трудился и какое место занял в различных областях науки, которые он разрабатывал и углублял»²¹⁹.

Интересно, что И. С. Тургенев, по существу, отвел выражения признательности за внимание к памяти скончавшегося, с которыми к нему обратился Я. Н. Ханыков, родственник ориенталиста. «Все, что я сделал, — отмечал писатель, — это, как го-

Памятник Н. В. Ханыкову на кладбище Пер-Лашез.
Скульптор М. М. Антокольский

ворится в сказке, „службишка, не служба“, эту обязанность налагала на меня старинная и неизменная дружба с покойным Вашим родственником»²²⁰.

На смерть Н. В. Ханькова откликнулись многие научные и литературно-политические издания — русские и зарубежные: публиковались некрологи и другие материалы о жизненном пути выдающегося востоковеда и значении его исследований.

Обширную статью о скончавшемся ученом опубликовал издатель журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич²²¹, с которым был близок Н. В. Ханьков. В ней отмечалась «вполне заслуженная известность», какую скоро приобрел последний «как исследователь среднеазиатской истории, географии, этнографии, лингвистики и как собиратель восточных рукописей». М. М. Стасюлевич учитывал характер «Вестника Европы» как общественно-политического издания и время появления некролога, характеризовавшееся обострением так называемого «восточного вопроса» и русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Он подчеркивал, что умерший ориенталист «принадлежит к числу тех немногих наших деятелей, которые посвятили лучшую пору своей жизни на самостоятельное изучение восточного вопроса и ближайших наших соседей в Средней Азии». В журнале были напечатаны письма Николая Владимировича (адресованные, по всей вероятности, самому Стасюлевичу), иллюстрировавшие его патристический образ мыслей и великолепное понимание сложнейших проблем международных отношений его времени.

Обстоятельный некролог появился в «Журнале министерства народного просвещения»²²², на страницах которого часто выступал Ханьков. Здесь в первую очередь отмечались его научные заслуги: «Скончавшийся 3/15 ноября 1878 г. в Рамбулье... на 60-м году жизни Н. В. Ханьков принадлежал к числу замечательнейших русских ученых. Специальностью его было изучение Востока, и заслуги его на этом поприще так важны, что имя его пользуется громкою известностью среди русских образованных людей и, может быть, еще большею — в Западной Европе: Лондонское, Парижское, Берлинское, Итальянское и Венгерское географические общества считали его в числе почетных членов».

Авторы статьи особо подчеркивали блистательные успехи востоковеда по изучению Хорасана, общей географии и этнографии Персии, в частности в связи с выпуском перевода и комментариев к книге К. Риттера. Они приводили знаменательные слова Ханькова: «...если мои и Спигелевы примечания и дополнения к Риттеру сколько-нибудь заинтересуют наших молодых ученых и направят проницательную пытливість их к археологии, этнографии и расследованию персидских наречий берегов Аму, Хорасана, южного поморья Каспия и Закавказья, цель моя будет достигнута, и я буду иметь успокоительное убеждение, что хотя несколько оправдал лестное для меня решение Русского Гео-

графического общества поручить мне печатаемый ныне перевод». «Преждевременная кончина прервала труд Ханькова над „Ираном“, — указывалось далее, — и приведенные выше слова его являются как бы заветом, который он оставил молодому поколению русских ориенталистов».

«Журнал министерства народного просвещения» отмечал, разумеется, большую известность востоковеда в научном мире Европы: «...он всегда был желанным гостем среди парижских и лондонских ученых обществ и различных научных съездов».

Конечно, на кончину своего действительного члена откликнулось и Русское географическое общество. Об этом докладывалось 8 ноября 1878 г. на общем собрании, а в «Отчете...» Общества за 1878 г.²²³ было напечатано из «Журнала министерства народного просвещения» сокращенное изложение его биографии.

Своими воспоминаниями о Н. В. Ханькове поделился на страницах «Известий Кавказского отдела Имп. Русского географического общества» один из ответственных деятелей Отдела — Л. Загурский²²⁴. Он рассказал об энергичном участии ученого в трудах филиала РГО, указав, что Николай Владимирович «был душою и двигателем полезных начинаний последнего».

Но, пожалуй, наиболее прочувственные слова о русском ориенталисте были сказаны в Париже, на собрании французских ученых, среди которых он провел почти двадцать лет, пользуясь заслуженным уважением и симпатиями. 28 июня 1879 г. на ежегодном заседании Парижского Азиатского общества выступил президент его Совета, академик, профессор Коллеж де Франс, известный историк Эрнест Ренан²²⁵. Остановившись на утрактах, какие понесло Азиатское общество, Ренан упомянул Николая Владимировича Ханькова и нарисовал краткий, но яркий научный и психологический портрет скончавшегося коллеги.

«Хотя он и не был нашим соотечественником, — говорил французский академик, — этот ученый-востоковед благодаря длительному пребыванию во Франции стал своим среди нас. Он был членом вашего Совета и принимал активное участие в ваших работах. Никто лучше его не знал Персию и Центральную Азию». Эрнест Ренан упомянул о путешествии Ханькова в Бухару и Самарканд, в места, где не могли побывать его предшественники, о его трудах о Герате, Хакани, кавказских надписях, персидской этнографии и др., сохранивших свою ценность.

«Со знанием языков он сочетал обширные познания в высшей математике и исключительную проницательность мысли. Общение с ним доставляло истинное удовольствие, — продолжал президент Азиатского общества. — Какой бы темы вы ни касались в беседе с ним, его высказывания всегда были в высшей степени справедливыми. Он проявлял заботу о материальном благосостоянии и развитии нашего Общества... А когда его

уже пошатнувшееся здоровье более не позволяло ему принимать участие в нашей работе и в наших заседаниях, он предоставил все богатство своей неисчерпаемой памяти и безграничной эрудиции в распоряжение тех, кто обращался к нему за советом.

Заключительные фразы выступления Э. Ренана звучали почти патетически: «Это был очень благожелательный человек, под сдержанностью уроженца северных рас которого угадывались дружеское расположение и горячая увлеченность. Избрав Францию своим вторым отечеством, он стал относиться к ней с еще большей привязанностью после пережитых превратностей судьбы, а перед тем как смерть унесла его от наших дел, просил похоронить его здесь, на своей второй родине, где любовь к науке и исключительные качества его сердца давно снискали ему права гражданства».

О каких «пережитых превратностях судьбы» говорится здесь? За словами Эрнеста Ренана скрывается какая-то тайна, к которой нам, приходится это признать, не удалось подобрать ключей. Во всяком случае, известные материалы (а их было перерыто довольно много) не дают оснований для четкого и убедительного ответа на этот вопрос. Были жизненные трудности? Естественно... И немалые. Но ничего такого, что настоятельно требовало бы добровольной эмиграции. И «царские милости» тоже были. Не выбрали в академики? Возможно, это как-то и задевало его самолюбие, особенно если учесть, что Ханыков был вполне достоин подобного признания его выдающихся научных качеств и заслуг. Но ведь он сам подчеркивал нежелание жить в России, даже если его избрание станет практической реальностью. Состояние здоровья, на что подчас ссылались некоторые его биографы или знакомые? Но до последних лет оно было вполне удовлетворительным, а что касается природных особенностей Франции, то в Российской империи немало мест, климат которых целебнее, чем в Париже или Рамбуйе, и которые так близки его сердцу. Кавказ, Средняя Азия... думается, что здесь он смог бы продолжать свои занятия с не меньшим успехом.

Быть может, в дальнейшем будут обнаружены новые, дополнительные сведения, архивные или иные документы — во Франции или в нашей стране, — которые прольют свет на оставшиеся неясными этапы и события в жизни ориенталиста.

...Между тем И. С. Тургенев продолжал крайне тяжело переживать кончину друга. Он открыл подписку на сбор средств для памятника Ханыкову, обращаясь с настойчивым предложением участвовать в этом как к знакомым — П. В. Анненкову, М. М. Стасюлевичу, так и к официальным лицам, в частности к послу России в Париже Н. А. Орлову. Хотя и довольно медленно, необходимые средства в конце концов были собраны — 2000 франков. От мраморного памятника пришлось отказаться: он стоил бы 3000 франков, и решено было делать его в камне.

По просьбе Тургенева знаменитый скульптор М. М. Антокольский, также живший в это время за рубежом, «вызвался бесплатно сделать модель»²²⁶. Отражая деятельность Н. В. Ханыкова, ваятель изобразил на монументе карту Персии и книги. Летом 1879 г. памятник был установлен, и Тургенев, отправившийся 22 июня/4 июля на его открытие, пригласил туда и писателя Д. В. Григоровича.

И. С. Тургенев свято хранил память об ученом. 12/24 сентября 1879 г., не имея возможности выехать из Буживаля в Париж, он написал своему родственнику Альберту Николаевичу Тургеневу, чтобы тот поехал на распродажу вещей Н. В. Ханыкова и приобрел что-либо для него²²⁷. По свидетельству Ф. Н. Тургеневой, Альберт купил для писателя «палатку, альбом Хивы, книги и т. д.»²²⁸.

Парижский период был самым продолжительным и наиболее плодотворным для Н. В. Ханыкова. Прибыв во Францию в зрелом возрасте, с большими и глубокими знаниями, накопленными во время многочисленных и разнообразных странствий по Востоку, он смог наконец полностью отдаться любимому делу. Этому способствовали, с одной стороны, то обстоятельство, что он не был обременен какими-либо служебными занятиями, а с другой — благоприятные условия для работы. Богатство парижских книгохранилищ, серьезная заинтересованность французских ученых в разработке проблем востоковедения, близость к другим западноевропейским очагам ориенталистики наряду с тем, что Ханыков не терял связей с отечественными специалистами, — все это создавало великолепную атмосферу для творческой деятельности. И отнюдь не случайно последние двадцать лет жизни являлись такими продуктивными в его исследовательской работе.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В истории нашей науки, к сожалению, еще имеется немало количество незаслуженно забытых или полузабытых имен. Некоторые из них подчас возникают из небытия, обрастают плотью, и тогда становится видно, какой насыщенной и яркой была жизнь этих людей, какое богатое наследие оставили они не всегда благодарным потомкам.

Нельзя сказать, чтобы Николая Владимировича Ханыкова полностью забыли. Лица специалистов оживляются при упоминании о нем, и они обмениваются возбужденными репликами: «Ну как же — Ханыков!» или «О, Ханыков!». А что в действительности представлял собой ориенталист, по существу, известный лишь очень и очень немногим. Хотя, надо подчеркнуть, он жил и творил не в такую уж отдаленную от нас эпоху.

Чем можно объяснить, что заслуги этого ученого, как нам кажется, еще не оценены должным образом? Думается, виной тому ряд причин и обстоятельств. Третью всей жизни и половину ее творческого периода Н. В. Ханыков практически провел за пределами своей родины. Он писал тогда преимущественно на иностранных языках и печатался в различных зарубежных изданиях¹. Не все доходило до России, не все учитывалось коллегами востоковеда. Это неизбежно должно было отразиться на общем подходе к его деятельности.

Некоторую путаницу в изучение трудов Николая Владимировича внесло наличие трех братьев Ханыковых. Факты из их биографий подчас путают, тем более что Яков также был востоковедом. Так, Николаю приписывают иногда авторство некоторых работ старшего брата, год рождения кого-то из умерших братьев (1822) и даже участие в кружке петрашевцев². Появившаяся с легкой руки Н. И. Веселовского в энциклопедическом словаре дата рождения Н. В. Ханыкова — 1822 г. — породила известную ошибку у всегда крайне точного В. В. Бартольда, который восхищался тем, что Н. В. Ханыков в юношеском возрасте посетил Бухарское ханство и оставил непревзойденное описание этого государства³. Мы полагаем, что достоинства молодого ориенталиста и его труда не померкнули от того, что в момент выхода книги Николаю Владимировичу было 24 года а не 21.

Определенные трудности для освещения жизненного и творческого пути Николая Владимировича Ханыкова представляет распыленность материалов о нем во множестве архивов, руко-

писных отделов библиотек, музеев. Это в какой-то мере естественно, если учесть, что ученый много писал, переписывался с изрядным количеством корреспондентов.

Архив внешней политики России, Центральный государственный архив военно-морского флота СССР, Центральный государственный исторический архив СССР, аналогичные архивы Узбекской и Грузинской ССР, Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Архив Всесоюзного географического общества, Литературный музей СССР, архив Института русской литературы АН СССР, Архив востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, Архив Академии наук СССР, архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, отделы рукописей библиотек — им. В. И. Ленина, им. Салтыкова-Щедрина, Фундаментальной библиотеки АН Украинской ССР — вот неполный перечень учреждений, в которых велись поиски «ханыковских» материалов. Необходимо было также познакомиться «в натуре» со всеми его работами, документами о его служебной и иной деятельности. А они рассеяны среди большого количества всевозможных изданий, в том числе журналов и газет, публикаций документов, «Актов Кавказской археологической комиссии» и т. д. С некоторыми изданиями познакомиться не удалось из-за их отсутствия в Советском Союзе. Особенное сожаление в данном плане вызвала невозможность детально изучить «парижский этап», занятия во французских Азиатском и Географическом обществах и др.

Как бы то ни было, основные сложности преодолены, и первая попытка составить более или менее цельное представление о востоковеде Николае Владимировиче Ханыкове лежит в виде книги перед читателем. Подчеркиваем — прежде всего о востоковеде, бывшем одно время дипломатом и путешественником. Возможно, впоследствии будут обнаружены и вовлечены в научный оборот новые сведения о нем как о математике, географе, человеке, живо интересовавшемся внешней или внутренней политикой. Мы затрагиваем эти вопросы лишь в той мере, в какой они помогали раскрытию основной темы, а также характера, взглядов, общего облика этого незаурядного человека.

К каким же выводам приводят собранные материалы? Волею судеб Н. В. Ханыков, этот самоучка в области ориенталистики («автодидакт», по В. В. Бартольду), пока он жил в России, неизменно оказывался на переднем крае восточной политики империи. Участник Хивинского похода В. А. Перовского, авторитетный член дипломатической миссии К. Ф. Бутенева в Бухару, ответственный сотрудник Дипломатической канцелярии Кавказского наместничества, генеральный консул в Тебризе, руководитель научно-политической экспедиции в Хорасан...

Безусловно, здесь дело отнюдь не в «везении». Где бы ни был Николай Владимирович, он проявлял не только крайнюю

добросовестность, упорство и настойчивость в осуществлении поставленных перед ним задач, но и живейший, неподдельный интерес к окружающей действительности, к быту и нравам, к темной и далекой истории и животрепещущему настоящему азиатских народов, среди которых он оказывался. Эта любознательность не носила эмпирический характер созерцательности случайно заехавшего путника. Она находила конкретное выражение в сборе ценнейших данных о языке и литературе, верованиях, материальных условиях существования и философии, государственном устройстве и бытовых отношениях казахов и узбеков, таджиков и персов, народов Кавказа и др., политических взаимоотношениях восточных стран, их эпиграфическом и другим наследии.

В конце концов немало соотечественников Ханыкова отправлялось в различные миссии и выполняло самые разнообразные задания в тех же краях, где бывал он. Но далеко не все из них взбирались на Арарат, с риском для жизни карабкались на обветшалые стены мечетей, чтобы срисовать древнюю надпись, тратили далеко не лишние деньги на покупку драгоценных манускриптов.

А Н. В. Ханыков это делал! Его усилиями были собраны богатейшие коллекции восточных рукописей, в том числе уникальных, эпиграфических материалов, дошедших до потомков лишь в результате его стараний. И даже если бы он не сделал ничего другого, уже за колоссальное обогащение и расширение источниковедческой базы, позволяющей несравненно лучше изучить прошлое ряда народов Азии, ему должны быть признательны ученые.

Но мы не забываем, что ориенталист был и автором оригинальных трудов. И не просто автором, а в некоторых отношениях и новатором. Опять-таки немногие из его коллег так настойчиво и последовательно стремились привлечь данные различных наук для всестороннего и углубленного изучения заинтересовавшего их вопроса. Блистательным образчиком в этом случае выступает его исследование об изменениях уровня Каспийского моря.

Мы уже говорили о недопустимости предъявления Н. В. Ханыкову обвинений в идеалистическом подходе к анализу исторических явлений. Он, как нам кажется, приближался к материалистическому их пониманию, хотя и не составил для себя четкого представления о классовой борьбе и социально-экономических формациях⁴. Быть может, это был несколько вулгарный материализм. И в этой связи нельзя не привести весьма любопытный образчик мышления востоковеда, который иллюстрирует восприятие Ханыковым геологических процессов и попытку применить это понимание к человеческому обществу.

«Как подготовляются физические катаклизмы? — задает исторический вопрос Николай Владимирович. — Материя, состав-

ляющая внешнюю оболочку планеты, непрерывно меняет формы своих частиц, совокупления коих чрез то получают различные плотности. От этого меняются и другие силы, как-то: сцепляемость, взаимное притяжение, упругость и т. д.; прежние формации разлагаются, и вдруг эта кривая, выражающая ход этих метаморфоз планетной материи, быстро возвысится или упадет. При всяком из этих скачков либо Лиссабон зальет водой, либо вдавится Мертвое море, либо Везувий начнет после 1000-летнего покоя извергать пламя, и люди при виде этого катаклизма думают, что случилось что-либо необычайное, между тем как все шло и идет обыкновенным порядком, и только кривая метаморфоз материи сделала крутой прогиб вверх или вниз. Она шла от a_1 к a_2 , к a_3 и т. д., и вдруг именно оттого, что шла по этим точкам, вдруг на a_n делает скачок к a_{n+1} .

Точно так же делается и в социальном мире. Соприкосновения людей меняют формы их отношений, установившийся порядок этих отношений быстро изменяется, затем снова взволнованные части находят свой модус вивенди, и опять несколько лет он идет до нового катаклизма...»⁵.

Пусть эти рассуждения несколько наивны применительно к человеческому обществу. Пусть автор не задумывается (и во всяком случае, не пишет), что обуславливает «изменение формы отношений людей», какой смысл вкладывается в термин «соприкосновения» и т. п., но он не только сам, а и от имени «людей, которые думают, что случилось что-либо необычайное», и не помышляет о «создателе», о «высшей силе», о боге. А мог бы. В начале последней четверти прошлого века вполне мог бы!

Однако если Н. В. Ханыков, анализируя какую-нибудь редкую надпись или колдуя над раздобытой редчайшей рукописью, уделяет повышенное внимание личности одного из султанов (правителей, ханов, императоров и т. д.), то это, как правило, вовсе не для того, чтобы показать или доказать его решающую роль в историческом развитии, а чтобы уточнить хронологию отдельных событий в плохо изученной истории народов Востока.

Его произведения насыщены уважительным отношением ко всем слоям этих народов, хотя некоторые обобщения не могут быть приняты нами без существенных оговорок. Ханыков вовсе не сторонник оголтелой колониальной политики даже в тех случаях, когда она сравнительно легко осуществима. Об этом свидетельствует и его известная докладная записка по поводу Самарканда, которую Александр II «читал с большим интересом», разделяя якобы ее основные положения, но поступил наоборот.

Обилие деталей, освещающих повседневный быт, нравы, привычки, религиозные представления и обряды простых людей, населяющих азиатские области и районы, города и селения, в которых побывал ориенталист и которые он отразил в своих статьях и книгах (особенно в связанных с Хорасанской экспеди-

цией), убедительно характеризует демократический характер мировоззрения этого дворянина и действительного статского советника.

Не менее показательны в данном плане и его категорический отказ жить в самодержавной России, а также круг его основных друзей и знакомых. Хотя среди них фигурируют подчас и вельможные особы, не они играли ведущую роль, не к ним проявлялись симпатии Н. В. Ханыкова, а к людям, и поныне являющимся гордостью и славой его соотечественников, — к И. С. Тургеневу, А. И. Герцену (заслуги Ханыкова в сохранении литературного наследства Герцена явно недооценены), В. И. Далю и др. Пребывание ученого во Франции имело особое значение. Дело было не только в том, что его авторитет расценивался очень высоко среди зарубежных коллег, что они внимательно прислушивались к его мнению. И не в том, что пребывание в гостеприимном Париже создавало Н. В. Ханыкову благоприятные условия для успешного продолжения научно-исследовательской деятельности.

Все действия востоковеда, отношения с французскими специалистами, с одной стороны, научными учреждениями Российской империи — с другой, свидетельствовали, что он рассматривается и как своего рода посредник, представитель отечественной науки за границей. Он мягко, но решительно отстаивал ее интересы, ее достижения. И не только в Париже, но и там, где это требовалось в большей степени, — в Лондоне. Нам приходилось упоминать об этом. Ханыков стремился уловить благоприятные новшества в культурном развитии европейских стран, информировал о них соответствующие круги на родине. И не его вина, если эти «соответствующие круги» весьма инертно относились к подобной информации или просто игнорировали ее.

Указанную сторону действий Николая Владимировича в его добровольной эмиграции неплохо уловили сотрудники «Журнала министерства народного просвещения». «...Ханыков, и оставаясь вне России, — отмечали они, — деятельно служил потребностям ее образования, как и общим интересам науки. Но за ним была и еще одна несомненная заслуга: являясь в разных европейских ученых собраниях и предприятиях, устраиваемых с научной целью, достойным представителем России, он внушал к себе общее уважение как своими обширными и основательными познаниями, так и богатством своего общего образования».

Авторы этого материала не брали на себя характеристику значения исследований ученого, но подчеркивали другие стороны его деятельности, игравшие, по их мнению, не меньшую роль: «Если научная важность специальных трудов его по ориентализму может быть верно определена только знатоками дела, то это представительство пред западным просвещением, представительство, поддержанное с таким достоинством и самостоя-

тельностью, должно быть всем образованным русским обществом оценено по справедливости и навеки ему памятно; а чтобы закрепить эту память, было бы желательно видеть в печати не только ученые труды Ханыкова, в особенности те, которые до сих пор не были изданы на русском языке, но и собрание его писем, в которых он, судя по образцам... умел так живо и занимательно изображать умственное движение Западной Европы и так метко и глубокомысленно судить о разных явлениях общественной и политической жизни»⁶.

Почти сто лет спустя это пожелание реализуется. По крайней мере применительно к научным изысканиям Н. В. Ханыкова.

Отмечая положительные черты его деятельности и ученых трудов, мы все же должны помнить, что он был сыном своего времени, своей среды и своего класса. Поставленные этими обстоятельствами рамки Николай Владимирович Ханыков, по сути, не преступил. Пытливый ум и скептическое отношение к российской действительности определили его негативное отношение к происходящему на родине. Но он никогда и нигде публично не осуждал творившихся там безобразий — ни в период крепостного права, ни после его отмены, сопровождавшейся издевательской по отношению к основной — крестьянской — массе населения страны «реформой». Он не стоял на позициях своего брата-петрашевца, сторонника решительных действий. Понимая А. И. Герцена, он не собирался следовать его примеру, вступая в открытое единоборство с царским режимом. Н. В. Ханыков предпочитал мирное сосуществование ради одного — более или менее гарантированной возможности работать над проблемами ориенталистики.

Констатируя насыщенность его трудов обилием и разнообразием фактических данных, мы не можем не указать на то, что в них нет серьезного и глубокого социально-экономического анализа исторических событий и современной автору жизни. В произведениях Ханыкова нередко встречаются предложения и гипотезы, поданные с излишней категоричностью и поспешностью. Иногда востоковед перегружает исследование названиями, именами, сравнительными данными, что отражается на изложении и затрудняет восприятие.

Разумеется, с позиций сегодняшнего дня, с высоты научных достижений, завоеванных за столетие, которое прошло после кончины Н. В. Ханыкова, ему можно было бы предъявить и другие претензии, но это было бы несправедливо и антиисторично. Подчеркнем иное. В его работах нашли отражение передовые черты отечественного востоковедения: неподдельный интерес к прошлому и настоящему азиатских народов, к их культуре, старание подойти к изучению существенных проблем ориенталистики с полной беспристрастностью и объективностью, отсутствие колонизаторских, шовинистических тенденций, столь часто встречавшихся у многих его коллег.

«Ханыков был одним из замечательнейших русских ориенталистов,— совершенно справедливо подытоживал его деятельность Н. И. Веселовский,— к сожалению, в России не нашлось места, которое бы соответствовало его способностям и громадной эрудиции»⁷. Этот ученый вполне заслуживает, чтобы память о его «делах и днях» сохранилась...

* * *

Авторы книги выражают сердечную признательность работникам перечисленных выше архивов, библиотек и музеев за неизменную готовность к всестороннему содействию в сложных поисках всевозможных материалов, отнюдь не лежавших «на поверхности». Многими ценными советами мы обязаны иранисту, канд. ист. наук Н. А. Кузнецовой, с большим вниманием и добросердечностью откликавшейся на все наши вопросы. Особо хочется поблагодарить сотрудников ТАСС Г. П. Драгунова и В. Б. Иорданского, которые помогли получить снимок могилы ученого на парижском кладбище Пер-Лашез, и сотрудницу издательства «Молодая гвардия» А. И. Степанову, приславшую иллюстрации по Хивинскому походу 1839 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Это нашло отражение в фонде Н. И. Веселовского в Архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее — Архив ЛО ИА); здесь под № 149 хранится папка «Заметки и выписки о Ник. Влад. Ханькове» (на 17 листах).

² Краткие биографические сведения о нем приводит Б. В. Лукин в кн.: Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Ташкент, 1974, с. 356—363.

Глава I

¹ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 1343. «Герольдия Правительствующего сената», оп. 31, д. 87, лл. 91—94; см. также: [А. Бобринской]. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. Сост. гр. Александр Бобринской, ч. I (до конца XVI столетия). СПб., 1890, с. 407.

² Ф. Веселаго. Очерк истории Морского Кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852, с. 172—173.

³ Там же, с. 183.

⁴ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (далее — ЦГА ВМФ СССР), ф. 406, оп. 7, д. 69, лл. 178—179; ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 31, д. 87, л. 100; «Общий морской список», ч. VIII. Царствование Александра I. П.—О. СПб., 1894, с. 388—389.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 31, д. 87, лл. 89—90.

⁶ Там же, лл. 102—105.

⁷ Архив ЛО ИА, ф. 18. «Н. И. Веселовский», д. 149, лл. 14—16. «Сведения, имеющиеся в Архиве министерства народного просвещения о Н. В. Ханькове».

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 31, д. 87, л. 101 — «Свидетельство. О детях флота лейтенанта Владимира Яковлевича Ханькова».

⁹ [Д. Н. Соловьев]. Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Первой гимназии. 1830—1880. Историческая записка, составленная по поручению педагогического совета Д. Н. Соловьевым. СПб., 1880, с. 5—6.

¹⁰ В. В. Григорьев. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. 29.

¹¹ [Д. Н. Соловьев]. Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Первой гимназии..., с. 116.

¹² Дмитрий Кобеко. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911, с. 16—17.

¹³ Там же, с. 516.

¹⁴ Архив ЛО ИА, ф. 18, д. 149, л. 7. А. И. Чернышев — К. В. Нессельроде от 3 февраля 1838 г. (ряд документов даются по старому и новому стилю. — Авт.).

¹⁵ Академик И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, с. 193.

¹⁶ Архив ЛО ИА, ф. 18, д. 149, л. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Архив внешней политики России (далее — АВПР). Департамент личного состава и хозяйственных дел (далее — ДЛСХД), формулярные списки, д. 3492, лл. 1—4.

Глава II

¹ См.: Н. А. Халфин. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974, с. 10—46.

² См.: М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.—Л., 1949.

³ Хранящаяся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ, ОР) переписка между В. А. Перовским и Я. В. Ханьковым свидетельствует, что их связывала тесная дружба (см. ф. 823. «Ханьковы», д. 9; содержит 346 писем).

⁴ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, составленный А. Г. Серебренниковым, т. I. Ташкент, 1908, с. 24—28.

⁵ АВПР, Санкт-Петербургский Главный архив (далее — АВПР, СПб. Гл. архив), I-1, оп. 781, д. 492, лл. 165—170. «Журнал Азиатского комитета», 26 октября 1835 г.

⁶ Институт русской литературы АН СССР (далее — ИРЛИ). Архив В. И. Даля. Письмо Н. В. Ханькова от 11 апреля 1868 г.

⁷ Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (далее — ЦГАЛИ), ф. 46. «П. И. Бартенев», оп. I, д. 570, лл. 225—226.

⁸ АВПР, СПб., Гл. архив, I-6, д. 1840-2, л. 21. В. А. Перовский — К. В. Нессельроде от 17 августа 1840 г.

⁹ Там же, I-5, д. 1842-2, папка I, лл. 37—60. Инструкция Бутенева, утвержденная царем 6 марта 1841 г.

¹⁰ [О. В. Маслова]. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии, ч. I. 1715—1856. Ташкент, 1955, с. 53.

¹¹ АВПР, СПб. Гл. архив, I-5, д. 1840-3, л. 138.

¹² Следующий чин — титулярного советника — Н. В. Ханьков получил 24 сентября 1840 г.

¹³ АВПР, СПб. Гл. архив, I-5, д. 1840-5, л. 138.

¹⁴ АВПР, СПб. Гл. архив, II-3, оп. 34, д. 1840-4, л. 18. В. А. Перовский — Л. Г. Селявину от 22 апреля 1841 г.

¹⁵ Там же.

¹⁶ АВПР, СПб. Гл. архив, I-5, д. 1840-3, лл. 154—157.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: «Горный журнал», кн. X, ч. 2. СПб., 1849.

¹⁹ [A. Lehman]. Alexander Lehman's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von G. v. Helmersen. SPb., 1852.

²⁰ В ходе развернувшейся в 1840—1841 гг. ожесточенной борьбы афганские патриоты нанесли британским захватчикам ряд поражений и вынудили их покинуть Афганистан.

²¹ АВПР, СПб. Гл. архив, I-5, д. 1840-3, лл. 252—253.

²² См.: Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (далее — Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР), ф. 152, оп. I, д. 2, лл. 249, 252, 256—257 и др.

²³ АВПР, ф. ДЛСХД, формулярные списки, д. 3492, лл. 1—4.

Глава III

¹ Очерк истории министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб., 1902, с. 90.

² АВПР, СПб. Гл. архив, II-11, д. 1842-1, л. 3. Распоряжение К. В. Нессельроде от 16 ноября 1842 г.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 32. Рапорт Н. В. Ханькова от 9 июня 1843 г.

⁵ В 1853 г. А. Попов опубликовал в «Записках Имп. Русского географического общества» (далее — ЗИРГО) (кн. IX, с. 237—318) обширную статью «Сношения России с Хивью и Бухарою при Петре Великом», приложив к ней документы Флорио Беневени (с. 319—424).

⁶ [Ф. С. Ефремов]. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарию, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.

⁷ Книга переиздавалась и в советское время.

⁸ Т. Бурнашев. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1796 г. — «Сибирский вестник», ч. 2—3. СПб., 1818, с. 37—110.

⁹ E. Eversmann. Reise von Orenburg nach Buchara. Berlin, 1823.

¹⁰ G. Meyendorff. Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, à travers les steppes qui s'étendent à l'est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Jaxartes. Paris, 1826 (рус. пер.: Е. К. Мейендорф. Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г. М., 1975).

¹¹ Early Voyages and Travels to Russia and Persia by A. Jenkinson and Other Englishmen, vol. 1—2. London, 1886.

¹² [А. Бёрнс]. Путешествие в Бухару: рассказ о плаваньи по Инду до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 32 и 33 гг. лейтенантом ост-индской службы А. Борнсом, ч. I—III. М., 1848—1849.

¹³ И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I, ч. I. СПб., 1886, с. 98—99.

¹⁴ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 256.

¹⁵ О. А. Сухарева. Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966, с. 8.

¹⁶ Н. В. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, с. II—III.

¹⁷ АВПР, СПб. Гл. архив, II-26, д. 1842—1, лл. 1—2.

¹⁸ Там же, л. 4. В духе этого рапорта Нессельроде 18 декабря отправил отношение военному министру (там же, лл. 5—6).

¹⁹ Там же, л. 7.

²⁰ «Журнал министерства внутренних дел», ч. 6, 1844, с. 340—354.

²¹ Там же, ч. 8, с. 3—60.

²² Там же, с. 3—4.

²³ Там же, с. 5.

²⁴ Там же, с. 8.

²⁵ Там же, с. 27.

²⁶ «Журнал министерства внутренних дел», ч. 10, 1845, с. 95—104.

²⁷ Там же, с. 95.

²⁸ «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), ч. 45, отд. VII, 1845, с. 15—16.

²⁹ См.: Bokhara, Its Amir and Its People. Translated from the Russian of Khanikoff, by Baron Clement A. Bode. London, 1845.

³⁰ См.: «Journal Asiatique», 4ème série, vol. V, 1845, с. 510.

Глава IV

¹ М. П. Щербинин. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858, с. 212—216 и др.

² АВПР, СПб. Гл. архив, IV-1, д. 1842—7, л. 12.

³ Там же, лл. 13—14.

⁴ Там же, л. 15.

⁵ Там же, л. 19.

⁶ См.: Акты Кавказской археологической комиссии, т. X. Тифлис, 1885, с. 717—718.

- ⁷ П. П. Семенов. История полувековой деятельности..., ч. I. СПб., 1896, с. 1. Под «четырьмя кружками» автор имеет в виду мореплавателей, военных географов, сотрудников Академии наук, а также «тех в 1844 году еще немногочисленных деятелей по различным отраслям русской науки, которые с серьезной научной подготовкой соединяли несомненную талантливость и горячий патриотизм и могли служить достойными представителями тех свободных сил русского общества, содействие коих должно было принести обширную пользу географическим наукам при всестороннем изучении России» (там же, с. 2—3).
- ⁸ Архив Всесоюзного географического общества (далее — АВГО), ф. 1-1845, оп. 1, д. 3, л. 41.
- ⁹ [Н. В. Ханьков]. Тифлисский климат. Тифлис, 1847, с. 1—2.
- ¹⁰ Центральный государственный исторический архив ГрузССР (далее — ЦГИА ГрузССР), ф. 11. «Дипломатическая канцелярия наместника кавказского», д. 1587, л. 3.
- ¹¹ «Кавказ», 1846, № 20, 21.
- ¹² «Кавказ», 1847, № 15.
- ¹³ ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 1684, л. 8.
- ¹⁴ См.: «Кавказ», 1846, № 20, 21.
- ¹⁵ Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847 года, Тифлис, 1847, с. 137.
- ¹⁶ См. газету «Кавказ», 1846, № 20, 21 (прим. Н. В. Ханькова).
- ¹⁷ Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847 года, с. 151.
- ¹⁸ Там же, с. 152.
- ¹⁹ Там же, с. 152—156.
- ²⁰ ЦГИА ГрузССР, ф. 4. «Канцелярия наместника кавказского», оп. 3, д. 303, лл. 1, 12.
- ²¹ Там же, лл. 1—2 и сл.
- ²² ЦГИА ГрузССР, ф. 3. «Канцелярия начальника Гражданского управления Закавказским краем», оп. 2, д. 366. «Доклад по проекту положения об управлении мусульманским духовенством», лл. 1—2.
- ²³ Там же, ф. 16 — «Тифлисский военный губернатор, управляющий гражданской частью», д. 9372, лл. 35, 38.
- ²⁴ ЦГИА ГрузССР, ф. 16, д. 9372, лл. 36, 37.
- ²⁵ ЦГИА ГрузССР, ф. 3, оп. 2, д. 366, л. 9.
- ²⁶ Там же, лл. 9, 10.
- ²⁷ Там же, л. 13.
- ²⁸ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в., ч. II. М.—Л., 1937, с. 346—363.
- ²⁹ Там же, с. 364—388.
- ³⁰ Там же, с. 390, 391.
- ³¹ Там же, с. 345—346.
- ³² Н. А. Смирнов. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 85.
- ³³ ЦГИА ГрузССР, ф. 16 — «Тифлисский военный губернатор, управляющий гражданской частью», д. 9373, л. 3; д. 9372, лл. 23, 25.
- ³⁴ «Mélanges Asiatiques», t. I. SPb., 1849, с. 70—78.
- ³⁵ Excursion à Ani en 1848; par m. N. Khanykoff. In: M. Brosset. Rapports sur un voyage archéologique dans la Georgie et l'Arménie exécuté en 1847—1848. SPb., 1851. Rapport 3, с. 121—150.
- ³⁶ M. Brosset. Rapports... Rapport 1, с. 10, 12, 93.
- ³⁷ Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 152, оп. 1, д. 3, лл. 214, 259—260; д. 4, л. 15 и др.
- ³⁸ M. Brosset. Rapports... Rapport 2, с. 112, 152—153.
- ³⁹ M. Brosset. Rapports... Rapport 3, с. 84, 96.
- ⁴⁰ M. Brosset. Rapports... Rapport 6, с. 130.
- ⁴¹ Sur quelques inscriptions musulmans du Caucase; extrait de deux lettres de m. Khanykoff. — «Mélanges Asiatiques», t. I. SPb., 1852, с. 243—251.
- ⁴² Государственный литературный музей СССР, ф. «Н. В. Ханьков», ОФ 2948, папка 1.
- ⁴³ См.: Д. Ахшарумов. Записки петрашевца. М.—Л., 1930, с. 255

(примечания). По другим данным, А. В. Ханьков после отчисления из университета за «неблагонадежность» стал вольнослушателем юридического факультета. Н. Г. Чернышевский действительно отмечал в дневнике в 1848—1849 гг. революционное воздействие пропаганды А. В. Ханькова на учащуюся молодежь и на него лично (Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения. М., 1951, с. 848, 851).

⁴⁴ В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды петрашевцев. — «Вопросы истории», 1974, № 12, с. 34.

⁴⁵ См.: Дело петрашевцев, т. III. М.—Л., 1951, с. 508.

⁴⁶ Более подробно см.: В. Р. Лейкина-Свирская. Петрашевцы. М., 1965; Дело петрашевцев, т. I—III. М.—Л., 1937—1951.

⁴⁷ Дело петрашевцев, т. III, с. 50.

⁴⁸ См.: Н. А. Халфин. Николай Владимирович Ханьков. — Ханьков. Экспедиция в Хорасан. М., 1973, с. 10—11.

⁴⁹ [П. П. Семенов-Тянь-Шанский]. Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. I. Детство и юность (1827—1855 гг.). Пг., 1917, с. 190—191.

⁵⁰ Цит. по: Л. С. Берг. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. М.—Л., 1946, с. 50.

⁵¹ Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. I, с. 192.

⁵² Там же, с. 222.

⁵³ АВГО, ф. 1-1848, оп. 1, д. 19, лл. 1—2.

⁵⁴ Положение о Кавказском отделе Имп. Географического общества, — «Записки Кавказского отдела Имп. Русского географического общества» (далее — ЗКОИРГО), кн. I. Тифлис, 1852, с. 1.

⁵⁵ Н. И. Воронов. Кавказский отдел Имп. Русского географического общества с 1851 по 1876 г. — ЗКОИРГО с 1851 по 1876 г. Тифлис, 1876, с. III.

⁵⁶ «Географические известия». СПб., 1850, с. 97—100.

⁵⁷ Там же, с. 100.

⁵⁸ Интересный очерк «Большой Арарат и попытки восхождения на его вершину» подготовил известный кавказовед Е. Г. Вейденбаум (см. ЗКОИРГО, т. XIII, вып. 1. Тифлис, 1884, а также: Е. Г. Вейденбаум. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис, 1901, с. 1—68).

⁵⁹ J.-F. von Parrot. Reise zum Ararat, t. I—2. Berlin, 1834.

⁶⁰ Он описал свою поездку в работе «Всход на Арарат или вакациальная прогулка от Тифлиса до вершины Арарата». М., 1839.

⁶¹ Г. В. Абих. Восхождение на Арарат 29 июля 1845 года (г. профессора Абиха). — «Горный журнал», 1846, № 4, с. 109—150.

⁶² См.: Новое восхождение на Арарат (извлечение из письма Х. А. Обовьяна). — Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847 года. Тифлис, 1847, с. 198—208.

⁶³ «Географические известия». СПб., 1850, с. 411—422. В заглавии этой статьи сказано: «Восхождение на Арарат гг. Ходзько и Ханькова с товарищами. Вот описание этого восхождения, доставленное в Географическое общество двумя главнейшими его участниками». Учитывая, однако, что, по-прежнему по происхождению, О. И. Ходзько редко выступал в печати на русском языке, основным (если не единственным) автором, видимо, был Н. В. Ханьков. О. И. Ходзько принадлежит «Записка о восхождении на вершину Большого Арарата в 1850 г.» («Записки Кавказского отделения Русского Технического общества», т. VIII. Тифлис, 1876).

⁶⁴ П. П. Семенов. История полувековой деятельности..., ч. I, СПб., 1896, с. 65.

⁶⁵ Н. Ханьков. Очерк служебной деятельности генерала Альбранда, Тифлис, 1850, с. 2—3.

⁶⁶ «Записки Имп. Русского археологического общества» (далее — ЗИРАО), т. 4, СПб., 1852, с. 21.

⁶⁷ Н. И. Веселовский. История Имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. СПб., 1900, с. 447.

⁶⁸ ЗИРАО, т. 4, с. 21—27.

⁶⁹ АВГО, ф. 1-1848, оп. 1, д. 19, лл. 123—128.

- ⁷⁰ Там же, л. 134.
⁷¹ ЗКОИРГО, кн. I. Тифлис, 1852, с. 193.
⁷² Там же, с. 196.
⁷³ Там же, с. 198—199.
⁷⁴ Там же, с. 204—205.
⁷⁵ ЦГИА ГрузССР, ф. 11 — «Дипломатическая канцелярия наместника кавказского», д. 2575, лл. 1—8.
⁷⁶ ЗКОИРГО, кн. I, с. 216.
⁷⁷ ЗКОИРГО, кн. II. Тифлис, 1853, с. 212—213.
⁷⁸ Там же, с. 214—215.
⁷⁹ Н. В. Ханыков. Поездка в Персидский Курдистан (Извлечение из письма к А. В. Головнину). — «Вестник Имп. Русского географического общества» (далее — ВИРГО), кн. I, ч. 6, отд. V, 1852, с. 1.
⁸⁰ Там же, с. 2—3.
⁸¹ Там же, с. 3.
⁸² Там же, с. 11.
⁸³ Там же, с. 15. Далее Н. В. Ханыков употребляет и термин «Гендзь-наме».
⁸⁴ ВИРГО, кн. I, ч. 6, 1852, с. 14—15. Д. Морниер и Д. Кер-Портер — британские дипломаты и путешественники, поделившиеся своими впечатлениями от надписи. Впервые ее полностью списал английский военно-политический деятель и географ Г. Роулинсон в 1835—1847 гг., много сделавший в области дешифровки ассирийско-вавилонской и персидской клинописи.
⁸⁵ ВИРГО, кн. I, ч. 6, 1852, с. 18.
⁸⁶ АВГО, ф. 1-1850, оп. 1, д. 24, лл. 1—2.
⁸⁷ Там же, л. 3.
⁸⁸ Там же, л. 4. Письмо от 4 октября 1851 г.
⁸⁹ АВГО, ф. 1-1850, оп. 1, д. 24, л. 5. Письмо Н. В. Ханыкова В. А. Милютину от 9(21) октября 1852 г.
⁹⁰ «Mélanges Asiatiques», t. I. SPb., 1853, с. 543—558.
⁹¹ Там же, с. 561—562.
⁹² Там же, с. 562.
⁹³ Там же, t. II, с. 61—63.
⁹⁴ Речь идет о заметке в № 27 (1851 г.).
⁹⁵ «Mélanges Asiatiques», t. II, 1852, с. 67—68.
⁹⁶ ИРЛИ. Архив Я. П. Полонского. 12566. LXX, б. 6, лл. 1—2. Письмо Н. В. Ханыкова от 22 февраля 1851 г.
⁹⁷ Там же. 11776. LXVIII, б. 17, лл. 1—2. Письмо от 1 марта 1851 г.
⁹⁸ Цит. по: И. Богомолов. Я. П. Полонский в Грузии. Тбилиси, 1966, с. 50.
⁹⁹ АВГО, ф. 1-1853, оп. 1, д. 11, л. 5.
¹⁰⁰ Там же, л. 8.
¹⁰¹ ВИРГО, кн. 4, ч. 8, отд. VII, 1853, с. 162—170.
¹⁰² ЗКОИРГО, кн. II, 1853, с. 66—152.
¹⁰³ Позднее этой проблемой занимался академик Л. С. Берг (см. его работы: «Уровень Каспийского моря за историческое время», «Уровень Каспийского моря и условия плавания в Арктике», «Первые русские карты Каспийского моря в связи с вопросом о колебаниях уровня этого моря» в кн.: Л. С. Берг. Избранные труды, т. III. М., 1960, с. 281—354).
¹⁰⁴ ВИРГО, кн. 1, 1854, с. 48.
¹⁰⁵ Там же, с. 49.
¹⁰⁶ Там же, с. 56.
¹⁰⁷ ЗКОИРГО, кн. II, с. 268—276.
¹⁰⁸ Там же, с. 269.
¹⁰⁹ Б. д'Эрбело (1625—1695) — французский востоковед, автор «Bibliothèque orientale» и «Dictionnaire universel contenant tout ce que fait connaître les peuples de l'Orient» (первое издание: Париж, 1697).
¹¹⁰ «Кавказ», 1851, № 72.
¹¹¹ Из воспоминаний А. А. Харитоновой. — «Русская старина», кн. 3, 1893, с. 66—67.

¹¹² В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., 1931, с. 442. Видимо, уже тогда Н. В. Ханыков страдал от нарушения обмена веществ.

¹¹³ Цит. по: Н. И. Воронов. Кавказский отдел Имп. Русского географического общества с 1851 по 1876 г. — ЗКОИРГО с 1851 по 1876 г., с. VIII.

¹¹⁴ Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества (далее — ТВОИРАО), ч. 2, СПб., 1856, с. 168—176.

¹¹⁵ Там же, с. 177—187.

¹¹⁶ Там же, с. 178.

¹¹⁷ В. А. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике. — «Эпиграфика Востока», II. М.—Л., 1948, с. 19, 21. Автор приводит французский инициал отчества Броссе — Фелиците, тогда как в России у него было отчество Иванович.

¹¹⁸ Там же, с. 39.

Глава V

¹ Центральный государственный военно-исторический архив СССР, Военно-ученый архив (далее — ЦГВИА, ВУА), д. 6640. «По предположениям о составлении отряда для наблюдения со стороны Персии в случае начатия военных действий с Турцией со стороны Кавказа», лл. 11—14.

² Там же, лл. 29—30.

³ Там же, лл. 38—42. М. С. Воронцов — В. А. Долгорукову от 30 октября 1853 г.

⁴ Там же, лл. 55—56. В. А. Долгоруков — М. С. Воронцову от 15 ноября 1853 г.

⁵ А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал кн. Александр Иванович Барятинский. 1815—1879, т. I. М., 1889, с. 319. Эта работа богата фактическим материалом, но написана в идеалистическом духе и абсолютно незаслуженно возводит А. И. Барятинского.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 374—375.

⁸ Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году, т. I. СПб., 1877, с. 4—5.

⁹ ЦГВИА СССР, ВУА, ф. 481. «Крымская война 1853—1856 гг.», д. 6, л. 18.

¹⁰ Там же, лл. 21, 45. Очередной чин — статского советника — был получен Ханыковым «за отличие» по царскому приказу от 11 апреля 1850 г.

¹¹ ЦГВИА СССР, ВУА, ф. 481. «Крымская война 1853—1856 гг.», д. 6, лл. 22, 44.

¹² Там же, лл. 5, 51.

¹³ Там же, лл. 10, 11, 49.

¹⁴ Там же, л. 13.

¹⁵ Там же, лл. 14—16, 48.

¹⁶ Там же, лл. 17, 47.

¹⁷ Там же, л. 25. Н. А. Аничков — Д. И. Долгорукову от 1 декабря 1853 г.

¹⁸ Там же, л. 34. Н. А. Аничков — Д. И. Долгорукову от 13 декабря 1853 г.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Хаджи Мурат Ибрагимбейли. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971.

²⁰ К. Маркс. Падение Карса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 11, с. 635.

²¹ АВГР, ф. ДЛСХД, формулярные списки. 1838—1863, д. 3492, лл. 1—4.

²² Ch. M. Frœhner. Opusculum postumorum. Pars prima. Edidit Bernh. Dorn. Petropol, MDCCCLV, с. 333—338.

²³ «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 427—429.

²⁴ АВГР, ф. «Миссия в Персии». Переписка с генеральным консульством в Азербайджане, д. 616 за 1859 г., лл. 8—9. Донесение генконсула С. И. Чернышева чрезвычайному посланнику и полномочному министру при шахском дворе Н. А. Аничкову от 23 февраля 1859 г.

²⁵ Характерным образцом было тянувшееся два десятилетия — с начала 40-х до начала 60-х годов — дело о несостоятельности тифлисского торгового дома Вартановых, насчитывавшее почти 600 листов (см. АВПР, ф. «Миссия в Персии», д. 2361).

²⁶ АВПР, ф. «Персидский стол», д. 460 за 1855 г.

²⁷ АВПР, ф. «Миссия в Персии», д. 611 за 1854 г., лл. 23—26.

²⁸ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 10 за 1854 г., л. 27.

²⁹ АВПР, ф. «Персидский стол», д. 460 за 1855 г., лл. 1—49.

³⁰ Там же, д. 462 за 1857 г.

³¹ Там же.

³² Там же, д. 2332 за 1854 г., лл. 41—42.

³³ ЦГИА СССР, ф. 1268. «Кавказский комитет», оп. 8, д. 312, лл. 1—3.

^{33а} Там же, л. 4. В. П. Бутков — Л. Г. Сенявину от 6 ноября 1854 г.

³⁴ Там же, л. 5. Л. Г. Сенявин — В. П. Буткову от 9 ноября 1854 г.

³⁵ Там же, лл. 6—7. Выписка из журнала Кавказского комитета, датированная 14 декабря 1854 г.

³⁶ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 10 за 1854 г., лл. 41—42.

³⁷ Там же, лл. 46—49.

³⁸ Там же, лл. 50—51.

³⁹ «Mélanges Asiatiques» tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersb., t. II, 1856, с. 438.

⁴⁰ В 1897 г. труд Наршахи был издан в Ташкенте в переводе на русский язык под названием «История Бухары».

⁴¹ «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 445.

⁴² Bulletin historisch-philologische, t. XII. SPb., 1855, № 11, col. 161—176; «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 437—456.

⁴³ АВПР, ф. «Персидский стол», д. 2332 за 1854 г., лл. 41—42.

⁴⁴ Там же, д. 460 за 1855 г., л. 59. Донесение Н. В. Ханькова в Азиатский департамент от 28 сентября 1855 г.

⁴⁵ Там же, лл. 63—64.

⁴⁶ Bulletin historisch-philologische, t. XIII, SPb., 1856, № 8—9, col. 136—139; «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 492—498.

⁴⁷ [N. Khanikoff]. Analysis and Extracts of the Book of the Balance of Wisdom. Written by 'Al-Khazini in the Twelfth Century.—«Journal of the American Oriental Society». New York, 1859, vol. 6, № 1, с. 1—128.

⁴⁸ «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 499.

⁴⁹ Там же, с. 505—530.

⁵⁰ АВПР, ф. «Персидский стол», д. 461 за 1856 г., л. 2. Донесение Н. В. Ханькова в Азиатский департамент от 7 декабря 1855 г.

⁵¹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», д. 611 за 1854 г., л. 7.

⁵² Там же, лл. 23—26. Донесение Н. В. Ханькова российскому поверенному в делах при шахском дворе от 25 июня 1854 г.

⁵³ Там же, д. 612 за 1855 г., лл. 23—24. Донесение Н. В. Ханькова в Азиатский департамент от 15 июня 1855 г.

⁵⁴ АВПР, ф. «Персидский стол», д. 461 за 1856 г., лл. 96—101. Донесение Н. В. Ханькова в Азиатский департамент от 30 мая 1856 г.

⁵⁵ Там же, лл. 28—83. Отчет о действиях генерального консульства за 1855 г.

⁵⁶ См.: АВПР, ф. «Консульство в Тавризе», д. 511, лл. 1—8.

⁵⁷ ЦГИА ГрузССР, ф. 11. «Дипломатическая канцелярия наместника кавказского», д. 3020, лл. 76—78.

⁵⁸ Там же, д. 2972, л. 1.

⁵⁹ Ф. Энгельс. Перспективы англо-персидской войны. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 12, с. 126, 127. Подробно об этом см.: П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М., 1959.

⁶⁰ «Mélanges Asiatiques», t. III, 1859, с. 50—81.

⁶¹ АВПР, ф. «Консульство в Тавризе», д. 518 за 1857 г., л. 1. Е. П. Ковалевский — Н. В. Ханькову от 9 октября 1856 г.

⁶² Там же, л. 2. Н. В. Ханьков — Н. А. Аничкову от 19 ноября 1856 г.

⁶³ Там же, л. 3. Н. А. Аничков — Н. В. Ханькову от 25 ноября 1856 г.

⁶⁴ Там же, л. 4.

⁶⁵ ЦГИА ГрузССР, ф. 11. «Дипломатическая канцелярия наместника кавказского», д. 3122, лл. 1—2.

⁶⁶ АВПР, ф. «Миссия в Персии», д. 614 за 1857 г., лл. 17—19.

⁶⁷ «Mélanges Asiatiques», t. III, 1859, с. 114—137.

⁶⁸ АВПР, ф. «Миссия в Персии», д. 614 за 1857 г., л. 13. Н. В. Ханьков — Н. А. Аничкову от 16 июня 1857 г.

Глава VI

¹ АВПР, ф. ДЛСНХД, формулярные списки, д. 3492, лл. 12—17.

² К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. XVIII, с. 600.

³ Н. Игнатьев. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897, с. 2—3.

⁴ Подробно об этом см.: Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960, с. 85—113.

⁵ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., лл. 35—36; также АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, лл. 3—4. Е. П. Ковалевский — А. Е. Лаговскому от 19 октября 1857 г.

⁶ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., л. 29. А. М. Горчаков — великому князю Константину Николаевичу от 31 августа/12 сентября 1857 г.

⁷ Там же, лл. 39—44.

⁸ АВГО, ф. 1-1857, оп. 1, д. 24, лл. 1—6. В кн.: Н. Ханьков. Экспедиция в Хорасан. М., 1973, с. 186—188.

⁹ Н. Ханьков. Экспедиция в Хорасан, с. 188.

¹⁰ АВГО, ф. 1-1857, оп. 1, д. 24, л. 7.

¹¹ Там же.

¹² ВИРГО, ч. 22, 1858, с. 40.

¹³ Там же.

¹⁴ АВГО, ф. 1-1857, оп. 1, д. 24, л. 23.

¹⁵ Там же, л. 9.

¹⁶ ВИРГО, ч. 21, 1857, приложения, с. 7.

¹⁷ ЦГА ВМФ СССР, ф. 283, оп. 3, д. 298, л. 20.

¹⁸ АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, лл. 6—7.

¹⁹ АВГО, ф. 1-1857, оп. 1, д. 24, лл. 31—32.

²⁰ Там же, л. 62.

²¹ Там же, л. 63.

²² Там же, лл. 65—68, 179—180.

²³ Там же, лл. 31—32.

²⁴ АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424 за 1857—1859 гг., л. 136. Н. В. Ханьков — Н. А. Аничкову из Кермана от 9/21 апреля 1859 г.

²⁵ ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 1934, л. 1.

²⁶ Там же, лл. 1—2.

²⁷ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., л. 94. Письмо от 20 февраля/4 марта 1858 г.

²⁸ ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 1934, л. 5.

²⁹ Передвижения экспедиции и ее научные результаты отражены в трудах Н. В. Ханькова (в том числе в «Экспедиции в Хорасан»). Поэтому, рассказывая о ней в общих чертах, мы старались освещать те ее стороны, на которых он ранее останавливался в силу обстоятельств лишь вскользь (прежде всего это политико-дипломатические вопросы).

³⁰ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., л. 97.

³¹ Там же, лл. 97—98. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому от 25 апреля/7 мая 1858 г. из Тегерана.

³² Там же, лл. 99—100. А. Е. Лаговский — Е. П. Ковалевскому от 26 апреля 1858 г. из Тегерана.

³³ Там же, лл. 101—102. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому от 30 апреля/12 мая 1858 г.

- ³⁴ АВГО, ф. 1-1857, оп. 1, д. 24, л. 213. Н. В. Ханьков — Ф. П. Литке от 23 сентября/5 октября 1858 г. из Герата.
- ³⁵ АВПР, ф. «Миссия в Персии» оп. 528а, д. 2424, л. 22. Н. В. Ханьков — А. Ф. Бегеру от 26 мая 1858 г.
- ³⁶ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., лл. 133—134. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому от 1 июня 1858 г. из Мешхеда.
- ³⁷ АВГО, ф. 1-1857, оп. 1, д. 24, л. 213.
- ³⁸ Там же, л. 214.
- ³⁹ Там же, лл. 215—216. Ф. П. Литке — Н. В. Ханькову от 2 января 1859 г. из Петербурга.
- ⁴⁰ АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, л. 26.
- ⁴¹ Там же, л. 37. Французский перевод письма садр азама.
- ⁴² Там же, л. 52. Н. А. Аничков — Н. В. Ханькову от 16 сентября 1858 г.
- ⁴³ Там же, л. 33. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому от 13 июня 1858 г. из Мешхеда.
- ⁴⁴ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., лл. 158—161. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому от 23 сентября/5 октября 1858 г. из Герата.
- ⁴⁵ ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 1934, л. 45.
- ⁴⁶ АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, л. 104.
- ⁴⁷ Там же, лл. 98—99. Письмо от 20 октября/1 ноября 1858 г. из Герата.
- ⁴⁸ ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 1934, л. 33. Н. В. Ханьков — великому князю Константину Николаевичу от 19/31 октября 1858 г. из Герата.
- ⁴⁹ Там же, лл. 33—37.
- ⁵⁰ АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, лл. 120—121. Н. А. Аничков — Н. В. Ханькову от 31 декабря 1858 г.
- ⁵¹ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., лл. 178—181. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому от 11/23 декабря 1858 г.
- ⁵² АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, лл. 115—116.
- ⁵³ Там же, лл. 125—126.
- ⁵⁴ Там же, лл. 117—118. Н. В. Ханьков — Н. А. Аничкову от 24 декабря 1858 г./4 января 1859 г.
- ⁵⁵ Там же, лл. 128—129. Н. В. Ханьков — Н. А. Аничкову от 28 января/9 февраля 1859 г. из Герата.
- ⁵⁶ Там же.
- Жером Патюро — герой сатирического и социального романа французского литератора и экономиста Луи Рейбо (Luis Reibaud. *Jerome Paturot à la recherche d'une position sociale*), выпущенного в Париже в 1843 г. и высмеивавшего нравы французского общества после Июльской революции 1830 г.
- ⁵⁷ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., л. 183. Письмо от 14/26 января 1859 г.
- ⁵⁸ Там же, лл. 204, 205. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому из Кермана от 8/20 апреля 1859 г.
- ⁵⁹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, лл. 135—136. Н. В. Ханьков — Н. А. Аничкову от 9(21) апреля 1859 г.
- ⁶⁰ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., лл. 202—205. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому от 8(20) апреля 1859 г. из Кермана.
- ⁶¹ Там же, л. 210. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому от 10/22 июня 1859 г. из Зергенде.
- ⁶² АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, л. 140. Российский консул в Тавризе Черняев — Аничкову от 15 июня 1859 г.
- ⁶³ П. П. Семенов. История полувековой деятельности..., ч. I, с. 327.
- ⁶⁴ Там же, с. 326.
- ⁶⁵ АВПР, СПб., Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., л. 214. Н. В. Ханьков — Е. П. Ковалевскому из Мерге.
- ⁶⁶ См.: G. Rawlinson. *A Memoir of Major-General Sir Henry Creswicke Rawlinson*. London, 1898, с. 219.
- ⁶⁷ Там же, с. 220.

- ⁶⁸ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., лл. 220—225. В кн.: Н. В. Ханьков. Экспедиция в Хорасан, с. 189—192.
- ⁶⁹ АВГО, ф. 1-1857, оп. 1, д. 24, л. 292.
- ⁷⁰ Там же, лл. 313—314. Все трое были награждены, как и Р. Э. Ленц, за которого хлопотало его ведомство — министерство финансов, в марте — апреле 1860 г. Еще раньше, в ноябре 1859 г., Н. В. Ханьков получил орден Владимира 4-й степени.
- ⁷¹ Там же, лл. 306—307. Н. В. Ханьков — секретарю Географического общества Ф. Г. Тернеру от 19 января 1860 г. из Петербурга.
- ⁷² АВПР, ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 2424, лл. 143, 144. Письмо на армянском языке и его перевод. Судя по сложившейся ситуации, Аллаверды был выкуплен.
- ⁷³ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., л. 231в. К. К. Злобин — Н. В. Ханькову от 25 июня 1860 г.
- ⁷⁴ Там же, л. 231г.

Глава VII

- ¹ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., л. 243.
- ² Там же, IV-1, д. 7, л. 42.
- ³ Там же, д. 7, л. 49.
- ⁴ Там же, л. 50. Отношение от 23 августа 1860 г.
- ⁵ Там же, л. 53. Ответное отношение от 23 августа 1860 г.
- ⁶ Там же, л. 44.
- ⁷ Там же, л. 46. Отпуск «командировочного удостоверения» от 16 февраля 1860 г.
- ⁸ ГПБ, ОР, ф. «Е. П. Ковалевский», д. 321, л. 3.
- ⁹ «Journal Asiatique», 5ème série, t. XV, 1860, с. 544.
- ¹⁰ Там же, с. 537—543.
- ¹¹ В. А. Крачковская. Из архивного наследия Ханькова и Дорна. — «Эпиграфика Востока», VI, 1951, с. 30.
- ¹² Comptes rendus hebdomadaires de l'Académie des Sciences, т. 50. Paris, Janvier—Juin 1860, с. 721—723.
- ¹³ ГПБ, ОР, ф. 823. «Н. В. и Я. В. Ханьковы», оп. 1, д. 2, л. 44.
- ¹⁴ П. П. Семенов. История полувековой деятельности..., ч. I, с. 326.
- ¹⁵ «Журнал министерства народного просвещения», ч. 105, отд. VII, 1860, с. 114—116.
- ¹⁶ Die topographischen Aufnahmen der Wissenschaftlichen Expedition nach Chorassan von N. Chanikoff. — «Zeitschrift für allgemeine Erdkunde». Neue Folge. Bd 8, 1960.
- ¹⁷ «Journal Asiatique», 5ème série, t. XV, 1860, с. 537.
- ¹⁸ Méched, la ville sainte, et son territoire. Extraits d'un voyage dans le Khorassan. — «Le Tour du Monde. Nouveau journal des voyages». Paris, 1861, с. 269—288.
- ¹⁹ ЗКОИРГО, кн. V, 1862, с. 26—28.
- ²⁰ Voyage scientifique de m. Dorn dans le Mazandérân, le Ghilan, les provinces musulmanes du Caucase, et dans le Daghestan. — «Journal Asiatique», 5ème série, t. XIX, 1862, с. 214—225.
- ²¹ В. А. Крачковская. Из архивного наследия Ханькова и Дорна. — «Эпиграфика Востока», IV. М.—Л., 1951, с. 29.
- ²² В СССР издана под названием «Экспедиция в Хорасан».
- ²³ Там же, с. 24.
- ²⁴ АВПР, СПб. Гл. архив, I-9, д. 25 за 1858 г., л. 246. Письмо из Парижа от 4/26 сентября 1862 г.
- ²⁵ Н. В. Ханьков. Экспедиция в Хорасан, с. 75.
- ²⁶ Там же, с. 156.
- ²⁷ Там же, с. 184.
- ²⁸ «Le Tour du Monde. Nouveau journal des voyages», 1861, deuxième semestre, с. 269.

- ²⁹ «Русский инвалид», I. II. 1863, № 26.
- ³⁰ «Журнал министерства народного просвещения», ч. 115, отд. III, 1862, сентябрь, с. 113—138.
- ³¹ Там же, с. 138.
- ³² Цит. по: Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований, пер. с англ. М., 1950, с. 309—310.
- ³³ АВГО, ф. 1-1857, оп. 1, д. 24, л. 343. Ф. П. Литке — Н. В. Ханыхову от 27 мая 1863 г.
- ³⁴ Там же, лл. 344—345. Н. В. Ханыхов — Ф. П. Литке из Франции от 22 июня 1863 г.
- ³⁵ П. П. Семенов. История полувековой деятельности..., ч. I, с. 326—327.
- ³⁶ Извлечение из письма действ. чл. Н. В. Ханыхова к г. вице-председателю Общества. — ЗИРГО, кн. 3, 1863, с. 42—44.
- ³⁷ Н. В. Ханыхов выбрал не очень удачный пример. Мих. Лемке убедительно доказал, что «отставной гвардии штабс-капитан Яков Толстой, числившийся корреспондентом министерства народного просвещения» в Париже, фактически был прямым агентом III Отделения (Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлинным делам III Отделения с. е. и. в. канцелярии. [Б. м.], 1908, с. 108).
- ³⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1348. «Коллекция писем», оп. 2, д. 193, лл. 1—4.
- ³⁹ ЦГИА СССР, ф. 733. «Департамент народного просвещения», оп. 142, д. 104, л. 153. «Справка» от 21 апреля 1866 г.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. — «Journal Asiatique», 5ème série, t. XX, 1862, с. 57—155.
- ⁴² И. П. Петрушевский. Система русского колониального управления в Азербайджане в первой половине XIX в. — Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в., ч. I. М. — Л., 1936, с. 6.
- ⁴³ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М. — Л., 1950, с. 193—194.
- ⁴⁴ Map of Aderbeijan Compiled Principally from Personal Observations and Surveys Made in the Years 1851—1855 by N. Khanikoff. Drawn and Engraved under General Direction of H. Kiepert. Berlin, 1862.
- ⁴⁵ «Zeitschrift für allgemeine Erdkunde», 1863, № 117—118.
- ⁴⁶ Sur les relations commerciales et politiques de l'empire roman avec l'Asie orientale pendant les cinq premiers siècles de l'ère chrétienne. — «Journal Asiatique», 6ème série, t. II, № 5, 1863, с. 299—303.
- ⁴⁷ «Journal Asiatique», 6ème série, t. II, № 5, 1863, с. 299—303.
- ⁴⁸ ГПБ, ОР, ф. 823, оп. 1, д. 2, л. 44. Письмо от 13 мая (1863 г.?).
- ⁴⁹ Географическое общество за 125 лет. Л., 1970, с. 345.
- ⁵⁰ См.: В. А. Жуковский. Очерк истории Учебного отделения восточных языков и постановка практики востоковедения на Западе. — Архив востоковедов ЛЮ ИВАН СССР, ф. 17, оп. 1, д. 153, л. 6. Цит. по: Б. М. Данди. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973, с. 232.
- ⁵¹ В. А. Крачковская. Из архивного наследия Ханыхова и Дорна. — «Эпиграфика Востока», IV. М. — Л., 1951, с. 35.
- ⁵² Там же, с. 36.
- ⁵³ Там же, со ссылкой на Архив ГПБ, д. 21, лл. 12, 431.
- ⁵⁴ «Журнал министерства народного просвещения», 1863, май, отд. III, с. 245—272.
- ⁵⁵ «Журнал министерства народного просвещения», 1863, декабрь, отд. VI, с. 115—130.
- ⁵⁶ Архив АН СССР, ф. 2. «Канцелярия Академии наук», оп. 1-1862, д. 17, л. 1.
- ⁵⁷ Там же, л. 3. Б. Дорн — В. Вельяминову-Зернову от 24 января 1862 г.

- ⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 733. «Департамент народного просвещения», оп. 142, д. 98, лл. 1—2.
- ⁵⁹ Архив АН СССР, ф. 2. «Канцелярия Академии наук», оп. 1-1862, д. 17, л. 6.
- ⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 142, д. 98, лл. 19—20, 21—22.
- ⁶¹ [B. Dorn]. Die Sammlung von morgenländischen Handschriften, welche die Kaiserliche öffentliche Bibliothek zu St.-Petersburg im Jahre 1864, von H. v. Chanykov erworben hat, von B. Dorn. St.-Pbg., 1865.
- ⁶² Там же, с. 1.
- ⁶³ В. А. Крачковская. Из архивного наследия Ханыхова и Дорна. — «Эпиграфика Востока», IV, 1951, с. 35, со ссылкой на Архив АН СССР, ф. 776, оп. 2, № 223. Письмо от 1/13 мая 1862 г.
- ⁶⁴ «Journal Asiatique», 6ème série, t. VI, 1865, с. 72—73.
- ⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 142, д. 104, лл. 16—2. Письмо от 16 марта 1864 г. Опубликовано в посвященном Н. В. Ханыхову некрологе, где оно неточно датировано 1863 г. («Журнал министерства народного просвещения», ч. ССІ, отд. V, СПб., 1879, с. 101—104).
- ⁶⁶ Там же, л. 13. «Всепоподданнейший доклад» А. В. Головинина от 26 апреля 1864 г.
- ⁶⁷ Mémoire sur Khâqanî, poète persan du XII siècle. Première partie: Études sur la vie et le caractère de Khâqanî. — «Journal Asiatique», 6ème série, № 14, t. IV, 1864, с. 137—200; Deuxième partie: Texte et traduction de quatre odes de Khâqanî. — «Journal Asiatique», 6ème série, № 18, t. V, 1865, с. 296—367.
- ⁶⁸ С. Д. Рзакулизаде. Общественно-политические и философские взгляды Хагани Ширвани. Баку, 1962, с. 10, 11.
- ⁶⁹ Ю. Н. Марр. Хакани. Незами, Руставели, [вып.] II. Тбилиси, 1966, с. 4.
- ⁷⁰ Подробнее см.: Гафар Кендли-Херисчи Али-оглы. Хакани Ширвани (жизнь, эпоха, среда), автореф. дисс. на соискание ученой степени д-ра филол. наук. Баку, 1972.
- ⁷¹ С. Д. Рзакулизаде. Общественно-политические и философские взгляды Хагани Ширвани, с. 6.
- ⁷² Там же, с. 8—9. С. Д. Рзакулизаде цитирует Н. В. Ханыхова по переводу, имеющемуся в Институте литературы и языка АН АзербССР.
- ⁷³ Хакани. Незами. Руставели, [вып.] II, с. 12. Письмо К. И. Чайкина — Ю. Н. Марру от 18 марта 1829 г.
- ⁷⁴ Там же, с. 171, примечания составителей сборника С. М. Марр и А. А. Гвахария.
- ⁷⁵ «Journal Asiatique», 6ème série, t. IV, 1864, с. 433—449.
- ⁷⁶ Извлечение из частного письма действ. чл. Н. В. Ханыхова о его занятиях в Англии и о съезде British Association. — ЗИРГО, кн. 3, 1864, с. 85—90.
- ⁷⁷ O. J. R. Howarth. The British Association for the Advancement of Science. A Retrospect. 1831—1931. Centenary. London, 1931.
- ⁷⁸ ЦГВИА СССР, «Военно-ученый комитет», д. 1 за 1879 г., л. 164.
- ⁷⁹ ЗИРГО, кн. 3, 1864, с. 89—90.
- ⁸⁰ «Журнал министерства народного просвещения», отд. VI, 1864, январь, с. 1—8.
- ⁸¹ ТВОРАО, ч. 8. СПб., 1864, с. 355—383.
- ⁸² Там же, с. 355.
- ⁸³ Études sur l'instruction publique en Russie, par N. de Khanikoff. Première partie. Dernières réformes de l'organisation de l'instruction publique... Paris, 1865.
- ⁸⁴ ГПБ, ОР, ф. 823, оп. 1, д. 3, л. 122.
- ⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 142, д. 104, л. 34. Памятная записка А. В. Головинина от 7 июня 1864 г.
- ⁸⁶ Там же, л. 49. Письмо от 28 августа 1864 г.
- ⁸⁷ ГПБ, ОР, ф. 823, д. 3, л. 13.

- ⁸⁸ «Journal Asiatique», 6ème série, t. VII, с. 280—281. Труд Мельгунова увидел свет в Петербурге в 1863 г.
- ⁸⁹ И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах (далее — ПССП). Письма в 13-ти томах, т. XII, кн. I. М.—Л., 1966, с. 384.
- ⁹⁰ Составители комментариев к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева, справедливо подчеркивая, что Н. В. Ханыков «сблизился с Тургеневым», будучи в Париже «в длительной заграничной командировке», не отмечают указанный писателем факт их давней дружбы (см.: И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. IV. М.—Л., с. 706).
- ⁹¹ Н. В. Щербань. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (1861—1875). — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1969, с. 40—41.
- ⁹² И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. V, с. 9.
- ⁹³ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1954—1964 (далее — СС), т. 27, кн. I, с. 262.
- ⁹⁴ «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, с. 699.
- ⁹⁵ А. И. Герцен. СС, т. 28, с. 42.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же, с. 43, 44.
- ⁹⁸ Там же, с. 44.
- ⁹⁹ Там же, с. 45—46.
- ¹⁰⁰ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVIII. Пг., 1922, с. 138.
- ¹⁰¹ А. И. Герцен. СС, т. 29, кн. I, с. 193.
- ¹⁰² Там же, с. 203.
- ¹⁰³ «Литературное наследство», т. 62, с. 699—701.
- ¹⁰⁴ А. И. Герцен. СС, т. 29, кн. 2, с. 447.
- ¹⁰⁵ Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868), публицист и историк, разрабатывал русскую генеалогию. В 1859 г. эмигрировал и отказался вернуться в Россию по требованию правительства, после чего считался «изгнанным». Сторонник ограничения самодержавия, выступал со статьями и книгами, разоблачавшими русских аристократов.
- ¹⁰⁶ А. И. Герцен. СС, т. 30, кн. I, с. 20.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 289.
- ¹⁰⁸ ИРЛИ, ф. 7. «П. В. Анненков», № 147, л. 11.
- ¹⁰⁹ «Литературное наследство», т. 62, с. 699. Комментарий А. Н. Дубовикова.
- ¹¹⁰ В комментариях к этому письму отмечается: «В 1875—1879 гг. в Женеве под редакцией Г. Н. Вырубова вышло первое 10-томное Собрание сочинений А. И. Герцена» (И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. VIII, с. 495).
- ¹¹¹ «В не дошедшем до нас письме Ханыков, вероятно, писал Тургеневу о недостаточном бережном отношении А. А. Герцена к архиву отца» (там же).
- ¹¹² И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. VIII, с. 175—176.
- ¹¹³ Там же, с. 495. Письмо Ханыкова от 1/13 февраля 1870 г. с ссылкой на парижскую Bibliothèque Nationale, а также ИРЛИ, р. I, оп. 29, № 290 (фотокопия).
- ¹¹⁴ Там же, с. 490 (комментарии с ссылкой на Bibliothèque Nationale; фотокопия: ИРЛИ, р. I, оп. 29, № 290).
- ¹¹⁵ Там же, с. 180—181. Письмо И. С. Тургенева от 26 января/7 февраля 1870 г.
- ¹¹⁶ ГПБ, ОР, ф. 823, д. 3, л. 125.
- ¹¹⁷ Там же, л. 139.
- ¹¹⁸ Там же, л. 172. Речь шла о бывшем декабристе Н. И. Тургеневе, оставшемся после восстания в пожизненной эмиграции во Франции и выступавшем с критикой царского режима.
- ¹¹⁹ ЦНБ АН УССР, ОР, I-14960.
- ¹²⁰ Там же, I-14961.

- ¹²¹ Там же, I-14962.
- ¹²² Там же, I-14963.
- ¹²³ Там же, I-14964.
- ¹²⁴ «Journal Asiatique», 6ème série, t. VII, 1866, с. 282—287.
- ¹²⁵ Там же, 6ème série, t. IX, 1867, с. 260—263.
- ¹²⁶ Там же, 6ème série, t. VII, 1866, с. 388—429. Этот двухтомный труд вышел в Париже в 1865 г.
- ¹²⁷ «Journal Asiatique», 6ème série, t. VII, 1866, с. 410—415.
- ¹²⁸ Mémoire sur l'ethnographie de la Perse. Paris, 1866.
- ¹²⁹ ГПБ, ОР, ф. 823. «Н. В. и Я. В. Ханыковы», оп. 1, д. 2, л. 20.
- ¹³⁰ АВПр, ф. ДЛСнХД, оп. 464/3, д. 1832, л. 11.
- ¹³¹ Там же, д. 3492, лл. 12—17.
- ¹³² ЦГИА СССР, ф. 733. «Департамент народного просвещения», оп. 142, д. 104 за 1864—1874 гг., лл. 139—140. «Всеподданнейший доклад» А. В. Головинина от 31 января 1866 г.
- ¹³³ Там же, л. 152.
- ¹³⁴ Там же, л. 155.
- ¹³⁵ Там же, лл. 219—220, 287.
- ¹³⁶ Архив ЛО ИА, ф. 18. «Н. И. Веселовский», д. 149 — «Заметки и выписки о Ник. Влад. Ханыкове», лл. 15—16.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же, л. 2.
- ¹³⁹ ИРЛИ, ф. 7. «П. В. Анненков», № 147, л. 1.
- ¹⁴⁰ Подробнее см.: Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965, с. 138—242.
- ¹⁴¹ ЦГА УзССР, ф. И-715, д. 38, приложение к док. 215. Письмо Ханыкова от 12/24 ноября 1868 г.
- ¹⁴² Ни в Хиве, ни в Кабуле Ханыков не был. Если это не случайная ошибка, то, значит, А. М. Горчаков хотел придать «больше веса» его мнению.
- ¹⁴³ ЦГВИА СССР, ВУА, д. 6808, л. 2.
- ¹⁴⁴ И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. VII, с. 276. Письмо от 8/20 января 1869 г.
- ¹⁴⁵ Речь шла о кампании крайне правых слоев во главе с руководителем III Отделения П. А. Шуваловым и министром внутренних дел А. Е. Тимашевым против более либеральных деятелей, в том числе Д. А. Милютин (в частности, против газеты военного министерства «Русский инвалид», проблематику которой реакция стремилась ограничить).
- ¹⁴⁶ ИРЛИ, ф. 7. «П. В. Анненков», д. 147, лл. 9—10.
- ¹⁴⁷ И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. VII, с. 290. Письмо от 24 января/5 февраля 1869 г. из Карлсруэ.
- ¹⁴⁸ К. Риттер. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан. СПб., 1867, с. V, предисловие В. В. Григорьева.
- ¹⁴⁹ К. Риттер. Иран. Часть первая. СПб., 1874. Введение Н. В. Ханыкова, с. VIII.
- ¹⁵⁰ Е. Н. Кушева. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века. — «Исторический сборник», [№] 3. Л., 1934, с. 150.
- ¹⁵¹ П. П. Семенов. История полувекковой деятельности..., ч. I, с. 90—91.
- ¹⁵² Л. С. Берг. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.—Л., 1946, с. 63.
- ¹⁵³ «Journal Asiatique», 6ème série, t. XIII, 1869, с. 68—70.
- ¹⁵⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. XXXVII. СПб., 1903, с. 56—57.
- ¹⁵⁵ «Journal Asiatique», 6ème série, t. XIII, 1869, с. 70—79.
- ¹⁵⁶ Там же, с. 80—82.
- ¹⁵⁷ Там же, с. 74.
- ¹⁵⁸ Там же, с. 77.

- ¹⁵⁹ Там же, с. 80—82.
¹⁶⁰ Н. В. Ханьков. Самарканд (Рассказ очевидца).—«Русский инвалид», 1868, № 161.
¹⁶¹ «Samarkand», par N. de Khanikoff.—«Bulletin de la Société de Géographie de Paris», 1869, mars—avril.
¹⁶² «Известия Имп. Русского географического общества (далее — ИИРГО), т. VI, отд. I, 1870, с. 108.
¹⁶³ Там же, с. 112—113.
¹⁶⁴ Там же, с. 118.
¹⁶⁵ М. М. Стасюлевич и его современники в переписке, под ред. М. К. Лемке, т. I. СПб., 1911, с. 215—216.
¹⁶⁶ Там же, с. 217.
¹⁶⁷ Algèbre. Procédé pour résoudre, en nombres entiers l'équation indéterminée $A+Bt^2=U^2$. Note de M. N. de Khanikoff.—«Comptes rendus hebdomadaires de l'Académie des Sciences» (далее — «Comptes rendus...»), t. 69. Paris, 1869, № 3, VII, с. 185—188.
¹⁶⁸ H. Kiepert. Zur Karte der Routen von N. v. Chanikoff in Media.—«Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», Bd 7. Berlin, 1872, с. 78.
¹⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 733. «Департамент народного просвещения», оп. 142, д. 104, л. 260.
¹⁷⁰ ИИРГО, т. VII, отд. I, 1871, с. 396. Письмо Н. В. Ханькова из Рамбуэ в Петербург от 30 августа 1871 г.
¹⁷¹ Там же, отд. II, с. 399—402.
¹⁷² Там же, с. 271.
¹⁷³ «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», Bd 7, Berlin, 1872, с. 78—79.
¹⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 142, д. 104, л. 292. Письмо от 27 февраля/11 марта 1872 г.
¹⁷⁵ [Г. Юль]. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи Генри Юля. Перевод с англ. О. А. Федченко. С дополнениями и примечаниями А. П. Федченко, Н. В. Ханькова и Г. Юля. СПб., 1873, с. IV—V.
¹⁷⁶ Там же, с. 82.
¹⁷⁷ N. de Khanikoff. Les documents sur les Khanat de Khiva. Abbeville, 1873, с. 13.
¹⁷⁸ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 24. «К. С. Веселовский», оп. I, д. 48, л. I.
¹⁷⁹ Там же, лл. 2—3.
¹⁸⁰ И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. IX, с. 193—194.
¹⁸¹ Там же, с. 233—234.
¹⁸² См.: Я. П. Полонский. Полное собрание стихотворений в 5-ти томах, т. 2. СПб., 1896, с. 175—178.
¹⁸³ «Иран» К. Риттера. Часть первая. Перевел и дополнил Н. В. Ханьков. СПб., 1874, с. III.
¹⁸⁴ Там же, с. IV.
¹⁸⁵ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 287.
¹⁸⁶ АВГО, ф. 1-1873, д. 31, л. 286.
¹⁸⁷ П. П. Семенов. История полувековой деятельности..., ч. II, с. 497.
¹⁸⁸ АВГО, ф. 1-1874, оп. I, д. 13, лл. 81—82. Письмо от 18/30 ноября 1874 г.
¹⁸⁹ Там же, лл. 99—100. П. П. Семенов — Н. В. Ханькову от 25 ноября 1874 г.
¹⁹⁰ Там же, лл. 172—173. Н. В. Ханьков — П. П. Семенову от 17/29 декабря 1874 г.
¹⁹¹ П. П. Семенов. История полувековой деятельности..., ч. II, с. 498.
¹⁹² Там же, с. 502.
¹⁹³ АВГО, ф. 1-1875, оп. I, д. 23, л. 1.
¹⁹⁴ В. Н. Майнов. Поль Брока — основатель антропологии.—«Исторический вестник», т. III, 1880, с. 337, 338.
¹⁹⁵ ОИРГО за 1875 г. СПб., 1876, с. 35.

- ¹⁹⁶ «Journal Asiatique», 7ème série, т. VI, 1875, с. 235.
¹⁹⁷ «Journal Asiatique», 7ème série, т. VIII, 1876, с. 35.
¹⁹⁸ И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. X, с. 76.
¹⁹⁹ Там же, с. 84.
²⁰⁰ Там же, с. 214.
²⁰¹ Там же, с. 316. Речь идет об уже упоминавшемся крупном ориенталисте В. В. Григорьеве (1816—1881). Монархист и реакционер, он в 1874—1880 гг. был начальником Главного управления по делам печати.
²⁰² Там же, с. 341.
²⁰³ Там же, с. 155. Письмо от 26 сентября/8 октября 1873 г.
²⁰⁴ Там же, т. XII, кн. I, с. 273. Письмо Ханькову.
²⁰⁵ Там же, с. 634, комментарии.
²⁰⁶ Там же, с. 275.
²⁰⁷ Гос. литературный музей СССР, ОФ 2952/1.3. Письма Д. А. Толстого — Н. В. Ханькову, л. 2. Письмо от 17 ноября 1866 г.
²⁰⁸ Там же, л. 3. Письмо от 16 января 1871 г.
²⁰⁹ Там же, ОФ 2951, п. 3, л. 1. Письмо от 9 мая 1878 г.
²¹⁰ «Вестник Европы», 1878, № 12, с. 916.
²¹¹ ЦГИА СССР, ф. 851. «А. В. Головин», д. 48, лл. 33—40.
²¹² И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. XII, кн. I, с. 369.
²¹³ Там же, с. 370. И. С. Тургенев пишет — «Рамбулье».
²¹⁴ Там же, с. 372. Письмо А. Н. Тургеневу от 27 октября/8 ноября 1873 г.
²¹⁵ Там же, с. 380.
²¹⁶ Там же, с. 381. Письмо от 15/27 ноября 1878 г.
²¹⁷ Там же.
²¹⁸ Там же, с. 384.
²¹⁹ Там же, с. 690—691, комментарии.
²²⁰ Там же, с. 389. Письмо И. С. Тургеневу — Я. Н. Ханькову от 27 ноября/9 декабря 1878 г.
²²¹ «Вестник Европы», 1878, № 12, с. 911—919.
²²² «Журнал министерства народного просвещения», 1879, № 1, с. 91—107.
²²³ Отчет Имп. Русского географического общества за 1878 г., с. 5—11; ИИРГО, т. 15, 1879, вып. 1, с. 60—61; вып. 3, с. 97.
²²⁴ ИКОИРГО, т. VI. Тифлис, 1879, № 1, с. 130—133.
²²⁵ «Journal Asiatique», 7ème série, т. XIV, 1879, с. 19—20. Жозеф Эрнест Ренан (1823—1892) — крупный французский востоковед, философ, семитолог и историк религии, автор большого количества трудов по этим вопросам (особенно по истории христианства).
²²⁶ И. С. Тургенев. ПССП. Письма, т. XII, кн. 12, с. 7. Письмо И. С. Тургеневу А. В. Топорову от 2/14 января 1879 г.
²²⁷ Там же, с. 129. Письмо И. С. Тургеневу А. Н. Тургеневу от 12/24 сентября 1879 г.
²²⁸ Там же, с. 478. Комментарии, с ссылкой на дневник Ф. Н. Тургеневой (ИРЛИ АН СССР, ф. 309, № 4634, л. 48).

Вместо заключения

¹ Его «Записка о центральной части Южной Азии» и «Заметки по этнографии Персии» вышли на русском языке лишь в наши дни: первая — в 1973 г. (под названием «Экспедиция в Хорасан»), а «Заметки по этнографии Персии» — в 1977 г. А ведь это основные материалы, характеризующие крупнейшую Хорасанскую экспедицию 1858—1859 гг.

² См.: Э. С. Виленская. Революционное подполье в России. М., 1965, с. 65.

³ В. В. Бартольд. История изучения Востока..., изд. 2. Л., 1925, с. 256.

⁴ Данное обстоятельство справедливо отмечает и критикует советский

ученый И. П. Петрушевский: «Ханыков, пользовавшийся нарративными источниками и документами на восточных языках, ясно говорившими о феодальных отношениях... все же, держась официальной точки зрения, отрицал существование феодализма на Востоке...» (И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, с. 57).

⁵ «Вестник Европы», 1878, № 12, с. 918—919. Письмо Н. В. Ханыкова от 5 октября 1878 г. (адресованное, по-видимому, М. М. Стасюлевичу).

⁶ «Журнал министерства народного просвещения», 1879, № 1, с. 107.

⁷ Русский биографический словарь, т. XXI. СПб., 1901, с. 279.

СПИСОК РАБОТ Н. В. ХАНЫКОВА *

1. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. Англ. изд.: Bokhara, Its Amir and Its People. London, 1845, с. XXIX, 316.
2. Городское управление в Средней Азии.— «Журнал министерства внутренних дел», ч. 6, 1844, с. 340—354.
3. О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою Ордами.— «Журнал министерства внутренних дел», 1844, ч. 8, № 10, с. 3—50.
4. Причина исчезновения одного из рукавов Сыр-Дарьи.— «Журнал министерства народного просвещения», ч. 45, отд. VII, 1845, с. 15—16.
5. Письмо сэру Род. Мурчисону о старом русле Аму-Дарьи.— «Journal of the Royal Geographical Society». London, 1846.
6. Перевод мусульманских постановлений о войне.— «Кавказ», 1846, № 20—21.
7. Тифлисский климат. Тифлис, 1847.
8. О мюридах и мюридизме.— «Кавказ», 1847, № 15.
9. О духовном управлении в Персии.— «Кавказ», 1849, № 15.
10. Quelques inscriptions musulmanes d'Ani et des environs de Bakou.— «Bulletin historico-philologique», t. VI, 1859, № 13—14, col. 193—200; «Mélanges Asiatiques», t. I, 1852, с. 70—78.
- 10a. Excursions à Ani en 1848.— Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 sous les auspices du prince Vorontzof, lieutenant du Caucase, par M. Brosset. Avec un Atlas de 45 planches lithographiées. Livr. 1—3. SPb., 1849—1851, с. 121—152.
11. Очерк служебной деятельности ген. Альбранда. Тифлис, 1850. См. также: «Кавказ», 1850, № 27, 28, 31.
12. Новейшие открытия г. Ролинсона (по части ассирийских древностей).— «Кавказ», 1850, № 17.
13. О тифлисской выставке естественных произведений и образчиков ремесленной и фабричной промышленности Закавказского края.— «Кавказ», 1850, № 20, 24, 26.
14. Археологическое известие.— «Кавказ», 1850, № 52, 53.
15. Еще археологическое известие (Башня Гумбязи-ата-бека и надписи на ней, в Нахичевани).— «Кавказ», 1850, № 76, 85, 86, 87.
16. «Кавказский календарь» на 1851 г.— Рец. в газ. «Кавказ», 1850, № 102.
17. Извлечение из письма г. Абиха барону А. Гумбольдту.— «Кавказ», 1851, № 5, 6.
18. Очерк ученой деятельности на Кавказе в 1850 г. Исследования по части археологии.— «Кавказ», 1851, № 25—29.
19. О солнечном затмении, виденном в Коджорах 18 июля 1851 г.— «Кавказ», 1851, № 55.
20. Ориенталист Френ и его труды на Кавказе.— «Кавказ», 1851, № 72.

* Работы Н. В. Ханыкова печатались в самых различных изданиях — отечественных и зарубежных; поэтому не представляется возможным в настоящий момент составить исчерпывающий список его трудов. Подавляющее большинство указанных изданий просмотрено де-визу. Некоторые из них оказались недоступными для нас, чем объясняется неполнота приводимых в таких случаях сведений.

21. Об археологических исследованиях на Кавказе (Из писем к П. С. Савельеву).— «Кавказ», 1851, № 92. См. также: ЗИРАО, т. IV, СПб., 1852, с. 21—27.
22. Нумизматическое известие (монеты, найденные в Дербенте и пожертвованные в Тифлисский кабинет древностей).— «Кавказ», 1851, № 96. См. также: ТВОИРАО, СПб., 1856, с. 201.
23. Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase; extrait de deux lettres de N. Khanykof.— «Bulletin historico-philologique», t. VIII, 1851, № 1—2, col. 25—30; «Mélanges Asiatiques», t. I, 1852, с. 243—251.
24. Поездка в Персидский Курдистан.— «Вестник Имп. Русского географического общества», кн. I, ч. 6, 1852, отд. V, с. 1—18. См. также: «Кавказ», 1853, № 22, 23.
25. Об успехе опыта разведения хлопчатника в Персии, в окрестностях Урмии.— «Кавказ», 1852, № 16.
26. Некролог Фазыл-хана.— «Кавказ», 1852, № 19.
27. Lettre à M. Dorn.— «Bulletin historico-philologique», t. IX, 1852, № 15—17, col. 257—268; «Mélanges Asiatiques», t. I, 1852, с. 543—558.
28. Extrait d'une lettre à M. Brosset.— «Bulletin historico-philologique», t. IX, 1852, № 18, col. 284—286; «Mélanges Asiatiques», t. I, 1852, с. 561—562.
29. Note sur le yarligh d'Abou-Said-Khan conservé sur les murs de la mosquée d'Ani.— «Bulletin historico-philologique», t. X, 1853, № 6, col. 81—86.
30. Исследование об изменении уровня Каспийского моря (письмо к Ю. А. Гагемейстеру).— «Вестник Имп. Русского географического общества», кн. IV, ч. 8, 1853, отд. VII, с. 162—170.
31. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря.— ЗКОИРГО, кн. II, Тифлис, 1853, с. 66—152.
32. Восхождение на гору Демавенд.— Там же, с. 268—279.
- 32a. Ausflug nach dem persischen Kurdistan.— «Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland», 1854, Bd XIII, с. 519—539.
33. Lettre à M. Dorn.— «Bulletin historico-philologique», t. XII, 1855, № 11, col. 161—176; «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 437—456.
34. [О среднеазиатских монетах, в том числе о кокандских, принесенных Н. В. Ханыховым в дар Азиатскому музею Академии наук].— Ch. M. Frœhner. Opusculorum postumorum. Pars prima. SPb., 1855, с. 333—338.
35. Extrait d'une lettre à M. Dorn.— «Bulletin historico-philologique», t. XII, 1855, № 7—8, col. 121—122; «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 427—429.
36. Extrait d'une lettre à M. Dorn, datée de Nihmetabad 27 sept. (9 oct.) 1855.— «Bulletin historico-philologique», t. XIII, 1856, № 8—9, col. 136—139.
37. Extrait d'une lettre adressée à M. Dorn.— «Bulletin historico-philologique», t. XIII, 1856, № 8—9, col. 141—142; «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 499.
38. Extrait d'une lettre à M. Dorn.— «Bulletin historico-philologique», t. XIII, 1856, № 10—11, col. 173—176; № 12, col. 177—190, ill.; № 13, col. 205—208; «Mélanges Asiatiques», t. II, 1856, с. 505—530.
39. О некоторых арабских надписях в Дербенте и Баку.— ТВОИРАО, СПб., 1856, с. 168—176.
40. Древности, найденные на Кавказе (Совместно с П. С. Савельевым).— Там же, с. 177—187.
41. Тифлис.— «Живописная русская библиотека», 1857, № 23.
42. Lettre à M. Dorn.— «Bulletin historico-philologique», t. XIV, 1857, № 14—15, col. 219—238, 1 pl.; № 16, col. 241—246; «Mélanges Asiatiques», t. III, 1859, с. 50—81, 1 pl.
43. Lettre à M. Dorn.— «Bulletin historico-philologique», t. XIV, 1857, № 23—24, col. 353—370; «Mélanges Asiatiques», t. III, 1859, с. 114—137.
44. Extraits des lettres à M. Dorn; datées de Lenkoran, 30 juin et 6 juillet et de Tiflis, 11 août 1857, de même d'une lettre, datée de Tebriz, 5(17) juin 1857.— «Bulletin historico-philologique», t. XIV, 1857, № 23—24, col. 378—389; «Mélanges Asiatiques», t. III, 1859, с. 149—165.
45. Действия Хорасанской экспедиции.— «Вестник Имп. Русского географического общества», ч. 23, 1858, с. 37—41.
46. Выписка из письма начальника Хорасанской экспедиции.— ВИРГО, ч. 24, 1858, с. 5—6.
47. Tremblement de terre observé à Tebriz en septembre 1856, notis physiques et géographiques de N. Khanikoff sur l'Azerbeïdjan. SPb., 1858.
48. Отчет начальника Хорасанской экспедиции.— ВИРГО, ч. 26, 1859, с. 39—52.
49. Отчет г. начальника Хорасанской экспедиции.— «Кавказ», 1859, № 82—84.
50. Analysis and Extracts of «Book of the Balance of Wisdom». Written by 'Al-Khazini in the Twelfth Century.— «Journal of the American Oriental Society», New York, vol. 6, 1859, № 1, с. 1—128.
51. Lettre à M. Reinaud accompagnée du plan archéologique de Hérat.— «Journal Asiatique», 5ème série, vol. XV, Paris, 1860, с. 537—543.
52. Note accompagnant la présentation d'une nouvelle carte du Khorassan, de l'Afghanistan, du Seistan et du midi de la Perse.— «Comptes Rendus hebdomadaires de l'Académie des Sciences», Paris, vol. 50, janvier—juin 1860, с. 721—723.
53. Die topographischen Aufnahmen der Wissenschaftlichen Expedition nach Chorassan.— «Zeitschrift für allgemeine Erdkunde», Neue Folge, Achter Band, Berlin, 1860.
54. Физическая география Хорасана.— «Журнал министерства народного просвещения», ч. 105, отд. VII, 1860, с. 114—116.
55. Méched, la ville Sainte, et son territoire. Extraits d'un voyage dans le Khorassan. Paris, 1861, с. 20; «Le Tour du Monde. Nouveau journal des voyages», Paris, 1861, с. 269—288.
56. Записка по поводу исследования кавказских наречий иранского корня.— ЗКОИРГО, кн. 5, 1862, с. 26—28.
57. Voyage scientifique de M. Dorn dans le Mazandéran, le Ghilan, les provinces musulmanes du Caucase, et dans le Daghestan.— «Journal Asiatique», 5ème série, vol. XIX, № 74, 1862, с. 214—225.
58. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase.— «Journal Asiatique», 5ème série, vol. XX, № 78, 1862, с. 67—155. См. также: Отд. изд. Paris, 1863, 99 p.
59. Map of Aderbeijan Compiled Principally from Personal Observations and Surveys Made in the Years 1851—1855. Berlin, 1862. См. также: «Zeitschrift für allgemeine Erdkunde», 1863, № 117—118.
60. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale. Paris, 1862.
61. Деятельность министерства народного просвещения во Франции в 1862 г.— «Журнал министерства народного просвещения», 1863, май, отд. III, с. 245—272.
62. Извлечение из письма Н. В. Ханыхова к вице-председателю Географического общества.— ЗИРГО, кн. 3, 1863, с. 42—44.
63. Библиотека Британского музея.— «Журнал министерства народного просвещения», 1863, декабрь, отд. VI, с. 115—130.
64. Lettre au rédacteur du Journal Asiatique sur le mémoire de M. Reinaud «Sur les relations commerciales et politiques de l'empire romain avec l'Asie orientale pendant les cinq premiers siècles de l'ère chrétienne.— «Journal Asiatique», 6ème série, vol. II, № 5, 1863, с. 299—303.
65. Lettre au rédacteur du Journal Asiatique (sur l'identification possible du pays des Sères avec le Kachemir). Paris, 1863.
66. Библиотека Гёттингенская, Боннская и Брюссельская.— «Журнал министерства народного просвещения», 1864, январь, отд. VI, с. 1—8.
67. Die Israeliten zu Mekka, etc. Les Israélites à la Mecque, depuis le temps de David jusqu'au Ve siècle de notre ère. Recherches critiques sur l'Ancient Testament et les origines de l'islamisme, par le docteur R. Dozy, traduit du hollandais.— «Journal Asiatique», novembre 1864, 6ème série, vol. IV, № 15, с. 433—449.

68. Anthropologie. Lettre à M. le secretair perpetuel à l'occasion d'une communication recente de M. d'Omalus d'Halloy.—«Comptes Rendus hebdomadaires de l'Académie des Sciences», 1864, vol. 59, № 25, c. 1029—1032.

69. Mémoire sur Khâqani, poète persan du XII siècle. Première partie: Etude sur la vie et le caractère de Khâqani.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. IV, № 14, 1864, c. 137—200.

70. Mémoire sur Khâqani... Deuxième partie. Texte et traduction de quatre odes de Khâqani.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. V, № 18, 1865, c. 296—367.

71. Etudes sur l'instruction publique en Russie. Première partie. Dernières reformes de l'organisation de l'instruction publique. Paris, 1865.

72. Rend compte de l'ouvrage de M. Melgunof: O ioujnom béréqué Kaspийского моря, etc. Description de la côte méridionale de la mer Caspienne.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. VII, 1866, c. 280—281.

73. Lettre à M. Ch. Defremery, contenant quelques éclaircissements sur deux passages d'Ibn Khordadbeh.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. VII, 1866, c. 282—287.

74. Article critique sur le livre de Marco Polo, publié de nouveau par M. G. Pauthier.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. VII, № 6, 1866, c. 388—429.

75. Mémoire sur l'ethnographie de la Perse. Paris, 1866.

76. Lettre à M. Reinaud, contenant une ode de Khâqani aux troupes victorieuses de Nour ed-din.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. IX, № 33, 1867, c. 260—263.

77. Самарканд (Рассказ очевидца).—«Русский инвалид», 1868, № 161. Отд. изд.: СПб., 1868.

78. Samarkand.—«Bulletin de la Société de géographie de Paris», 1869, mars—avril.

79. Rend compte de l'ouvrage de M. Grigorief: Le Kaboulistan et le Kafistan.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. XIII, 1869, c. 68—70.

80. Rend compte du quatrième volume des Travaux des membres de la mission ecclésiastique russe à Peking.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. XIII, 1869, c. 70—79.

81. Rend compte de l'ouvrage: Chartes recueillies et publiées par la commission archéographique du Caucase présidée par M. le conseiller d'Etat A. Bergé. Vol.: Archives du lieutenant de S. M. l'Empereur de Russie dans le Caucase.—«Journal Asiatique», 6ème série, vol. XIII, 1869, c. 80—82.

82. Algèbre. Procédé pour résoudre, en nombres entiers l'équation indéterminée $A+Bt^2=u^2$.—«Comptes Rendus hebdomadaires de l'Académie des Sciences», 1869, vol. 69, № 3, VII, c. 185—188.

83. Извлечение из письма Н. В. Ханыкова о занятиях Антверпенского географического конгресса.—ИИРГО, 1871, т. VII, отд. II, с. 396—402.

84. Routes in Persia in Continuation of Survey of Aderbeijan to the Environs of Ecbatana Explored in the Year 1852 by N. Khanikoff.—«Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin». Siebter Band, 1872, Erster Heft.

85. Генри Юль. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи (пер. О. А. Федченко с дополнениями и примечаниями А. П. Федченко, Н. В. Ханыкова и Г. Юля). СПб., 1873.

86. Les documents sur le Khanat de Khiva. Abbeville, 1873.

87. К. Риттер. Иран. Перевел и дополнил Н. В. Ханыков. СПб., 1874.

88. Sur l'emplacement de la ville d'Artacoana.—«Journal Asiatique», 7ème série, vol. VI, 1875, c. 235—242.

89. Гор. Герат (извлеч. из соч. Ханыкова).—«Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XVI. СПб., 1885.

90. Экспедиция в Хорасан, пер. с франц. М., 1973.

91. Заметки по этнографии Персии, пер. с франц. М., 1977.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аббас I 46
Аббасиды 114
Аббас-мирза 99, 102
Аббот Дж. 16, 103, 109, 147
Абд аль-Фаттах Фумини 57
Абдулла-хан 214
Абдул Харит Сянджар Сельджукид 110
Абих Г. В. 57, 65, 68, 84, 127
Абовян (Обовьян) 65
Абу-Баقر Мухаммед ибн Джафар ан-Наршахи см. Наршахи
Абул Касим 81
Абул Хасан-шах 130, 138
Абуль-Гази (Абулгази) 174
Абуль-Фида 81, 84
Абуль-Хасан аль-Масуди см. Масуди
Абу Насер Хуссейн Бахадур-хан 76
Авиценна 77
Абусид Хулагид 56, 57, 80—82
Агеев 29—32
Ады Гюзель 110
Азиз-хан 97, 98
Аламберт, Ж. Р. де (правильнее л'Аламбер) 34
Александр I 10
Александр II 122, 123, 146, 179, 192, 206—208, 241
Аллаверды 144, 145, 147, 154
Али Арслан 90
Альбранд Л. Л. 69, 86
Аль Хазини 110
Алябьев А. А. 14
Аничков Н. А. 96—99, 102, 105, 106, 108, 113, 116, 117, 119, 128, 132, 136, 137, 140—142, 144—147, 154
Анненков П. В. 228, 231, 232, 236
Антокольский М. М. 3, 233, 237
Антиан Александрийский 84
Арапетов И. П. 62
Аргун Хулагид 80
Аргутинский 52
Арек Малакий 199
Атабеки 59, 76
Ауренгзеб 115
- Ахистан ширваншах 80
Ахмед эль-Катиб 84
Ахундов М. Ф. 40
Ахшарумов Д. Д. 61
- Бабур Захириддин 212
Багратиды 56
Багратион-Мухранский Г. К. 64
Байрон Р. 158
Бакунин М. А. 198
Бартев П. И. 18
Бартоломей И. А. 58, 64, 91, 96, 97
Бартольд В. В. 11, 26, 222, 238, 239
Барятинский А. И. 94—96, 119, 125, 150, 155, 160
Батый 58
Баязид Бестами 133
Бebutov В. О. 52, 64, 95, 97
Бегер А. Ф. 132, 136
Безносиков А. С. 25
Безобразов В. П. 125
Бекетов А. 163
Беленицкий А. М. 158
Белчер 185
Беневени Флорно 25, 247
Бени-Шеддады 56, 57, 70, 81
Берг Л. С. 250
Беренс К. 65
Бёрнс А. 26, 107, 121, 134, 139, 140, 142
Бернулли Д. 34
Бернье Ф. 111
Бёртон Р. Ф. 185
Бетлинг О. Н. 219
Бехмен-мирза 40
Бишакеги 80
Бинерт Г. 127, 128, 135, 140, 149, 152, 153
Блот 193
Бларамберг И. Ф. 20, 134
Блудов Д. Н. 53, 105
Боголюбов 209
Богословский 19—21, 22, 184
Боткин В. П. 189, 190, 193
Брандт Е. 127
Брауэр 126

* В составлении указателей принимала участие З. А. Цомартова

Брока П. 227
Броссе М. И. (иногда М. Ф.) 56, 59, 69, 80, 81, 91, 92, 127, 219
Бруннов Ф. И. 112, 113, 119
Булгарин Ф. В. 11
Бунге А. А. 127, 128, 135, 140, 149, 152, 153
Буняковский В. 174
Бурнашев Т. С. 25
Бутаевич-Петрашевский М. В. 60, 61
Бутенев К. Ф. 19—23, 25, 184, 207, 214, 239
Бутков В. П. 157, 196, 197, 206
Бэр К. М. 62

Валуев П. А. 196
Валиханов Ч. Ч. 120
Валихан-тора 121
Вамбери А. 184
Ващенко Э. Г. 61
Вейль 180
Вельяминов-Зернов В. В. 174, 201, 219
Веселаго Ф. 8
Веселовский К. С. 9, 10, 219
Веселовский Н. И. 6, 9, 206, 212, 238, 244
Вефур 189, 192
Виткевич И. В. (Я. В.) 121, 139, 141, 142, 144, 147—149
Вольф Н. И. 64, 71, 93
Воронцов М. С. 38—40, 44, 47—50, 52—54, 63—65, 71, 74, 88, 89, 93—98, 103
Воронцов С. М. 40
Воронцов-Дашков И. И. 44
Вронченко Ф. П. 48
Вырубов Г. Н. 193—195

Гагарин, полковник 40
Гагарин Г. Г. 64
Гагемейстер Ю. А. 83, 159, 171, 201, 217
Гамалея П. Я. 8
Ганс 220
Гассиот 186
Гвахария А. А. 257
Гёбель А. Ф. 127, 128, 134, 135, 140, 149, 152, 153
Гельмерсен Г. П. 42, 61
Генрих III Кастильский 221
Генс Г. Ф. 13, 23
Геродот 201
Герцен А. И. 159, 191—195, 197, 198, 205, 206, 242, 243
Гершель Д. 186
Гиббон Э. 84
Гиппиус 184
Гирс Н. К. 9, 10
Гито 113

Глейшер 185
Гоголь Н. В. 67
Годунов Б. 145, 146
Головин А. В. 9, 64, 75, 77—79, 83, 168, 169, 171—177, 179, 187, 192, 196, 202, 203, 205, 206, 219, 231
Голубков П. В. 211
Гольдсмит Ф. Д. 164
Горбулевский 129
Горлов А. П. 185
Горчаков А. М. 99, 120, 122, 123, 141, 155, 156, 207, 208
Готвальд 81
Гошкевич 187
Греч Н. И. 11
Грибоедов А. С. 61
Григорович Д. В. 237
Гриторьев В. В. 9, 10, 62, 211—213, 228
Грот К. К. 229
Гулькевич Н. 155, 156
Гулям Хайдар-хан 130, 139
Гумбольдт А. 36, 84, 210
Гюго В. 180

Даль В. И. 14, 18, 42, 189, 242
Давидовский Г. П. 18, 82
Дарий 77
Дебу И. М. 61
Дебу К. М. 61
Деларю Н. 9
Дерби 150
Дефремери Ш. 70, 180, 198
Джалаириды 114
Джафар Кулихан Буджнурдский 133
Дженкинсон Э. 26
Джехан-шах 115
Джувейни 174
Джучи 199
Дози Р. 183
Долгоруков В. А. 93—95
Долгоруков Д. И. 74, 96—99
Долгоруков П. В. 193, 194, 196
Дорн Б. А. 58, 70, 80, 100, 101, 106—110, 114—117, 127, 160, 174—176, 188, 219
Дост Мухаммед-хан 16, 114, 121, 122, 125, 126, 130, 138, 141—148, 151, 158
Достоевский Ф. М. 191
Драгунов Г. П. 244
Дубельт Л. В. 61
Дубовиков А. Н. 191
Дуссиак 116, 117, 119
Дюлорье 180
Дюпень 35

Евлахов И. И. 73
Екатерина II 231
Ермолов А. П. 39

Есаков Е. С. 61
Ефремов Ф. С. 25

Жаринов 127, 128, 141, 149
Жемчужников 31
Жобер А. 84
Жуковский В. А. 14
Жюльен Н. С. 187

Заблоцкий-Десятовский А. 62
Заблоцкий-Десятовский М. 62
Загурский Л. 235
Залеман К. Г. 180
Засулич В. 209
Зейд ибн Сабид 172
Зейн эль-Абеддин Искандероглы
Ширвагин 73, 74, 80, 115, 174
Зиссерман А. Л. 94—96
Зия эд-Дин Мухаммед 114
Злобин К. К. 154
Зороастр 79

Ибн Сина, Абу Али Хасан ибн Ахмед см. Авиценна
Ибн Хордадбех (Ибн Хордадгер) 199
Ибрагим-чадхо 214
Иван (предок Ханыховых) 7
Игнатъев Н. П. 120
Идрис (Идриси) 84
Иллерицкий В. Е. 60
Имам-заде Шах-заде Хуссейн 76
Иорданский В. Б. 244
Исидор Харакский 201
Искандер см. Герцен А. И.
Искандер-хан 100

Кавелин К. Д. 62
Каджары 134
Казвини 107, 174
Казембек А. М. 172, 230
Калцевич Н. 9
Каракозов Д. В. 206, 207
Карамзин Н. М. 58, 196
Каратыгин П. А. 228
Карцов А. П. 90
Карцов П. К. 8
Катков М. Н. 209
Катрфаж 178, 218, 232
Кауфман К. П. 207, 208, 219, 225
Кафаров П. П. 213
Капкин Н. С. 61
Кейзерлинг Е. 127, 128, 135, 140, 149, 152
Кенпен П. И. 61
Кер-Портер Д. 57, 77
Кестнер 59, 71, 81
Кетле 35
Килперт Г. 217, 218, 224
Киселев П. Д. 48, 105, 203

Клавихо, Рюи Гонзалес де 184, 214, 221
Ковалевский Е. П. 14, 116, 117, 120, 122, 123, 129, 130, 132, 137, 138, 143, 146—148, 155, 157, 161, 164, 196
Кокорев В. А. 124
Константин Николаевич, вел. кн. 42, 122, 123, 125, 129, 140, 141, 153, 168, 226, 227
Конолли А. 16, 21, 37, 134
Константинов Т. 7
Корф М. 48
Коссович К. А. 175, 176
Кохендиль-хан 139, 143
Краевский А. 9
Краевский П. 9
Крачковская В. А. 91, 92, 158
Крачковский И. Ю. 170
Ксеркс 77
Кузнецова Н. А. 244
Куль Азиз-хан см. Азиз-хан
Купфер 127
Кучин Я. 8

Лаговский А. Е. 122, 123, 129—132, 136
Лавров П. Л. 198
Ламон 126
Ланский С. С. 153
Лаплас П. С. 34
Левицкий 192
Леклерк 171
Лелли К. Ф. 40, 112, 113, 119
Леман А. А. 19, 21, 22, 184, 214
Лемке М. К. 193
Лемм Б. Ф. 83, 134, 161
Ленц Р. Э. 127, 128, 135, 140, 149, 152, 153
Ленц Э. Х. 84, 126, 127, 215
Лерх П. И. 115, 179
Лессепс Ф. 230
Литке Ф. П. 42, 62, 63, 132, 134, 135, 152, 165, 166, 224
Ломоносов А. М. 225, 227
Лонгворс Дэмс 158
Лэн-Пуль Ст. 158

Магомед 174
Майнов В. Н. 225, 227
Македонский Александр 76, 228
Макнотон У. 138, 142
Максимович А. П. 64
Мальтус Т. Р. 35
Мансур-хан, гератский сановник 137
Мансур-хан, представитель Дост Мухаммед-хана 142
Маркс К. 98, 120
Марр С. М. 257
Марр Ю. Н. 180, 183
Марсель Ж. 172

Марцеллин Аммиан 171, 201
 Масуди 59, 84
 Махмуд Мирза 100
 Медем 40
 Мейендорф Е. К. 25, 26, 36
 Мейнар, Барбье де 199
 Меккиоллох 35
 Мелик-шах 110
 Мельгунов 160, 187, 188
 Мецкерские 9
 Миллутин В. А. 62, 78, 79
 Миллутин Д. А. 62, 85, 163, 168, 169, 185, 192, 202, 207
 Миллутин Н. А. 62, 63, 229
 Миллутин М. А. 229
 Минквиц 71
 Мирза Абдул Хасан-хан 40
 Мирза Ага-хан 106, 130, 137
 Мирза Ахмед-хан см. Султан Ахмед-хан
 Мирза Садык-хан 102
 Мирза Сеид-хан 149, 150
 Мирза Таги-хан 115
 Мирза Хашим 113
 Мирза Шамс 107
 Мирхонд 84
 Михайлова А. 8
 Мичи 185
 Мори 186
 Мориц А. Ф. 73
 Морьер (Морнер) Д. 77
 Муравьев А. Н. 57
 Муравьев М. Н. 62, 78, 83, 206
 Муравьев Н. Н. 95, 105
 Мурчисон Р. И. 37, 184, 185, 186
 Мухаммед, пророк 45
 Мухаммед Акбар-хан 138
 Мухаммед Аяз-хан 137
 Мухаммед Омиди 46
 Мухаммед-хан Шейбани 107
 Мухаммед-шах 40
 Мухаммед Реза-мирза 74, 140
 Мушкетов И. В. 26
 Мэррей Ч. О. 113
 Набоков И. А. 59, 61
 Навои 174
 Нагудар 199
 Надеждин Н. И. 62
 Надир-хан 33
 Наквасский 196
 Наполеон Бонапарт 172
 Наполсон, принц 197
 Наршахи 106, 107, 252
 Насрулла 19, 21—23, 27, 174
 Наср эд-дин-шах 96, 97, 130, 133, 149
 Настасья, княжна 7
 Неводим К. А. 62
 Негоднов И. 127, 128
 Негри А. Ф. 25

Нессельроде К. В. 11, 12, 16, 19, 21, 24, 29—32, 39, 44, 99, 121, 143, 148
 Низам Ибни Хуссейн Савен 46
 Низами Гянджеви 179
 Никифоров П. 18, 20
 Николай А. П. 64
 Николай I 14, 16, 28, 38, 39, 48, 93, 95, 96, 98, 99, 105, 121, 139, 140, 145
 Нур эд-Дин 199
 Обручев В. А. 29, 30, 32
 Огарев Н. П. 192—194, 205
 Озерский А. Д. 62
 Окленд 142
 Олсари А. 84
 Олег Рязанский 7
 Омер-паша 109
 Омманей 218
 Орлов А. Ф. 48, 59, 112, 113, 119, 225
 Орлов Н. А. 236
 Осман 172
 Оссон, Мураджд де 81
 Остен-Сакен Ф. Р. 222, 223
 Павлов-Сильванский Н. Н. 229
 Павсаний 171
 Палладий о. см. Кафаров П. П.
 Паллас П. С. 84
 Панаев И. И. 9
 Панин В. Н. 48, 53, 54, 105
 Паррот И.-Ф. 65, 68, 126
 Перовский В. А. 14, 16—22, 29—32, 44, 60, 239
 Перовский Л. А. 48, 53, 54
 Петр I 25, 72, 145, 146
 Петров, зауряд-хорунжий, член пос-ва К. Ф. Бутенева 19
 Петров, топограф пос-ва К. Ф. Бутенева 19
 Петров, топограф экспедиции в Хорасан 127, 128, 140, 149
 Петрушевский И. П. 170
 Пиндар 180
 Пистор 126
 Плетнев П. А. 216
 Плетнева А. В. 232
 Поло Марко 199
 Полонский Я. П. 82, 83, 191, 220, 228, 232
 Порошин В. С. 62, 196
 Потье Ш. 199
 Приск 84
 Птолемей 201
 Публий Сервиола 227
 Пугачев Е. И. 14
 Пушкин А. С. 14, 216
 Рагозин 194
 Разин Степан 188
 Рамазан 21

Ранджит Сингх 213
 Рассам Н. 103
 Рахимдад-Султан 144
 Рашид ад-дин Фазлаллах ибн Абу-ль-Хайр Хамадани 80, 100, 174
 Рад Н. А. 94, 95, 103, 104, 106
 Реджеб Али 140
 Реза, имам 134, 162
 Рейбо Л. 254
 Рейно Ж.-Т. 158, 160, 171, 180, 199
 Рейтерн М. Х. 179, 226
 Ренан Э. 177, 235, 261
 Рзакулизаде С. Д. 179, 182
 Ристори П. О. 127—129, 149
 Риттер К. 201, 210—213, 215—223, 228, 234
 Роджерс 185
 Рокасовский 31
 Ролинсон см. Роулинсон
 Романов Николай Константинович, вел. кн. 230, 231
 Роско 185
 Роулинсон (Роулинсон) Г. К. 77, 86, 115, 150, 151, 184, 185, 224
 Рупрехт 127
 Руставели Шота 179
 Рустичано 199
 Саади 180
 Сабин 186
 Савельев П. С. 70, 71, 90
 Салахмир 7
 Салтыков-Щедрин М. Е. 228
 Самарин Ю. Ф. 192, 209
 Санковский А. С. 73, 96—98
 Сардар Али-хан (Али Хан) 132
 Сардар Мухаммед Акрам-хан 137
 Сатуянец С. 103
 Сафонов С. В. 49, 52
 Сеид Абдулла Кабули 140
 Сеид Мухаммед Рахим-хан 14
 Сеидов Мукимбек Мухаммед 19
 Сеймур Г. Д. 65
 Сельджукиды 90, 114
 Семенов В. Н. 64
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 40, 61—63, 68, 149, 159, 166, 211, 223—227
 Сенковский О. И. 11
 Сен-Мартен, Луи Вивьен де 163
 Сент-Джон, Оливер Б. 164
 Сеньявин Л. Г. 20, 30—32, 39, 40, 61, 104, 116
 Середа 31
 Сефевиды 58, 70, 213
 Сефиэддин 80
 Симонич И. О. 139
 Скарятин В. Д. 189
 Случевский К. К. 189
 Смирнов Н. А. 55
 Смит 35

Соллогуб В. А. 64, 73, 89, 90, 228
 Соловьев Д. Н. 9
 Спасский-Автономов К. Ф. 65, 74, 160
 Спешнев Н. А. 61
 Спигель (Шпигель) Ф. 221, 234
 Срезневский И. И. 62
 Станкевич Н. В. 59
 Стасюлевич М. М. 216, 229, 231, 234, 236
 Степанова А. И. 244
 Стивенс 132
 Стивенсон 103
 Стодарт Ч. 16, 21
 Страбон 84, 171, 201
 Струве В. Я. 61
 Султан Ахмед-хан (Султан Джан) 130, 131, 136, 137, 139, 140, 144
 Сун, династия 213
 Сухарева О. А. 26
 Тамерлан 29, 33, 59, 171, 184, 208, 214, 221
 Тахир-бек 139, 141, 142
 Тейлор Р. 130, 131, 140
 Тексье 57
 Термиди 174
 Тимашев А. Е. 209, 259
 Тимур (Тимурленг) см. Тамерлан
 Тимуриды 158
 Типу Султан 213
 Тодд, Эллотт д'Арси 16
 Толстой Д. А. 203—206, 217, 218, 229, 230
 Толстой И. 116
 Толстой Л. Н. 232
 Толстой Я. Н. 167, 256
 Трепов Ф. Ф. 209
 Трубецкой А. В. 196
 Тургенев А. Н. 237
 Тургенев И. С. 3, 159, 188—191, 193—195, 206, 208—210, 220, 221, 228, 229, 231, 232, 236, 237, 242
 Тургенев Н. И. 38, 159, 196, 231
 Тургенева К. Н. 231
 Тургенева Ф. Н. 232, 237
 Тучкова-Огарева Н. А. 195
 Уваров С. С. 167
 Умалец А. А. 64
 Услар П. К. 64, 96, 97
 Уста Мехтий 113
 Фазлаллах ибн Абу-ль-Хайр Хамадани Рашид ад-дин см. Рашид ад-дин Фазлаллах ибн Абу-ль-Хайр Хамадани
 Фай 73
 Федченко А. П. 218, 228
 Федченко О. А. 218
 Фино 150

Фирдоуси Абулькасим 181
Фируз-мирза 102, 112
Флобер Г. 188, 232
Франки 197
Фрауэнгофер 126
Фрезер Д. Б. 134
Френ Х. Д. 59, 87, 100, 160
Фурье Ш. 60

Хаджи Зейн эль-Абеддин см. Зейн
эль-Абеддин Искандероглы Шир-
вани

Хаджи-мирза Агаси 40
Хаджи-мирза Мухаммед-хан 102
Хаджи-мирза Садык-хан 106
Хаджи Мурат 57
Хакани (Хагали), Афзал ад-дин Иб-
рахим Хакани Ширвани 117, 168,
174, 179—183, 191, 199

Хамза Мирза 98
Ханыков А. В. 8, 60, 105, 146, 158,
191

Ханыков В. Я. 7—10

Ханыков В. Я. 7

Ханыков Н. Я. 7

Ханыков Я. В. 8—10, 14, 29, 30, 32,
36, 37, 42, 60, 62, 63, 78, 158, 232,
238

Ханыков Я. Н. 7, 8

Харитонов А. А. 88, 89

Харири 182

Хафиз 180

Хафиз Албахи 107

Хелл, Оммер де 84

Хильми-Эффенди 109

Хованский 8

Ходзько О. И. (И. И.) 64, 65, 67, 68,
73, 78, 89

Хондемир 174

Хулагиды 70, 76, 81

Хулату-хан 76, 100, 199

Хуссейн Али 121

Хуссейн Сефевид 115

Хуссейн-хан 66

Цамбаур Е. 158

Чайкин К. И. 180, 183

Чалпанов 19

Чан Чунь 213

Чарлотта 85, 86

Чарторижский А. 197

Чачиев Р. 127, 128

Чебышев Н. 9

Чернышев А. И. 11, 12, 16, 29—31,
48, 54, 103, 105

Чернышевский Н. Г. 60

Черняев М. Г. 207

Чингисхан 33, 76, 213

Чихачев П. А. 14

Чубан 80

Шакья-Муни 80

Шамиль 57

Шекспир Р. 16

Шер Али-хан 143

Шир Ахмед-хан 137

Шифнер А. А. 219

Шмидт 128

Штейнхель 126

Шувалов П. А. 209

Шуджа уль-Мульк 16, 143

Щербань Н. В. 189, 190

Эверсман Э. 25, 26, 36

Эйлер Л. 34

Эмири Пазвари 188

Энгельгардт Н. А. 73

Энгельс Ф. 114

Эрбело, де 87, 179

Юль Г. 218

Языков Д. И. 8

Яковлев 19

Якут (Гякут, Йакут) 84

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австрия 99

Азербайджан 50, 54, 56, 70, 71, 75,
80, 87, 149, 160, 170, 218

Азербайджан Персидский, Южный
40, 76, 83, 97, 100, 103, 108, 109, 111,
112, 117, 160

Азия, Азиатский континент 5, 6, 13,
14, 18, 25, 33, 38, 73, 93, 115, 120,
124, 125, 131, 143, 155—157, 161,
175, 186, 200, 201, 207, 211, 212, 215,
219, 221, 235, 240

Азия Восточная 171

Азия Средняя 13, 14, 16, 18, 20, 22,
25, 26, 31—33, 38, 100, 114, 117, 122,
141, 147, 148, 151, 173, 207, 208, 214,
215, 218, 219, 230, 234, 236

Азия Центральная 26, 122

Азы Нижние, дер. 75

Ак-Булак (Чушка-куль) 17

Александрополь 65

Алжир 45, 156

Альвенд 77

Америка, Америка Северная, Соеди-
ненные Штаты 5, 110, 120, 160, 193,
224

Амударья 29, 33, 114, 218, 234

Анардара 146

Англия 8, 14, 25, 37, 38, 45, 93, 95,
106, 109, 112—114, 117, 120—122,
125, 130, 131, 136, 138—140, 142,
151, 156, 157, 164, 184, 185, 207, 208,
217, 218, 224

Ани 56, 57, 59, 70, 71, 75, 81

Анийское государство 56, 57

Антверпен 215, 217, 218, 223

Апперонский п-в 70

Аравия, Аравийский п-в 46, 183

Аракс 80, 97

Аракская долина 67

Аральское море 37

Арал (Агрыдаг, Масис) 65—68, 240

Армения 56, 69, 71, 80

Арран 87

Артакоана 228

Архальк 65, 68

Астара р. 42

Астрабад 129, 130, 133, 149, 188

Астрабадский зал 129

Астрабадский округ 133

Астрахань 149

Астраханская губ. 24

Афганистан 13, 16, 23, 38, 101, 114,
115, 117, 120—123, 125, 131, 138—
140, 142, 143, 148, 151, 158, 164, 179,
205, 211

Африка 147, 156, 157

Багдад 77

Бадахшан 199

Баден-Баден 193, 197, 206

Баку 59, 65, 79, 83, 129, 160

Балтика 8

Барда 59, 70, 72

Бат 184, 185

Батум 94

Белоруссия 206

Белуджистан 150, 199

Бельгия 120, 203

Бердаа см. Барда

Берди 75

Берлин 25, 156, 170, 197, 220

Бессарабия 110

Бестам 133

Бехистун 150, 184

Билякан 75

Бирдженд 140

Бонн 187

Бристоль 184

Британская империя, Великобрита-
ния см. Англия

Брюссель 156, 187

Буживаль 237

Бузовна, дер. 85

Бухара 14, 19, 20—23, 25—28, 30, 31,
33, 34, 37, 46, 88, 106, 107, 122, 133,
138, 143, 147, 184, 207, 214, 235, 239

Бухарское ханство 18, 20, 22—27,
29—31, 33, 107, 120, 148, 207, 231,
238

Бухоро-и Шериф см. Бухара

Вананд 170

Вагаршагад 75

Везувий 241

Веймар 195

Вена 194

Венеция 56
Владикавказ 65
Волга 84, 185

Газни 121
Гвинея 156
Гелати 59
Геокчай 57
Георгиевское с. 8
Герат (Херат) 16, 23, 113, 114, 117, 123, 127, 130, 131, 134—142, 144, 146, 147, 149, 150, 152, 158, 160, 207, 235
Германия 36, 156, 160, 217
Герус 108
Гёттинген 187
Гештасиф 80
Гилян 57, 75, 107, 160, 188
Гиндукуш 33, 199
Гокча см. Севан
Гота 156
Грузия 43, 48, 56, 69, 129
Гугерчинькале 76
Гуриан 135, 137, 140
Гянджа 160, 180

Дагестан 38, 46, 47, 70, 73, 94, 160
Дагестан Южный 58, 59, 70
Дагомей 185
Даливал Бахавалпурский 199
Дамган 130
Демавенд 85, 86, 128, 149
Дербенд (Дербент) 58, 65, 72, 78, 79, 87
Деште-Лут (Лют) 146, 162
Деште Пейхамбарлу 58
Джавалан 76
Джагир 134
Джувайн (Джувейн) 144, 146
Джультфа 75
Дильмакан 100
Дон 185

Европа, Европейский континент 5, 36, 37, 58, 73, 75, 80, 95, 110, 111, 120, 158, 159, 161, 178, 183, 187, 199, 201, 205, 214, 215, 230, 234, 235, 243
Египет 160, 172
Екатеринбург 230
Елизаветполь 52, 79

Женева 197

Закавказье, Закавказский край 18, 38—40, 44, 48—54, 66, 68, 70, 73—75, 78, 92, 103—105, 160, 170, 173, 234
Зеравшан 22
Зергенде 149

Инд р. 114, 199
Индийский океан 115, 156, 218
Индия 25, 38, 56, 80, 115, 117, 120, 122, 125, 136, 138, 142, 144, 145, 148, 150, 156, 164, 171, 178, 185, 207
Индия Северная 14
Индокитай 156, 218
Иран см. Персия
Испания 191
Исфахан (Исфагань) 115, 144
Италия 155

Иезд 136, 144, 150, 164
Иена 25

Кабала 75
Кабарда Большая 90
Кабул 16, 121, 122, 125, 126, 130, 131, 138—140, 142, 147, 207
Кабушан см. Кучан
Кавказ 18, 33, 38—40, 43—47, 49, 51, 53, 55, 57, 59, 61, 63—65, 68, 69, 74, 78, 79, 83, 85, 88—94, 98, 99, 103, 104, 112, 113, 155, 160, 163, 168, 170, 171, 173, 183, 215, 230, 236, 240
Кавказская губ. 24
Кавказский хр. 62, 90
Кадам-гах 134
Казахстан 13, 16, 33—35, 37
Казикумух 58
Казин 136, 228
Каир 172
Калифорния 114
Калужская губ. 8, 134
Калькутта 230
Кандагар 16, 101, 114, 121, 127, 130, 139, 143, 148
Карабаг 68
Карабах 58, 59, 72, 110
Каракумы 231
Карлсруэ 208
Карс 98, 99, 109, 111
Карши 21
Каспийское м. 55, 72, 73, 80, 83, 84, 91, 114, 129, 185, 187, 234, 240
Кафиристан 212, 213
Кашгар 120, 122
Кашгарские горы 33
Кашмир 171
Келати-Насири 150
Кербела 187
Керман (Кирман) 128, 144, 147, 150
Киев 196, 197
Китай 13, 80, 156, 171, 211, 213
Коджоры 88, 89
Коканд (Хоканд) 22
Кокандское ханство 22, 100, 148
Константинополь см. Стамбул
Котурский округ 93
Крым 39, 109

Куба 72
Кубинский уезд 70
Кувандарья 20
Кура 43
Курдистан 75, 76, 79, 212
Курдистан Персидский 212
Курдистан Турецкий 111
Курдистан Южный 76
Курмуши 74
Кутанс 65, 150
Кухемши 134
Кучан 134

Лакор 114, 115
Лахиджан 76
Лаш 144, 146
Лейпциг 156
Ленкорань 65, 78, 79, 160
Лиссабон 230, 241
Литва 206
Лихвинский уезд 8
Лондон 16, 21, 30, 32, 33, 37, 113, 120, 121, 142, 143, 151, 173, 185, 186, 191, 195, 197, 217, 218, 242

Мазендеран 127, 133, 160, 188
Мазендеранские горы 86
Макинский ледник 68
Маку 106
Маньчжурия 211
Маранд 75
Мезинан 133, 134
Мекка 180
Мекран 164, 199
Мераге (Марага) 150
Мерв 154
Мертвое море 241
Мешед 23, 133, 134, 136, 154, 160, 162, 168
Мидия 75
Мил 58
Митава 84
Монблан 67
Монголия 211, 213
Москва 39, 108, 129, 195, 211
Мосул 103
Мугань 59
Мусаллах 77

Нахичеванская АССР 170
Нахичевань 58, 59, 75, 86
Небендан 144
Неджеф 187
Нех 146
Нехавенд 77, 79, 110
Нил 80, 160
Ницца 193
Нишапур 134
Новороссийский край 39

Нука 21
Нуха 52, 79

Общий Сырт 33
Одесса 39
Оксус см. Амударья
Ордурад 71
Оренбург 13, 14, 17, 18—20, 23, 24, 29, 31—33, 38, 39, 44, 55, 119, 230, 231
Оренбургская губ., Оренбургский край 14, 16, 30
Орская крепость 60
Османская империя 38, 97, 99, 103, 106, 108, 109, 121
Ост-Индия см. Индия

Панамский перешеек 218
Париж 3, 25, 30, 32, 33, 89, 92, 117, 154—157, 159—161, 165—167, 169, 170, 173, 176, 179, 187, 190—195, 197, 200, 202, 203, 206, 207, 215, 218, 219, 223—228, 231, 235—237, 242
Паропамиз 33
Пекин 213
Пенджаб 213
Персидский зал. 114
Персия 3, 13, 26, 38, 40, 50, 56, 69, 71, 74, 75, 80, 85, 89, 93—96, 98, 99, 101—103, 106, 111, 113—118, 120, 121, 123, 124, 131, 132, 138—141, 148—154, 158, 161, 162, 164, 165, 168, 173, 178, 179, 185, 200, 201, 205, 207, 212, 214—218, 220—223, 228, 234, 235, 237
Персия Восточная 128, 161, 164
Персия Северная 54, 111, 112, 163
Персия Центральная 163
Петербург 8, 16, 18—20, 23, 24, 30, 31, 33, 36, 38—40, 53, 55, 56, 61—63, 70, 80, 83, 84, 87, 89, 93—96, 102, 106, 111, 112, 114, 116, 121—123, 125, 136—138, 143, 145, 151, 157, 159, 161, 165, 167, 172, 173, 184, 189, 191, 196, 197, 202, 206—209, 214, 215, 219, 221, 223, 224, 231
Пешавар 121, 139, 143
Пишаур см. Пешавар
Полинезия 218
Пули Абришом 133
Пятигорск 65

Рамбуе (Рамбулье) 3, 231, 232, 234, 236
Редут-Кале 65
Риджа 58, 59
Рим 32
Римская империя 171
Россия, Российская империя 3, 5, 8, 13, 14, 16, 19—25, 28, 36, 38, 40, 43,

44—46, 48, 56, 61, 65, 74, 80, 81, 84, 85, 87, 88, 93—99, 102, 105, 106, 108, 109, 112, 116, 117, 119, 120—125, 129—131, 137, 139—142, 144, 146, 148, 151, 153, 154—159, 163, 164, 167, 168, 172, 176, 178, 185, 189, 191—198, 201, 203, 205—212, 214, 218, 219, 223—230, 236, 238, 239, 242, 243

Рязань 7

Савалан 68
Салмаз 100
Сальяны (Сальян) 79
Самарканд 21, 27, 29—31, 184, 207, 208, 214, 235, 241
Самурский округ 70
Санкт-Петербург см. Петербург
Саратовская губ. 24
Сардар-Булак 66
Сари 149
Себзевар 134, 146
Севан 151
Севастополь 111
Сегумбяд 76
Седан 217
Сеистан см. Свистан
Семнан 130
Сена 225
Сенегал 156
Сенне 76
Серитшах 147
Сибирь 30, 61, 114, 144, 185
Сиркане 77
Сиستان 132, 136, 146—148, 150, 152, 164, 221
Ситха 84
Соединенные Штаты см. Америка
Соуджбулак 76, 102, 106, 108, 111
Средиземное м. 150, 210
Стамбул 97, 103, 120
Сулдуз 76
Султанийе 82, 149
Сурамский пер. 73
Суэцкий канал 230
Сырдарья 20, 33, 36, 114
Сяригах см. Серитшах

Табаристан 188
Тавриз 207
Таймур (Таймыр) 42
Талыш, Талышские горы 75
Тангидарья 36, 37
Тауроген 156
Ташкент 25, 207
Ташкентский оазис 25
Таш-Килисе 66, 67
Тебес 136, 140
Тебриз (Тавриз) 23, 40, 50, 74, 75, 79, 83, 96, 97, 98, 100—106, 108—114,

116, 117—119, 149, 150, 179, 187, 204, 206, 239
Тегеран 40, 74, 86, 97, 98, 101, 102, 106, 111, 113, 116, 117, 119, 122, 123, 128—133, 136, 138—140, 142, 144, 147—150, 154
Тифлис 23, 38—40, 42—44, 48, 50, 55, 57, 58, 61, 63, 68, 69, 70, 72, 75, 78—81, 87—89, 91—93, 95, 96, 98, 103, 104, 106, 109, 119, 126, 129, 150—152
Торбете-Хейдарие 134
Торбете-Шейх-Джам 135
Требизонд (Трапезунд)
Тульская губ. 8
Тун 140
Туран 30, 31, 33, 214
Туркестан, Туркестанский край 114, 214, 230
Турмуш 134
Гурция 93, 95—99, 103, 106, 108, 120, 150

Уайт о-в 184
Украина 12
Урал, р. 33
Урмия 76, 79, 106
Урмия (Резайе), оз. 76
Устюрт 17
Ушну (Ошнуе) 76, 115, 211

Ференгистан 80
Франция 3, 6, 8, 45, 58, 93, 112, 120, 150, 156, 157, 160, 167, 169, 173, 176, 187, 198, 203, 214, 217—219, 225, 227, 232, 235—237, 242

Хабис 147
Хаджиан 76
Хамадан 76, 77, 114
Харипур Кашмирский 199
Хаф 140
Херсонская губ. 69
Хива г. 14, 16, 18, 32, 122, 133, 207, 219
Хивинское ханство 16—18, 20, 32, 120, 148, 219, 225
Хой 98, 100, 106
Хорасан 89, 123—125, 128, 133—135, 141, 146, 147, 150, 152, 154, 158, 159, 164—166, 191, 215, 234, 239, 241
Хосроутирд 134

Черепеть р. 8
Черное море 91
Чечня 38
Чечня Малая 90
Чирах-Кале 72

Шахруд 130, 132, 133
Шеки 160

Шемаха 52, 65, 73, 79, 115, 160
Шемран 149
Шираз 113, 130
Ширазский округ 74
Ширван 80
Шуша 52, 65, 79

Экбатана 218
Эльбрус 65

Эмбенское укрепление 17
Энзели 160
Эрзерум 111
Эриванская губ. 103
Эривань 65, 78, 151

Яксарт см. Сырдарья

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Первые двадцать лет жизни. Петербург, 1819—1838	7
Глава II. Оренбург, Казахстан, Бухара, 1839—1842	13
Глава III. Петербург, 1842—1845	24
Глава IV. Тифлис, 1845—1853	38
Глава V. Тебриз, 1853—1857	93
Глава VI. Хорасан, 1858—1859	119
Глава VII. Париж, 1860—1878	155
Вместо заключения	238
Примечания	245
Список работ Н. В. Ханыкова	263
Указатель имен	267
Указатель географических названий	273

Нафтула Аронович Халфин
Екатерина Федоровна Рассадина

Н. В. ХАНЫКОВ
востоковед
и дипломат

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

**
Редактор А. М. Козлова
Младший редактор Л. А. Добродеева
Художник Э. Л. Эрман
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор Л. И. Письман*

**
Сдано в набор 4/II 1977 г.
Подписано к печати 27/VI 1977 г. А-02892
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 17,5
Уч.-изд. л. 19,75. Тираж 10000 экз.
Изд. № 4080. Зак. № 57. Цена 1 р. 20 к.*

**
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28*

